

ISSN 1998-0817



ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2017



ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 7 Том 23

2 0 1 7 Volume 23

№ 2
Апрель – Июнь

№ 2
April – June

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Черных А.И.**
Понятия «boni» и «amicitia» как категории элитарности внутри галло-римской аристократии V века н. э.
- 12 **Кабатов С.А., Курочкина С.А.**
Рыболовный инвентарь сельского населения Костромского Поволжья (по материалам археологических исследований селища Вёжи)
- 19 **Кочергина М.В., Дзюбан В.В.**
Духовные контакты и связи старообрядцев Черниговской и Могилевской губерний России со своими сторонниками по вере в Буковине, Молдавии и Румынии
- 24 **Кочергина М.В.**
Памятники медной художественной пластики из старообрядческих духовных центров Стародубья и Ветки:
вопросы атрибуции и особенности бытования в старообрядческой среде
- 29 **Архипов С.В.**
Земельный вопрос в колонизационной политике России в XIX веке: организационно-правовое обеспечение
- 35 **Меншиков И.С., Максимов В.А.**
Социальные девиации в русской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века (по материалам волостных судов)
- 39 **Танасов И.Д.**

ПРОИЗВЕДЕНА РЕТРАКЦИЯ СТАТЬИ –

10.11.2021
взаимного кредита в обществе

- 43 **Карпов А.В.**
Социальная сфера послевоенного провинциального города (на примере Череповца)
- 47 **Данюк Н.С.**
«Цветные революции»
как внешнеполитический инструмент США для обеспечения глобального доминирования в контексте формирования нового миропорядка
- 52 **Горлова Н.И.**
Развитие олимпийского движения волонтеров в России: историография вопроса

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 56 **Анашкин А.В.**
Эпистолярные «следы» в византийских церковных канонико-правовых эротапокризах XII в.
(на материале канонических ответов митрополита Никиты Ираклийского)
- 60 **Голубков А.В.**
Рядом с Мольером: французские «смешные прециозницы» в 1650–1660-е гг.
- 65 **Лищенко Н.Ф.**
Дореволюционные региональные материалы о народных праздниках (на примере публикаций о Святках в Псковской губернии)
- 69 **Басенко А.С.**
«Вот моя любимая пьеса...»: премьерные постановки «Параши Сибирячки» Н.А. Полевого на сцене и в критике
- 74 **Лебедев Ю.В.**
У истоков драматургии А.Н. Островского

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **A.I. Chernykh**
Concepts «boni» and «amicitia» as categories of elitism within Gallo-Roman aristocracy of the 5th century A.D.
- 12 **S.A. Kabatov, S.A. Kurochkina**
Kostroma Volga region rural population's fishing equipment (on Vyozhni remainings' archaeological research materials)
- 19 **M.V. Kochergina, V.V. Dzyuban**
Spiritual relationships with believers of Chernigov and Mogilev governorates of the Russian Empire with their coreligionists in Bukovina, Moldova and Romania
- 24 **M.V. Kochergina**
Copper plastic art monuments from Starodub and Vetka surroundings Old Believers' spiritual centres: issues of attribution and peculiarities of being current among the Old Believers
- 29 **S.V. Arhipov**
The issue of the land colonisation policy of Russia in the 19th century: organisational and legal support
- 35 **I.S. Menshchikov, V.A. Maksimov**
Social deviations in a Russian peasant family in the second half of the 19th — the early 20th century (materials of local courts)
- 39 **I.D. Tanasov**
Social composition of Penza Mutual Loan Association in the years of new economical policy
- 43 **A.V. Karpov**
Social sphere of a post-war provincial town (in terms of Cherepovets)
- 47 **N.S. Danyuk**
«Colour revolutions»
as a tool of the U.S. foreign policy for ensuring global dominance in the context of the emerging new world order
- 52 **N.I. Gorlova**
Olympic movement volunteers in Russia: historiography issue

SCIENCE OF LITERATURE

- 56 **A.V. Anashkin**
Epistolary trace in Byzantine church canonical erotapokriseis of XIIth century (on the material of canonical erotapokriseis by Niketas, metropolitan of Herakleia)
- 60 **A.V. Golubkov**
Beside Molière: the French «Ridiculous Précieuses» in the 1650s – 1660s
- 65 **N.F. Lishchenko**
Prerevolutionary regional materials on folkish holidays (in terms of publications on Yuletide in Pskov governorate)
- 69 **A.I. Basenko**
«That's my favourite play...»: the premiere of the play «Parasha Sibiryachka» written by Nikolai Polevoi on the theatre stage and in the literary criticism
- 74 **Yu.V. Lebedev**
At the cradle of Alexander Ostrovsky's drama

- 79 Коптелова Н.Г.**
Рецензия Д.В. Философова
на мхатовскую постановку «Дяди Вани»
А.П. Чехова (1901) в контексте духовных
и эстетических исканий русских символистов
- 84 Ушакова О.Н.**
Концепция музыки в поэтическом сборнике
Г.В. Иванова «Отплытие на остров Цитеру»
в свете традиции русской классической поэзии
- 89 Ращевская Е.П.**
Публицистический стиль Даниила Андреева
и традиции художественного синтеза
Серебряного века
- 94 Морозов А.С.**
Повествовательные особенности ранних
произведений А. Битова (на материале сборника
рассказов «Аптекарьский остров»
и романа «Он – это я»)
- 98 Муратова Я.Ю.**
Миф в произведении А.С. Байетт «Рагнарёк.
Конец богов»: специфика нарратива
- 103 Пешков И.В.**
Зарождение категории авторства и casus Шекспира.
К постановке проблемы
- 108 Копцов А.Н.**
«Рабочая» тема в ранней прозе
А.С. Серафимовича
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 114 Князева Е.Г.**
Лингвокогнитивные механизмы речевого акта
- 116 Звягинцева А.В.**
Концептосфера текста и уровни ее реализации
- 121 Одинцова И.В.**
К проблеме соотношения понятий «текст»
и «дискурс» в лингвистике и лингводидактике
- 126 Евтушенко О.А.**
Специфика кооперативной
коммуникативной стратегии
в административном дискурсе
- 130 Крюкова К.С.**
Функционирование трансформированных
поговорок в интернет-пространстве:
жанровый аспект
- 133 Ростов О.Р., Тамаев П.М.**
Слово живое как выражение
народного самосознания в наблюдениях
и в трактатке В.И. Даля: ключевые понятия
патриотизма и организации русской жизни
- 137 Васильева Ю.А.**
Эргонимикон города Астрахани:
лексико-семантическая
и словообразовательная характеристики
- 142 Гвоздева Е.В., Журавлева Н.С.**
Изучение художественных произведений,
содержащих диалектную лексику,
на занятиях по русскому языку как иностранному
- 147 Журавлева Н.Н., Красильщик Е.А.,
Попутникова Л.А.**
Грамматические трансформации при переводе
с германских языков на русский (на примере
веб-текстов инженерной направленности)
- 153 Чернышев А.Б.**
Модель датива во фразеологизмах
французского языка

- 79 N.G. Koptelova**
Dmitry Filosofov's review of Moscow Art Theatre
staging «Uncle Vanya» by Anton Chekhov (1901)
in the context of spiritual and aesthetic searches
of the Russian symbolists
- 84 O.N. Ushakova**
Music concept in collection of poetry «Embarcation
for Cythera» by Georgy Ivanov in the lights
of Russian classic poetry tradition
- 89 Ye.P. Rashchevskaya**
Daniil Andreyev's journalistic style
and the traditions of the Russian Silver Age
artistic synthesis
- 94 A.S. Morozov**
The narrative features of the early works
by Andrei Bitov (collection of short stories
«Pharmaceutical Island»
and the novel «He Is Me»)
- 98 Ya.Yu. Muratova**
The myth in the story «Ragnarok. The end
of the Gods» by A. S. Byatt: the narrative specifics
- 103 I.V. Peshkov**
The origin of category of authorship
and casus of Shakespeare
- 108 A.N. Koptsov**
The «working» theme in the early prose
of Alexander Serafimovich
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 114 Ye.G. Knyazeva**
Cognitive linguistic mechanisms of a speech act
- 116 A.V. Zvyagintseva**
Conceptual sphere of the text and levels of its realisation
- 121 I.V. Odintsova**
On the problem of correlation of the notions «text»
and «discourse» in linguistics and linguodidactics
- 126 O.A. Yevtushenko**
Specifics of cooperative
communicative strategy
in the administrative discourse
- 130 K.S. Kryukova**
Functioning of transformed proverbs
in the Internet space:
the genre aspect
- 133 O.R. Rostov, P.M. Tamayev**
Live word as a expression of the folkish identity
in observations and in the treatment
of Vladimir Dahl: key concepts of patriotism
and organisation of Russian life
- 137 Yu.A. Vasil'yeva**
Ergonymicon of the City of Astrakhan:
lexical-semantic
and word-formation characteristics
- 142 Ye.V. Gvozdeva, N.S. Zhuravlyova**
The study of literary texts containing
the dialect lexis in the class of Russian
as a foreign language
- 147 N.N. Zhuravlyova, Ye.A. Krasil'shchik,
L.A. Poputnikova**
Grammatical transformations in translation from
Germanic languages into Russian (on the examples of
mechanical engineering web texts)
- 153 A.B. Chernyshyov**
Dative model
in the French language set phrases

- 157 Азизова З.Т.**
Лингвокультура, символизирующие
особенности исламской культуры
в русском историческом романе
(на материале произведения В. Яна «Чингисхан»)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 161 Коваленко Т.С.**
Независимость судей:
камни преткновения и пути преодоления
- 166 Артюшина О.Н., Прохорова М.В.**
Отдельные вопросы
суррогатного материнства в России
- 170 Глазков В.А.**
Проблема народовластия в условиях
формирования государственности
Луганской Народной Республики
- 174 Левченко А.И.**
Коррупция как теневой регулятор общественных
отношений в государствах переходного типа
- 179 Смирнов С.В.**
Информационно-аналитическая деятельность
органов местного самоуправления:
политико-правовое исследование
- 184 Артюшина О.Н., Лёвин Е.И.**
Отдельные проблемы использования
местного референдума как формы народовластия
- 188 Широков Д.М., Широков А.М.**
К вопросу о предмете криминалистики
с позиций прокурорской деятельности
- 191 Провалинский Д.И.**
Гранты – пути развития:
отечественный и зарубежный опыт
- 195 Мамедова Н.А., Голубев В.В.**
Порядок приобретения статуса адвоката:
опыт Российской Федерации и зарубежных стран
- 199 Цыпленков Е.А.**
Проблема понимания юридического и процессуально-
ного факта в рамках отечественного правосудия:
проблемные аспекты и перспективы
- 201 Цыпленков Е.А., Шиндяпин А.В.**
Юридические факты:
актуальные аспекты содержания и толкования

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 204 Арутюнян А.Г., Петикян С.Г.**
Аксиологические особенности
Конституции Нагорно-Карабахской Республики
(Республики Арцах) и проблемы дальнейшего
развития конституционализма

207 SUMMARY

219 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

- 157 Z.T. Azizova**
Linguoculture, symbolising
the peculiarities of Islamic culture
in the Russian historical novel
(based on the works of Vasily Yan «Genghis Khan»)

JURAL SCIENCES

- 161 T.S. Kovalenko**
Judicial independence:
stumbling blocks and ways to overcome them
- 166 O.N. Artyushina, M.V. Prokhorova**
Certain surrogacy issues
in Russia
- 170 V.A. Glazkov**
The problem of democracy in the conditions
of formation of the statehood of the so-called
Lugansk People's Republic
- 174 A.I. Levchenko**
Corruption as a shade regulator of social relations
in transition-type states
- 179 S.V. Smirnov**
Information and analytical activities
of local government:
political and legal research
- 184 O.N. Artyushina, Ye.I. Lyovin**
Certain issues of using a local referendum
as a sovereignty-of-the-people form
- 188 D.M. Shirokov, A.M. Shirokov**
On the subject of criminalistics from
the standpoint of prosecutorial activity
- 191 D.I. Provalinskiy**
Grants – development pathways:
Russian and foreign experience
- 195 N.A. Atesheva, V.V. Golubev**
The procedure of acquiring lawyer's status:
experience of Russia and foreign countries
- 199 Ye.A. Tsyplyonkov**
Issue of understanding a jural and a jurisdictional
fact within the framework of Russian judicial power:
problematic aspects and opportunity
- 201 Ye.A. Tsyplyonkov, A.V. Shindyapin**
Jural facts: their content's
and interpretation's topical aspects

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 204 A.G. Arutyunyan, S.G. Petikyan**
Axiological peculiarities of the Constitution of
the Nagorno-Karabakh Republic (the Republic of
Artsakh) and challenges of further constitutionalism
development

207 SUMMARY

219 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ПОНЯТИЯ «*BONI*» И «*AMICITIA*» КАК КАТЕГОРИИ ЭЛИТАРНОСТИ ВНУТРИ ГАЛЛО-РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИИ V ВЕКА Н. Э.

В данной статье анализируются понятия «boni» и «amicitia» в контексте представлений позднеримской региональной аристократии об элитарности. V век н. э. был периодом глобальных трансформаций, охвативших позднеантичное общество. Не последнюю роль в этом сыграли такие факторы, как Великое переселение народов и христианизация Римской империи. Однако в результате целого ряда политических событий власть западных римских императоров неуклонно слабела, что стало предпосылкой для центростремительных явлений внутри провинций Западной Римской империи. Ввиду этого существенно возрастает роль местных политических сил, которые начинают претендовать на роль лидеров своих региональных сообществ. Между тем социальная специфика позднеантичного общества привела к стиранию границ между старыми сословными группами и возникновению новых, чему способствовали и политико-административные реформы IV века н. э., и включение вождей варваров-федератов в римскую политическую систему. В данных условиях представители региональной знати неизбежно размышляли над вопросом о том, кто подлинно достоин занимать лидирующее положение в обществе и каким критериям для этого нужно соответствовать. Это позволяло выстраивать негласную иерархию не только внутри позднеантичного общества, но и внутри позднеантичной аристократии. Таким образом, речь шла о формировании политической элиты, которая брала на себя функции в равной степени как негласного лидера того или иного регионального сообщества, так и посредника между ним, политическим центром (номинально им оставался г. Равенна) и пришлыми варварами, заселявшимися на территории империи. Выявление сути представлений о позднеантичной элитарности позволит пролить свет на роль элит в истории.

Ключевые слова: *Западная Римская империя, Римская Галлия, галло-римская аристократия, христианская Церковь в Галлии, первые варварские королевства, вестготы, бургунды, политическая элита.*

Прежде всего следует отметить, что та ситуация, которая сложилась в области социально-политических отношений внутри Римской империи в период IV–V веков н. э., может быть охарактеризована как уникальная. Уникальность эта обусловлена динамикой протекавших процессов – как внешних по отношению к истории Римской империи, так и внутренних. Так, краткий этап стабильности при императорах Диоклетиане и Константине I сменился периодом многочисленных узурпаций. Немаловажным фактором для истории Римской империи, в особенности западной её части, являлся также прорыв в начале V века римских лимесов в Верхней и Нижней Германии. Это привело к тому, что через западные территории стали перемещаться многочисленные племена германцев. Неудивительно, что буквально через десятилетие на территории Западной Римской империи начнут складываться устойчивые центры поселений наиболее крупных племён варваров-переселенцев.

Кроме всего прочего, нельзя не отметить и такую немаловажную деталь: первой среди регионов Западной Римской империи, испытавшей на себе не только вторжение германских племён, но и ставшей местом, где первые варварские королевства сложились раньше остальных, была Римская Галлия. Важно подчеркнуть, что и до вторжения Галлия являлась одной из наиболее важных частей Западной Римской империи. Согласно позднеантичной *Notitia Dignitatum*, Галлия была центром огромной префектуры претория, куда входили также Бри-

тания, Испания и небольшой участок Северной Африки [10]. Поэтому можно с уверенностью говорить, что в период поздней Античности Римская Галлия имела весьма важное значение в ряду регионов Западной Римской империи. Уже в первые десятилетия V века н. э. начинают складываться два устойчивых центра германцев – Бургундское и Толосское королевства. Завершает же эту картину последующее вторжение франкских племён и возникновение уже не двух, а трех крупных королевств на территории Римской Галлии [7, с. 124].

Всё вышесказанное наглядно иллюстрирует ту непростую ситуацию, которая сложилась на территории Римской Галлии в V веке н. э. Благодаря этому возникает огромный простор для постановки исследовательских проблем. Среди всех прочих предлагается обратить внимание на одну из таких тем – проблему элиты в контексте глобального кризиса. В этих условиях неизбежно возникают центробежные тенденции; под влиянием тех или иных факторов в регионе галло-римское население консолидируется скорее между собой, нежели связывает себя с политическим центром. Однако, безусловно, нет оснований говорить, что в рамках данной консолидации роль лидера достаётся всем в равной мере; в любом историческом сообществе возникают более или менее дифференцированные группы, которые объединяет не только общность деятельности *de facto*, но и осознание этой общности [4, с. 98]. Речь идёт о политической элите, то есть о той социальной общности, которая основана на связях внутри себя, а также на общности

интересов, обладании рычагов влияния на общество и государство. Ввиду этого представляется перспективным изучение элит в контексте истории, особенно в периоды, являющиеся рубежными между эпохами.

Таким образом, возникает следующая проблематика: «галло-римская элита в условиях кризиса», однако она по-прежнему слишком широка и формата одной статьи недостаточно для её раскрытия. Вместо этого следует сконцентрировать внимание на одном из ключевых аспектов этой проблематики – аспекте восприятия политической элиты самой себя и своего положения. Выяснение того, что представляла собой элита, как она себя осознавала и какое место занимала в обществе, позволит пролить свет на логику её действий в истории. Таким образом, цель данной статьи следует обозначить следующим образом: выявить и проанализировать понятие элитарности в Римской Галлии в V веке н. э. Достижению же поставленной цели может послужить следующая исследовательская задача: какие категории в поздней Античности можно увязать с понятием «элита» и каковы критерии вхождения в данную социальную структуру.

Наиболее репрезентативным источником по данной тематике следует признать эпистолографическое и поэтическое наследие галло-римского епископа Гая Соллия Сидония Аполлинария (5 ноября ок. 430 г. – ок. 486 г. н. э.). Важность данного источника определяется биографией его автора. Сидоний являлся выходцем из знатной галло-римской семьи, ещё до епископства прославился поэтической деятельностью, был женат на дочери императора Авиты, Папианилле. После свержения Авиты Сидоний вернулся в Галлию, где сблизился с епископством христианской Церкви в Галлии и был поставлен епископом города Августонеметум (современный г. Клермон-Ферран во Франции). Находясь на епископском служении до конца жизни, Сидоний принимал активнейшее участие во внутриполитической жизни Римской Галлии, вплоть до открытого противостояния вестготскому королю Эвриху [7, с. 53]. Таким образом, Сидоний Аполлинарий являлся ярчайшим представителем галло-римской аристократии, и это даёт основания автору данной статьи считать его поэтическое и эпистолографическое наследие действительно важными для изучения выбранной проблематики.

Что же касается состояния историографии по исследуемому вопросу, то следует отметить, что в зарубежных исследованиях, особенно англо-американских, данная тематика занимает прочное место и является частью общих исследований по истории IV–V веков в рамках так называемой «концепции поздней Античности». Здесь уместнее всего было бы назвать работы Р.У. Матисена [8], Кл. Рапп [12] и П. Нортон [9]. Также нельзя не упомянуть, что письма и поэзия Сидония Аполлинария уже дав-

но являются хрестоматийным источником для изучения поздней Античности¹, и существует целый веб-сайт, посвящённый актуальным исследованиям личности и исторического наследия Сидония Аполлинария, возглавляемый научным сотрудником университета Амстердама Йопом ван Верденом. Что же касается отечественных исследований, то работы, посвящённые конкретно данной проблематике, отсутствуют. Во многом это связано с тем, что тематика изучения поздней Античности только начинает завоевывать своё место в историографии. Косвенно исследуемую проблематику затрагивают в своих трудах Н.В. Бойко [2] и Д.В. Буярова [3].

Переходя непосредственно к исследуемой проблеме, необходимо отметить, что ко времени Сидония Аполлинария в вопросах самоидентификации высших слоёв позднеантичного общества существовали определённого рода проблемы, связанные с социо-политическими трансформациями внутри Римской империи. Так, например, термин *senatores*, обычно обозначающий принадлежность к сословию сенаторов, уже мог использоваться не только непосредственно к члену римского Сената, но и просто к знатному человеку [8, р. 9]. Также, например, термин *nobiles* мог означать как всех знатных людей, так и определённые группы внутри сословия сенаторов и т. п. [8, р. 10]. Определённую путаницу вносили также и утверждаемые за каждым сословием титулы, которые в определённые периоды могли меняться или даже полностью исчезать. Реформы Диоклетиана и Константина I отчасти стабилизировали ситуацию посредством упомянутой *Notitia Dignitatum* и ряда императорских эдиктов [6, р. 35]. Сложившаяся система титулов (клариссим, перфектиссим, спектабиль и иллюстрий) не только свидетельствовала о знатности, но служила подспорьем для административной системы империи, соотносившей государственные посты с тем или иным титулом. Между тем нельзя не упомянуть о ситуации с варварами-федератами, растущей варваризацией и включением варварских вождей в правящие династии через систему политических браков [7, р. 67]. Всё это способствовало размыванию границ внутри высших слоёв империи. В данных условиях вопрос о самоидентификации политической элиты вставал перед представителями самой элиты весьма остро.

Важно отметить, что по отношению к некоторым своим адресатам Сидоний Аполлинарий часто употребляет эпитет «*boni*»; представляется, что в контексте данной работы наиболее адекватным переводом этого слова будет «честный человек».

Можно предположить, что именно эти категории могут выступать как своеобразные «маркёры», свидетельствующие о принадлежности человека именно к политической элите.

Каковы же были критерии принадлежности к данным категориям? Прежде всего, безуслов-

но, это вопрос происхождения. Сидоний, говоря о себе, подчёркивал, что его родственники занимали важные посты: «*cui pater socer, avus proavus praefecturis urbanis praetorianisque, magistris Palatinis militaribusque micuerunt*»³ [13, р. 4–5]. Или, например, перечисляя достоинства кандидата в епископы г. Битуриги (современный г. Бурж во Франции) Симплиция, Сидоний первым делом отмечает происхождение самого Симплиция: «*Inlustri in utraque conversatione prosapia aut episcopis floruit aut praefectis: ita semper huiusce maioribus aut humanum aut divinum dictare ius usui fuit*»⁴ [13, р. 67].

Нельзя не отметить такую важную характеристику, как экономическое благосостояние человека. Это прослеживается из письма Сидония своему правящему архиерею Пациенту, епископу города Лугдун (современный г. Лион во Франции), что тот: «*...nec tuus poterit ire pudor infitias... peculiari sumptu inopiae communi per desolatas Gallias...; vidimus per Araris et Rhodani ripas non unum, quod unus impleveras, horreum*»⁵ [13, р. 58], причём подчёркивается, что это были личные средства Пациента, а не христианской Церкви в Лугдуне. Говоря же в общем, как некий общий знаменатель, можно привести следующие слова Сидония Аполлинария: «*erant quidem in senatu plerique opibus culti genere sublimes, aetate graves consilio utiles, dignitate elati dignatione communes*»⁶ [13, р. 8]. Но всё это – достаточно общие критерии, присущие высшим слоям населения позднеантичного Рима, которые ещё не дают повода говорить об особой «элитарности».

Однако есть ещё одна любопытная сторона, касающаяся тех, к кому Сидоний Аполлинарий обращался, используя эпитет «*boni*». В своих письмах он подчёркивает важность умения «держаться» и подобающе себя вести. Так, описывая достоинства своего друга Менструания, Сидоний отмечает, что он: «*opportunos elegans, verecundus sobrius, parcus religiosus et his morum dotibus praeditus, ut, quotiens in boni cuiusque adscitur amicitias, non amplius consequatur beneficium ipse quam tributum*»⁷ [13, р. 15–16]. И самое главное в этой ситуации – «*boni quique bona quaeque iudicaverunt*»⁸ [13, р. 16]. Вот почему Сидоний почитает за счастье, чтобы человек «*bonorum amicitias indefessim expetas capias referas sequaturque te affectio*»⁹ [13, р. 22].

Важной чертой служит «доказательство от противного»; Сидоний Аполлинарий крайне негативно отзывался о викарии Септимании, Серонате¹⁰, который, по словам Сидония: «*epistulas, ne primis quidem apicibus sufficienti initiatus, publice a iactantia dictat, ab impudentia emendat*»¹¹ [13, р. 12]. Немаловажную роль здесь играет фактическое обвинение Сероната в государственной измене, так как тот действует «*leges Theodosianas calcans Theudorianasque proponens*»¹² [13, р. 12].

И здесь мы сталкиваемся с ещё одним интересным явлением, которое следовало бы обозначить

как *amicitia*, то есть «дружба», понимаемая как поведенческая модель солидарности между представителями политической элиты. Пример Сероната приведён не зря. Очевидно, что Сидоний не придерживается никакой «дружбы» в отношении викария Септимании. Но есть другой пример *amicitia*: ситуация, связанная с так называемым «делом Арванда». Арванд был одним из предпоследних галльских префектов претория, которого доставили в Рим для судебного разбирательства [13, р. 5]. Он обвинялся в государственной измене [13, р. 6]. Важным фактором здесь является то, что Сидоний выступал его открытым защитником, несмотря не только на наличие улики против Арванда [13, р. 6], но и вызывающее поведение самого подсудимого, в том числе и по отношению к своему защитнику [13, р. 6]. При этом подчёркивается: Арванд имел незнатное происхождение, хотя смог добиться поста галльского префекта претория [13, р. 6]. Можно предположить, что за время, пока он был префектом, ему удалось войти в круг политической элиты Римской Галлии и после этого Сидоний, согласно «дружбе», обязался его поддерживать. Отсюда можно сделать вывод, что ситуация с Арвандом и Серонатом имеет разницу между собой в том, что если первому удалось каким-то образом войти в число «честных» людей, то второму это не удалось. Поэтому, сообразно с принятыми негласными правилами, Сидоний горячо поддерживал одного и яростно критиковал второго.

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что удалось выявить ту категорию людей, которая обозначала политическую элиту – «*boni*», «честные люди». Эти люди были связаны между собой не только высоким происхождением, социальным положением или экономическим могуществом, но и определённым набором поведенческих моделей, позволявшим им определять состав своего «круга». И характернейшей чертой этого элитарного круга было понятие «*amicitia*» («дружба»), понимаемая как полная солидарность между членами политической элиты. Можно высказать предположение, что, руководствуясь данными критериями и обращаясь к другим историческим источникам, можно будет выявить полный круг тех лиц, которые в позднеантичной Галлии являли собой политическую элиту.

Примечания

¹ Об этом косвенно свидетельствует постоянное переиздание писем Сидония Аполлинария, начиная с рукописных копий времён Средних веков и до второй половины XX века.

² «Мои тесть, отец, дед и прадед гордились городскими и провинциальными префектурами, должностями дворцовыми и военными» [1, с. 420].

³ «Род, знаменитый на обоих поприщах, процветал епископами и префектами: его предки всег-

да пользовались правом диктовать законы божественные и человеческие» [1, с. 416].

⁴ «На свои средства и даром отправил зерно в опустошённые и повсеместно нищие Галлии... Мы видели дороги, запружённые твоим зерном, видели на берегах Арара и Роны не один амбар, наполненный одним тобой» [1, с. 413]

⁵ «В самом деле, было в Сенате много тех, кто были украшены богатством и благородством происхождения, отмеченные зрелостью и успешные в совете, видные в занимаемом достоинстве и хорошо известные своей репутацией».

⁶ «Благоприятный [и] изящный, скромный [и] умеренный, благочестивый и мягкий, и настолько одарённый нравами здешних достоинств, что сколько [бы раз] ему [ни доводилось] распознавать симпатии [к нему] в честном человеке, он бы выразил гораздо более сильное благоволение, нежели то, которое ему воздают».

⁷ «Честные имели о нём суждение, приличествующее именно честному человеку».

⁸ «Неутомимо добивался, принимал и возвращал [в ответ] и [вновь] отыскивал желанные симпатии знатных людей».

⁹ Должность викария подразумевала соответствующий знатный титул. Отсюда можно предположить, что Серонат был спектабилем, «мужем почтеннейшим».

¹⁰ «От самохвальства он открыто диктует послания, при том что едва обучен тонкостям и от бесстыдства исправляет их».

¹¹ «Законы Феодосиевы попирая и Теодериховы утверждая».

Библиографический список

1. *Сидоний Аполлинарий*. Письма // Хрестоматия по истории Древнего Рима / пер. с лат. Н.Н. Трухиной; под ред. В.И. Кузицина. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 407–420.

2. *Бойко Н.В.* Галло-римская аристократия IV века: Социокультурный и личностный модулы: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 191 с.

3. *Буяров Д.В.* Мироззрение и сочинения Сидония Аполлинария в контексте позднеантичной культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Благовещенск, 2009. – 184 с.

4. Введение в политическую теорию: учеб. пособие / под ред. Б. Исаева. – СПб.: Питер, 2013. – 630 с.

5. *Гийиан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской Империи (IV–VI века). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфиктиссим, клариссим // *Византийский временник*. – 1964. – Т. 24. – С. 35–48.

6. *Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира / пер. с англ. Т.В. Горайнова. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 569 с.

7. *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение первых варварских королевств (до середины VI века). – М.: МГУ, 1984. – 256 с.

8. *Mathisen Whitney R.* Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: strategies for survival in an Age of Transition. – Austin: University of Texas Press, 1993. – 275 p.

9. *Norton P.* Episcopal Elections 250-600: Hierarchy and Popular Will in Late Antiquity. – Oxford: OUP Oxford, 2007. – 284 p.

10. *Notitia Dignitatum in partibus Occidentis* // *The Latin Library*: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/notitia.html> (дата обращения: 13.02.2016).

11. *Lavan L.* Social and Political life in Late Antiquity. – Leiden: Brill, 2006. – 656 p.

12. *Rapp Cl.* Holy bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. – Berkley: University of Carolina Press, 2005. – 346 p.

13. *Sidonius Apollinaris*. Epistulae et carmina // *Monumenta Germaniae Historica*. Т. 8. Auctores antiquissimi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000797_meta:titlePage.html?sortIn dex=010:010:0008:010:00:00 (дата обращения: 13.12.2016).

Кабатов Сергей Александрович
кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
kabatov74@mail.ru

Курочкина Светлана Александровна
кандидат исторических наук, доцент
Министерство культуры, печати и по делам национальностей
Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола
kurochkina-sveta@bk.ru

РЫБОЛОВНЫЙ ИНВЕНТАРЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ (по материалам археологических исследований селища Вёжи)

В данной статье рассматриваются две группы рыболовных орудий. Первая группа – принадлежности сетевого лова: фрагменты сетей, полавки, грузила, инструменты для плетения сетей. Вёжские рыболовы могли использовать волоковые и ставные сети, у которых грузила (керамические и каменные) подвешивались к нижнему подбору, а полавки (из бересты и сосновой коры) крепились к верхнему подбору. Из инструментов для вязания сетей сохранились деревянные иглы и ячейки-шаблоны. Вторая группа – железные рыболовные крючки (переметные и насадные). Они связаны с индивидуальным способом ловли и предназначались для лова крупной рыбы. Обе группы рыболовных орудий – в слоях с XVI по XIX вв. Также на селище Вёжи выделяются еще две категории находок, связанных с рыболовным промыслом: деревянные весла и крышки рыбных бочек для посола рыбы. Можно отметить, что для жителей селища Вёжи рыболовный промысел являлся одним из источников дохода. Причем промысловые способы сетевого лова преобладали над индивидуальными. Возможно, вёжское рыболовство приобрело к XVI–XVIII вв. промысловый характер и было рассчитано на массовый лов рыбы. В нем могли быть задействованы десятки человек.

Ключевые слова: рыболовные орудия, волоковые и ставные сети, керамические и каменные грузила, полавки из бересты и сосновой коры, железные рыболовные крючки, коллективный и индивидуальный рыбный лов.

В данной статье впервые делается попытка освещения рыболовного инвентаря сельского населения Костромского Поволжья на примере материала, выявленного в результате многолетних археологических исследований селища Вёжи С.А. Кабатовым [1; 4–11]. Анализ данного материала позволил провести его частичную условную реконструкцию. Рыболовство в Костромском Поволжье, особенно в Костромской низине, в контексте археологического материала на сегодняшний день остается «белым пятном».

В качестве аналогий были привлечены материалы по рыболовному промыслу Москвы и Московской области, Переславля-Залесского, Козельска, Пскова, Нижнего Новгорода, Чебоксар и др.

Группы рыболовных орудий были ранее охарактеризованы А.В. Кузой, который в зависимости от назначения и способа применения разделил их на колющие орудия, крючные снасти, сети и запорные системы с ловушками [15, с. 35]. В материалах селища Вёжи пока выделяются только две группы рыболовных орудий: сети и крючные снасти. Для их характеристики мы использовали основные положения классификационных схем Е.В. Салминой (Псков) и Н.Н. Грибова, Е.А. Цепкина (Н. Новгород), но с учетом специфики местных находок [19, с. 153–168; 2, с. 76–82].

Первая группа рыболовных орудий – принадлежности сетевого лова: фрагменты сетей, полавки, грузила; также рассматриваются инструменты для плетения сетей [20, с. 334].

Сети по способу действия делятся на: 1) отцеживающие (передвижные, волоковые): процеживают

определенный участок водоема (неводы, бродцы, бредники, кереводы, курицы, плавные (поплавные) сети), их передвигают, протаскивают, пускают по течению, сводят концами и вытягивают на берег или в лодку; 2) объеживающие (ставные): сети ставят неподвижно поперек или вдоль течения реки, в них рыба идет сама или ее загоняют шумом (саки, неводы, сети-ловушки) [19, с. 153; 15, с. 153].

Так как фрагменты самих сетей сохраняются редко, поэтому мы рассматриваем их оснастку и огрузку. Хотя на Вёжах встречено 15 небольших фрагментов веревок из льна, лыка, пеньки (толщина волокон 0,2–0,3 см), отнести их к фрагментам сетей затруднительно (рис. 1, 21–23).

На селище Вёжи найдено 2 536 грузил (сохранились изображения 12 экз.) и 493 полавка (сохранились изображения 10 экз.) (рис. 1, 1–20).

Распределение находок по ярусам приводится в таблице 1.

Несмотря на многочисленность *керамических грузил*, по форме они делятся на два вида:

1. Овальные (боченковидные) – 3 экз., их размеры: длина 5,4–6,2 см, максимальный диаметр тулова 3,8–4,6 см, диаметр отверстия 1,3–1,8 см (рис. 1, 7–8).

2. Сферические (шарообразные) – 7 экз., их размеры: длина 3,3–4,5 см, диаметр 3,6–4,7 см, диаметр отверстия 0,9–1,2 см (рис. 1, 1–6).

Форма этих достаточно легких керамических грузил приспособлена для того, чтобы они свободно катились по дну реки, не цепляясь за препятствия. Поэтому мы предполагаем, что ими могли сгружаться небольшие волоковые сети.

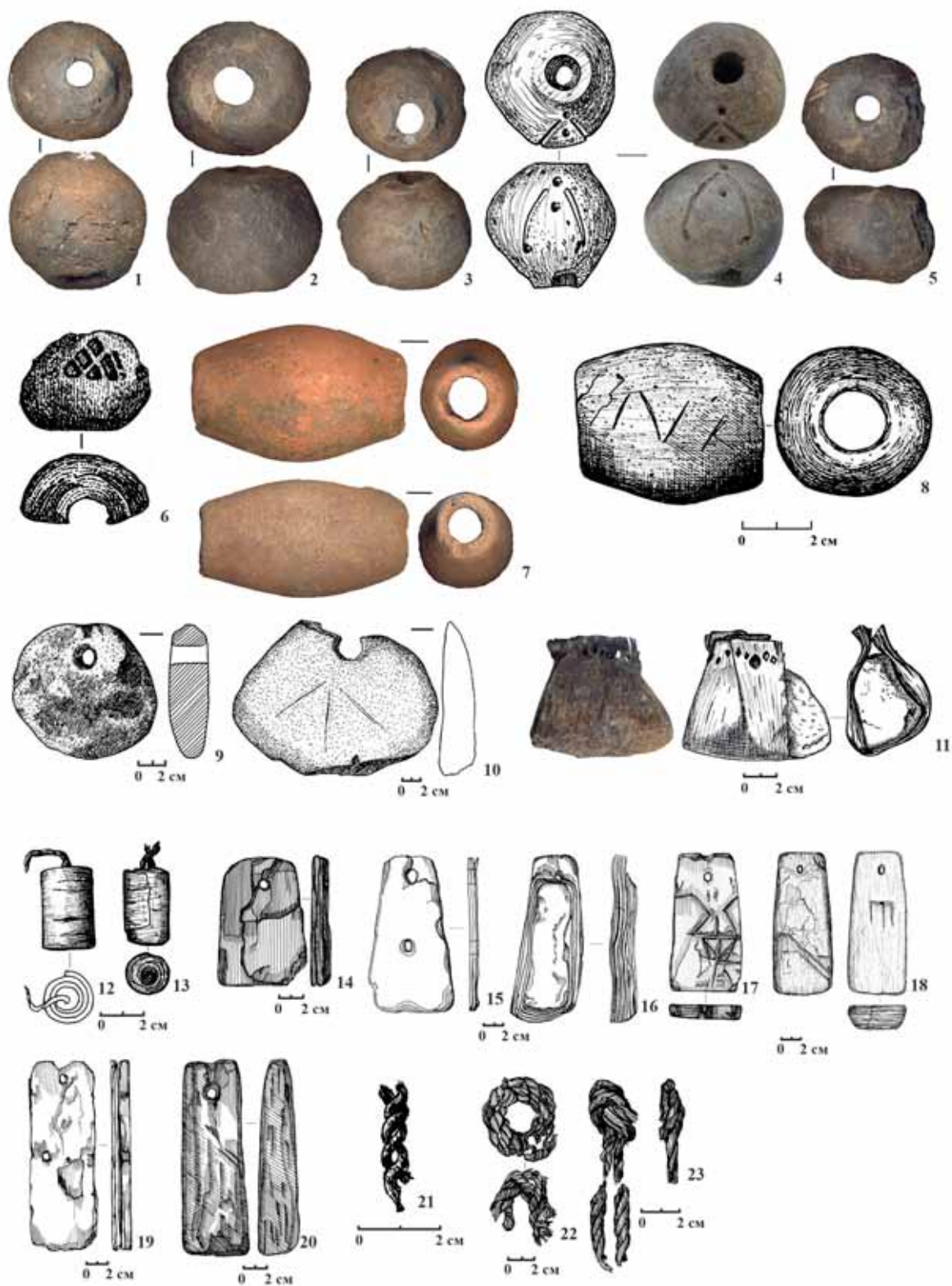


Рис. 1. Рыболовный инвентарь, связанный с сетевым ловом:
 1-11 – грузила; 12-20 – поплавки; 21-23 – веревки;
 материал изделий: 1-8 – керамика; 9-10 – камень; 11 – камень и береста;
 12-13 – береста; 14-20 – кора сосны; 21-23 – лен

Рыболовные орудия, связанные с сетевым ловом

Ярус / датировка	Грузила				Поплавки			
	Глина	%	Камень	%	Береста	%	Кора сосны	%
1. с. XIX вв.	611		1					
Постройки	83				2			
<i>Всего</i>	694	27,41	1	20	2	0,41		
2. п. п. XIX в.	349				8			
Постройки	55				2			
<i>Всего</i>	404	15,96			10	2,07		
Итого за век	1098	43,38	1	20	12	2,48		
3. к. XVIII в.	536				9			
Постройки	22		1					
<i>Всего</i>	558	22,04	1	20		1,86		
4. с. – в. п. XVIII в.	37						1	
Постройки	36				1			
<i>Всего</i>	73	2,88			1	0,20	1	10
5. п. п. XVIII в.	170		1		108			
Постройки			1					
<i>Всего</i>	170	6,71	2	40	108	22,36		
Итого за век	801	31,64	3	60	118	24,43	1	10
6. в. п. XVII в.	215				117		3	
Постройки	3							
<i>Всего</i>	218	8,61			117	24,22	3	30
7. с. XVII в.	46	1,81			15	3,10	1	10
8. п. п. XVII в.	176	6,95			84	17,39	1	10
9. к. XVI – н. XVII вв.	7	0,27						
Итого за век	447	17,66			216	44,72	5	50
10. с. XVI в.	69	2,72						
11. н. XVI в.	19	0,75			7	1,44		
Итого за век	88	3,47			7	1,44		
12. к. XV в.	11				16			
Постройки	3							
<i>Всего</i>	14	0,55			16	3,31		
13. с. – в. п. XV в.	38	1,50			79	16,35		
14. п. п. XV в.	32	1,26			23	4,76		
15. к/с XIV - н. XV вв.	7	0,27	1	20	4	0,82	4	40
Итого за век	91	3,59	1	20	122	25,25	4	40
Подъемный материал	7	0,27			1	0,20		
Всего	2 531			5	483			10
ИТОГО		2 536				493		

Аналогичные грузила встречаются в Москве (XIV–XVII вв.) [18, с. 16–17, таблица 2, 29, 32], на селищах Мякинино-2 (XV–XVI вв.) [23, с. 16, рис. 1] и Тарасовка 1 (п. п. XIX в.) [212, с. 10, рис. 3, 6], Коломенском Поочье (XVI–п. п. XIX вв.) [16, с. 131, рис. 2], средневековых Козельске [17, с. 81, рис. 86, 8] и Пскове [19, с. 155, рис. 3, 1–2].

Немногочисленные *каменные грузила* по форме и функциональному назначению делятся на три вида:

1. Неправильно-округлое с направляющим желобком для крепящей веревки по краю (1 экз.), размер: длина 12,6 см, ширина 10,8 см, диаметр отверстия 1,4 см, толщина 3 см (рис. 1, 9).

Данный вид грузил мог использоваться для крупной волоковой сети. Благодаря своей массивности (по сравнению с керамическим), каменные грузила могли удерживать более крупную передвижную сеть.

2. Овально-уплощенное (массивное грузило с процарапанным знаком), размер: длина 15 см, ширина (в максимальной части) 20,2 см, диаметр отверстия 2,4 см, толщина 3,5 см (рис. 1, 10).

Данный вид грузил мог использоваться для ставных сетей.

Аналогичные грузила встречаются средневековых Пскове [19, с. 157, рис. 4, 1] и Нижнем Новгороде [2, с. 82, рис. 2, 23–24], Орешке (XV–XVI вв.) [12, с. 105, рис. 36, 9–10].

Оба вида грузил подвешивались к нижнему подбору сетей за отверстие, расположенное в верхней части. Для более четкой фиксации мог делаться направляющий желобок для крепежной веревки. Характерная черта вёжских каменных грузил – отверстие для веревки находится в его верхней части, а не по середине, как у большинства каменных грузил из других памятников.

3. Комбинированное (грузило в «мешочке» из бересты): высота «мешочка» 8,1 см, ширина – 7,5 см, размеры камня – 6×5 см (рис. 1, 11). Аналогий ему пока не встречено. Хотя А.В. Куза упоминает грузила из камней, обернутых берестой наподобие кошелька, которые использовались для более крупных сетей [15, с. 45, рис. 10].

Скорее всего, данный вид грузила мог использоваться для многостенной крупноячейстой ставной сети. Возможно, данная форма не давала грузилу проскакивать в ячею и тем самым не путало сеть.

Следующий вид сетевой оснастки – поплавки, которые крепились к верхнему подбору сети (рис. 1, 12–20).

Поплавки по материалу изготовления делятся на две группы: берестяные и из сосновой коры. Материал и форма поплавков зависели от их функционального назначения.

Берестяные поправки имеют одну форму – в виде трубочки-свитка с небольшим фрагментом крепящей веревочки, размеры: длина 3,5–3,6 см, диаметр 2,1–2,3 см, толщина веревочки 0,2–0,3 см (рис. 1, 12).

Так как эти поправки обладают хорошей подъемной силой, то сгружались ими небольшие снасти [19, с. 163].

Поплавки из сосновой коры по форме делятся на трапецевидные и прямоугольные с одним и двумя отверстиями.

Трапецевидные и прямоугольные поправки с одним отверстием в верхней части могли использоваться для оснащения простых ставных и волоковых сетей [19, с. 161].

Размеры трапецевидных поплавков: длина 9–17,5 см, ширина 6–6,5 см, толщина 1,2–2,4 см, диаметр отверстия 0,6–0,8 см (рис. 1, 14, 16–17).

Размеры прямоугольных поплавков: длина 14,6–17,5 см, ширина 5–6,5 см, толщина 3–3,5 см, диаметр отверстия 0,7–0,8 см (рис. 1, 18, 20).

Трапецевидные и прямоугольные поправки с двумя отверстиями могли использоваться для оснащения многостенных ставных сетей, так как для них необходима более четкая фиксация поплавка [19, с. 163]. Размер трапецевидного поплавка: длина 13,5 см, ширина 7 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстий 1,2 см (рис. 1, 15). Размер прямоугольного поплавка: длина 17 см, ширина 5,7 см, толщина 1,7 см, диаметр отверстий 0,6 см (рис. 1, 19).

Аналогичные поправки находили в Чебоксарах (XIV–XIX вв.) [13, рис. 59], Переяславле Рязанском (слой XVI – п. п. XVII вв.) [3, с. 214], Орешке (XV–XVI вв.) [3, с. 106, рис. 36, 17], Пскове [19, с. 163, рис. 9, 2].

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что вёжские рыболовы могли использовать следующие виды сетей:

1. *Волоковые сети:*

– небольшие, для оснащения которых использовались овальные и сферические керамические

грузила, берестяные поправки и поправки из сосновой коры с одним отверстием в верхней части;
– крупные, для оснащения которых использовались неправильно-округлые каменные грузила.

2. *Ставные сети:*

– простые, для оснащения которых использовались массивные овально-уплощенные по форме каменные грузила и поправки из сосновой коры с одним отверстием в верхней части;

– многостенные крупноячейстые, для оснащения которых использовались каменные грузила в «мешочке» из бересты и поправки из сосновой коры с двумя отверстиями.

У всех видов сетей грузила подвешивались к нижнему подбору за отверстие, расположенное в верхней части, а поправки крепились к верхнему подбору.

Судя по количеству находок, на Вёжах более широко использовались небольшие волоковые сети. Причем, по мнению И.И. Тарасова, промысел ставными и малыми волоковыми сетями не отличался сложностью и не требовал больших коллективных усилий [22, с. 179].

Разное количество промысловых сетей (невод, простейшая волоковая сеть типа бредня, ставные сети для добычи определенных рыб) свидетельствует о промысловом характере рыболовства, так как они были рассчитаны на массовый лов рыбы.

Из инструментов для вязания сетей сохранились во фрагментарном состоянии *простая деревянная игла* и деревянный предмет – возможно, это ячейки-шаблоны (ярус 9, к. XVI – н. XVII вв.) (рис. 2, 11–12).

Вторая группа рыболовных орудий – крючные снасти, представленные рыболовными крючками (рис. 2, 1–10).

На селище Вёжи найдено 18 рыболовных крючков (сохранились изображения только 10 экз.) (таблица 2).

Все рыболовные крючки железные: 60 % из них выкованы из стержня круглого сечения (рис. 2, 2–3, 6–7, 9–10), 40 % – из четырехгранного стержня (рис. 2, 1, 4–5, 8).

Е.В. Салмина выделяет 4 вида рыболовных крючков, исходя из их функционального назначе-

Таблица 2

Крючные снасти: рыболовные крючки

Ярус / датировка	Кол-во	%
1. с. XIX в.	1	5,55
5. п. п. XVIII в.	1	5,55
6. в. п. XVII в.	1	
7. с. XVII в.	4	
8. п. п. XVII в.	6	
Всего в слое XVII в.	11	61,11
Подъемный материал	5	27,77
Всего	18	

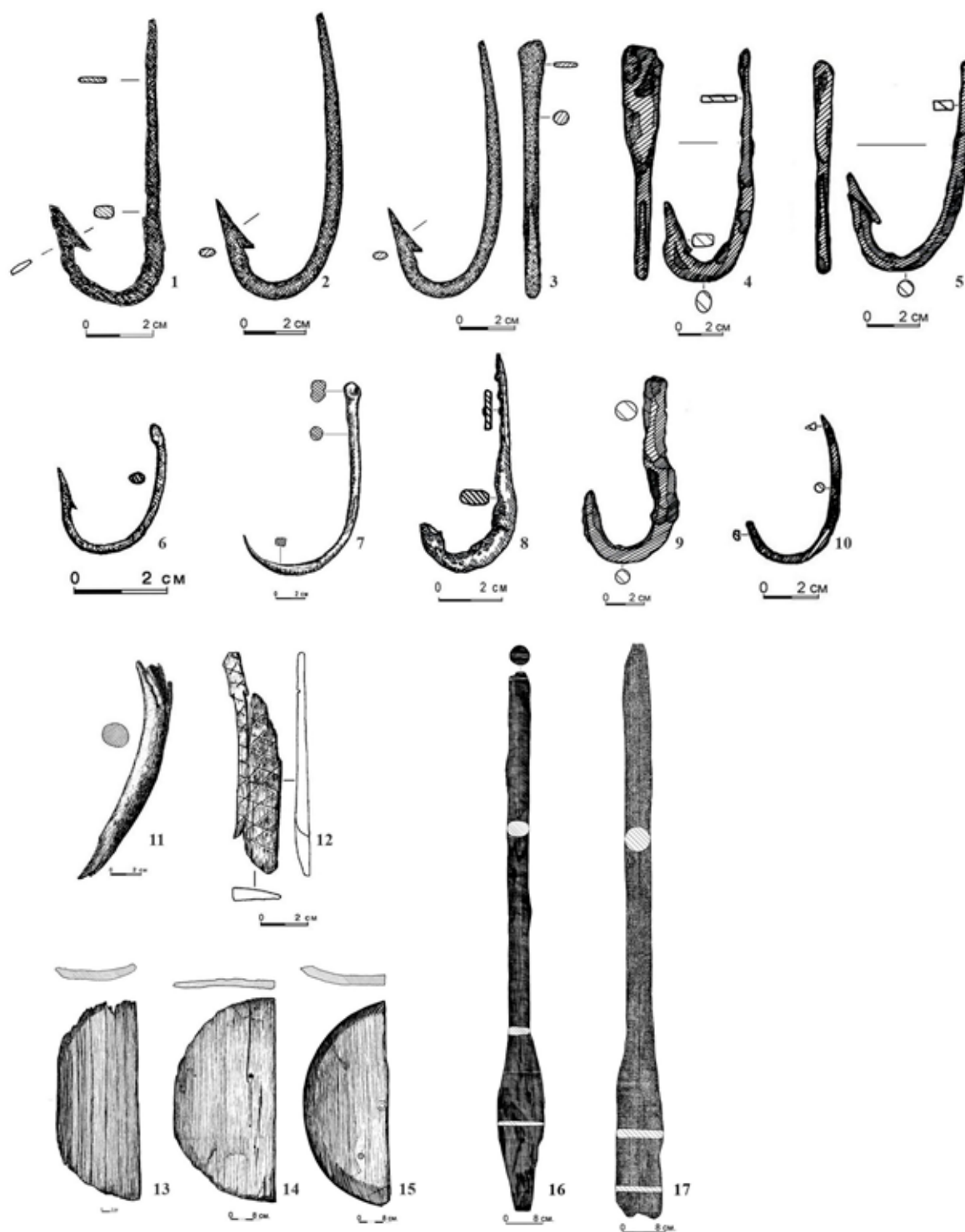


Рис. 2. Рыболовный инвентарь:

1–10 – крючки; 11 – игла; 12 – ячейки-шаблоны (?); 13–15 – крышки кадок; 16–17 – весла;
материал инвентаря: 1–10 – железо; 11–17 – дерево

Параметры деревянных весел, см

Находка	Длина весла	Длина ручки	Диаметр ручки	Длина лопасти	Ширина лопасти	Толщина лопасти
Весло 1	120	80	5	40	10,4	1,1
Весло 2	98,2	68	5,2	30,2	9,3	1,2–1,8

ния; также следует учитывать материал изготовления, размер, длину цевья (стержня), способ крепления, способ оформления жала (с бородкой или без) [19, с. 165].

В вёжских материалах представлено два вида крючков (исходя из их промыслового назначения):

1. *Перемётные крючки* с прямым стержнем (рис. 2, 1–6).

Данный вид крючков использовался для ловли крупной рыбы на живца или на «дурилку» (рыба насаживалась на крючок случайно, боком). Снасти типа перемета более уловисты и не требуют постоянного присутствия рыболова в месте установки снасти [19, с. 165, 168; 2, с. 77]. И.И. Тарасов считает, что «только перемет может претендовать на лов в промышленных масштабах. Он мог снаряжаться несколькими десятками и даже сотнями крючков, использоваться с наживкой и без нее, по типу самолова, то есть когда рыба сама засекается на крючок какой-либо частью тела» [22, с. 178].

Размеры крючков: диаметр изгиба колеблется от 1,5 до 2,5 см; длина – от 8,0 до 11,4 см; «ширина» – от 2,0 до 3,5 см. Для них характерна бородка с хорошо выраженным противошипом – острый угол до 45°.

2. *Насадные крючки* для донок, закидушек, поставуш и других сходных по конструкции снастей (рис. 2/7).

Данный вид крючков, по мнению К.В. Кудряшова, мог использоваться для пассивной ловли рыбы [14, с. 42].

Размер крючка: диаметр изгиба 6,0 см; длина – 12,6 см; «ширина» – 6,5 см. Для него характерен заостренный отогнутый конец стержня.

Вид и тип еще трех рыболовных крючков не определяются, так как они сохранились частично (рис. 2, 8–10).

На вёжских крючках можно проследить несколько способов крепления крючка к лесе: утолщение, конец цевья раскован в «лопаточку», нарезка. Но они не соотносятся с определенным видом и типом крючка.

Аналогичные крючки встречаются в Пскове [19, с. 164–168, рис. 12], Нижнем Новгороде [2, с. 77, рис. 2, 1–14], Ростове Великом [14, с. 42–43, рис. 1, 4], Коломенском Поочье [16, с. 129, рис. 1, 1–2].

Предметы оснастки крючных снастей присутствуют в слоях с XVII по XIX в., но основная их масса (61 %) приходится на 1600–50-е гг. В остальных случаях это просто единичные находки. По-

этому можно предположить, что основное время бытования железных рыболовных крючков на селище Вёжи – XVII в. Причем связаны они прежде всего с индивидуальным способом рыбной ловли и, исходя из размеров, предназначались для лова крупной рыбы.

На селище Вёжи отмечаются еще две категории находок, связанных с рыболовным промыслом: деревянные весла и крышки рыбных бочек для посола рыбы (?).

В слое первой половины XV в. (ярус 14) найдено два целых лодочных весла, сделанных из единого массива дерева (рис. 2, 16–17). Их параметры приводятся в таблице 3.

Весло 1 (рис. 2, 16): лопасть листовидной формы, ручка весла – овальная в сечении.

Весло 2 (рис. 2, 17): лопасть неправильной подпрямоугольной формы, ручка весла – округлая в сечении.

Практически аналогичные по форме и параметрам весла были найдены в Чебоксарах в слоях XV–XVI вв. Там они интерпретируются как кормовые весла от небольших лодок-челноков [13, с. 124–125, рис. 58]. Также весло, вырезанное из ясеня, найдено Переяславле Рязанском (слой XVI – п. п. XVII в.) [3, с. 211, рис. 1, 4].

Кроме того, на селище выявлены фрагменты крышек от 5 деревянных бочек (или кадок): 4 экз. – в слое первой половины XVIII в. и 1 – подъемный материал (рис. 2, 13–15). Размеры крышек: диаметр 27–32 см, толщина 1–1,2 см. Возможно, деревянные бочки (или кадки) использовались для хранения засоленной рыбы и ее дальнейшей транспортировки.

Подводя итоги, можно отметить, что для жителей селища Вёжи рыболовный промысел являлся одним из источников дохода. Причем промысловые способы сетевого лова преобладали над индивидуальными. Возможно, что вёжское рыболовство приобрело к XVI–XVIII вв. промысловый характер и было рассчитано на массовый лов рыбы, поэтому в нем могли быть задействованы десятки человек.

Библиографический список

1. *Алексеев С.И.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2001 г. / сост. С.А. Кабатов. – КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 138 с.
2. *Грибов Н.Н., Цепкин Е.А.* Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по

краеведению и археологии: сб. науч. и метод. ст. – Н. Новгород, 2004. – С. 71–95.

3. *Завьялов В.И.* Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – Вып. 7. – С. 209–216.

4. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г. / сост. С.А. Кабатов. – КГУ им. Н.А. Некрасова, 1999. – 138 с.

5. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2004 г. / сост. С.А. Кабатов. – КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – 198 с.

6. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района Костромской области / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2008. – Т. 3. – 141 с.

7. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г. / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2009. – Т. 1–2. – 124 с.

8. *Кабатова Е.А.* Научный отчет об археологических исследованиях в 2012 г. на территории объектов культурного наследия регионального значения селище Вёжи и поселение Малые Ведёрки археологических исследованиях в 2012 и 2013 г. / сост. Е.А. Кабатова, С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013. – 96 с.

9. *Кабатов С.А.* Отчет по итогам археологических исследований, направленных на сохранение объекта археологического наследия «селище Вёжи», эпоха бронзы, железный век, средневековье, II тыс. до н. э. – XVIII в. 2013 г. / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013. – 108 с.

10. *Кабатов С.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а. 2014 г. / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 220 с.

11. *Кабатов С.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи. 2015 г. / сост. С.А. Кабатов. – Костро-

ма: ООО «Историко-археологическое общество “Кострома”», 2015. – 259 с.

12. *Кильдюшевский В.И.* Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1973. – Вып. 135. – С. 105–108.

13. *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 92 с.

14. *Кудряшов К.В.* Рыбный промысел Ростова Великого (X–XIII вв.) // История и культура Ростовской земли, 1998. – Ростов, 1999. – С. 40–47.

15. *Куза А.В.* Рыбный промысел в Древней Руси. – М.; СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2016. – 320 с.

16. *Мазуров А.Б., Цепкин Е.А.* Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология. – 2003. – № 4. – С. 129–138.

17. *Прошкин О.Л.* Типология и хронология находок из культурного слоя, остатков построек и разреза вала г. Козельска // Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. – М.: ИА РАН, 2005. – Т. 4. – С. 75–85.

18. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР: свод археологических источников. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – 124 с.

19. *Салмина Е.В.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. – 1994. – Вып. 2. – С. 151–170.

20. *Салмина Е.В.* Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2: Славянский средневековый город. – М., 1997. – С. 334–342.

21. *Сыроватко А.С., Панченко К.И.* Археологический материал XVIII–XIX вв. из раскопок на селище Тарасовка 1 // Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 1: Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). – М.: ИА РАН, 2002. – С. 7–26.

22. *Тарасов И.И.* Рыболовство в средневековой Ладоге // Староладожский сборник. – Старая Ладога, 2009. – Вып. 7. – С. 177–184.

23. *Хижняков О.И.* Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М.: Институт археологии, 2008. – Вып. 4. – С. 12–20.

Кочергина Марина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент
Брянский институт управления и бизнеса
kochergina_mv@mail.ru

Дзюбан Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, профессор
Брянский институт управления и бизнеса
bryanskstudzuban@mail.ru

ДУХОВНЫЕ КОНТАКТЫ И СВЯЗИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЧЕРНИГОВСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ РОССИИ СО СВОИМИ СТОРОННИКАМИ ПО ВЕРЕ В БУКОВИНЕ, МОЛДАВИИ И РУМЫНИИ

Статья посвящена малоизученным аспектам духовно-религиозной деятельности старообрядцев Стародубья и Ветки, их контактам и связям со своими сторонниками по вере из Буковины, Молдавии и Румынии. Эти контакты были связаны с воссозданием трехчинной иерархии Русской православной старообрядческой церкви за пределами Российской империи, с деятельностью выдающихся представителей старообрядческого священства и начетничества, выходцев из Стародубья на территории северной Буковины, Молдавии и Румынии в дореволюционный и советский период.

Ключевые слова: духовные контакты старообрядцы, Стародубье и Ветка, Румыния, Молдавия, Буковина, духовные и связи.

Вопросы духовных контактов и связей старообрядцев Стародубья и Ветки являются объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных ученых. Это связано с важностью проблем, которые решали старообрядческие общины и выдающиеся их представители. А именно: вопросы восстановления трехчинной иерархии в старообрядчестве, деятельность старообрядческих начетчиков, организация старообрядческих съездов в период активизации духовной жизни старообрядческих общин, служение высших иерархов Русской православной старообрядческой церкви – епископов Арсения Уральского, Иннокентия Усова. Данным вопросам посвящены работы молдавских исследователей А. Моголы [8], А. Болученковой, Д. Латышева [1], российских исследователей, причем как самих старообрядцев – В. Боченкова [2], так и светских историков [3]. После установления советской власти старообрядческое священство было вынуждено эмигрировать из России в Молдавию и Румынию, где открыто проводило свою деятельность до 1944 г. Мы стремимся доказать, что на протяжении 1800–1940 гг. эти духовные связи не переставали существовать; что старообрядческий духовный центр находился в Белой Кринице на территории северной Буковины и являлся святыней русского старообрядчества за рубежом; что лишь события второй мировой войны и жесткое преследование иерархов старообрядческой церкви и верующих за рубежом со стороны советских карательных органов прервали эти исторически сложившиеся связи.

Все современные исследователи отмечают наличие тесных духовных контактов и связей между старообрядцами Черниговской и Могилевской губерний России со своими сторонниками по вере в северной Буковине, Молдавии, Румынии. Эти контакты начались задолго до восстановления

трехчинной иерархии в 1830–1840-е гг., продолжались в период активизации духовной жизни русского старообрядчества в 1905–1917 гг., сохранялись после установления в России советской власти. Стародубье и Ветка являлись теми духовными центрами в старообрядчестве, где произошло рождение и становление таких выдающихся деятелей рубежа XIX–XX вв. как епископ Иннокентий (в миру Иван Григорьевич Усов), начетчики братья Федор и Василий Ефимовичи Мельниковы.

Именно из Ветки (Могилевской губернии) и Стародубья (Черниговской губернии) – древних центров русского старообрядчества – были организованы экспедиции на Восток в поисках истинного священства. Иноки ветковского старообрядческого Лаврентьева монастыря предприняли первые шаги к восстановлению трехчинной иерархии в первой трети XIX в. Этот мужской старообрядческий монастырь был основан иноком Лаврентием и находился на полуострове, образуемом рекой Узою, среди болот и чащи леса. Даже окружавший его лес считался священным. Монастырь был основан не ранее 1735 г. и относился к ветковскому толку, последним настоятелем его был инок Аркадий. Даже чиновники Министерства внутренних дел Российской империи признавали значимость этого монастыря в старообрядческой среде: «Древность монастыря, выстроенного сто лет назад, разные его предания и строгая жизнь дряхлых иноков возбуждали в народе благоговение; из него распространялись превратные толкования о единоверии и оставляли желавших присоединиться к нему; из него приходили скрывавшиеся там беглые попы для исполнения треб по окрестным селениям; из него получали простолоудины и все раскольничьи монастыри запасные дары святых тайн» [3, с. 184].

Действительно, старообрядцы относились к монастырю с благоговением. Литературный ге-

рой книги П.И. Мельникова (А. Печерского) Яков Стуколов так повествовал о жизни в Лаврентьеве монастыре: «Слышал прежде про монастырь Лаврентьев, что стоит неподалёку от славной слободы Ветки. Житие там строгое. Не каменными стенами, не богатыми церквями красовалась обитель та, – красовалась она старческими слезами, денно-нощными трудами, постом да молитвой!..» [7]. Удаление от мира, строгий пост, «удручение плоти», чтение Святого Писания, духовное наставление приверженцев старой веры приводило в монастырь многих, искавших древнего благочестия. Монашеское отречение от мира не имело ничего общего для старообрядческих иноков с отрицанием бытия. Уходя из мира, они осуществляли миссию спасения тех, кто находился «в миру». Среди ветковских иноков выдающуюся роль играл настоятель Лаврентьева монастыря инок Аркадий. Под его духовным руководством монастырь стал центром иночества и старчества. Аркадий происходил из мещан посада Клиницы Черниговской губернии и был в миру Андреем Родионовичем Шапошниковым (1809–1889). В 1826 г. он поступил послушником в Лаврентьев монастырь, где принял постриг с именем Аркадия. В 1832 г. он стал настоятелем обители и сумел привлечь в монастырь многих талантливых людей, в будущем видных деятелей старообрядчества. Под его игуменством находились иноки: Павел Белокриницкий, Аркадий (Дорофеев), Ефросин, Алимпиий (Алимпиий Зверев), Ксенос. Духовным наставником Ксеноса был инок Аркадий (Дорофеев) – исповедник, также принявший иноческий постриг в Лаврентьеве монастыре. Позже инок Павел Белокриницкий (1808–1854) принимал активное участие в восстановлении трехчинной иерархии древлеправославной церкви. Хотя он и принял постриг в Покровском Климовском монастыре в 1836 г., «жизнь его в Лаврентьеве монастыре состояла из усердного посещения богослужений, келейных молитв, продолжительных духовных бесед и чтения» [3, с. 185]. Впоследствии, после разгрома этого монастыря, Аркадий (Шапошников) стал иноком Славского монастыря, епископом странствующих христиан, живших в Турции. Ему был присвоен титул экзарха некрассовского, духовно окормлявшего старообрядческие приходы казаков-некрассовцев. После окончания русско-турецкой войны он стал епископом Славским (место нахождения – село Добруджа, принадлежавшее Турции, ныне Молдова). Умер и погребен в Славском монастыре.

Инок Павел (в миру Петр Васильевич Великодворский) родился в слободе Зимогорский Ям, пригороде Валдая в старообрядческой семье. В 12 лет пытался уйти из дома в старообрядческие монастыри, но был удержан родителями. После смерти отца, в 25-летнем возрасте, он ушел в Лаврентьев монастырь на Ветку. Здесь он сбли-

зился с настоятелем монастыря иноком Аркадием и иноком Ефросином. В 1837 г. вместе с иноком Геронтием совершил поездку на Кавказ для проверки сведений о сохранении в древлеправославной церкви трехчинной иерархии, но в Тифлисе иноки были задержаны и сосланы по месту приписки под надзор полиции. В конце 1830-х гг. инок Геронтий становится настоятелем Белокриницкого старообрядческого общежительного монастыря (северная Буковина). Он пишет Устав этого монастыря, где излагает вероучение древлеправославной церкви, раскрывает источники дохода монахов.

На общих тайных соборах представителей старообрядцев-поповцев было решено послать на поиски епископа на восток «особо доверенных делегатов». Выбор пал на благочестивых иноков Лаврентьева монастыря Павла и Алимпиия. В 1844 г. инок Павел получил от императора Австрии Фердинанда разрешение на устройство епископской кафедры в Белокриницком монастыре (северная Буковина). 28 октября 1846 г. в этом монастыре было торжественно совершено присоединение боснийского митрополита Амвросия к старообрядческой церкви через таинство миропомазания. После присоединения инок Павел исполнял обязанности секретаря и письмоводителя Амвросия. Затем, после отправки митрополита Амвросия в ссылку, он вместе с иноком Алимпием навещал митрополита. Умер в 1854 г., был похоронен в Белой Кринице. Иноки ветковских старообрядческих монастырей продолжили дело митрополита Амвросия по созданию старообрядческого центра за рубежом. Они были грамотными и «многоначитанными». Павел Белокриницкий и Геронтий пополнили библиотеку старообрядческого митрополита Амвросия. «К моменту их приезда в Белую Криницу здесь уже была библиотека, какая едва ли где в большом монастыре есть». В начале 1840-х гг. настоятель Белокриницкого монастыря инок Геронтий несколько раз ездил в Россию, где, по его словам, «покупал иконы и книги, а иные так [были] пожертвованы» [3, с. 259]. Приведенный пример подтверждает, что иноки Ветки были духовно образованными людьми, высоко ценили книгу как источник духовной силы и знания. Имея обширную библиотеку рукописей и книг кириллической печати на Ветке, они создавали значительное книжное собрание в Белой Кринице. С их помощью была основана старообрядческая архиерейская кафедра, преобразованная потом в митрополию, а затем возникли зарубежные епархии. Старообрядцы из Стародубья и Ветки не прерывали духовных контактов со своими сторонниками по вере в Буковине.

В Стародубье поездки в Буковину организовывал представитель богатого купечества миллионер Гусев в 1875, 1893 гг. для устранения неверия в правоте Белокриницкой иерархии. В этих поездках принимали участие жители стародубских

посадов Василий Мельников, Федор Малков. Под руководством купца Гусева проходил знаменитый собор в посаде Лужки Черниговской губернии 30 июля 1892 г. [5, с. 153–168]. Этот собор отражал духовные искания старообрядческого населения, был свидетельством напряженных поисков старообрядцами «истинно православного священства», сохранившего незыблемыми традиции православия. Именно на этом соборе в Лужках произошел окончательный разрыв со старообрядчеством начетчика и иконописца Василия Родионцева, усомнившегося в истинности Белокриницкой иерархии. Он не просто порвал со старообрядчеством, но и увел большое количество своих единомышленников, перешел вместе с ними в официальное православие. Напряженная духовная жизнь, искания старообрядцев способствовали развитию полемики, чтению святоотеческих книг, распространению грамотности в среде старообрядцев.

На примере семьи Мельниковых можно проследить связи старообрядцев не только Стародубья и Ветки, но и выявить большую роль старообрядцев этих духовных центров в дореволюционной России. Отец, Ефим Мельников, был выходцем из беспоповцев из старообрядческой ветковской слободы Огородни. В зрелые годы жил в старообрядческих посадах и слободах Стародубья, был священником Шведовской моленной г. Новозыбкова, попечителями которой были купцы-миллионеры Павел Абросимов и Ефим Петухов. Ефим Мельников собрал большую библиотеку старообрядческой литературы, вел переписку с выдающимися представителями старообрядчества. (Ныне его библиотека и архив находятся в отделе рукописей РГБ). Сыновья Федор и Василий активно участвовали в духовной жизни старообрядчества, были начетчиками, за что подвергались преследованиям со стороны правительства и официального православия. На рубеже XIX–XX вв. в старообрядчестве возник особый тип начетчиков – собеседников для проведения полемических бесед с миссионерами официальной православной церкви. Одним из таких начетчиков был епископ Арсений (Швецов). В 1886 г. в Санкт-Петербурге он «одержал победу» над синодальным миссионером, протоиереем Ксенофонтом Крючковым. Сам Крючков происходил из старообрядцев-беспоповцев и был учеником архимандрита Никольского единоверческого монастыря, религиозного публициста и миссионера Павла Прусского (1821–1895) [6].

До принятия сана епископ Иннокентий (Усов) как начетчик объездил почти всю страну. Федор и Василий Мельниковы также являлись сильными апологетами старообрядчества и полемистами. Василий стал начетчиком с 18 лет, а Федор – с 16 лет. Они были родом из г. Новозыбкова. В 1893 г. у Мельниковых были беседы в г. Измаиле с Ф. Волковым и протоиереем Ксенофонтом Крюч-

ковым. После этого Мельниковы были арестованы. Василия оправдали, а Феодора посадили в тюрьму. В 1895 г. Федору Ефимовичу грозила уже каторга. Он вынужден был скрываться и бежать в Румынию. В г. Браилове он издавал журнал «Слово правды». В 1897 г. он был вновь арестован в приграничном городе Измаиле. В тюрьме просидел 9 месяцев, его дважды хотели сослать: сначала в Сибирь, а затем в арестантские роты. Однако Федор был помилован императором Николаем II, сроком на один год он был заключен на о. Валаам, потом отдан на пять лет под надзор полиции, который был прекращен лишь в 1905 г. [8, с. 167–168].

Иван Григорьевич Усов, епископ Иннокентий (1870–1942), и братья Мельниковы в полемике с синодальными миссионерами избирали не оборонительную, а именно наступательную тактику. В 1914 г. Федор Ефимович Мельников полемизировал с митрополитом Антонием (Храповицким) и профессором Казанской Духовной Академии М.И. Васильевским. Этот факт показывает, что старообрядческие начетчики, не имевшие высшего университетского образования, успешно отстаивали правоту старой веры в беседах с профессором Духовной Академии и митрополитом господствующей церкви. Следовательно, огромный духовный потенциал, сильная убежденность помогали старообрядческим начетчикам отстаивать свою позицию. Старообрядцы-полемисты братья Мельниковы и Иван Усов действовали не только на территории Стародубья, но и выступали с полемическими беседами по всей России. Старообрядцы в начале XX в. продолжали отстаивать правоту старой веры, не боясь преследований со стороны правительства и официальной церкви. Ф.Е. Мельников был членом Союза старообрядческих начетчиков, Председателем начетнической комиссии при Московском Братстве Честного и Животворящего Креста, сотрудничал в разных старообрядческих периодических изданиях «Слово правды», «Церковь», «Старообрядец».

Удивительна судьба старообрядческого епископа Иннокентия (в миру Ивана Григорьевича Усова). Он происходил из мещан старообрядческого посада Свяцк Черниговской губернии. До принятия сана занимался иконописанием, проходил военную службу. Духовным наставником его был Онисим Швецов – будущий епископ Арсений Уральский, посещавший посад Свяцк в Стародубье. До самого рукоположения он находился при епископе Арсении. В 1903 г. был рукоположен в епископа Нижегородского и Костромского. После принятия сана первым стал организовывать старообрядческие епархиальные съезды. Эти съезды созывались не только в Европейской России, но и в Сибири и на Дальнем Востоке. В помощь епископу по управлению епархией епархиальными съездами избирались епархиальные советы. Как и большинство ста-

рообрядцев, он не принял событий Октября 1917 г. Значительное число приверженцев старой веры выступило против большевистской диктатуры, активно участвовало в Белом движении. В казачьих частях А.И. Деникина действовали старообрядческие полковые священники. В армии А.В. Колчака существовали «добровольческие крестоносные дружины», был создан институт военных священников Белокрыницкой иерархии. Епископ Иннокентий (Усов) в конце 1918 г. составил молитву об избавлении России от власти безбожников. 12 декабря 1918 г. Высшим революционным советом РСФСР была принята «Инструкция», в которой говорилось, что «подлежат обязательному истреблению все генералы, помещики, штабс- и обер-офицеры, окружные, станичные и хуторские атаманы; все контрреволюционеры и все казачество» [3, с. 349]. Следовательно, одна из социальных опор старообрядчества – казачество, подверглась репрессиям и физическому устранению. Ответом на эти жестокие действия большевиков было участие старообрядцев в самом крупном крестьянском восстании 1921 г. – антоновском мятеже.

Епископ Иннокентий вынужден был эмигрировать в Румынию в 1920 г., где находилось большое количество старообрядцев – выходцев из России. Он впоследствии стал епископом Кишиневским. На протяжении 1920–1930 гг. этот архипастырь активно участвовал в духовно-религиозной деятельности, посещал старообрядческие приходы, занимался литературно-богословским творчеством, участвовал в издании старообрядческой литературы. Его книги и полемические сочинения были переизданы в местах компактного проживания старообрядцев за рубежом – во Франции, Польше, США, Канаде, Румынии. В 1936 г. епископом Иннокентием была написана история старообрядчества, его основы и отличия от других вероисповеданий (Меморий). Устав (Статут) был создан Ф.Е. Мельниковым. Документы были переданы румынскому правительству, что давало возможность узаконить деятельность старообрядческой церкви в Румынии. На малой родине епископа Иннокентия Усова в селе Святск под г. Новозыбковым (Советский Союз) оставалась его родная сестра Анастасия Усова. Пасхальное поздравление и весточка от родного брата из Румынии стали причиной физической расправы НКВД над ней. В 1934 г. она была сослана за связь с братом, приславшим ей пасхальное поздравление. Вместе с ней были сосланы жители Святска – Александр Капустин и Худяков. Больше в Святск они не вернулись.

В июне 1940 г. территория Бессарабии, северная Буковина, в том числе старообрядческий духовный центр, существовавший с 1840 гг. – Белокрыницкий монастырь, отошли к Советскому Союзу. Монастырь был ликвидирован, его имущество конфисковано. Белокрыницкая митрополития

прекратила свое существование в северной Буковине. Епископ Иннокентий переехал в Румынский город Тульчу, и на основании просьб тульчинских старообрядцев, поручения Белокрыницкого митрополита Силюяна, должен был приступить к управлению Тульчинской епархией. 8 мая 1941 г. на Освященном Соборе в г. Браила он был возведен в сан митрополита. В начавшейся войне против Советского Союза 22 июня 1941 г. Румыния выступила союзницей Германии, и как иностранец епископ Иннокентий был эвакуирован в г. Яссы. В связи с авианалетами и артобстрелами у него началось психическое заболевание. Уже больным он был перевезен в с. Писк, где 16 февраля 1942 г. скончался. За свою антибольшевистскую деятельность еще при жизни епископ Иннокентий был приговорен к расстрелу. При вхождении советских войск в Румынию, в 1944 г. в этом селе один из офицеров НКВД выстрелил пулеметной очередью по его надгробному кресту и могиле. Так закончил свою жизнь старообрядческий епископ и митрополит Иннокентий (в миру Иван Григорьевич Усов), выдающийся деятель русского и зарубежного старообрядчества, уроженец старообрядческого посада из Стародубья, находясь далеко от своей Родины.

Один из его сподвижников, Федор Ефимович Мельников (1874–1960), также жестоко преследовался в годы советской власти. Блестящий начетчик и апологет старообрядчества, после событий Октября 1917 г. он участвовал в полемических диспутах с А.В. Луначарским, Л.Д. Троцким, Н.И. Бухариным, опровергая марксизм, большевистскую пропаганду атеизма. В 1918 г. ему были запрещены публичные выступления, журнал «Слово церкви», который он редактировал, был закрыт, а сам Ф.Е. Мельников отстранен от должности директора старообрядческого института. В 1920 г. Ф.Е. Мельников был обвинен в контрреволюции и сокрытии церковных ценностей и приговорен к расстрелу.

Вследствие этого он был вынужден скрываться в Сибири, на Кавказе, а в 1930 г. перебрался с помощью старообрядцев в Румынию, был секретарем Белокрыницкой митрополитии. В годы Второй мировой войны и после нее, до момента своей смерти в 1960 г. находился на территории Румынии. Его обширное литературное наследие до сих пор полностью не найдено. На протяжении 1944–1960 гг. его укрывали от преследований в Румынии русские старообрядцы. Он жил у старообрядцев-липован, был похоронен в Мануиловском монастыре. Вся его жизнь и деятельность, как в России, так и за рубежом была связана со старообрядчеством. Ему было свойственно мужество, активная духовно-религиозная, литературно-общественная и педагогическая деятельность.

Приведенные нами аргументы и факты доказывают, что старообрядцы, выходцы из Стародубья

и Ветки, были хорошо образованными людьми, на протяжении всей жизни отстаивали правоту своей веры, хранили традиции предков, несмотря на преследования со стороны государственной власти и официальной церкви. В советский период, находясь в северной Буковине, Молдавии, Румынии, также как и представители других религиозных конфессий, они подвергались репрессиям, приговаривались к расстрелам, но при этом не прерывали духовных связей со своими сторонниками по вере на малой родине. Изучение документов в молдавских, румынских архивах, активная поисковая деятельность в придунайских старообрядческих поселениях Молдовы и Румынии, которую проводят в настоящее время как российские, так и зарубежные исследователи, должна пролить свет на неизвестные страницы истории деятельности выдающихся деятелей старообрядчества из Стародубья и Ветки за рубежом.

Библиографический список

1. Болученкова А.А., Латышев Д.И. – Вера и жизнь. Очерки старообрядчества Молдовы. – Кишинев, 2011. – 416 с.
2. Епископ Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской. Собрание сочинений. Т. 1: Статьи из старообрядческой периодики. – М.: Криница, 2014. – 520 с.
3. Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. – Брянск, 2011. – 451 с.
4. Лилеев М.Н. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. – Киев: типография Корчаг-Новицкого, 1895. – 596 с.
5. Летопись происходящих в расколе событий. Письмо из Стародубья: «Собор в Лужках» // Братское слово. – 1892. – №12.
6. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. – Барнаул: БГПУ, 1999 – 557 с.
7. Мельников-Печерский П.А. В лесах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/melxnikowpecherskij_p/text_0050.shtml (дата обращения 12.03.2017)
8. Могола А. Деятельность Владыки Иннокентия Усова в «богоспасаемом Румынском государстве». – Культура русских-липован в национальном и международном контексте. Вып. 5. – Бухарест: Издательство “CRLR”, 2011. – 439 р.
9. Старообрядчество. Лица. События. Предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. – М.: Церковь, 1996. – 317 с.

ПАМЯТНИКИ МЕДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ СТАРОДУБЬЯ И ВЕТКИ: ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ И ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена вопросам атрибуции и особенностям бытования памятников медной художественной пластики в старообрядческой среде крупных духовных центров Стародубья и Ветки. Актуальность исследования связана с нахождением этих центров в зоне последствий аварии на Чернобыльской АЭС и рассеиванием этих произведений медной художественной пластики. Их коллекции находятся в музейных собраниях России, Украины и Белоруссии. Это затрудняет вопросы атрибуции и выявления памятников. Авторы подчеркивают необходимость совместных исследований ученых России, Украины и Белоруссии для сохранения художественного наследия русского старообрядчества этих духовных центров.

Ключевые слова: старообрядцы, Стародубье и Ветка, памятники медной художественной пластики, художественное наследие.

На территории крупных духовных центров русского старообрядчества Стародубья и Ветки (пограничных территорий России, Украины и Белоруссии) до настоящего времени сохраняется значительное количество памятников медной художественной пластики, религиозного шитья и вышивки. Однако атрибуции этих памятников практически до сих пор не проведено. Целью данной статьи является публикация результатов выявления на территории Стародубья и Ветки памятников медного литья, попытка их атрибуции и уточнение особенностей бытования в старообрядческой среде.

Наиболее значительные исследования этого региона искусствоведами и культурологами происходили на рубеже XX–XXI вв. Ранее, в 1981 г., исследователем Э.П. Винокуровой была осмотрена коллекция медной художественной пластики Брянского областного музейно-выставочного центра, а также обследованы юго-западные районы Брянской области, Гомельская, Черниговская области Белоруссии и Украины. Ею было высказано предположение о возможности производства медной художественной пластики на уровне копий в старообрядческих поселениях Стародубья и Ветки в XVIII – начале XX в. [1]. Экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в регион Стародубья и Ветки были проведены в 1970–1980 гг. и возобновились после длительного перерыва только в 1998 г. Однако эти экспедиции не занимались выявлением и атрибуцией медной художественной пластики. За это время произошло значительное пополнение коллекций медной художественной пластики в региональных музеях, появились частные коллекции. Сейчас коллекциями медной художественной пластики обладают Брянский областной музейно-выставочный центр, Брянский государственный областной краеведческий музей, Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций. Разрозненные памятники медного литья находятся в кол-

лекциях Клиновского краеведческого музея, Новозыбковского краеведческого музея, Климовского краеведческого музея Брянской области. Как правило, пополнение коллекций музеев на территории Брянской области проводилось за счет передачи экспонатов Управлением внутренних дел Администрации Брянской области, Брянской таможни, а также собирательской деятельности музеев. Так, коллекция медной художественной пластики Брянского областного музейно-выставочного центра была создана на основании передач Управления внутренних дел Администрации Брянской области; коллекция Брянского государственного областного краеведческого музея была сформирована на основании собирательской деятельности музея и передач Брянской таможни. Коллекция Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций имеет значительное количество этих памятников. Более того, белорусские исследователи предприняли попытку описания коллекции своего музея, выявив на территории г. Новозыбкова в 1983 г. имя мастера-литейщика Михаила Григорьевича Глыбина (1888–1945 гг.) [5, с. 147], что еще более усложнило атрибуцию особенностей бытования медной художественной пластики, так как этот мастер-литейщик работал на территории духовного центра – Стародубья, а белорусские исследователи относят его произведения к другому центру – Ветке. Уничтожение значительного количества артефактов в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, их территориальная разбросанность затрудняют атрибуцию этих памятников, возможность тщательного исследования и выявления особенностей их бытования в старообрядческой среде. К сожалению, в связи с ухудшением российско-украинских отношений нам не удалось осмотреть памятники медной художественной пластики на территории Украины.

Возможным ли было создание на территории Стародубья и Ветки (на уровне копий) памятников медного литья? Ведь ранее оно встречалось

здесь повсеместно? Попытаемся дать ответы на эти вопросы в ходе проведенного нами исследования. Как известно, старообрядцам принадлежала большая роль в сохранении традиций, известно их бережное отношение к памятникам древности, в особенности к медным образам и крестам. Историк М.И. Лилеев отмечал, что «старообрядцы не признавали икон официальной православной церкви, отдавали предпочтение меднолитым образам» [4, с. 398].

Медная пластика имела в России особое значение. Памятники медного литья составляли наиболее многочисленную группу предметов церковного обихода. Они появились в большом количестве со времени принятия Христианства на Руси. Первоначально на Русь ввозилась медная пластика из Византии. Но ее количество не удовлетворяло возросшие потребности населения на предметы личного благочестия. Из меди изготавливали: кресты-энколпионы, кресты-тельники, иконы, змеевики, складни. Кресты-энколпионы – двусторчатые кресты для ношения святых мощей и святынь; змеевики имели на лицевой стороне изображение христианского образа, на обороте – головы (личины) в окружении змей либо змееной фигуры. Панагия – изделие в виде двух круглых створ, соединенных шарниром для хранения частиц богородичного хлеба.

Предметы медного художественного литья делятся на несколько типов: нательные кресты; иконки-привески различных форм; наперсные кресты-энколпионы с подвижным оглавием, двусторонние и односторонние с фиксированным оглавием; змеевики, иконы-энколпии двусторчатые с подвижным оглавием; иконы двусторонние и односторонние с ушком для подвешивания; панагии, двусторчатые, путные (дорожные) с подвижным либо фиксированным оглавием; складни (от двух до четырехстворчатых); наугольники и средники Евангелий или матриц для них; богослужебные предметы (кадила, кации); хоросы, состоящие из отдельных медных ажурных пластин и рельефных фигурок. Особенностью меднолитых икон являлось помещение на них евангельских сюжетов и очень редко библейских. В медном литье раньше, чем в других видах мелкой пластики, появляется изображение евангельских праздников, некоторых местно-чтимых святых. Для медного литья были характерны сокращенные иконографические изводы. Наиболее часто на них помещались поясные и ростовые фигуры (одиночные или парные). Основные типы орнаментации – геометрический и растительный [7, с. 19–20].

Относительная простота технологии изготовления, дешевизна материала, большой спрос обусловили быстрое и широкое распространение медной пластики в России. Основными центрами производства медного литья в конце XI – начале

XIII вв. являлся Киев, в XIV в. его место занимает Великий Новгород. Здесь происходит становление местной школы медного литья. В XV в. окончательно складывается новгородская школа медного литья. В XVI – XVII вв. первенство в изготовлении меднолитых образов переходит к Москве и Средней Руси.

Искусство медного литья оставалось в русле древнерусской традиции и после раскола XVII в. Повторение древних образцов, воспроизведение привычных, освещенных церковной традицией иконографии – вот то, что отличало медную пластику в этот период. В 1722 г., в эпоху реформ Петра I, выходит правительственный указ «о воспрещении употреблять в церковных и частных домах резные и отливные иконы». Предписывалось «воспретить употреблять в церквях резные и отливные иконы, кроме распятий, «искусною резьбою учрежденных и иных не коих штукатурным мастерством устроенных и на высоких местах поставленных кунштов, а в домах, кроме малых крестов и панагий, искусно юж резьбою деланных, отнюдь никаких резных икон не держать». В 1723 г. было запрещено продавать в лавках и отливать медные и оловянные иконы. Медное литье практически запрещалось к производству и употреблению как предмет культа. Но оно не прекратило своего существования. Новый период жизни медной пластики в XVIII – начале XX вв. оказывается, тесным образом, связанным со старообрядчеством. По мнению Л.Н. Савиной, «оно было монополизировано старообрядцами и получило самостоятельное направление в искусстве» [7, с. 48]. В первой половине XVIII в., в связи с расцветом деятельности старообрядческой Выговской литейной мастерской, появились новые типы складней, иные иконографические сюжеты, частично изменились технические приемы литья. Створы складней стали делать с петлями, плотно пригнанными друг другу на металлических стержнях. Благодаря Выговским мастерам, распространение получили три типа складней: двусторчатые складни с малыми створами («Троица Ветхозаветная», «Деисус», «Ангел Хранитель и Святой Никола Чудотворец»; трехстворчатые складни были разной величины – «Деисус», «Деисус с избранными святыми»); четырехстворчатые складни отличались особенной красотой и богатством декора. На них были представлены «большие праздничные створы с кокошниками» (изображение праздников, икон Пресвятой Богородицы с избранными святыми). Оборот складней украшался резным или литым изображением Голгофского креста.

В 1842 г. вновь последовал указ о запрещении литья медных икон. Вместе с тем, крупным центром по производству и распространению медного литья становится Русский Север, в частности, Выговская старообрядческая пустынь вплоть до ее закрытия в 1854 г. Поморское литье было наиболее

ранним видом старообрядческого литья, оказало решающее влияние на развитие литейного производства других старообрядческих центров.

Московская Федосеевская Преображенская община в середине XIX в. продолжила традиции поморского литья. Эти два крупных центра производства медного литья удовлетворяли потребности в предметах благочестия старообрядцев-беспоповцев. Меднолитейные произведения московских мастеров существенно отличаются: они значительно массивнее, имеют многоцветную гамму стекловидных эмалей. На отдельных литых иконах, складнях и крестах появляются монограммы мастеров-литейщиков (МАП, СИБ, др.). Самая большая группа предметов московских литейщиков-мастеров имеет монограмму Р.С. Хрусталева (М.Р.С.Х., Р.Х. Р.С) [9, с. 561]. Гуслицкие же мастера (посад Гуслицы Богородского уезда Московской губернии) создавали медные распятия, образки, иконки для старообрядцев-поповцев. Особенностью иконографии этих работ было изображение Бога Саваофа и Святого Духа в виде голубя в верхней части креста. Изготовлением медного литья занимались в Поволжье, на Урале, в Сибири, Прибалтике, Центральной России.

Могла ли медная художественная пластика отливаться в районе Стародубья и Ветки? Архивных данных, подтверждающих наличие здесь производства медной художественной пластики, в настоящее время не обнаружено, но встречается она здесь повсеместно в Новозыбкове, Клинце, Климове, Злынке, Воронке, Елионке, Шеломах, Тимошкином Перевозе, Ветке. Медную художественную пластику можно встретить здесь в храмах, моленных домах, жилых помещениях. Ранее большое количество меднолитых образков можно было встретить на старообрядческих кладбищах, особенно в Злынке. В последние годы, в связи с хищениями, на кладбищах практически не сохранилось медная художественная пластика. Старообрядцы передают меднолитые иконы по наследству. Особенно это характерно для старообрядцев-беспоповцев.

В изученной нами исторической, искусствоведческой литературе не найдено подтверждений того, что производство медной художественной пластики было на территории Стародубья и Ветки, хотя наличие меднолитых заводов в посаде Клинцы, относительная дешевизна производства, многочисленный спрос на эти культовые предметы могли способствовать литью здесь медных икон. Кроме того, в большинстве старообрядческих поселений были свои медники [3, с. 341].

Какие же памятники медной художественной пластики XVIII–XIX вв. встречаются в исследуемом районе? Это образки, складни, кресты-распятия и т.д. Здесь представлены предметы культа как поповского, так и беспоповского толков старооб-

рядчества: поморское литье, изделия Московской Преображенской общины, Гуслиц. Вместе с тем, имеется смешенная группа памятников.

Архивные источники подтверждают факт наличия меднолитых икон – крестов-распятий, складней, образков, икон с медными створами, врезанными в деревянную основу – в убранстве старообрядческих храмов Стародубья и Ветки. Такие предметы старообрядческого культа находились в церкви во имя пророка Илии и церкви во имя Казанской Божьей Матери в Климовском Казанском девичьем монастыре [3, с. 341], в церкви во имя Бориса и Глеба в ветковском Пахомьеве монастыре, в Никольской церкви Никольского монастыря [3, с. 341], также находившемся на территории Ветки. Этот факт подтверждает ранее высказанное мнение: если в официальной церкви было запрещено употребление меднолитых икон, то старообрядцы широко применяли данные предметы культа, зачастую отдавали им предпочтение. В исследуемом районе, как и среди иконописных памятников, преобладают культовые медные памятники старообрядцев-поповцев. В настоящее время коллекции музеев Брянской области, Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций обладают значительным количеством произведений медной художественной пластики. Одним из наиболее характерных памятников гуслицкого литья являются так называемые «патриаршие распятия», иначе – «Распятия с праздниками и избранными святыми». Это крупные, многочастные композиции, центром которых является «Распяятие с предстоящими», окруженное клеймами с изображениями отдельных святых и евангельских сцен (от 5 до 12 клейм). В коллекции Брянского областного музейно-выставочного центра находится одно из таких распятий с 5 клеймами, увенчанными изображениями закрепленных на штифтах серафимов (Крест-распяятие с праздниками и избранными святыми. XIX в., медный сплав, литье, эмаль. Инв. ПР-397 БОХМ). Надпись титлы на кресте-распятии «И.Н.Ц.И.» – «Иисус Назаретянин Царь Иудейский», а также изображение в верхней части Господа Саваофа свидетельствует о предмете культа, характерном для старообрядцев-поповцев. Клеймы расположены в следующем порядке: «Вход в Иерусалим», «Сретение Господне», «Воскресение Христово – Сошествие во ад», «Вознесение Господне», «Троица Ветхозаветная». Под раменами Христа надпись: «Кресту твоему поклоняемся владыко и святое воскресение твое славим». «Распяятие с праздниками и избранными святыми» декорировано растительным орнаментом, эмалью голубого и белого цвета. Время создания памятника – середина XIX в. Эти памятники не единичны в районе Стародубья и Ветки. Они встречаются как самостоятельные экземпляры, так и в качестве накладных икон на Евангелие (напри-

мер, Евангелие 1863 г., Московская печать, Накладная икона, 1863. 25×41×11, дерево, бархат, медь, серебрение. Инв.-340, собрание Новозыбковского краеведческого музея). К гуслицким памятникам можно отнести также икону «Образ Покрова Пресвятой Богородицы» (XIX в., медный сплав, литье, эмаль. Инв. ПР-173 БОХМ). Иконографический сюжет Покрова совмещен здесь с сюжетом о Романе Сладкопевце. В килевидном навершии изображена «Троица Новозаветная», ангелы господни и символы евангелистов. Икона украшена растительным орнаментом, эмалью голубого и белого цвета, не имеет ушек отверстий.

Среди наиболее ярких памятников ранней гуслицкой пластики – трехстворчатые складни с изображением Святого Никола Чудотворца. Его изображения, наряду с изображениями Иисуса Христа и Богоматери, наиболее часто можно видеть в исследуемом районе (например: складень трехстворчатый «Святой Никола Чудотворец». XIX в., медный сплав, литье, Инв. ПР-170 БОХМ). В последнем из названных памятников изображение святителя предстает поясным, в левой руке он держит Евангелие, правая рука – в благословляющем жесте. Изображенные Иисус Христос и Богородица передают святителю знаки епископского облачения – Евангелие и омофор. Складень покрыт эмалью голубого цвета.

Из памятников поморского литья и литья Московской Преображенской Федосеевской общины можно отметить следующие, встречающиеся на территории Злынковского, Новозыбковского районов Брянской области. Это, прежде всего, складень четырехстворчатый «Дванадцатые праздники». Иконография складня была разработана в литейной мастерской Выговского старообрядческого монастыря в конце XVII в. Складни подобного типа получили широкое распространение по всей территории России в XVIII–XIX вв. Памятник представляет собой створы прямоугольной формы с килевидными навершиями. На первых трех створах в клеймах представлены праздники (слева направо): Благовещение, Рождество Христово, Введение Богоматери во Храм. На второй створе: Сретение Господне, Богоявление Господне, Преображение Господне, Вход Господень в Иерусалим. На третьей створе: Воскресение Христово – Сошествие во ад, Вознесение Господне, Сошествие святого духа на апостолов, Успение Богоматери. На четвертой створе сцены Поклонения иконам Богоматери Тихвинской, Владимирской, Смоленской и Знаменая. В килевидных навершиях створ размещены композиции: Распятие Христово, Троица Новозаветная, Воздвижение Креста Господня, Похвала Богоматери. Нельзя не отметить, что преобразенские изделия полностью повторяют поморские первообразы, но их отливки тяжелее и массивнее, рельеф ниже. Так как с 1791 г. фе-

досеевцы придерживались поморского написания титулов на крестах-распятиях, то она идентична на памятниках этой группы; «И.Х.Ц.С.С.Б.» – «Иисус Христос Царь Славы Сын Божий». Злынковский, Новозыбковский, Клинецовский районы Брянской области – это территория компактного проживания старообрядцев-беспоповцев, поддерживавших контакты с поморскими и федосеевскими общинами России, что и объясняет распространение в данном районе этой группы памятников. У старообрядцев-беспоповцев также встречаются трехстворчатые складни с иконографическим сюжетом «Деисус» (трех- и девятифигурные), образки с изображением Святого Андрея Стратилата, пророка Даниила, Святых Кирика и Улиты, Тихвинской Богоматери, Богоматери Знаменая, кресты-распятия (аналойные), кресты-распятия (киотные).

Подписной, датированной пластики в исследуемом районе нами не обнаружено. Большую группу составляют так называемые «смешенные» памятники, где можно увидеть отличительные черты литья, характерные для разных центров старообрядчества.

Итак, в ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Произведения медной художественной пластики встречаются на территории духовных центров Стародубья и Ветки повсеместно – в музейных коллекциях, частных собраниях, используются как предметы старообрядческого культа в богослужениях в старообрядческих храмах. Ранее они присутствовали на могильных памятниках и захоронениях.

2. На территории этих духовных центров имеются памятники, характерные как для старообрядцев-поповцев, так и беспоповцев.

3. Существование духовных центров и наличие здесь медеплавильных заводов, принадлежащих старообрядцам, могло привести к созданию собственного старообрядческого литья на уровне копийного производства.

4. Крупные промышленные предприятия в Стародубье принадлежали промышленникам, тесно связанным с Белокриницкой иерархией, для которой не характерна такая острая потребность в меднолитых образах.

5. Меднолитые иконы, прежде всего, характерны для старообрядцев-беспоповцев, не имевших меднолитых предприятий в старообрядческих поселениях. Острой необходимости в этих предметах религиозного культа не ощущалось, в связи с немногочисленным количеством беспоповцев и возможностью привоза медной художественной пластики из других старообрядческих духовных центров – Гуслиц, Московской Преображенской общины, др.

6. Производство медной художественной пластики было возможным только в Стародубье, где

существовало медеплавильное производство, были свои мастера-медники.

7. Художественное наследие старообрядцев Стародубья и Ветки требует всестороннего изучения и внимания к его сохранению со стороны государственных органов соседних стран – Российской Федерации, Украины и Белоруссии.

Библиографический список

1. *Винокурова Э.П.* Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII–XVIII вв.: автореф. ... канд. искусств. – Л, 1989.

2. *Винокурова Э.П.* О художественном наследии Выго-Лексинской старообрядческой пустыни (состояние вопроса) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сборник научных трудов / под ред. Е.М. Юхименко. – М.: Археографический центр, 1994. – 240 с.

3. *Кочергина М.В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих об-

щин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. – Брянск: Издательство ООО «Ладомир», 2011. – 451 с.

4. *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII вв. – Киев: Типография Корчаг-Новицкого, 1895. – 596 с.

5. *Нечаева Г.Г., Леонтьева С.И., Шкляров Ф.Г.* Ветковский музей народного музей народного творчества. – Минск: Польша, 1994. – 153 с.

6. Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. – М: Государственный исторический музей, 1994. – 96 с.

7. Русское медное литье. Сборник статей / сост. С.В. Гнутова. – М.: «СолСистем», 1993. – Вып. 1. – 192 с.

8. Русское медное литье. Сборник статей / сост. С.В. Гнутова. – М.: «Сол Систем», 1993. – Вып. 2. – 200 с.

9. *Стародубцев О.В.* Церковное искусство. – М.: Лепта Книга, Издательство Сретенского монастыря, 2007. – 728 с.

Архипов Сергей Валентинович

кандидат юридических наук, доцент

Академия ФСИИ России, г. Рязань

justice4@yandex.ru

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XIX ВЕКЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В данной статье речь идет о правовом регулировании и организационном оформлении различных форм землепользования, применявшихся в XIX в. и направленных на реализацию правительственной программы колонизации окраин Российской империи. Анализируются правовые акты, закрепляющие различные способы землепользования лицами, переселяющимися на пустующие земли Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Показана деятельность уполномоченных органов по подготовке и реализации мероприятий, связанных с наделением земель переселенцев, которая осуществлялась в различных формах: продажа, долгосрочная аренда, безвозмездная передача. Подробно рассмотрены условия, в соответствии с которыми происходило наделение земель. От выбора формы землепользования, использованной в процессе освоения окраин Российской империи, зависела результативность колонизации в целом.

Ключевые слова: переселение, миграция, колонизация, землепользование, Министерство государственных имуществ, А.Н. Куломзин, аренда земли, земельные пожалования.

В первой половине XIX в. происходило становление границ Российского государства. В это время правительством были реализованы меры правового и организационного плана по осуществлению колонизации осваиваемых территорий Сибири и Дальнего Востока России.

В процессе переселений на казенные земли перед правительством встала проблема условий заселения. Распространенная в России форма пожалований для бедных дворян, отставных чиновников и офицеров очень скоро показала свою нежизнеспособность. Поэтому Министерство государственных имуществ все чаще ставило вопрос о продаже земли.

Обращение к опыту колонизации новых территорий западноевропейскими странами показывает, что передача земли в пользование осуществлялась там несколькими путями: 1) продажа по высокой цене, 2) продажа по низкой цене, 3) сдача в долгосрочную аренду, 4) безвозмездная передача. По мнению европейских экономистов, законодательство должно санкционировать все эти способы, ориентируясь на общие условия колонизации. Продажа и особенно наследственная аренда в большей части случаев оказывались бы предпочтительнее, но если необходимо было развивать колонизацию мелкими участками и увеличить число крестьян-собственников, то выгоднее было осуществлять даровую раздачу земли.

Опыт колонизации новых территорий выходцами из западноевропейских стран показывал, что гораздо больший наплыв переселенцев замечался в тех районах и колониях, где земли назначались в продажу. Колонисты предпочитали покупать землю, чем получать ее хотя и даром, но с различными условиями, ограничениями и неприятным тяжелым надзором. Право собственности дается целиком, не может быть отобрано, лишено различных условий.

Об актуальности проблемы землепользования в России в XIX в. говорит как деловая переписка

чиновников высшей администрации, так и издание трудов, анализирующих западноевропейский опыт колонизации [2].

Проблему продажи земли в Российской империи исследователи, как правило, связывают с деятельностью Министерства государственных имуществ, появившегося в 30-е годы XIX в. Однако указы о возможности продажи земли купечеству, мещанству и казенным поселянам, но без крестьян и для различного использования появились уже в начале XIX в. Интерес представляет не просто право продажи земли, несомненно существовавшее давно, а право приобретения земли лицами недворянского сословия, и прежде всего государственными крестьянами. В именном указе Сенату от 12 декабря 1800 г., предоставившем это право, обосновывалась цель данного разрешения: «Желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной соразмерно способам, какие Россия по пространству и положению своему имеет, признали мы нужным право приобретения всяких под разными именами известных земель без крестьян и владения всем тем, что на поверхности и в недрах их находится распространить на всех российских поданных, кроме тех, которые причислены к помещичьим владениям». И далее «всем, но и казенным поселянам, к какому бы ведомству они не принадлежали» [4].

Российское правительство, осуществляя колонизацию, стремилось не только к увеличению населения в осваиваемых районах, хотя эта задача в первой половине XIX в. решалась всеми способами, включая ссылку, но и к поднятию общего культурного уровня населения, складывания разнородного общества в осваиваемых районах, поднятию уровня культуры земледелия, что требовало переселения людей образованных, предприимчивых. С этой целью правительство стремилось привлечь дворян, отслуживших офицеров, мещан. В связи с многочисленными ходатайствами губернаторов об улучшении материального

положения обедневшего дворянства, отставных чиновников и офицеров, было инициировано наделение их земель.

18 февраля 1837 г. Высочайшим пожалованием была роздана земля частным лицам в Саратовской, Оренбургской губерниях и Кавказской области. Однако не было проведено должного размежевания, в силу чего министром государственных имуществ распределение земли было приостановлено. В течение 1837–1838 гг. партиями землемеров значительные пространства казенных земель в Саратовской губернии были сняты на планы и разделены на участки. В конце 1838 г. были продолжены межевые работы в Оренбургской губернии и Кавказской области. Следует отметить, что Министерство государственных имуществ в первую очередь проводило межевание земель для государственных крестьян, что было обусловлено необходимостью выделения земли для целого общества. Земли, признанные неудобными для государственных крестьян, предоставлялись в частное владение. На основе соответствующего доклада министра государственных имуществ 30 января 1839 г. императором была разрешена приостановленная ранее раздача земель на основе Всемиловейших пожалований [5].

20 июля 1848 г. было утверждено императором мнение Государственного совета «Об отдаче казенных участков малоимущим дворянам для поселения» [6]. Документ предоставлял право малоимущим дворянам Смоленской, Рязанской и Симбирской губерний водворяться на свободных казенных землях Симбирской губернии и Курганского округа Тобольской губернии. Земля предоставлялась в размере 60 десятин на семейство в Симбирской (позднее эти земли отошли к Самарской) губернии и по 80 десятин в Тобольской губернии без всякой уплаты поземельной подати в потомственное владение. При этом особо подчеркивалось, что «продажа означенных участков и вообще переход от одного владельца к другому иным способом, кроме наследства, воспрещается» [6]. В то же время государство было озабочено сохранением участков без раздела, передачей старшему в семье по наследству. Такие ограничения позволяют говорить о достаточно условном праве частной собственности на землю. Для более успешного водворения по смете Министерства внутренних дел предусматривалось выделение денежного пособия в размере 140 рублей на семейство в виде ссуды. Общий размер отпускаемых на эти цели средств в 1846 г. составлял 15 191 рубль [7]. Для водворения было подготовлено 22 800 десятин в Самарской губернии и 40 000 десятин в Тобольской губернии. После образования участков началось переселение бедных дворян. Однако желающих переселиться в Тобольскую губернию не нашлось.

Архив Министерства государственных имуществ свидетельствует о наличии многочисленных ходатайств губернаторов и начальников губерний об обеспечении чиновников, увольняемых в отставку или оставляемых за штатом при преобразовании или упразднении различных присутственных мест, применив к ним действующее постановление о наделении малоимущих дворян участками в размере шестидесяти десятин. С таким ходатайством обратился начальник Архангельской губернии, а также адмирал В.И. Мелихов. В отчете по морскому ведомству он выразил мнение о возможности применения данной меры к отставным и оставленным за штатом офицерам и чиновникам морского ведомства. В резолюции императора на эти ходатайства говорилось о необходимости обсуждения проблемы в министерстве государственных имуществ. Вместе с тем подчеркивалось: «...если эта мера признается удобоисполнимой, то она должна быть общею, не для одного морского ведомства» [8].

При этом предлагалось проанализировать результаты водворения бедных дворян на казенных землях. Из всех переселенных в Самарскую губернию дворянских семей только 80 начали вести свое хозяйство. Проведенное обследование показало, что большая часть переселенных дворян по многим причинам (незнание местности, отсутствие опыта, недостаток средств и т. д.) сдавали отведенные участки арендаторам, а сами вернулись на место прежнего жительства. По распоряжению Министерства внутренних дел в 1850 г. местной полиции было поручено наблюдать за целевым использованием дворянами полученных земель. Указанная мера оказалась бесполезной, к тому же труднореализуемой. Поэтому Министерство внутренних дел подняло вопрос о передаче дел, связанных с переселением дворян, наблюдением за хозяйством переселенцев, в ведение Министерства государственных имуществ. Началась длительная переписка между ведомствами, так как министерство государственных имуществ не могло согласиться с этим предложением: вопросы, связанные с дворянством, не входили в компетенцию данного министерства. Более того, хозяйства переселенных дворян, по отзывам местных властей и жителей, находились в жалком состоянии. Вызывала нарекания и нравственность переселенцев. В силу указанных обстоятельств перед Комитетом министров была поставлена задача: анализ причин, которые обусловили неудачу первого опыта переселения бедных дворян и чиновников, а также обоснование целесообразности дальнейшего отвода казенных земель.

В 1858 г. в Комитет министров поступила записка от бывшего министра государственных имуществ графа М.Н. Муравьева. В записке указывалось на необходимость выработки четких правил относительно водворения бедных дворян

на казенных землях, на распространение права на получение казенной земли на уволенных чиновников всех ведомств. По мнению Министерства государственных имуществ, одной из важнейших причин того, что попытки хозяйствования бедных дворян оказывались безуспешными, была удаленность от мест прежнего проживания. Успеху водворения мог способствовать, как указывал Муравьев, отвод свободных земель во всех губерниях. Предложения, указанные в записке, были одобрены Комитетом министров. Однако, несмотря на долговременную переписку между министерствами внутренних дел и государственных имуществ, правила так и не были выработаны. С другой стороны, не могли быть реализованы и утвержденные Комитетом министров положения записки Муравьева о наделении дворян и бывших чиновников во всех губерниях. Как отмечалось в записке действующего министра государственных имуществ, в каждой губернии есть бедные дворяне и чиновники, однако необходимое количество свободных земель есть только в восточных и северо-восточных губерниях. Следовательно, воспользоваться этим могут только проживающие ближе к этим районам. Для переселения в более отдаленные губернии требуется выдавать в виде ссуды более крупное, чем 140 рублей, пособие. Однако такая мера была бы чрезвычайно обременительна для казны. К тому же, по мнению министра, маловероятно, что эти деньги будут возвращены казне: многие дворяне, водворившиеся в Самарской губернии, уже обращаются с прошениями о сложении с них полученной ссуды, хотя уплата была определена по истечении 8 лет с рассрочкой на 12 лет. Водворение без средств к обустройству неосуществимо. Поэтому, считал министр, пока не составлены общие правила о водворении бедных дворян и чиновников, «надлежало бы совершенно отклонить предложение о подобном наделе казенной землею, прекратив дальнейший надел оною бедных дворян» [8]. Однако Комитет министров, хотя и признал доводы министра государственных имуществ достаточно убедительными, в то же время окончательно не прекратил пожалования, предоставив министру право давать движение ходатайствам неимущих дворян и чиновников в установленном порядке. Неопределенность положения и различие во взглядах на землепользование переселенцев рождали многочисленные согласования между ведомствами.

Между тем, с 1860 г. увеличилось число прошений от дворян и отставных чиновников о наделении их землею в Самарской губернии. В министерство стали поступать просьбы от чиновников, в которых выражалось желание приобрести казенную землю в собственность или в постоянное пользование посредством выкупа или покупки с предоставлением значительной ссуды от государства. В то же время

отвод земельных участков всем желающим безвозмездно, как показал опыт, не дал результата.

В то же время администрация сибирских губерний была заинтересована, с одной стороны, в увеличении населения губерний за счет привлечения представителей различных сословий, с другой стороны, стремилась к постепенному освоению значительных территорий. Так, 30 марта 1860 г. было утверждено положение о правилах передачи в частные руки участков земли в Восточной Сибири под хлебопашество, сенокосение и постройку домов [9]. Правила были разработаны Сибирским комитетом по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири и представлению министра государственных имуществ. Согласно положению, участки, которые требовали расчистки, передавались в бесплатное пользование до 40 лет. При этом съемщик обязывался: начать работы в первый же год, а в последующие 3 года обработать не менее 1/5 всего участка. По истечении 40 лет обработанная земля должна была сдаваться в государственное ведомство, строения – снесены. При желании участок мог быть оставлен, при отсутствии других желающих, за плату 50 копеек за 1 десятину в год.

Если участки не требовали расчистки, то поступали в распоряжение съемщика на срок до 40 лет, но за плату: в первые 10 лет по 10 копеек за 1 десятину в год, в следующие 10 лет – по 15, в третьи 10 лет – по 20, в четвертые 10 лет – по 25 копеек [9]. Заслуживает внимания и тот факт, что право на получение участков распространялось на все сословия.

Более привлекательными и доступными были земли в Западной Сибири, о чем свидетельствует число переселенцев, водворившихся как на законных основаниях, так и самовольно. Поэтому неслучайно 31 марта 1860 г. было Высочайше утверждено Положение Сибирского комитета «О введении частной поземельной собственности в Западной Сибири, через продажу в частные руки некоторой части пустопорожных казенных земель и через раздачу сих земель по Всемилоствейшему пожалованию в награду за службу и за особые заслуги и подвиги» [10].

Положение определяло право Сибирского комитета, по согласованию с Министерством государственных имуществ и в последующем утверждении императором, для введения частной поземельной собственности, продажи части казенных земель, которые не являлись необходимыми для правительства ни в настоящее время, ни в будущем. В виде опыта для продажи были определены 500 участков по 80 десятин каждый казенных земель. Ранее эти участки были подготовлены для переселения бедных дворян Смоленской и Витебской губерний, но ввиду неявки последних остались незанятыми. Участки поступали в продажу в результате публичных торгов, к которым допу-

скались все желающие, включая и служащих в Сибири военных и гражданских чинов. Исключение составляли ссыльно-каторжные и другие преступники, которые по закону были лишены права владеть недвижимой собственностью. В положении указывалось на возможность в случае успешного проведения торгов генерал-губернатору Западной Сибири обращаться в Сибирский комитет с предложениями о продаже казенных земель в другой местности Западной Сибири.

Положение закрепляло и второй путь складывания частного землевладения в Западной Сибири: на основе Всемилостивейших пожалований за усердную службу и особые заслуги и подвиги. Выделялись участки размером от 250 до 1000 десятин удобной земли в зависимости от занимаемой должности и ранга. Земля предоставлялась в потомственное владение. Преимущественное право на такое пожалование имели чиновники, прибывшие в Сибирь из европейской части России и прослужившие с особым усердием не менее 20 лет.

Вместе с тем Положение подчеркивало, что и в случае продажи, и в случае пожалований «перевод туда крепостных людей для поселения на сих землях строжайше воспрещается» [10]. По взаимному договору в установленном законом порядке владельцам не воспрещалось отдавать свои участки для поселения людям свободного состояния.

Однако уже в 1868 г. министр государственных имуществ возбудил ходатайство об отмене той части закона, которая касалась земель, Всемилостивейше пожалованных. В пояснительной записке министра указывалось, что эти земли, в отличие от проданных участков, остаются без обработки. Еще ранее на желательность продажи земли в частную собственность обращал внимание и генерал-губернатор Западной Сибири. Поэтому Положением Комитета министров 26 июля 1868 г. было заявлено о прекращении пожалований на началах, предусмотренных правилами 31 марта 1860 г. [11]

Земли, предназначенные для пожалований, были предложены для продажи. Значительное количество этих участков было расположено в Курганской округе Тобольской губернии. По данным одного из защитников введения частного землевладения в Сибири, управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина, на первых же торгах было продано 484 участка общей площадью более 40 000 десятин в среднем по 4 рубля 17 копеек за десятину. Интересен и состав покупателей: 20 000 десятин купили купцы, 12 480 – 75 государственных крестьян, 3 600 – 6 чиновников, 2 560 – 4 мещанина, 80 – 1 отставной солдат [3, с. 10].

После отмены пожалований законом от 14 июня 1868 г. устанавливалась продажа отставным чинам и офицерам на льготных условиях или

передача участков от 30 до 150 десятин в аренду на 12 лет с правом выкупа в течение арендного срока. Положением Комитета министров в случае выкупа определялся единовременный взнос в размере 1/10 части выкупной суммы с рассрочкой платежа на 37 лет из 6 % годовых. При этом право на выкуп имели те, кто, получив землю в аренду, водворился и устроил свое хозяйство. Положение определяло и порядок получения разрешений от министра государственных имуществ [7].

К концу 1867 г. большинство отведенных участков было роздано, и министр государственных имуществ возбудил ходатайство об отводе под водворение новых земель. После обсуждения выяснилось, что из 80 участков выкуплено только 28, или 35 %. Поэтому Комитет министров рекомендовал не выделять в 1868 г. новых земель к распределению, пока не будут выкуплены все участки, что позволит составить заключение об эффективности этой меры [3, с. 11].

Еще в 1866 г. генерал-губернатор Восточной Сибири в отчете высказывал мнение о необходимости «дать широкое развитие поземельной собственности посредством продажи казенных земель не только крестьянам, но и лицам прочих сословий...» [12]. Он считал, что введение поземельной собственности будет способствовать лучшему состоянию сельского хозяйства, что окажет благотворное влияние на благосостояние всего края. После обсуждения в министерстве 26 июля 1868 г. император утвердил Положение Комитета министров «О распространении на Восточную Сибирь действия Высочайше утвержденных 31 марта 1860 г. правил для продажи казенных земель в Западной Сибири» [12].

С развитием процесса межевания участков, предназначенных для продажи в частную собственность, передачи на основе пожалований, утверждения торгов на продажу, все большую трудность стали представлять различные согласования. 13 июня 1867 г. было утверждено Положение Комитета министров, изменяющее порядок рассмотрения дел, касающихся продажи и пожалований казенных земель в Сибири, установленных правилами 30 марта 1860 г. [13]

Согласно новым правилам, все дела, касающиеся продажи или пожалований, должны быть сосредоточены не в канцелярии комитета министров, а в министерстве государственных имуществ; согласование данных вопросов генерал-губернатор Западной Сибири должен осуществлять непосредственно с министром государственных имуществ; производство указанных дел в министерстве государственных имуществ и дальнейшее их разрешение высшими властями должно быть согласовано в установленном законом порядке о продаже и пожаловании казенных земель во всех остальных частях империи [13].

По сведениям Министерства государственных имуществ, с 1868 г. по 1894 г. заштатным и отставным чиновникам и офицерам отведено в 13 губерниях Европейской России и в Тобольской губернии Сибири 178 участков общей площадью приблизительно 21 366 десятин.

К 1894 г. был выкуплен 91 участок (51 %) площадью в 9 897 десятин, что составляет 46 % общей площади. В Западной Сибири было отведено 5 участков в 709 десятин, за этот период было выкуплено 2 участка общей площадью 353 десятины. Таковы были результаты применения закона от 14 июня 1868 г.

При этом порядок пожалований и продажи касался не только губерний Сибири, восточных губерний европейской части России, но и юга страны. Так, согласно Положению от 10 марта 1866 г., для освоения Черноморского округа правительство осуществило отчуждение казенных земель через пожалование и посредством продажи на льготных условиях в Черноморском округе. В прибрежной полосе округа частным лицам принадлежало 90 000 десятин. Из них 38 000 десятин были розданы пожалованиями, 54 000 – проданы на основе Высочайше утвержденного 24 февраля 1872 г. Положения Кавказского комитета. Продажа осуществлялась на льготных условиях: по 10 рублей за 1 десятину с рассрочкой платежа на 10 лет. При этом устанавливалось ограничение: не более 3 000 десятин в одни руки. Создание на этих участках образцовых хозяйств должно было способствовать повышению культуры земледелия. Однако, по данным Кавказского руководства, цель не была достигнута: лишь 50 % всей площади частновладельческих хозяйств находились под обработкой.

Серьезную обеспокоенность правительства вызывали восточные рубежи страны. Малолюдные пространства привлекали внимание соседних густонаселенных государств. Заселение этих районов было одной из важнейших задач обеспечения национальной безопасности в XIX – начале XX в. [1] Для прочной основы власти необходимо было привлечь в край население. В начале 60-х годов на Дальний Восток через Сибирь за свой счет стали прибывать переселенцы. Движение было вызвано льготами, предоставленными переселенцам законом 26 марта 1861 г. Закон устанавливал правила для поселения в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири всех желающих, как русских, так и иностранцев, на условиях продажи или отвода во временное владение казенных земель. Наибольшее развитие движение в эти районы получило с 1866 г., что отвечало интересам правительства. Учитывая целесообразность предоставления участков на этих условиях, по Высочайшему утверждению 26 января 1882 г. мнению Государственного Совета, действие правил 1861 г. было продлено.

В 1891 г. министр государственных имуществ высказался за отмену в Приамурье продажи казенной земли в связи с недостаточностью сведений о наличии в Сибири пространств, пригодных для сельского хозяйства. Однако Государственный совет предложил сохранить в Восточной Сибири продажу государственного земельного фонда, мотивируя тем, что только перспектива обладания землей на праве собственности может привлечь в Приамурский край переселенцев. В то же время Государственный совет указал, что ожидать ведения улучшенного хозяйства, длительной разработки естественных богатств и создания крупных промышленных предприятий можно лишь на участках, принадлежащих владельцам на праве частной собственности. Однако результаты действия закона 1861 г. нельзя признать вполне благоприятными. За 30 лет, с 1861 по 1891 г., в Амурской и Приамурской области образовалось всего 317 частных хозяйств, из них только 11 (что составляло 4 %) крупные, имевшие по 400 десятин земли [2, с. 13].

Сравнительно медленные темпы приобретения казенных земель в собственность объясняются необходимостью значительных сумм для устройства полного хозяйства, постройки дома, приобретения живого и технического инвентаря в Сибири при чрезвычайной дороговизне рабочих рук и многих мастеров. Между тем, купцы предпочитали помещать капиталы в торгово-промышленные предприятия, дававшие несравненно больший процент, чем сельская промышленность.

Другим, после продажи и бесплатного отвода земель, способом заселения пустопорожних земель являлась аренда государственных земельных угодий. Следует отметить, что многие вопросы землепользования не были разрешены законодателем, что сдерживало разрешение многих сторон земельного вопроса. Например, в Новороссийской губернии помещики нередко приглашали переселенцев на свои земли, предоставляя участки в потомственное пользование при условии постройки домов и других зданий. Такое потомственное пользование Сенат подвел под понятие «право вечно-чиншевого владения». Однако отсутствие прямого закона представляло затруднение для юридической квалификации этих отношений: договор не мог быть засвидетельствован нотариусом. В итоге такие правоотношения не получили развития.

Отсутствие четкой позиции по проблемам переселения и форм землепользования в правящих кругах приводило к непоследовательности как в законодательстве, так и действиях правительства. Не был учтен и положительный опыт переселений государственных крестьян, не проанализированы должным образом попытки переселения бедных дворян, отставных чиновников и офицеров. Между тем по мере развития переселенческого движения

проблема характера землевладения приобретала все большую остроту.

Библиографический список

1. *Архипов С.В.* Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по реализации государственной переселенческой политики в конце XIX – начале XX вв. (историко-правовой аспект) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 15–19.

2. *Гинс Г.К.* Земельная политика в колониях // Гинс Г.К. Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. – Вып. 2. – 65 с.

3. *Куломзин А.Н.* Основы насаждения частного землевладения в Сибири. – СПб., 1898. – 25 с.

4. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). –Собр. 1. – Т. 26. – Ст. 20075. – СПб., 1830.

5. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 14. – Ст. 11981. – СПб., 1840.

6. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 23. – Ст. 22457. – СПб., 1849.

7. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 43. – Отд. 1. – Ст. 45975. – СПб., 1873.

8. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 40. – Отд. 1. – Ст. 41795. – СПб., 1867.

9. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 35. – Ст. 35628. – СПб., 1862.

10. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 35. – Ст. 35653. – СПб., 1862.

11. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 43. – Ч. 2. – Ст. 46143. – СПб., 1873.

12. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 43. – Ч. 2. – Ст. 46145. – СПб., 1873.

13. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 42. – Ч. 1. – Ст. 44692. – СПб., 1871.

Меншиков Игорь Самуилович
кандидат исторических наук, доцент
Курганский государственный университет
igor@bk.ru

Максимов Вячеслав Анатольевич
Курганский государственный университет
maksimovya4eslav2017@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам волостных судов)

Российское общество на протяжении нескольких десятилетий находится в переходном состоянии. Это влечет за собой размывание и трансформацию социальных норм, а также увеличение числа проявлений девиантного поведения, в том числе и в семейной жизни. В российской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века начался активный распад традиционной культуры и традиционной семьи русского народа. В статье рассматриваются проявления отклоняющегося поведения в русской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века. Опираясь на архивные документы, а также труды этнографов и юристов, авторы исследуют обращения представителей крестьянства в волостной суд с жалобой на членов их семей. Устанавливается, что наиболее часто обращались крестьянские жены с жалобой на пьянство, мотовство и жестокое обращение своих мужей. Имели место обращения мужей на безнравственное поведение жен и их уход из семьи. Авторы приходят к выводу, что документы волостных судов являются ценным и интересным источниками при изучении социальных девиаций и семейной жизни русского крестьянства. Они позволяют лучше увидеть и понять некоторые стороны семейной жизни русских, слабо освещенные в других источниках.

Ключевые слова: социальная норма, социальная девиация, волостной суд, крестьянская повседневность, традиционная культура, русское крестьянство, крестьянская семья.

Волостной суд – интересное и сложное явление не только юридической практики пореформенной России. Это был важный регулятор повседневной жизни крестьян, их споров и ссор, в решении которых он руководствовался нормами обычного права и представлениями о «правде», что означает нечто большее, чем просто правосудие. Волостной суд рассматривал тяжбы крестьян и наказывал за мелкие правонарушения штрафом, исправительными работами, арестом в каталажной камере и (до 1906 г.) розгами. Стоит отметить, что деятельность волостных судов долгое время оставалась на периферии научных исследований. Однако в последнее время к ней стали активно обращаться как историки, так и правоведы, среди которых следует выделить имена В.Б. Безгина [1] и Л.И. Земцова [8]. Применительно к Западной Сибири данной проблематикой занимается С.Г. Федоров [11]. Не анализируя детально структуру и юрисдикцию волостных судов, поскольку эти аспекты уже достаточно исследованы, мы уделили основное внимание рассмотрению семейных дел в волостных судах России.

Как уже отмечалось выше, материалы волостных судов долгое время не находили широкого применения в исторических исследованиях. Изменение в отношении к этому источнику начали наблюдать в конце XX века, но основное внимание историков было привлечено к хозяйственным делам, мелким преступлениям и другим правонарушениям. Однако материалы волостных судов, которые сохранились как в архивах, так и в работах юристов и этнографов второй половины XIX – начала XX века, дают немало информации по другим

аспектам повседневной жизни русского крестьянства, в частности нормам поведения и социальным девиациям, в том числе и семейной жизни.

Под социальной девиацией мы понимаем систему действий и поступков, отклоняющихся от общепринятых норм. Применительно к семейным отношениям это нарушение неписаных, но общеизвестных правил поведения в семье. Эти правила могли иметь вариации в каждой отдельной семье, но систематическое нарушение их (например, жестокое обращение с женой) вызывало осуждение односельчан, а в случае обращения в волостной суд тот обычно вставал на защиту обиженных, хотя всегда стремился к примирению сторон [12, с. 190]. Большую роль при решении таких споров имело мнение односельчан о семье и её отдельных членах [14, с. 134; 7 с. 76–77]. Крестьяне старались «не выносить сор из избы», решения принимались внутри семьи или советом стариков, особенно если дело касалось супружеской неверности. В волостной суд обращались крайне редко. Однако в материалах волостных судов можно обнаружить немало интересных примеров социальной девиации в семейных отношениях русских крестьян, что и является главным предметом исследования данной статьи.

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных случаев отражения семейных отношений в делах волостных судов необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует сказать, что русская крестьянская семья выполняла множество функций. М.М. Громыко отмечает, что это был коллектив совместно хозяйствующих людей, что определяло многое, но далеко не все в семейных отношениях [5, с. 167]. Се-

мья рассматривалась как малая церковь, и в этом качестве на неё воздавались обязанности по воспитанию, социализации, поддержанию порядка и «благочиния» [6, с. 326]. Государство и сельский мир старались не вмешиваться в семейные отношения, если они не нарушали фискальных и административно-хозяйственных установлений. Народное право не видело предосудительного в том, что с точки зрения официального права должно было рассматриваться как преступление (побои, оскорбления и т. п.). В исключительных случаях члены семьи могли обратиться к миру-общине или суду стариков и соседей. В принципе, любое сборище было «ареной для апелляции к общественному мнению». Однако и тогда эти органы старались не вмешиваться в семейные дела и стремились кончить дело миром [5, с. 258–260]. Формально у общины не было основания для наказания виновных, за исключением общественного порицания, но иногда община накладывала наказание. Например, по жалобе родителей непокорных детей могли публично высечь, а затем прилюдно заставить просить прощения [5, с. 260].

Следует сказать несколько слов о характере волостных судов, учрежденных после отмены крепостного права. Они заменили помещичьи суды и неформальные квазисудебные органы русской общины [14, с. 33]. Со временем система волостных судов была распространена на новые территории, расширен круг подсудных случаев. В отличие от общины, волостной суд имел законное основание накладывать наказания на крестьян за мелкие правонарушения, в том числе за нарушение общественного порядка. Именно там крестьяне решали большинство спорных вопросов. Однако поскольку судопроизводство велось устно, решение суда не всегда оформлялось письменно, особенно если дело заканчивалось примирением сторон. Значительная часть споров разрешалась на досудебной стадии [1, с. 43; 10, с. 223–225]. К сожалению, огромный массив материалов волостных судов безвозвратно погиб в годы революции и Гражданской войны. Кроме того, не следует принимать документы судебно-следственных дел за отражение типичных семейных отношений. В самом деле, обращение в суд базируется на нарушении нормы и тем самым косвенно подтверждает содержание самой этой нормы. Это особенно отчетливо заметно при рассмотрении мотивов жалоб и обоснования судебного приговора. В завершение этих предварительных замечаний хотелось бы отметить, что за пределами настоящей статьи остались случаи, связанные с имущественными спорами членов семьи, за исключением нарушения моральных правил, касающихся содержания нетрудоспособных членов семьи.

Наиболее часто в материалах судов встречаются жалобы жен на своих мужей (пьянство, побои, мо-

товство). Жалобы мужей встречаются гораздо реже, в основном они касаются ухода супруги из семьи. Пьянство не рассматривалось как уголовное преступление, и если оно не мешало хозяйству, а следовательно, внесению податей, отношение общины к нему было снисходительным [1]. Однако если глава семьи, злоупотребляя алкоголем, растрачивал семейное имущество, отношение к нему резко менялось. В этом случае жалоба жены могла быть не только рассмотрена, но и удовлетворена. Так, в Шулецом волостном суде рассматривалась жалоба крестьянки И. на своего мужа по поводу пьянства. В ходе рассмотрения дела выяснилось, что обвиняемый В. «жизнь ведет нетрезвую, хлебопашеством не занимается и плохо заботится о воспитании детей; меньше полугода тому назад был наказан розгами за безнравственность и буйственное обращение с женой». Суд постановил учредить опеку над имуществом В. и запретил ему продажу ононого, а кроме того «за нерадение по хозяйству, пьянство и оскорбление невинно жены наказать розгами 20 ударами» [7, с. 131]. Еще в одном случае из той же Ярославской губернии некий крестьянин Л. по причине систематического пьянства был отстранен от управления имуществом по жалобе жены и детей, а кроме того, за жестокое обращение с оными был приговорен к трем дням ареста. Управление имуществом суд передал жене [7, с. 132].

В некоторых случаях с жалобой на пьянство и мотовство главы семьи выступали и дети. Так, в селе Большой Карай Саратовской губернии взрослый сын пожаловался в волостной суд на отца, который тайно взял у сына девять рублей и пропил эти деньги. Суд приговорил означенного отца «за пьянство и беспутную жизнь» лишить права хозяйства и передать его сыновьям, а кроме того, за кражу денег у сына «подвергнуть семидневному аресту» [7, с. 130]. Подобные решения довольно часто принимались в волостных судах [13].

Как уже отмечалось выше, жалобы мужа на жену встречаются реже, в основном на уход жены из дома. Нередко причиной этого было дурное поведение и жестокость мужа. Волостной суд, как правило, требовал возвращения жены в семью, хотя при наличии доказательств мог наказать и супруга [10, с. 87]. Впрочем, как правило, решение было в пользу мужа, а жалобы на домашнее насилие со стороны супруга или его родителей не принимались во внимание. Более того, ушедшая женщина могла подвергнуться еще наказанию со стороны суда. Так, некая крестьянская жена П. убежала вследствие жестокого отношения её мужа Б. к отцу. Суд постановил: «за постоянное ослушание жены противу мужа и уклонение её от мужа чрез отлучку от общего сожития подвергнуть жену Б., П., аресту на двое суток... Отправить её в дом к мужу и внушить её, чтобы она имела к нему полное повиновение и послушание» [10, с. 88]. Анало-

гично поступил и Глядянский волостной суд, когда крестьянка Марфа Свинаина отказывалась ехать на поселение в Сибирь со своим мужем, ссылаясь на его жесткое к ней отношение и постоянное пьянство. Суд постановил, что она должна ехать за мужем в ссылку, поскольку «в новом месте жена его будет ближе ему как уже человеку одинокому» [3, д. 51, л. 28–30]. Как правило, суды наказывали мужа лишь в исключительных случаях, справедливо полагая, что иначе он будет еще больше бить жену и детей. Как правило, дело заканчивалось обещанием жить мирно [12, с. 90].

В отдельных случаях допускалось раздельное проживание супругов, брак при этом не аннулировался [12, с. 88]. Однако обычно жену возвращали мужу с наказанием за дурное поведение. В материалах волостных судов можно обнаружить примеры, когда супруга прощалась мужем без наказания. Интересный случай произошел в селе Замараевском Шадринского уезда в 1896 г. От крестьянина Ивана Важенина ушла его жена Фекла, которая сошлась с Егором Мурзиным из деревни Ковриги того же уезда. В конце концов Важенин забрал жену домой, но её любовник не успокоился: ночью 16 июня он был задержан в Замараевском в пьяном виде с ножом. Он заявил, что пришел, чтобы вернуть Феклу, а её мужа убить [2, д. 123, л. 32].

В обязанности главы семейства входило воспитание детей и забота об их нравственности, а в случае совершения малолетним ребенком проступка наказание, прежде всего имущественное, накладывалось именно на отца, который мог наказывать ребенка по своему усмотрению. Жалобы отца на взрослых детей принимались волостным судом на веру, а дети были обязаны доказывать свою правоту.

Лишь с наступлением XX века суды все чаще стали запрашивать доказательства «обиды» у отца [12, с. 91–92]. Однако даже выделившиеся дети были обязаны почитать родителя и оказывать ему материальную поддержку. Нарушения этой нормы жестко пресекались волостным судом [12, с. 90]. В архивах можно найти немало дел, где волостной суд недвусмысленно предписывает детям, даже отделившимся от родителей, выплачивать им содержание либо жить совместно с ними. [3, д. 51, л. 9–11]. Крестьянин Тихон Петров обратился в волостной суд с жалобой на своего сына Матвея, которому он передал имущество. В заявлении Тихон отмечает, что сын пьет, о хозяйстве не радует и ему чинит оскорбления. Суд постановил вернуть имущество Тихону, «за оскорбление родительской власти наказать Матвея Тихонова двадцатью ударами розог... иметь к отцу почтение и повинование, ничем его не оскорблять» [12, с. 84–85]. Взрослые дети, прежде всего сыновья, также могли пожаловаться на дурное поведение родителя. Например, в Глядянской волости крестьянин Николай Зотов набросился с руганью на сноху и выгнал её на мороз, когда его сын вышел

ночью на двор. Она была вынуждена прятаться у соседей, где её и нашел вернувшийся супруг. Беглецы пожаловались на дурное обращение с ними Зотова. Тот в ответ обвинил их в краже денег. Дело кончилось примирением сторон [4, д. 53, л. 50–51].

Подводя итоги сказанному, хотелось бы отметить, что хотя обычно проявления отклоняющегося поведения не выходили за пределы семьи, тем не менее в материалах волостных судов можно обнаружить весьма интересные примеры социальных девиаций. Заметим также, что для историка иногда важна не столько постановляющая часть приговора суда, сколько объяснения мотивов, которыми руководствовались судьи. Необходимо иметь в виду, что решение выносили, принимая во внимание конкретные обстоятельства и «судя по человеку». Таким образом, не стоит преувеличивать типичность приговоров, которые в аналогичных случаях могли быть совершенно разными. Почти всегда учитывалась «слава» (репутация) отдельного человека и семьи в целом, хотя, безусловно, суд руководствовался неписаными нормами обычного права, гибко и выборочно применяя их в решении дел. Особое внимание следует обратить на мелкие детали в объясняющей части документов, как, например, употребление выражений «напрасные побои» и «невинные оскорбления» в указанных выше случаях. В них проявляется отношение к «правде» и к тому, что допустимо, а что является аномалией. Судебные дела помогают раскрыть интересные стороны сельской повседневности, слабо освещенной в других источниках.

Библиографический список

1. *Безгин В.Б.* Алкоголь в обыденной жизни русского села (конец XIX – начало XX в.) // *NB: Проблемы политики и общества.* – 2013. – № 3. – С. 421–453.
2. Государственный архив в городе Шадринске. – Ф. 4. – Оп. 1.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). – Ф. 129. – Оп. 1.
4. ГАКО. – Ф. 189. – Оп. 1.
5. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 445 с.
6. *Громыко М.М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2007. – 530 с.
7. *Духовской М.В.* Имущественные проступки по решениям волостных судов. – М.: Типография Щепкина, 1891. – 381 с.
8. *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центр. Черноземья). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 448 с.
9. К вопросу о волостных судах: Волостной суд как искоренитель пьянства и развратной жизни / г. Савельев, Соллогуб // *Тобольские губернские ведомости.* – 1882. – № 30.

10. *Кушкова А.Н.* Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX века. – СПб.: Изд-во европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. – 318 с.

11. *Менциков И.С., Федоров С.Г.* Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – 260 с.

12. *Никонов С.П.* Семейное право в решениях волостного суда // Журнал министерства юстиции. – 1902. – № 10. – С. 79–104.

13. *Савельев А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. – Н. Новгород, 1881. – 91 с.

14. *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 240 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПЕНЗЕНСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО КРЕДИТА
В ГОДЫ НЭПА

Целью данной статьи является анализ социального состава Пензенского общества взаимного кредита (ПОВК). Предметом исследования выступают процессы изменения социального состава общества, происходившие под воздействием государственной политики, а объектом изучения – ПОВК как организация, удовлетворявшая потребности предпринимателей в кредите. В наши задачи также входит изучение целей создания ПОВК (как они понимались государством и предпринимателями); политики государства, повлиявшей на изменение клиентуры общества; рассмотрение динамики численности членов ПОВК по социальным группам.

Ключевые слова: новая экономическая политика, социальный состав, предприниматели, общество взаимного кредита.

Рассматривая состав участников ОВК, необходимо учитывать ситуацию, при которой протекала его деятельность. То, что в составе членов ОВК доминирующую роль играли торговцы, сомнению не подлежит. Однако следует иметь в виду, что в эпоху военного коммунизма торговая практика была повсеместной, а во времена нэпа – весьма далека от узкопрофессиональной деятельности. Торговлей занимались самые широкие слои населения. В годы нэпа, когда государство проводило политику либерализации экономических отношений и допускало существование частного предпринимательства, торговля являлась наиболее простой и приемлемой сферой деятельности для миллионов граждан, выброшенных из привычных условий жизни.

Предприниматели представляли собой очень разношерстную, аморфную массу, которая была едина лишь в противопоставлении к государству, обобществленному сектору в целом. В их сознании отражалась двойственность их положения. С одной стороны, государство разрешило частную торговлю, с другой – наказывало граждан за это, лишая избирательных прав, приводя до положения людей второго сорта.

Рассмотрение социального состава ОВК необходимо предварить анализом места и роли этого института в кредитной системе страны. Вопрос о монополии Государственного банка в кредитном секторе хозяйства страны был поставлен практически сразу же после его воссоздания. Уже в декабре 1921 г. в тезисах Госбанка, с которыми выступил А.Л. Шейнман на финансовой конференции, говорилось: «Имея в виду, что Госбанк, в качестве единственного носителя кредитных функций в стране, не справится с кредитными запросами мелкой и средней промышленности и торговли, должно быть допущено образование обществ взаимного кредита. Обществам этим должно быть предоставлено право производства банковских операций в ограниченном виде. Уставы обществ должны утверждаться Наркомфином. С той же целью развития кредитной периферии Госбанка должно быть допущено образование частных кре-

дитных институтов при условии известного в них участия государства в той или иной форме» [6, с. 9]. Таким образом, предполагалось дифференцировать кредитные организации по функциям и категориям клиентов. Многоукладность экономики, свойственная нэпу, охватывала как процессы производства и распределения, так и кредитования. Потребность частного сектора хозяйства в финансовых ресурсах была остра, а его заинтересованность в создании ОВК – очевидна.

Дефицит капиталов был хроническим для всего периода легального существования частной торговли. Торговые предприятия, занимавшиеся оптово-розничным посредничеством и по объемам своей работы приближавшиеся к кооперативным союзам (и даже наиболее крупные из них, как, например, городские предприятия 5-го разряда), были в 3–4 раза меньше обеспечены средствами, чем районные сельскохозяйственные союзы [7, с. 153]. Этим объясняется тяготение отдельных предпринимателей к объединению своих капиталов в товарищеские предприятия. Особенно этот процесс был характерен для городских поселений.

В условиях нэпа инициатива создания кредитных организаций исходила от государства и вписывалась в систему разрешительных мер в отношении частного сектора хозяйства. Именно поэтому при создании ОВК первоочередными являлись интересы государства. В конечном итоге реальные условия функционирования ОВК можно рассматривать как своего рода компромисс между интересами государства и потребностями частных предпринимателей эпохи нэпа, с явным доминированием первого над вторыми.

При обсуждении планов создания ОВК государством ставились цели, которые объективно должны были способствовать налаживанию связей между производителями и потребителями, сельскохозяйственным и промышленным сегментами рынка потребительских товаров. Другой приоритетной задачей являлось привлечение в экономику страны финансовых ресурсов, которые либо находились без движения, либо оборачивались в теневом секторе. Все эти намерения оговаривались

массой условий и ограничений, которые демонстрировали классовую направленность экономических реформ и были далеки от модели свободной рыночной конкуренции. Несколько особняком стояли проекты, обсуждаемые комиссиями Института экономических исследований при НКФ, которые порой были более радикальными, чем принятые постановления и декреты правительства.

В 1922 г. была разрешена организация мелких частных паевых кредитных учреждений – Обществ взаимного кредита частных торговцев и промышленников [4, с. 180], а также ссудосберегательных и кредитных обществ (декрет от 27 января 1922 г.) [5, с. 122].

Надзор за деятельностью частных кредитных институтов осуществлял Народный комиссариат финансов (НКФ), а контроль за кредитными операциями – Госбанк. В функции НКФ входило: решение вопросов об организации новых обществ и ликвидации существующих (в случае нарушения ими устава или осуществления спекулятивных операций); определение размера кредитов, предоставляемых членам обществ; установление минимального уровня процента по ссудным операциям и др. Сводный баланс 55 ОВК на 1 января 1924 г. выражался в 9 794 тыс. руб. и составил только 0,8% сводного баланса этих обществ на 1 января 1913 г. К концу 1925 г. по всему Союзу ССР насчитывали порядка 172. Притом, что на начало 1925 г. их было всего около 86 [6, с. 68].

Столь скромные цифры по сравнению с дореволюционными показателями демонстрируют не столько нежелание частного сектора развивать операции ОВК, сколько жесткие регулятивные рамки, в которых государство поддерживало деятельность обществ, по ходу действия постоянно изменяя правила игры.

Учредительные документы дают представление о том, что вопрос о составе будущего общества носил дискуссионный характер и рассматривался представителями государственного и торгово-промышленных слоев с различными позициями. В 1922 г. Пензенское губернское экономическое совещание (губэконо) выдвинуло предложение о создании в Пензе общества взаимного кредита и поручило Пензенскому отделению Государственного банка принять непосредственные меры к его организации. С этой целью было создано организационное собрание с участием представителей торговли и промышленности, заинтересованных в открытии ОВК.

В «Объяснительной записке к проекту Устава Пензенского ОВК» говорилось, что общество будет «представлять собой определенный круг лиц, взаимно заинтересованных в развитии его операций, опираясь на самоуправление своих членов. Несомненно, завоеует широкое доверие своего слоя и привлечет капиталы в виде вкладов и текущих счетов, и отсюда будет проводником возрож-

дения промышленности и торговли, выдавая краткосрочные ссуды под учет вексельных операций и разных ценностей, тем самым способствуя торговле» [2, л. 16 об. – 17]. Можно предположить, что под «определенным кругом лиц», которые в первом параграфе проекта Устава определялись как «занимающиеся коммерческой деятельностью», в данном случае подразумевались крупные и средние предприниматели. В документе, в частности, говорилось, что «наряду с средним промышленником и торговцем совершенно свободно может пользоваться кредитом и занимающийся мелким хозяйством, вырабатывающий продукт производства на рынок» [2, л. 22 а].

При обсуждении проекта также выяснилось, что «комиссия при разработке Устава ставила перед собой задачу с о выдаче ссуд известной части общества и не думала принимать на себя задачу объять необъятное» [2, л. 16 об. – 17]. Это было возможно лишь при условии участия в обществе состоятельных клиентов, когда проблема решалась бы не за счет количества, а за счет качества. В итоге разработчики проекта Устава заявили: «Да, мы не скрываем, что будущее общество предполагать обслуживать главным образом деятельность торгово-промышленной жизни, так как полагаем, что задачи более мелкого кредита остаются за кредитными и ссудосберегательными обществами или кассами» [2, л. 17].

Такая позиция со стороны организаторов ОВК вызвала недовольство представителей отделения Государственного банка, присутствовавших на совещании, которые заявили, что «назначение этих обществ – разгрузить работу Госбанка и дать возможность более широкому кругу лиц воспользоваться кредитом». Представители Госбанка предлагали расширить операции вновь открываемого общества, чтобы его членами могли состоять «не только коммерсанты, но и служащие различных учреждений и мелкие собственники», а иначе оно будет иметь «уклон в сторону торгово-промышленного класса» [2, л. 16 об. – 17]. Эти возражения со стороны представителей отделения Государственного банка не помешали при голосовании единогласно принять первый параграф в редакции разработчиков проекта. Был использован аргумент, что при разработке Устава общества его учредители руководствовались требованиями к границам деятельности ОВК, опубликованными в «Экономической жизни» и «Известиях ВЦИК».

Состав учредителей Пензенского ОВК был, пожалуй, самым «буржуазным» и профессиональным, что было предопределено ранним его появлением, возможно, иллюзиями, которые существовали по поводу возрождения кредитного дела в среде предпринимателей с дореволюционным стажем. На этом этапе государственная регламентация деятельности ОВК не была еще столь детальной.

Из 51 учредителя: 26 человек являлись торговцами, причем все с дореволюционным стажем. Однако у 19 человек нет указаний на конкретный вид торговой деятельности, которой они занимались до 1917 г. и на момент создания ОВК. Один из 26 – бывший крупный коммерсант, еще двое являлись владельцами магазинов (оптического и писчебумажного) и возобновили свою деятельность после революции. Среди учредителей упомянут бывший владелец мельницы, который занимался торговлей и поставками хлеба, еще один – торговый агент и два члена торгового товарищества [2, л. 18 – 20].

Тринадцать из 51 учредителя – служащие, причем большинство из них государственные: агент государственных хозяйственных предприятий, заведующий хозяйственными заготовками «Лесотреста», служащий «Горнозаводского треста», представитель «Главхима», агент «Госстраха» и так далее. Интересно отметить, что двое из учредителей до 1917 года имели опыт работы в обществах взаимного кредита. Пятеро являлись членами различных товариществ, например «Техническая контора», «Хлебопек» и т. д.

Трое упомянутых в списке учредителей представителей частнопромышленной деятельности имели свое дело до 1917 г. и в условиях нэпа его возобновили. В списках значатся: лесопромышленник, владелец столярной мастерской и владелец лесопильного завода. Назван владелец прачечной заведения, которое можно отнести к сфере услуг. Особенно примечательно, что в списке указаны три банковских деятеля, что свидетельствует о наличии в составе учредителей профессионалов в банковской сфере [3, л. 20–21].

Следующие сведения о составе ОВК относятся уже к 1928 г., когда общество перешло на новый Устав. В докладе Правления общества за отчет за 1928/29 операционный год говорилось: «Переход с 26 марта на новый Устав, который лишил значительную группу служащих и рабочих, в подавляющем большинстве домовладельцев, права быть членами общества; отъезд значительной части населения района деятельности пятью городами также вызвало выход членов, а всего в соответствии с требованием нового Устава выбыло 187 человек» [1, л. 55]. По данным на 1 октября 1928 г. всего в обществе членами состояло 493 человека. При таком резком сокращении клиентуры важно было дать возможность выбывшим членам выполнить свои обязательства перед обществом. В докладе отмечено, что «коммерческая клиентура выполнила свои обязательства в срок и аккуратно, без каких-либо потерь для общества. Что же касается рабочих и служащих, то, входя в их положение, пришлось дать им целый ряд льгот и рассрочек, в некоторых случаях довольно длительных» [3, л. 55].

Если рассмотреть динамику социального состава членов общества за 1928/1929 г., то она будет

выглядеть следующим образом. Кустарей и ремесленников выбыло 40 человек, вступило 71, розничных торговцев выбыло 35, вступило 42, домовладельцев соответственно – 32 и 36, лиц свободных профессий 1 и 2. Равное число выбывших и вступивших – 1 человек – в категориях промышленников и оптово-розничных торговцев. Служащих и рабочих выбыло 175 человек, лиц без определенных занятий 33 и сельских хозяев – 2. Среди лиц, вновь вступивших в члены общества, этих социальных категорий населения нет [3, л. 56 об.]. «В результате получается, что уменьшение произошло главным образом за счет служащих и рабочих, а увеличение дали кустари и ремесленники – 31, розничники – 7 и домовладельцы – 4. Причем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что выбывшие 40 кустарей имели членский взнос в среднем 84 руб., а 25 розничников – 70 руб. Вступившие же кустари (71 человек) и ремесленник имеют средний членский взнос 53 руб. и 42 розничника – 49 руб., что указывает на изменение характера состава членов в пользу мелких за счет крупных» [1, л. 58].

Таким образом, социальный состав Пензенского ОВК претерпел серьезные изменения, так как политика государства в отношении ОВК от начала их существования к концу 1920-х гг. существенно изменилась.

Итак, мы видим, что социальный состав ПОВК постепенно менялся. Если в 1922 г. главными клиентами Пензенского общества были представители торгово-промышленного слоя, располагавшие существенными средствами, то к 1925 г. (под влиянием общей политики государства по отношению к частному капиталу и ужесточением требований к деятельности ОВК, носящих официально еще рекомендательный характер), появляется тенденция к увеличению числа таких категорий, как розничные торговцы и кустари-ремесленники. Несмотря на протесты профсоюзов и рекомендации Валютного отдела НКФ, в Пензенском ОВК расширилось представительство рабочих и служащих.

Следует учесть специфику Поволжья как региона, где частный капитал находился преимущественно в руках мелких производителей и торговцев. Именно эта клиентура стала базовой для местных ОВК.

Переломным моментом для ПОВК стал переход на новый Устав, который окончательно определил их социальный состав. Так как в этот период государство проводило активную политику свертывания нэпа, направленную на борьбу в первую очередь с частной торговлей, а рабочим и служащим было запрещено вступать в члены обществ, то единственной сферой приложения своей деятельности члены общества видели привлечение в свои ряды кустарей и ремесленников, а также домов-

ладельцев. Эта тенденция явно прослеживается на примере Пензенского ОВК. Следовательно, на социальный состав общества существенную роль оказывала как государственная политика, так и региональная специфика, предопределяемая отраслевой структурой производства.

Таким образом, основную массу членов обществ составляли торговцы-розничники, кустари и ремесленники. Они являлись базовым элементом в ОВК как по количеству, так и по удельному весу в составе всех операций. Удельный вес наиболее зажиточных торгово-промышленных групп – оптово-розничной торговли и промышленности – был невелик. Однако они интенсивнее, чем другие социальные группы, участвовали в обороте средств Общества и получали значительную долю ссуд.

Библиографический список

1. ГАПО. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 20–74.
2. ГАПО. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 17–23.
3. ГАПО. – Ф. 424. – Оп. 1. – Д. 154. – Л. 41–59.
4. Мехряков В.Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. – М.: РАН Институт экономики, 1995. – 295 с.
5. Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. – М.: Дека, 2000. – 254 с.
6. Фридман С.Л. Частный капитал на денежном рынке // Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. – М., 1925. – Вып. 2. – С. 65–88.
7. Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А.М. Гинзбурга. – М.; Л.: Промиздат, 1927. – Ч. 1. – 106 с.

ПРОИЗВЕДЕНА РЕТРАКЦИЯ СТАТЬИ – 10.11.2021

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ПОСЛЕВОЕННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА (на примере Череповца)

Статья посвящена исследованию ряда аспектов социально-бытовых условий жизни граждан в провинциальном городе Череповце во второй половине 40-х гг. XX в. Рассмотрена проблема обеспеченности города объектами социально-бытовой инфраструктуры, отмечается слабое развитие социальной сферы. Автор анализирует проблемы населения: дефицит жилья, продуктов питания, отсутствие водоснабжения и канализации, дорог и общественного транспорта, перебои в электроснабжении, нехватку квалифицированных кадров. Показано развитие сферы здравоохранения и образования, на которые городская власть тратила 83% бюджета. Акцентируется внимание на том, что война не явилась причиной слабого развития социально-бытовой сферы Череповца во второй половине 1940-х гг., она лишь усугубила и без того остро стоящие проблемы. В заключении делается вывод, что Череповец в первые послевоенные годы столкнулся с теми же трудностями, с которыми столкнулись многие города Советского Союза, однако у города не было серьезных предпосылок для быстрого социально-экономического развития.

Ключевые слова: городская повседневность, здравоохранение, образование, социальное развитие, бытовые условия жизни, провинциальный город.

Проблема восстановления и развития Советского Союза после победы в Великой Отечественной войне изучалась многими отечественными и зарубежными историками, но до сих пор в ней имеется немало неисследованных аспектов. В частности, не нашли должного отражения проблемы развития Вологодской области и одного из ее ведущих городов – Череповца. В наши дни Череповец является одним из промышленных центров России, в котором располагаются крупнейшие предприятия химии и металлургии. Однако в середине XX в. он выглядел совершенно иначе и сильно отставал в своем экономическом и культурном развитии от десятков советских городов. Перед войной Череповец был небольшим провинциальным городом, население которого незначительно превышало 33 тысячи человек [11, с. 140].

С 1941 по 1945 г. Череповец, как и вся Вологодская область (за исключением Оштинского района), не подвергался фашистской оккупации. Однако в силу своего географического положения он оказался ближайшим стратегически важным городом к блокадному Ленинграду. Этот факт явился ключевым в определении его роли в войне [8, с. 514]. Со всей Ленинградской области сюда стекались эвакуированные, беженцы, больные, раненые, голодные, женщины и дети. В Череповце их кормили, одевали, оказывали необходимую медицинскую помощь. Город по праву получил звание «город-госпиталь». Почти 40 лучших зданий в городе было отдано под лазареты. За время войны Череповецкий эвакуационный пункт принял 2,5 миллиона человек. Лишь с весны 1943 г. поток беженцев полностью прекратился [11, с. 133, 134]. С этого времени жизнь в Череповце начала постепенно улучшаться, в город перестали поступать раненые и беженцы, становилось проще достать хлеб и другие продукты по карточкам, прекращаются налеты вражеской авиации [3, с. 2].

Череповец, ввиду удаленности от линии фронта, не подвергся серьезным разрушениям. Целями налетов немецкой авиации являлись преимущественно объекты транспортной инфраструктуры, но благодаря хорошей работе ПВО они практически не пострадали [6, с. 15]. Тем не менее война оставила глубокий след в истории развития города, население испытывало сильнейшие перегрузки: голод, работа без отдыха и выходных, оказание помощи миллионам больных и раненых.

С 1945 г. начался постепенный переход к мирной жизни, отменяется военное положение, у рабочих появляется возможность отдыхать в выходные и уходить в отпуск, все промышленные и социально-бытовые предприятия перестраиваются на работу в условиях мирного времени. За годы войны город почти не изменился. К числу наиболее заметных построек можно отнести возведение Череповецкого речного порта в 1943 г. и окончание строительства судоремонтно-судостроительного завода несколькими годами позднее [5, с. 2].

В середине XX в. Череповец оставался небольшим городом регионального значения. В 1948 г. в нем проживало 35 395 человек, общая площадь города составляла 1 422,0 га (в 8 раз меньше площади современного Череповца) [12, с. 2]. Анализ городского бюджета 1947 г. показывает, что главный план расходов и доходов города, несмотря на все трудности, был социально ориентирован. Основными доходами бюджета являлись поступления от уплаты государственных налогов и сборов, а также местных налогов. Важную роль в формировании финансовых ресурсов города играли областные дотации. Данные о расходных частях бюджета показывают, что просвещение и здравоохранение после войны являлись важнейшими сферами, которым власти уделяли не только особое внимание, но и на которые выделялись существенные финансовые ресурсы (таблица 1, составлена по: [12, с. 74]). После войны важно было в кратчайшие сроки под-

Таблица 1

Бюджет г. Череповца в 1947 г.

Статья доходов	Сумма, тыс. руб.	Статья расходов	Сумма, тыс. руб.
ЖКХ	410,7	Финансирование народного хозяйства	1 694,7
Благоустройство	73,7	в том числе ЖКХ	1 182,8
Плата за услуги рынка	357,3	Просвещение	5 273,9
Плата за обучение	37,6	в том числе школы	2 577
Неналоговые доходы	481	в том числе детские сады	1 963,1
Местные налоги	2 137,1	Здравоохранение	6150,4
Отчисления от гос. налогов	7 810,5	Физкультура	47,7
Гос. налоги и сборы	848,1	Собес	48,7
Остатки бюджета	164,8	Управление	511,4
Средства государственной промышленности	166,1	Прочие	12,4
Дотации области	1498,6		
Всего	13979,2	Всего	13 739,1

готовить новых квалифицированных сотрудников, острою нехватку в которых испытывало большинство череповецких предприятий, а также обеспечить достойную медицинскую помощь тысячам людей, потерявших здоровье в тылу и на фронте. Областные и городские власти видели в этом одну из основных задач социальной политике второй половины 40-х гг. XX в. [12, с. 16].

Городская инфраструктура в послевоенное время была слабо развита. В 1947 г. Череповец оставался городом одноэтажных деревянных домов, вокруг которых в садах и огородах местные жители выращивали продукты первой необходимости и держали скотину (1 399 голов крупного рогатого скота, не считая коз, свиней и овец). Есть основания полагать, что горожане страдали от нехватки жилых помещений. Статистические данные показывают (таблица 2, составлена по: [9, с. 4]), что жилая площадь, приходящаяся на одного жителя Череповца, была ниже, чем в среднем по городам Советского Союза [1, с. 102].

Согласно документам Государственного архива Вологодской области, в городе насчитывалось всего 2 913 зданий, из которых 2 753 были деревянными, 125 – каменными, а остальные смешанными, 14 % зданий имели два этажа, в то время как доля одноэтажных домов превышала 85 %. В большинстве жилых домов отсутствовали водопровод и канализация, за водой приходилось ходить на колонки. Городская электростанция снабжала электроэнергией только 1 600 домов. Заасфальтированных дорог в городе не было, центральные улицы выкладывали брусчаткой, а вместо тротуаров были деревянные настилы. Большинство улиц города не имели ночного освещения. В 1946 г. в Череповце приняли решение установить 39 фонарей на центральных улицах города [1, с. 102–106].

Череповец в годы войны являлся важным транспортным узлом, соединяющим страну с блокадным Ленинградом, однако транспортная инфраструктура

Таблица 2

Жилая площадь, приходящаяся на одного жителя, м²

Город	1940 г.	1950 г.
Москва	4,8	5,1
Ленинград	6,0	6,4
Ростов-на-Дону	6,4	6,3
Баку	5,7	5,9
Иваново	4,8	5,2
Тула	4,8	5,4
Горький	4,9	5,2
Череповец	4,7	4,9
Всего по СССР	5,3	5,6

была недостаточно развита. Череповецкая железнодорожная станция была рассчитана на пропуск 18 пар поездов в сутки. В военное время при максимальной загруженности – до 22 пар. Череповецкий порт, который построили в военное время, имел пропускную способность 375 тыс. тонн, при использовании всех механизмов за навигацию. Известно, что в городе было 206 автомобилей, большинство из которых были грузовые, и 184 лошади. Автобусного и таксомоторного движения в Череповце не существовало вплоть до 1950 г. [3, с. 89, 92].

У большинства жителей не было возможности свободно воспользоваться телефонной связью, так как городская телефонная станция обслуживала всего 500 номеров. Для того чтобы позвонить, многим приходилось идти в единственный в городе телеграфный пункт. В Череповце не существовало телефонного справочника, он появился лишь в 1951 г. В те годы более распространенным способом связи была переписка, в городе работало три почтовых отделения, в которых череповчане могли отправить почту [3, с. 89].

Несмотря на достаточно скромные размеры Череповца, в 1947 г. в городе насчитывалось 53 магазина и 61 ларек, 29 столовых, 6 чайных, 3 закусок-

ных, 7 буфетов, 2 пивных, 1 ресторан. Отметим, что в 1947 г. во многих регионах страны были продовольственные проблемы, связанные с засухой и неурожаем, что приводило к огромным очередям в продовольственных магазинах, а зачастую невозможности получить продукты в необходимом количестве. Череповец в данном вопросе не стал исключением [3, с. 93–96].

В 1947 г. в городе насчитывалось 27 лечебных и медицинских учреждения, включая детские, с общим числом коек на 618 человек. Однако город испытывал острую нехватку в квалифицированных врачах. Всего в Череповце работало 56 врачей и 273 сотрудников медицинского персонала [12, с. 61].

В 1947 г. в Череповце работало семь школ: две начальные, каждая из которых была рассчитана на 290 человек, одна семилетняя школа, в которой обучалось 2 691 человек, две средних школы на 1 338 учащихся и две школы рабочей молодежи, в которых числилось 202 ученика. Обучение проходило в две смены [2, с. 158–162]. В 1946 г. возобновил свою работу учительский институт, открытый еще в 1939 г. В нем готовили квалифицированных педагогов и учителей. В 1947 г. в вузе обучалось 254 студента [12, с. 66].

Необходимо обратить внимание на фельдшерско-акушерскую школу, которая готовила медперсонал в военное и послевоенное время. В 1947 г. в ней обучалось наибольшее число студентов по сравнению с другими средними и высшими учебными заведениями Череповца – 486 человек. Можно предположить, что такой наплыв студентов явился следствием большого количества больных и раненых, поступавших в Череповец в 1941–1943 гг. Учебное заведение испытывало нехватку учителей, их было всего десять человек [12, с. 67].

В городе были учебные заведения, готовившие специалистов рабочих профессий для завода «Красная звезда», артели «Красный Октябрь», швейной фабрики, судоремонтного завода и других предприятий города. К их числу можно отнести механический техникум, в котором обучалось 335 студентов и школу ФЗО, где готовили специалистов массовых профессий, рассчитанную на 180 человек. В Череповце располагалось сельскохозяйственное училище, готовившее кадры для работников колхозов, совхозов и ряда пищевых предприятий Череповца, а также школа глухонемых [12, с. 64].

После войны в городе, как и во всем Советском Союзе, наблюдается увеличение рождаемости. Несмотря на поддержку со стороны государства, у большинства женщин не было возможности сидеть с детьми дома и отдавали их в ясли и детские сады. В те годы Череповец не испытывал нехватки в объектах детской инфраструктуры, архивные данные свидетельствуют о наличии большого количества свободных мест в детских учреждениях.

Известно, что в городе было трое яслей, рассчитанных на 285 детей, в 1947 г. в них числилось всего 233 ребенка. Аналогичная ситуация наблюдалась и в детских садах, недобор в которые составлял 105 детей [12, с. 68]. В Череповце функционировал дом ребенка, в котором в 1947 г. проживал 41 человек [12, с. 69].

Часто горожане старались отправить детей в санаторий, где их не только кормили и организовывали досуг, но и проводили необходимые лечебно-профилактические процедуры. В Череповце работало два санатория, но в отличие от яслей и детских садов в данные учреждения попасть было не так просто.

Переходя к обеспеченности Череповца культурно-досуговыми учреждениями, нельзя ни заметить того факта, что после 1945 г. у череповчан появилось намного больше возможностей и свободного времени на отдых, чем во время войны. Предприятия перешли на график работы мирного времени, работникам предоставляли выходные и отпуска, несколько возросли доходы граждан, в том числе за счет акций правительства СССР по снижению цен. Нельзя не обратить внимания на важный психологический аспект – сразу после окончания войны жить стало намного легче, спокойнее, однако психологическое напряжение осталось; должно было пройти достаточное количество времени, чтобы события войны отошли на второй план. Жители страны лишь спустя несколько лет после окончания войны смогли начать полноценный переход к мирной жизни, задуматься о своем досуге, об отдыхе. В массовом сознании переход на «мирные рельсы» произошел в конце 1947 г. [7, с. 42].

В Череповце после окончания войны работало 22 учреждения культуры. Одним из любимых мест горожан был городской парк, основанный еще до революции при городском голове И.А. Милютине. За 1947 г. в парке было проведено 111 массовых гуляний [12, с. 72].

Жители города имели возможность посетить театр, располагавшийся на месте современного камерного театра, основанного еще в 60-х гг. XIX в. В 1948 г. из-за отсутствия финансирования это учреждение культуры прекратило свою работу, и лишь спустя десятилетия началось его возрождение. В 1946 г. открылась первая в Череповце детская музыкальная школа [12, с. 72].

В городе работал Дом культуры, который в 1947 г. посетило 80 тысяч человек; функционировал череповецкий краеведческий музей (224 600 посещений). Жителям города также были доступны двенадцать красных уголков, два клуба и дом пионеров [12, с. 72].

В послевоенном Череповце телевизор был большой редкостью, поэтому, чтобы посмотреть кино, жители города ходили в старейший кинотеатр города «Горн», открытый еще в 1910 г. Это

было одно из любимых мест горожан. Когда в прокат выходили популярные кинофильмы, у касс выстраивались многометровые очереди из числа желающих первыми посмотреть картину. «Горн» был рассчитан на 350 человек. В 1947 г. репертуар кинотеатра состоял из 94 картин, ежедневно проходило 5–7 сеансов, средняя наполняемость зала составляла 168 человек [4, с. 56, 57].

Одним из основных способов досуга людей середины XX в. было чтение. Приобрести книги в 1940-х гг. было довольно непросто из-за дефицитности и дороговизны товара, по этой причине многие горожане обращались в библиотеки. В 1947 г. каждый шестой житель Череповца был зарегистрирован в одной из двух библиотек города. По данным Череповецкого фонда хранения документации, в центральной библиотеке числилось 32 000 книг, в среднем каждая книга за год выдавалась не менее 5 раз, не считая случаев прочтения в читальном зале. Эти данные подтверждают тот факт, что центральная библиотека того времени испытывала нехватку книг и материалов периодической печати. В детской библиотеке книжный фонд был значительно скуднее, всего 13 231 книг, но количество зарегистрированных читателей было ненамного меньше, чем во взрослой библиотеке [12, с. 71].

Список учреждений, оказывающих бытовые услуги населению, был представлен немногочисленными мастерскими, к числу которых относились три парикмахерские, четыре швейные, две столярные, три сапожные, котовальная, зеркальная, две слесарные, три часовые, две по ремонту музыкальных инструментов, одна красильная, одна трикотажная; в городе был один специалист по изготовлению штормов. В 1947 г. в Череповце числилось 5 общественных бань, за год число посетителей составило 594,7 тысяч человек. В городе работали 2 прачечные. Гости города могли расположиться в двух гостиницах, одна из которых носила название ГКХ «Москва». Всего гостиницы Череповца располагали 495 квадратными метрами жилой площади и были готовы разместить у себя не более 102 человек [12, с. 73].

Таким образом, социально-бытовая инфраструктура в послевоенном Череповце была развита слабо. Городу не хватало жилья: жилая площадь, приходившаяся на человека, была меньше, чем во многих городах, подвергшихся серьезным разрушениям во время войны. В Череповце было достаточное количество продуктовых магазинов, однако нехватка продовольствия была обычным явлением. Несколько лучше обстояли дела с обеспеченностью учреждений образования и здравоохранения, но в них не хватало специалистов с высшим образованием. В городе было немало учреждений культуры, однако в основном они были представлены в единственном экземпляре, и гово-

рять о возможности выбора у горожан не приходится. Важно отметить, что с подобными трудностями сталкивались жители многих городов СССР, не подвергшихся разрушениям во время Великой Отечественной войны. Так, в городах Челябинской и Чкаловской областей сократилось количество школ и учителей, возросло число беспризорных детей, в тяжелом положении находилась система здравоохранения, наблюдалась острая нехватка жилья, с большими трудностями сталкивались предприятия ЖКХ и т. д. [10, с. 106–110].

Существенные ресурсы затрачивались правительством СССР на восстановление пострадавших от войны городов. Не относившийся к их категории Череповец по основным параметрам социальной сферы оставался на довоенном уровне, у города не было предпосылок для быстрого социально-экономического развития. Кардинальные перемены в жизни Череповца начались после начала строительства Череповецкого металлургического завода в 1948 г., превратившего город в один из центров металлургического производства страны.

Библиографический список

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 1703. – Оп. 11. – Д. 1756.
2. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1230.
3. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1232.
4. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 1406.
5. Казакова Е.О. Череповец в годы Великой Отечественной войны – это город-госпиталь, город-солдат, город-труженик, город-эвакопункт... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/kraevedenie/library/2015/02/17/cherepovets-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-eto-gorod> (дата обращения: 11.11.2016).
6. Михеев В.И., Адрианов В.Н. Череповец и война. – Череповец: Полиграфист, 2005. – 285 с.
7. Могило О.Г. Деятельность властей по воздействию на массовое сознание в послевоенные годы: 1945–1953: дис. ... канд. истор. наук. – Пенза, 2005. – 212 с.
8. Очерки истории Вологодской организации КПСС / Н.В. Лебедев, В.А. Дмитриев, П.А. Зиновьев и др. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1969. – 512 с.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 33. – Д. 1682.
10. Хомякова Н.В. Социальная политика советского государства на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны. 1945–1953 гг. (на примере Челябинской и Чкаловской областей). – Оренбург: Бузулук, 2009. – 147 с.
11. Челноков Б.В. Череповец: История. Современность. Взгляд в будущее. – Кемерово; Череповец: Кузбассвузиздат: Череповец, 2012. – 423 с.
12. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). – Ф. 393. – Оп. 1. – Д. 81.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ США ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В статье рассматривается внешнеполитическая стратегия США, направленная на достижение доминирующей роли в мире, а также механизмы реализации данной стратегии посредством создания политической нестабильности в странах и регионах с помощью технологий «цветных революций». Автор показывает, что необходимость достижения глобального доминирования США базируется на идеологической платформе «распространения демократии» в контексте формирования нового мирового порядка.

Автор отмечает, что для достижения поставленных целей Вашингтон использует инструмент «цветных революций» с целью оказания комплексного экономического и политического давления на Российскую Федерацию, так как именно Россия выступает одновременно стабилизирующим и «сдерживающим» фактором, который не позволяет США добиться глобального доминирования и как следствие установления однополярной модели мироустройства.

Ключевые слова: США, Россия, глобальное доминирование, «экспорт демократии», «цветные революции», внешняя политика США, новый мировой порядок, международные отношения.

На фоне стремительно разрушающейся однополярной системы международных отношений во главе с Соединенными Штатами Америки осуществляется параллельный процесс формирования нового мирового порядка. Все это происходит в рамках глобальной политической дихотомии, основанной на делении складывающейся системы международных отношений на два разнонаправленных процесса, которые парадоксальным образом и формируют новый мировой порядок: «С одной стороны, происходит упорядочивание новой глобальной политической парадигмы, основанной на принципе многополярности в системе международных отношений, с другой стороны, некоторые крупные акторы способствуют сохранению анархичности с использованием технологий “управляемого хаоса”, которые помогают устранять политические режимы, не соответствующие параметрам нового мирового порядка». [13]

Понимание этих процессов было отражено еще в Концепции национальной безопасности РФ от 2000 г., в которой говорится, что с течением времени происходило укрепление международных позиций ряда государств и их интеграционных объединений, были выработаны пути для совершенствования механизмов многостороннего взаимодействия. При этом четко прослеживалась тенденция, в рамках которой политика США была прежде всего нацелена на упрочение собственного господства: «Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права» [13].

В Концепции внешней политики РФ от 2000 г. также зафиксирована эта негативная направленность: «...в международной сфере зарождаются новые вызовы и угрозы национальным интересам России. Усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США» [13].

Позиция России по данному вопросу сводилась к тому, что миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем. В самой концепции четко указывалось: «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов» [13].

Таким образом, объективный процесс формирования справедливого многополярного мира с одной стороны и активные дестабилизирующие действия США, направленные на глобальный передел мировой карты, с другой формировали и продолжают формировать существующую реальность в международных отношениях. По мнению некоторых отечественных исследователей, этот процесс сопровождается усилением энтропии, принимающей форму черной дыры, в которой может исчезнуть и сам нарождающийся, но не полностью сформированный мировой порядок: «К такому результату вполне могут привести заигрывания американцев – этих «больших детей» мировой политики – с технологиями хаоса, который они наивно считают управляемым и который уже проявил себя в так называемых революциях “арабской весны”» [6, с. 20].

В итоге результатом американской внешней политики становится не заявленная устойчивость, а с каждым годом углубляющаяся хаотизация международных отношений. Свидетельством этого стало появление большого количества неурегулированных политических кризисов в разных регионах

мира, которые в результате их неразрешенности эволюционировали в полномасштабные военные конфликты. При этом тезис о возможности внешней силы в лице США контролировать кризисные ситуации по всему миру, управляя нарастающим «хаосом», не имеет достаточных оснований.

Президент Российской Федерации В.В. Путин по этому поводу однажды заметил: «Кстати, наши коллеги в своё время пытались как-то управлять этими процессами, использовать региональные конфликты, конструировать цветные революции в своих интересах, но джинн вырвался из бутылки. Что с ним делать, похоже, не понимают и сами авторы теории управляемого хаоса. В их рядах разброд и шатание» [12].

Вмешательство США и их союзников во внутренние дела суверенных государств по всему миру (как с применением оружия и боевой техники, так и с использованием деструктивных политических технологий) способствует росту напряженности, что усложняет задачу по выстраиванию стабильной системы международных отношений, которая с каждым годом становится все более непредсказуемой: «Будущая глобальная реальность может оказаться любой: многополярности могут попросту помешать сформироваться, а безполярность может, так и не сформировавшись окончательно, сразу уступить свое место хаосу, потерявшему «управляемость», о которой постоянно твердят американцы» [5].

Россия является ведущей мировой державой, поддерживающей баланс в международных отношениях, ее политика выступает одновременно стабилизирующим и «сдерживающим» фактором, который в ряде случаев не позволяет США действовать в одностороннем порядке.

Таким образом, учитывая принципиальную роль российского государства, именно Россия является неудобным конкурентом, противостоящим планам по сохранению глобального доминирования Запада во главе с Соединенными Штатами.

Попытки нанести ущерб национальным интересам России с помощью шагов, направленных на уменьшение ее присутствия в разных регионах мира, деструктивно сказываются на стабильном функционировании системы международных отношений. Еще в начале XXI века, в период ожиданий, связанных с надеждами на установление новой системы международных отношений, построенной на принципах многостороннего сотрудничества, соблюдения норм международного права и отсутствия идеологического противостояния, в Концепции национальной безопасности РФ от 2000 г. прямо указывалось: «Попытки игнорировать интересы России при решении крупных проблем международных отношений, включая конфликтные ситуации, способны подорвать международную безопасность и стабильность, затормозить проис-

ходящие позитивные изменения в международных отношениях» [9].

На Западе в это время с подачи США получил широкое распространение подход к формированию нового мирового порядка, базирующийся на принципе «однополярности». Россия, в свою очередь, придерживалась принятой еще во времена Е. Примакова концепции многополярности, предполагающей наличие сразу нескольких мировых центров силы.

Такая позиция шла вразрез с заявленным вектором внешней политики США, особенно в период администрации президента Дж. Буша-младшего, когда доминировали неоконсерваторы. Ярким примером такой позиции служат заявления советника американского президента по национальной безопасности, а затем главы Госдепартамента США К. Райс относительно того, что многополярность является теорией соперничества, столкновения интересов и – в худшем варианте – столкновения ценностей [15].

Одним из внешнеполитических инструментов в рамках международной борьбы против России выступили технологии демонтажа политических режимов государств – «цветные революции». Они не требовали комплексного задействования военной мощи, регулярных вооруженных сил и полностью укладывались в «ненасильственную», «мягкосиловую» внешнеполитическую стратегию США.

«Цветные революции» стали играть значимую роль в контексте формирования нового мирового порядка. Долгосрочные задачи стран Запада во главе с США включают в себя поддержку однополярной модели мироустройства при сохранении глобального доминирования. Поэтому «цветные революции» стали одним из наиболее эффективных и гибких инструментов внешней политики Соединенных Штатов, так как позволяют без комплексного применения вооруженных сил осуществлять геополитическую и геоэкономическую переориентацию суверенных государств, а также дестабилизировать страны с неудобным политическим режимом и даже хаотизировать целые регионы.

Доктор исторических наук, доцент РУДН К.П. Курьлев отмечает, что «цветные революции» продолжают идеалистически восприниматься как воплощение надежды на то, что внутренние противоречия в государствах можно решить без применения военной силы, то есть мирным путем: «...в середине 2000-х гг. казалось, что «цветные революции» стали основной технологией установления нового мирового порядка. Такое впечатление сложилось благодаря исходному тезису, превратившемуся в устойчивый стереотип о ненасильственном характере революций» [7]. Такой идеалистический, либеральный подход свойственен западному экспертному сообществу.

Распад СССР и декларируемое окончание холодной войны стали причинами, из-за которых США начали воспринимать себя в качестве победителя не только как государство, но и как носитель уникальных американских демократических ценностей, которые неизбежно должны исповедовать другие страны. Такое мировосприятие усиливало притязания Вашингтона на глобальное переустройство мира под его началом. Новый мировой порядок должен был быть построен благодаря распространению демократии по всему миру. Это стало основной внешнеполитической платформой США в 90-е годы. При этом процесс «демократизации» традиционно тесно увязывался американцами с понятием национальной безопасности, а также мировой стабильности, которая должна была наступить в результате глобальных преобразований и как следствие реформирования недемократических политических режимов. Расширение военной инфраструктуры НАТО и наделение этого военно-политического альянса глобальными функциями стало одним из результатов такого подхода.

Особое распространение получил тезис, согласно которому «демократы друг с другом не воюют», а значит, пока существуют конфликты, концепция «ненасильственной демократизации» не утратит своей актуальности. Однако «цветные революции» лишь отчасти являются «ненасильственными», поскольку, несмотря на ограниченное применение силы, представляют собой вариант силового, противоправного задействования деструктивных диверсионно-подрывных механизмов борьбы, не исключая, а, напротив, предполагающих людские жертвы. Такой подход полностью соответствовал внешнеполитическому вектору администрации Дж. Буша-младшего по «смене режимов».

Его суть состояла в том, что неугодные или враждебные режимы, называемые «недемократическими», противодействующие реализации геополитических и геоэкономических интересов США, становились объектом внешнего вмешательства. По мнению доктора политических наук, профессора МГИМО А.Д. Богатурова, в рамках такого подхода к государствам подобной категории Вашингтон считал оправданными попытки отстранения правящих там политических режимов, в том числе с применением военной силы: «В случае согласия с ней других членов международного сообщества американская доктрина смены режимов фактически могла оказаться в роли универсальной нормы поведения в рамках современного международного порядка» [1].

Такой подход, выдвинутый в приоритет неоконсервативной администрацией Дж. Буша-младшего, частично копировал установки времен холодной войны. Это демонстрирует преемственность в американском внешнеполитическом планировании. Еще в основе рейгановской доктрины была за-

ложена установка на вмешательство в дела других государств в случае, если режим оказывался по представлению американцев «нелегитимным» или «недемократическим». Уже тогда свержение неугодных режимов оправдывалось защитой и распространением «свободы и демократии». Американские неоконсерваторы стремились к построению нового мирового порядка в привязке к «демократическим» ценностям, заявляя о том, что «доктрина Рейгана провозглашает новый международный порядок, в котором легитимность правительств более не будет основываться просто на их эффективности, а будет зависеть от ее соответствия демократическому процессу. Правительства, которые пришли к власти без следования требованиям этого процесса, отныне должны рассматриваться как нелегитимные» [11, с. 149].

Практическим воплощением такого подхода в начале XXI века стали «цветные революции» в Сербии и на пространстве СНГ, где США удалось с помощью политического и экономического давления, а также подконтрольных сил деструктивной оппозиции осуществить сценарии государственно-го переворота.

В дальнейшем при администрации президента США Б. Обамы деструктивные политические технологии стали применяться на пространстве региона Ближнего Востока и Северной Африки, а также вблизи границ Российской Федерации – на Украине.

Реализация подобного сценария «цветной революции» в России и, как следствие, геополитическая и геоэкономическая переориентация российского государства приведет к резкому изменению геополитической расстановки сил на международной арене, исчезновению стабилизирующего и «сдерживающего» фактора в мировой политике. Это откроет уникальные перспективы для американской дипломатии, которая сможет приступить к построению нового «однополярного» мирового порядка во главе с США, несмотря на фактор усиливающегося Китая.

Таким образом, государственный переворот в России может рассматриваться не просто как намерение свергнуть нынешний неугодный для Запада и США «режим В. Путина», но как элемент последовательной внешнеполитической стратегии по достижению глобальной гегемонии. В этой связи актуальны слова президента России В.В. Путина: «Ряд стран не оставляет настоячивых попыток сохранить монополию на геополитическое доминирование. Для этого задействуется опыт подавления, сталкивания лбами конкурентов, финансовые и информационные рычаги, вмешательство во внутренние дела других стран, экспорт цветных революций...» [3].

Последовательная позиция президента России В.В. Путина в отношении устремлений Запада

диктовать свои условия всем членам мирового сообщества прослеживается со времен Мюнхенской конференции 2007 г. Выступление президента России В.В. Путина, которое получило название «мюнхенская речь», было расценено на Западе, особенно в США, как попытка бросить вызов далеко идущим геополитическим планам по построению нового мирового порядка. Тогда российский лидер заявил о недопустимости однополярного мира во главе с единственной доминирующей державой. По его мнению, «однополярный мир не состоялся» [2].

Глава МИД РФ С. Лавров в том же году в одной из своих статей выразил солидарность с позицией президента, подчеркнув, что опыт последних лет более чем убедительно показал, что ни одно государство или группа государств не имеет достаточных ресурсов для навязывания однополярности, намекая на провальные попытки Вашингтона действовать в русле такого подхода: «При всей привлекательности такого якобы благотворного упрощения межгосударственных отношений – их выстраивания по иерархической вертикали – оно заведомо нереалистично. Одно дело – уважать культурно-цивилизационные особенности Америки, другое – исповедовать американоцентризм» [8].

Такая позиция России являлась вызовом глобальным геополитическим планам США, поэтому в отношении российского государства стал применяться весь спектр инструментов политического давления. После молчаливой поддержки агрессии Грузии в 2008 г. российско-американские отношения достигли уровня холодной войны. Отношения стали характеризоваться как «конфронтационные».

К 2012 году напряжение в двухсторонних отношениях только усилилось. Переизбрание на пост главы государства В.В. Путина было ознаменовано неудачной попыткой реализовать сценарий «цветной революции» в России. Агрессия США в Ливии и Сирии, поддержка там вооруженных бандформирований, поставившая два государства на грань уничтожения, а также участие в организации и реализации антиконституционного государственного переворота на Украине в 2013–2014 гг. стали очередным доказательством использования деструктивных политических технологий в американской внешнеполитической стратегии.

США посредством «управляемого хаоса» попытались переформатировать глобальное геополитическое пространство, проецируя нестабильность, с целью сдерживания потенциальных конкурентов в борьбе за мировое лидерство, среди которых принципиальное место занимают две державы – Россия и Китай. При этом в условиях современной системы международных отношений, которая характеризуется напряжением между Россией и Западом, сворачиванием многих сфер сотрудничества, США и их политические союзники

будут стараться вбить клин в отношения Москвы и Пекина. Осуществляются попытки ослабить возможности перспективной кооперации, направленной на развитие взаимовыгодного энергетического и торгово-экономического сотрудничества, потому что союз России и Китая может стать прочной основой для формирования многополярной или полицентричной системы международных отношений [14].

Начальник ГРУ Генштаба ВС РФ генерал-полковник И. Сергун среди главных долгосрочных целей США обозначил воспрепятствование политико-экономическим интеграционным процессам в Центрально-Азиатском регионе, а также окружение России и Китая, как потенциальных противников, сетью дружественных и лояльных США режимов и очагов напряженности [4].

Одним из последних шагов Запада стало введение нелегитимных международных санкций и оказание комплексного международного давления на Российскую Федерацию с целью «сменить режим».

Эти тенденции нашли отражение в обновленной Стратегии национальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 г. Отмечается, что «процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности» [10].

Укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, которые носят взаимосвязанный характер. При этом отдельно выделяется роль США, стремящихся сохранить глобальное доминирование, с этой целью оказывая комплексное воздействие на Россию как на один из главных центров силы: «Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [10].

Проведенный в рамках данной статьи анализ показывает, что проблемы во взаимоотношениях с США, заключающиеся в стремлении Вашингтона к формированию глобального доминирования в международных отношениях, не только не разрешаются, но и становятся более сложными и комплексными. При этом тактика Вашингтона постоянно совершенствуется, соответствуя складывающейся экономической и политической конъюнктуре.

Библиографический список

1. Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. – 2003. – № 11. – С. 6–23.

2. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 07.03.2016).

3. Выступление президента Российской Федерации В.В. Путина на восьмом совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации в МИД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52298> (дата обращения: 11.01.2017).

4. ГРУ: США пытаются окружить Россию и Китай очагами напряженности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151008/1298782568.html> (дата обращения: 10.09.2016).

5. Карпович О.Г. Политическое значение украинского кризиса 2013–2015 гг. в системе российско-американских отношений // Вестник Российской нации. – 2015. – № 5 – С. 243–249.

6. Карпович О.Г. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов: монография / А.В. Манойло, О.Г. Карпович. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 112 с.

7. Курьлев К.П. Украинский кризис 2013–2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 25–38.

8. Лавров С. Сдерживание России: назад в бу-

дущее? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://globalaffairs.ru/number/n_9236 (дата обращения: 10.09.2016).

9. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения: 11.06.2016).

10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.02.2017).

11. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. – М., 2005. – 204 с.

12. Путин В.В. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/46860> (дата обращения: 11.06.2016).

13. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С. Роль украинского кризиса в переформатировании мироустройства: взгляд из России // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 2. – С. 5–9.

14. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С., Юраков М.В. Переворот: монография. – М.: РУДН, 2016. – 490 с.

15. Address to IISS by US National Security Advisor, Dr Condoleezza Rice. – 2003. – 26 June [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/21989.htm> (дата обращения: 03.02.2017).

РАЗВИТИЕ ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВОЛОНТЕРОВ В РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В статье освещается изучение исторической наукой эволюции отечественного олимпийского волонтерского движения, истории его институционального развития, социокультурным особенностям и ключевым характеристикам. Выделены и охарактеризованы этапы развития историографии по рассматриваемой проблеме, сделаны выводы о формировании концепции истории развития олимпийского волонтерства в 2010–2014 гг. как периода институционального оформления движения волонтеров Игр. На основе историографического анализа рассмотрены различные аспекты темы (становление олимпийского волонтерства, деятельность самих волонтеров Игр и др.), дана их объективная оценка. Историография представлена многочисленными современными научными изысканиями, публикациями и обобщающими коллективными монографическими исследованиями. Большинство из них выгодно отличаются экскурсом в историю развития института олимпийского волонтерства, обобщением современных уникальных региональных практик по созданию благоприятных условий вовлечения граждан в сферу волонтерской деятельности, формированию эффективной системы (инфраструктуры) поддержки и управления добровольческим трудом. Эти работы удачно сочетают научный подход и освещение практической деятельности в сфере добровольчества как социального и гражданского феномена, позволяют перейти от накопления материала к его обобщающему анализу и реализации на практике.

Ключевые слова: волонтеры, добровольцы, добровольчество, олимпийское движение, Олимпийские игры, историография, волонтерская деятельность.

В последние десятилетия история олимпийского движения волонтеров стала объектом пристального внимания отечественных авторов. Выходят в свет многочисленные статьи, монографические исследования, практические руководства по истории участия волонтеров в проведении крупномасштабных спортивных мероприятий.

Справочные издания, вышедшие в 80-х гг. XX в., содержат лишь небогатый информационно-справочный материал об опыте участия советских добровольных помощников (статистов) в период проведения летних XXII Олимпийских игр 1980 г. в Москве.

Только спустя несколько десятилетий исследователи вновь заинтересовались страницами истории развития олимпийского движения волонтеров «Олимпиады-80». Так, В.А. Заболоцкий в своей статье пишет, что к проведению Игр было привлечено свыше 16 тысяч добровольцев [8]. Автор обращается к свидетельствам участников подготовки Олимпиады, для которых возможность стать добровольными помощниками при организации и подготовке столь масштабного события была презентована как высшая награда. В.А. Заболоцкий подробно остановился на функциональных направлениях сферы деятельности волонтеров: строительстве Олимпийских объектов, участии в церемонии открытия и закрытия Игр, обеспечении безопасности, координации перемещения участников, сопровождающих, тренеров и официальных представителей, судейства, рассадке зрителей на трибунах, выводе из залов, помещений после соревнований; проверке билетов на входах и др. Изучение различных источников позволило автору воссоздать картину отбора добровольцев

из числа студентов вузов и рабочего персонала на производствах, а также описать систему обучения по нескольким направлениям: культурное, лингвистическое, социально-бытовое, идеологическое.

В статье М.В. Рычковой дан анализ опыта МГУ им. М.В. Ломоносова в организации волонтерского движения в период проведения летних XXII Олимпийских игр 1980 г. в Москве [19]. Автор описывает этапы организации работы с волонтерами, начиная от старта кампании набора кандидатов вплоть до их подготовки в рамках функциональной специфики деятельности, а также рассматривает участие студентов в организации мероприятий в рамках программы Игр. М.В. Рычкова указала на необходимость в преддверии подготовки и проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. вновь обратиться к успешному опыту организации студенческого волонтерского движения.

С 2011 г. появляются многочисленные работы, касающиеся вопросов подготовки отечественных волонтеров XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи в 2014 г. с опорой на опыт зарубежных стран. Так, С. Матвеев, И. Когут, Е. Гончаренко обращаются к анализу опыта развития мирового олимпийского движения волонтеров. Авторы приходят к выводу, что именно данная категория волонтеров – хорошо подготовленных и квалифицированных, добровольно выполняющих свои обязанности – является залогом успешной организации спортивных соревнований международного уровня [15].

Среди исследований, посвященных проблемам организации волонтерского корпуса Игр, следует отметить статьи Н.И. Козловой, И.В. Зорина, А. Себбан, А.К. Рябова [10; 11]. М.В. Коренев и В. Кружков проанализировали доклады пред-

ставителей 28 стран по вопросам олимпийского образования, представленные на VIII Международной Сессии президентов и директоров Национальных олимпийских академий и официальных представителей Национальных олимпийских комитетов (Греция, Олимпия, 2006, 2008), и на этой основе представили региональную программу подготовки волонтеров [12]. Авторы предположили, что использование лучших зарубежных практик подготовки волонтеров и внедрение их в учебный процесс учреждений высшего и среднего профессионального образования Краснодарского края и деятельность студенческих общественных организаций позволит привлечь молодежь для оказания добровольной помощи при организации XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи и других крупных спортивных соревнований.

Н.Е. Злоказова также исследует в историческом ключе международный опыт подготовки волонтерского олимпийского корпуса стран-организаторов Олимпийских игр, в частности США, Италии, Кореи, Китая и некоторых других. Учитывая международный опыт и российскую специфику, автор предлагает рекомендации по подготовке, организации и проведению зимних Олимпийских игр «Сочи-2014» [9]. Е. Сафонова в рамках освещения французского опыта подготовки специалистов по организации и проведению крупных спортивных мероприятий осветила историю работы олимпийских волонтеров [21].

В.С. Моисеева, Д.М. Маникина рассмотрели деятельность Волонтерского центра Санкт-Петербурга по проблемам обучения и подготовки студентов высших учебных заведений для участия в проведении XXII Олимпийских игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи [17].

С октября по ноябрь 2012 г. прошла V Международная научно-практическая конференция в г. Сочи на тему «Подготовка кадров для XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних Игр: проблемы и перспективы». По результатам работы были опубликованы материалы, затрагивающие актуальные вопросы подготовки волонтеров Игр. Интересный материал по проведению оценочных мероприятий в процессе отбора волонтеров на Игры в Сочи представлен в исследовании С.В. Черемшанова и М.С. Кругловой [24].

В качестве особенности современной историографии отмечается то, что авторы актуальных исследований олимпийского волонтерского движения являются практиками добровольческой деятельности – директорами и сотрудниками волонтерских центров Сочи-2014, представляющими методические региональные центры добровольчества [12; 22]. Обращает на себя внимание то, что авторы являются свидетелями и участниками описываемых событий. Опора на воспоминания (как собствен-

ные, так и коллег, членов и активистов волонтерских центров), безусловно, отразилась и в подходе к раскрытию фактов, и в стиле изложения. Работы, как правило, отличаются историческим экскурсом в историю развития добровольчества и обобщением уникальных региональных практик создания благоприятных условий вовлечения граждан в сферу волонтерской деятельности, формирования эффективной системы (инфраструктуры) поддержки и управления добровольческими ресурсами на базе образовательных учреждений среднего специального и высшего образования. Рассматриваются направления развития волонтерских центров и управления проектной деятельностью молодежи в сфере добровольчества.

Уникальная информация в цифрах о работе волонтерских центров Сочи-2014 содержится в «Руководстве по сертификации, мониторингу и оценке деятельности добровольческих организаций» [5]. Издание касается истории сертификации и мониторинга деятельности 26 волонтерских олимпийских центров, проведения сравнительного анализа их состояния, уровня и тенденций развития. Материалы позволяют оценить масштабы инфраструктуры добровольческих центров и их деятельность в цифрах – как в отдельности, так и в целом по стране.

Богатый фактический материал содержится в серии исследований отечественных авторов [6], касающихся истории формирования корпуса волонтеров сервиса тифлокомментирования и навыков сурдокоммуникации. В работах представлена новая, современная методика обучения данной категории волонтеров крупномасштабных спортивных мероприятий. Кроме этого, в статьях приводится анализ результатов эмпирического исследования личностных характеристик современных волонтеров по указанным функциональным направлениям деятельности.

Отдельно в историографии рассмотрены теоретические вопросы мотивации добровольческого труда. Значительный интерес вызывают результаты исследований авторского коллектива, представленные в монографии «Волонтеры Санкт-Петербурга накануне XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи 2014 года». Так, типичный волонтер Санкт-Петербурга, участник XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи-2014 – женщина (80,5 %), относящаяся к возрастной группе от 17 до 23 лет, незамужняя, бездетная, являющаяся студенткой вуза или имеющая высшее образование и занимающаяся какой-либо профессиональной деятельностью. Она оценивает материальное положение своей семьи как хорошее, а иногда заявляет и о высоком личном материальном достатке [3].

Аналогичные исследования проводились А. Шашковым в отношении Центров подготовки волонтеров в Сочи [24], а затем были им продол-

жены уже в соавторстве с Г. Романовой и И. Марковой.

В исследованиях последних лет оценена роль крупномасштабных международных политических и спортивных мероприятий 2000-х годов в развитии олимпийского волонтерства в России, что соответствует плану социально-экономического развития страны.

Значительный интерес представляет монография Л.А. Савинкиной, раскрывающая теоретические подходы к подготовке и управлению волонтерами в рамках деятельности сети и организации работы олимпийских центров [20]. Подробно автор остановился на рассмотрении деятельности Центра по подготовке волонтеров «Forward» Сочинского государственного университета, осветив организационные вопросы структуры Центра, его техническое, материальное оснащение, финансирование, штатный состав. Л.А. Савинкина оперирует цифрами набора волонтеров Центра, в том числе касается вопросов привлечения зарубежных олимпийских волонтеров, условий их участия, требований и др.

Одним из направлений исследовательского интереса становится изучение истории участия граждан пожилого возраста в добровольческой практике в рамках организации работы волонтерских центров России Сочи-2014 [4; 6; 21].

Отдельно стоит отметить научно-образовательный журнал «Волонтер», в котором освещен уникальный опыт работы 26 олимпийских центров, организации деятельности волонтеров на каждом из этапов волонтерской программы АНО «Оргкомитет «Сочи-2014»», их участия в различных проектах и программах и др. Так, Е.В. Машковский поделился опытом работы Первого МГМУ им. И.М. Сеченова при подготовке волонтеров Игр в области спорта [16]. А.О. Лагутин, А.С. Печелиев, Н.А. Печелиева рассмотрели подробно процесс подготовки волонтеров по функциям «Допинг-контроль» и «Медицина» к XXII Олимпийским и XI Паралимпийским зимним играм в г. Сочи в 2014 г. на базе волонтерского центра Кубанского государственного медицинского университета [14].

В целом представленный нами обзор историографии в полной мере позволяет нам сформулировать несколько выводов. Во-первых, он со всей очевидностью демонстрирует многоаспектность рассматриваемой нами проблемы в исторической науке; во-вторых, разную степень научной разработанности истории развития и становления национальной модели олимпийского волонтерства. Все это подтверждает необходимость проведения дальнейших исследований в области данной проблематики.

Библиографический список

1. Беклемищев Е.П., Ларина К.С., Шанина Н.С. Олимпийские игры в Сочи 2014 как этап междуна-

родного экспресс-становления трудовой карьеры студентов: возможности и перспективы // Электронный вестник Ростов. соц.-эконом. ин-та. – 2014. – № 2.

2. Волонтерство как фактор социализации молодежи: исторические и современные практики / Н.И. Горлова, Е.В. Красавина, Е.В. Крутицкая, З.А. Троска. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016.

3. Волонтеры Санкт-Петербурга накануне XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи 2014 года: монография / М.Т. Анашкина, А.А. Борисов, М.А. Крылова и др.; под ред. М.В. Линович. – СПб.: Изд-во СПбГУЭСЭ, 2013.

4. Горлова Н.И. Вовлечение волонтеров «серебряного возраста» в практику добровольческой деятельности (на примере деятельности волонтерских центров России. Сочи 2014) // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология: сб. науч. тр. / под ред. Т.Н. Арцыбашевой, Г.А. Салтык. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2016. – Вып. 5. – С. 73–80.

5. Горлова Н.И., Крутицкая Е.В. Руководство по сертификации, мониторингу и оценке деятельности добровольческих организаций: учеб. пособие. – М.: ИТД «Перспектива», 2016. – 118 с.

6. Горлова Н.И., Троска З.А. История практики подготовки волонтеров сервиса тифлокомментирования в рамках проекта «Сочи 2014» // Ученые записки Российского гос. соц. ун-та. – 2015. – Т. 14. – № 6 (133). – С. 20–31.

7. Добровольчество пожилых: проблемы, практика, перспективы / Г.А. Миннигалева, Т.Ш. Зулкарнаев, К.В. Демина, И.С. Хижнякова // Социальная защита. Социология. – 2012. – № 4. – С. 6–9.

8. Заболоцкий В.А. История добровольчества СССР на примере летних Олимпийских игр 1980 года // Казанская наука. – 2015. – № 6. – С. 199–202.

9. Злоказова Н.Е. Международный опыт подготовки волонтеров в решении задач кадрового обеспечения Олимпиады «Сочи-2014» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2008. – Т. 3. – № 7–8. – С. 85–97.

10. Зорин И.В., Себбан А., Рябов А.К. Проект ЕВРОДИП по подготовке волонтеров для Олимпиады-2014 в Сочи // Подготовка кадров для Олимпиады: проблемы и перспективы: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., 13–16 мая 2008 г. / отв. ред. Г.М. Романова. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. – С. 78–79.

11. Козлова Н.И. Олимпиада и волонтерское движение в России: проблемы, перспективы развития // Подготовка кадров для Олимпиады: проблемы и перспективы: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., 13–16 мая 2008 г. / отв. ред. Г.М. Романова. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. – С. 103.

12. Коренева М.В., Кружков Д.А. Разработка программы подготовки волонтеров в Олимпийском

движении и ее внедрение в профессиональное образование сервисных специальностей // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2009. – № 1. – С. 59–63.

13. Крутицкая Е.В., Качанова О.А., Лагутин А.О. и др. Сценарии волонтерских проектов: Механизм самоорганизации волонтерских групп // Волонтер. – 2012. – № 3–4. – С. 23–35.

14. Лагутин А.О., Печелиев А.С., Печелиева Н.А. Подготовка волонтеров по функциям «Допинг-контроль» и «Медицина» к XXII Олимпийским и XI Паралимпийским зимним играм в г. Сочи в 2014 году на базе Волонтерского центра Кубанского государственного медицинского университета // Волонтер. – 2013. – № 1–2. – С. 67–71.

15. Матвеев С., Козут И., Гончаренко Е. Волонтерские движения в спорте: проблемы и перспективы // Наука в олимпийском спорте. – 2011. – № 1–2.

16. Машиковский Е.В. Опыт работы Первого МГМУ им. И.М. Сеченова при подготовке волонтеров в области спорта // Волонтер. – 2012. – № 3–4. – С. 62–69.

17. Моисеева В.С., Маникина Д.М. Волонтерский центр Санкт-Петербурга по подготовке студентов высших и средних специальных учебных заведений для участия в олимпиаде «Сочи-2014» // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 4. – С. 54–67.

18. Подготовка кадров для XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.М. Романова. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2013.

19. Рычкова М.В. Опыт участия МГУ им. М.В. Ломоносова в волонтерском движении в ходе проведения Олимпиады 1980 года // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2013. – № 4 (33). – С. 266–268.

20. Савинкина Л.А., Пестерева Н.М. Развитие института волонтерства в России. – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2013. – 296 с.

21. Сафонова М. Общественное движение города Москвы «Серебряное волонтерство» дало уверенный старт // Филантроп: электрон. журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philanthropy.ru/press-relizy/2016/03/18/35848/> (дата обращения: 5.09.2016 г.).

22. Тарасов В.В., Ачкасов Е.Е., Куршев В.В. и др. Опыт работы Первого МГМУ им. И.М. Сеченова при подготовке волонтеров в области спорта // Волонтер. – 2012. – № 1–2. – С. 62.

23. Черемшанов С.В., Круглова М.С. Технология проведения оценочных мероприятий в процессе отбора волонтеров на игры в Сочи // Подготовка кадров для XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.М. Романова. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2013. – С. 21–24.

24. Шаилов А.В. Уровень коммуниктивной толерантности как фактор мотивации волонтерства // Олимпийский Сочи: Социум. Культура. Личность: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. / отв. ред. И.Н. Макарова, Е.В. Поступинская. – Сочи: РИЦ СГУ, 2012. – 313 с.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ «СЛЕДЫ» В ВИЗАНТИЙСКИХ ЦЕРКОВНЫХ КАНОНИКО-ПРАВОВЫХ ЭРОТАПОКРИЗАХ XII В. (на материале канонических ответов митрополита Никиты Ираклийского)*

Статья посвящена малоизученному вопросу в византийском литературоведении. Вопрос жанра памятников византийской эротапокритической литературы является одним из ключевых при изучении корпуса текстов в форме вопросоответов, которая получила широкое распространение в Византии и странах христианского Востока и стала одним из наиболее предпочитаемых способов организации и передачи знания. Поскольку жанровая природа вопросоответов трудноуловима, решение данной проблемы находится в контент-анализе текстов. Предметом настоящего исследования является генезис и жанровая природа византийских церковных канонико-правовых эротапокрисов Никиты митрополита Ираклийского (начало XII в.). Текст в силу своей маргинальности остается фактически не изучен как памятник церковной письменности. Анализ структуры и языка текста позволил автору прийти к заключению, что в его основе лежит действительная переписка между Ираклийским митрополитом Никитой и некой достоверно не известной персоной.

Ключевые слова: византийская эротапокритическая литература, византийские вопросоответы, канонико-правовые эротапокрисы, церковная переписка, Никита Ираклийский.

Жанровая детерминация эротапокритической литературы – крайне важный аспект изучения вопросоответных текстов, который до сих пор остается практически не изученным. Проблема жанровой специфики византийской литературы, известной как эротапокрисы (от ἐρωτάλοκρισις), или *вопросоответы*, в существующих исследованиях обнаруживается в форме трудноразрешимой дилеммы, которую можно свести к постановке вопроса: вопросоответы – жанр или форма? Соответственно, подходы к решению жанровой проблемы текстов, именуемых вопросоответами, разделяют исследователей на два лагеря: на тех, кто предпочитает относить вопросоответы к отдельному жанру (Г. Барди, А.П. Каждан, Л. Перроне), и на тех, кто считает их литературной формой (Х. Дёрри, Х. Дёррис, И. Пападояннакис, Я. Милтенов, А. Милтенова, диак. П. Ермилов) [1, с. 7–8; 4, с. 6; 6, с. 343–344; 7, с. 110–111]. На наш взгляд, найти однозначное и единственно верное решение этой дилеммы непросто (если даже не сказать – невозможно) в силу очевидной особенности этого корпуса текстов, а именно – его неоднородности по типу и содержанию. Между тем решение этой проблемы, как кажется, лежит в исследовании содержания этих памятников, поскольку считаем, что говорить о жанровых особенностях, при этом не принимая во внимание самое содержание этих текстов и цель их написания, представляется по меньшей мере весьма затруднительным. Интересующая нас в рамках настоящего исследования группа вопросоответных текстов – это канонические эротапокрисы, не изученные как памятники церковной письменности в силу своей маргиналь-

ности. Эти небольшие по объему произведения, в отличие от больших юридических сводов, отражали реалии своего времени, в них как бы оживают картины действительности, приходской жизни греческой деревни средне- и поздневизантийского периодов. Отечественным исследователям принадлежит честь первой (и практически единственной) научной публикации большинства текстов этих вопросоответников. А.И. Алмазов, А.С. Павлов, В.Н. Бенешевич, верно оценившие значение этих памятников для истории права, вероятно, руководствовались не только чисто кабинетным интересом к давно отжившим реалиям. Отдельные вопросы, актуальные в конце XIX – начале XX в., могут иметь значение и для современной церковной жизни. Предмет настоящего исследования – жанровая природа вопросоответных текстов, которая будет рассмотрена на материале канонических ответов митрополита Ираклийского Никиты. Решение этого частного вопроса, на наш взгляд, может пролить свет на природу иных вопросоответных собраний.

Предварительно сделаем несколько общих замечаний об этих памятниках поздневизантийской церковно-канонической мысли. Из языческой литературной традиции вопросоответники были восприняты христианскими авторами [6, с. 343–344]. Будучи по своей природе жанром неустойчивым и игравшим вспомогательную роль, диалоги в форме вопросов и ответов уже с IV в. заняли прочное место в византийской письменности. Можно выделить пять разновидностей вопросоответников: экзегетическо-догматические, полемические, катехизические, а также относящиеся к аскетической литературе и каноническому праву. Канонические

* Статья подготовлена в рамках проекта «Держава Ромеев от Константина Великого до Константина Багрянородного: идея единства империи» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ (договор № 02-0416/КИП 2 от 26.04.2016).

вопросоответы имеют типичный для этого корпуса текстов принцип организации, когда сложные вопросы из канонической, литургической или пастырской практики задаются компетентному лицу, который оказывается конечной инстанцией при их разрешении. В общем виде схема построения данных текстов выглядит так: преамбула (приветствие / пояснительная записка / предисловие) – блок «вопрос – ответ» – заключительная клаузула (прощание / просьба молитвенной помощи) [1, с. 10; 2 с. 15]. Во многих текстах преамбула и заключительная клаузула зачастую отсутствуют.

Для большинства памятников характерно группирование вопросоответных блоков по каким-либо темам, а также строгое внешнее оформление (вероятно, следствие позднейшей литературной переработки памятников), когда каждый вопрос обозначается термином *Ἐρώτησις*, а ответ термином *Ἀπόκρισις* или *Λύσις* – по сути, *terminus technicus*. Последнее можно также рассматривать как приспособление оригиналов для их последующего употребления и кодификации как собрания прецедентов – справочника. Исследование группы поздневизантийских канонико-правовых вопросоответов, к которым примыкает и наш текст, позволяет разделить их на два типа в зависимости от характера вопроса – общие и частные: в общих вопрошатель просит дать решение или разъяснение по какому-либо *общему* аспекту церковной жизни (значение храма, совершение литургии, количество проскомисаемых просфор, количество церковных таинств, особенности монашеской жизни, соблюдение постов и проч.), в *частных* же – по какому-либо аспекту личной, приватной жизни (диапазон затрагиваемых здесь тем, безусловно, шире, чем в *общих* вопросах) [подробнее см.: 1, с. 11; 2, с. 16].

Греческий текст вопросов и ответов Никиты митр. Ираклийского¹ [4, с. 167–176] не стал в этом смысле исключением: из представленной выше схемы сохранилась только вторая – содержательная – часть оригинального текста. Имеющиеся в этом памятнике 13 вопросоответных пар по содержанию разделяются на несколько тематических групп: а) первые пять вопросов и 11-й посвящены вопросам брачного права, б) четыре вопроса – 6-й, 7-й, 8-й, 9-й – посвящены, условно говоря, монашеству (из них особенно выделим 6-й и 7-й: в них идет речь о высшей ступени монашеского служения – великой схиме), в) 10-й и 12-й – о достоинстве ищущих священнического сана, г) последний, 13-й, стоит отдельно и не может быть соотнесен ни с одной из предыдущих групп (его обозначим как «о должностном преступлении клирика»).

Вместе с тем важным считаем отметить, что в тексте встречается целый ряд насущных бытовых вопросов частного характера, которые, судя по содержанию, требовали немедленного разрешения. Из 13 вопросоответов 9, а именно: 1-й, 2-й, 3-й,

4-й, 5-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й – относятся к группе «частных вопросов». Приведем несколько примеров:

1. *Ἐνὴ τις τῶν ἐνδόξων μέλλει ἐλθεῖν εἰς δεῦτερον συνοικέσιον, ζητεῖ δὲ μετὰ δακρῶν τὴν τοῦ διγάμου λαβεῖν εὐχὴν παρὰ τοῦ ἀρχιερέως τοῦ κατὰ χώραν ἐν τῇ κατ' αὐτὸν ἀγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ, καὶ ζητῶ λύσιν γενέσθαι μοι περὶ τοῦτου* (Ἐρώτησις 1. Ответы Никиты Ираклийского). – Некая знатная женщина желает вступить во второй брак и со слезами просит архиерея этой области дать ей молитву о двоюбразном в подведомственной ему святой церкви; и я прошу предоставить мне решение этого *случая*².

2. *Δέσποτὰ μου ἄγιε, κόρη τις ἀνελάβετο ἄνδρα νομίμῳ γάμῳ, ἐφ' ᾧ καὶ εὐχὴ μνηστείας ἐδόθη καὶ ἱερολογία ἐγεγόνει· εἶτα δὲ τοῦ ἀνδρὸς ἀπάραντος εἰς ἄλλοδαπὴν χώραν κακεῖσε παλλακὴν κτησαμένου, ὡς ἡ κόρη φησί, καὶ αὐτῆς προσκαρτερούσης τὴν τοῦ ἀνδρὸς ἄφιξιν χρόνους ἑπτὰ, αὐτὴ νῦν ἀναγκασθεῖσα συζητεῖ λαβεῖν ἕτερον ἄνδρα. Καὶ διὰ τοῦτο ζητῶ λυθῆναι παρὰ τῆς σῆς ἀγιωσύνης.* (Ἐρώτησις 3. Ответы Никиты Ираклийского). – Святой мой владыка, одна девушка вышла замуж (досл.: взяла мужа) законным браком, над которым была совершена молитва обручения и сотворено таинство (венчание. – *A. A.*). А затем, поскольку муж ушел в чужую страну и там взял себе наложницу, как говорит эта девушка, и так как она ждет возвращения мужа *уже* семь лет, она, испытывая нужду, хочет взять другого мужа. Потому ишу разрешения *это* у твоей святости.

3. *Ἐνὴ τις χήρα ἔχουσα αὐταδέλφην Μαρῖαν, τεκοῦσαν δύο παῖδας ἄρρενας, γέγονεν ἀνάδοχος ἀπὸ τοῦ ἀγίου βαπτίσματος Κωνσταντίνου στραιώτου πειράται γοῦν ἡ ἀδελφὴ τῆς χήρας Μαρῖα ἀναλαβεῖσθαι εἰς ἓνα τῶν αὐτῆς υἱῶν θυγατέρα τοῦ Κωνσταντίνου.* (Ἐρώτησις 11. Ответы Никиты Ираклийского). – Одна вдова, имеющая сестру Марию, родившую двух сыновей, стала восприемницей при святом крещении воина Константина. А сестра той вдовы, Мария, хочет женить одного из своих сыновей на дочери Константина.

Частным вопросам противостоят «общие». Их в тексте 4, соответственно: 6-й, 7-й, 8-й, 9-й. Пример:

Ἄγιε μου δέσποτα· εἰ δεῖ τὸν ἀποστολικὸν μοναχὸν ἀποκεῖρειν ἕτερον καὶ ποιεῖν μεγάλοςχημον, ἢ μή; Ζητῶ καὶ τοῦτο παρὰ σου λυθῆναι. (Ἐρώτησις 6. Ответы Никиты Ираклийского). – Святой мой владыка, подобает ли иеромонаху постригать другого и совершать великую схиму или нет? Прошу, чтобы ты и этому дал решение.

Данное наблюдение можно рассматривать как факт фиксации реальной переписки, что является важным аргументом в пользу «эпистолярности» текста, поскольку наличие только «общих» вопросов требовало бы исключительно одного вывода, а именно что данный текст представляет собой просто свод решений иерарха по вопросам, ко-

торые, как нам кажется, могли быть предложены ему в различное время и от разных лиц, или даже по вопросам, которые могли быть вызваны текущей церковной жизнью.

9 из 13 вопросов содержат персональную просьбу дать разрешение какого-либо неоднозначного случая из церковной практики. Вопросы 1, 2, 3, 5, 6, 13 – заканчиваются, а вопросы 4, 7, 8 – начинаются с фраз, характеризующих эти памятники: ζητῶ λύσιν γενέσθαι μοι περὶ τούτου – прошу предоставить мне решение этого, διὰ τοῦτο ζητῶ λυθῆναι παρὰ τῆς σῆς ἀγιωσύνης – потому ищущу разрешения этого у твоей святости,¹ Ἐτι καὶ τοῦτο ἐρωτῶ – еще и об этом спрашиваю и так далее. Это в свою очередь также можно рассматривать как реликты корреспонденции между реальными лицами по различным вопросам церковной жизни, как то: литургическая практика, проблема понимания отдельных мест святоотеческого наследия или канонических правил, разрешение конкретных частных ситуаций, не получивших канонической регламентации.

Примечательной представляется 4-я вопросоответная пара:

Ἐρώτησις. Ἐτι καὶ τοῦτο ἐρωτῶ· κόρη τις ἀνελάβετο ἄνδρα καὶ γέγονεν εὐχὴ μνηστείας καὶ ἱερολογία ἄνευ τῆς συναφείας, εἶθ' οὕτως περιέπεσεν εἰς τὴν αὐτοῦ πενθερὰν ὃ ταύτης ἀνὴρ καὶ ἐνεγάστρωσεν αὐτήν.

Ἀπόκρισις. Περὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως καὶ πρότερον ἀπεκρίθημεν τῇ θεοφιλίᾳ σοῦ, ἔγγραφον ἐρώτησιν διὰ τοῦ ἀνεψιοῦ σου δεξάμενοι. Καὶ νῦν δὲ τὸ παριστάμενον ἡμῖν ἀποκρινόμεθα... – *Вопрос*. Еще и об этом спрашиваю: одна девушка вышла замуж за одного мужа: была и обручальная молитва, и венчание, но без брачного ложа; затем, таким образом, ее муж вступил в связь со своей тещей и сделал ее тяжелой. *Ответ*. Об этом деле мы и прежде отвечали боголюбиво твоему, когда получили письменное вопрошание через твоего двоюродного брата. И ныне же на присланное (представленное) нам отвечаем...

Из ответа (περὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως καὶ πρότερον ἀπεκρίθημεν) – видим, что вопроситель уже обращался к митрополиту Никите письмом через своего поверенного (ἔγγραφον ἐρώτησιν διὰ τοῦ ἀνεψιοῦ σου δεξάμενοι). Вероятно, что этот ответ отправляет нас ко второму вопросоответному блоку данного текста, где речь как раз и идет о возможной тайной интимной связи зятя и тещи. И если это так, то фрагменты текста являются ответами на вопросы, заданные Никите Иракийскому в разное время. Вопрос о том, как эти письма из разрозненных вопросоответов превращаются в собрание, пока остается открытым, и его решение – задача для последующего времени. Несколько забегаая вперед, отметим, что логика подсказывает, что непременным условием возникновения коллекции является практика сохранения копий ответов перед

отправкой. Однако кто принимал решение о формировании подобного архива, а также кто и по чьему заказу осуществлял последующую редактуру, из самих источников неизвестно. Возможно, ответ на этот вопрос должен дать анализ списков, в которых дошло данное вопросоответное собрание: с какими текстами оно переписывалось вместе?

Вместе с тем нужно отметить, что в тексте в некоторых вопросоответных парах можно обнаружить сохранные, то есть не удаленные, как это обычно бывает в подобного рода текстах, редактором эпистолярные этикетные формулы с личным местоимением 2-го лица в генитиве, таких как τῇ θεοφιλίᾳ σου – боголюбиво твоему (ответ 4), δέσποτά μου (вопрос 3), [λύσεως] τῆς ἀγιωσύνης σου – твоей святости (вопрос 13), или форм в вокативе θεοφιλέστατε – боголюбивейший (ответ 1), ἀγίε μου δέσποτά – святой мой владыка (вопрос 6).

Для характеристики настоящего текста важно отметить, что его задача (равно как и многих других текстов, заявленных как канонические [3, с. 8–11]), а точнее причина появления, состояла, как видим, в разрешении реальных проблем действительности, определении и обосновании парадигм поведения в современных для авторов условиях и обстоятельствах. Несоблюдение тематической последовательности диалога, который, по-видимому, определяет вопрошающая сторона, смена темы вопроса и последующее возвращение к ней, характеризующие не только наш текст, но и памятники этого круга в целом – косвенные свидетельства реальности ведения переписки, которая позднее, очевидно, была соединена в единый текст.

Итак, анализ текста позволяет прийти к выводу, что в его основе лежит реально имевшая место «деловая» переписка, на основании следующих наблюдений: форма текста, напоминающая форму корреспонденции; намек в 4-м ответе на переписку: καὶ πρότερον ἀπεκρίθημεν, διὰ τοῦ ἀνεψιοῦ σου, ἔγγραφον ἐρώτησιν δεξάμενοι; сохранение в некоторых вопросоответных парах эпистолярных этикетных формул с личным местоимением 2-го лица в генитиве, таких как τῇ θεοφιλίᾳ σου и др. Несомненно, перед нами жанровое превращение: акты живого общения, происходящего в форме дистанционного диалога, а точнее деловой переписки, застывают и кодифицируются как собрание прецедентов – по сути, справочник.

Примечания

¹ Используемый текст издан А.С. Павловым в 1895 году по рукописи Московской синодальной библиотеки.

² Здесь и далее перевод наш. Курсивом выделены слова, которых нет в греческом тексте, но которые необходимы с точки зрения стилистики русского языка и/или которые, по мнению автора, могут улучшить понимание смысла текста.

Библиографический список

1. Анашкин А.В. Проблемы жанра вопросо-ответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ. Сер. 3, Филология. – 2014. – 4 (39). – С. 7–16.
2. Анашкин А.В. Византийские церковно-канонические эротапокризы XI–XV вв. как памятники эпистолярного жанра // Третья международная конференция по классической, византийской и новогреческой филологии памяти И.И. Ковалевой: тезисы и материалы. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. – С. 14–18.
3. Анашкин А.В. Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросоответов XI–XV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 28 с.
4. Милтенова А. Erotapokriseis. Съчинения от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. – София, 2004. – 574 с.
5. Павлов А.С. Канонические ответы Никиты, митрополита Ираклийского (XI–XII вв.) в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Магфея Властаря (XIV в.) // Византийский временник. – 1895. – Т. 2. – С. 160–176.
6. Dörrie H. Erotapokriseis // Reallexikon für Antike und Christentum. – Stuttgart, 1966. – Bd. 6. – S. 343–344.
7. Ermilov P. Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature // Theologica Minora: The Minor Genres of Byzantine Theological Literature (Studies in Byzantine History and Civilization) / ed. A. Rigo. – Turnhout, 2013. – P. 110–125.

Голубков Андрей Васильевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва
andreygolubkov@mail.ru

РЯДОМ С МОЛЬЕРОМ: ФРАНЦУЗСКИЕ «СМЕШНЫЕ ПРЕЦИОЗНИЦЫ» В 1650–1660-Е ГГ.

Статья посвящена анализу важного явления французской аристократической культуры XVII в. – прециозности, наиболее ярко представленной в пьесе Мольера «Смешные жеманницы» (1659). Её главные героини Като и Мадлон, прототипами которых послужили хозяйки двух самых известных парижских салонов середины XVII в. Екатерина де Рамбуэй и Мадлена де Скюдери, в своем бытовом поведении доводят до абсурда принципы галантности, популяризованные в светском обществе. Пристальное внимание уделяется образам прециозниц, созданных в то же время: изначально данный женский типаж воспринимался в положительном ключе, однако в конце 1658 – начале 1659 г. наблюдается значительное изменение общественного мнения, критика прециозниц нарастает в творчестве А. де Фюретьера, Ж. де Лафонтена, А. де Монпансье, К. Ле Пти и др. писателей. Воплощением данного саркастического направления оказывается, в итоге, Мольер.

Ключевые слова: Мольер, прециозность, галантность, французская аристократическая культура, салоны, сатира.

Комедия Мольера «Смешные прециозницы» (обыкновенно переводящаяся на русский язык как «Смешные жеманницы»), впервые поставленная в Париже 18 ноября 1659 г., открывается диалогом двух парижских щёголей – Лагранжа и Дюкруази, которые обмениваются репликами после неудачного визита к двум галантным провинциалкам, недавно обосновавшимся в Париже – Мадлон и Като. Отвергнутые поклонники решают подшутить над «прециозницами» и подсылают в их дом своих лакеев, один из них – Маскариль, слуга Лагранжа, с присущей ему «манией строить из себя важного господина», «воображает, что у него изящные манеры, он кроает стишки, а других слуг презирает и зовёт их не иначе как скотами» [1, с. 33]. Вместе с Жодле, слугой Дюкруази, Маскариль проникает в дом к жеманницам и устраивает светский разговор, гипертрофируя все правила хорошего тона и изящного языка.

В качестве главных своих героинь Мольер представил двух девиц (заметим, слово «прециозница» Мольер употребляет лишь в названии и самом начале пьесы и вкладывает его только в уста Лагранжа) – провинциалок, начитавшихся галантной литературы и волею случая оказавшихся в Париже. Мадлон и Като признаются Горжибюсу, что у кавалеров «дурные манеры», «нет тонкости общения», ведь те ведут себя согласно патриархальной маскулинной логике, сразу же, с первых минут разговора, предлагают законный брак. Девы предпочитают риторические галантности («Хороша тонкость общения! Начинать прямо с законного брака!» [1, с. 34]). Браку и вполне приземлённым, мещански-обыденным ценностям и удовольствиям девы предпочли пустую галантную «лесть» и симулякр соблазна, приземлённым радостям жизни – флирт и диковинные языковые эксперименты, «дьявольский жаргон», примерами которого могут быть реплики-перифразы Мадлон: «Скорее подай нам наперсника Граций» (имеется в виду зеркало) [1, с. 37]; «До встречи с вами у нас был великий

пост по части развлечений» [1, с. 43]; «Пригласи наших соседей, кавалеров и дам, чтобы они заселили пустыню нашего бала» [1, с. 48]; «Господину виконту пришла фантазия воодушевить наши ножки, и мы пригласили вас, чтобы заполнить пустоты нашего собрания» [1, с. 49]; а также высказывания Като: «Умоляю вас, сударь: не будьте безжалостны к сему креслу, которое вот уже четверть часа призывает вас в свои объятия, снизойдите к его желанию прижать вас к своей груди» [1, с. 40]; «Он до ужаса расточителен в своем остроумии» [1, с. 48].

В современных исследованиях часто можно заметить весьма шуточные восклицания о том, что Мольер «придумал» прециозниц, однако сама реальность, предшествовавшая выходу мольеровской пьесы, полностью опровергает подобные предположения. Популярность слова «прециозница», начавшаяся с перевода на французский язык (1615) новеллы Сервантеса «Цыганочка», пришлась на расцвет разного рода салонов – альтернативных переживавшим упадок официальным институциям социального общения (университетам и королевскому двору), самым ярким из которых стала «голубая гостиная» Екатерины де Рамбуэй и «субботы» Мадлены де Скюдери (они и стали мольеровскими Като и Мадлон). Эти два кружка, которые в первой половине XVII в. в условиях, когда Французская академия еще не была наделена официальным статусом, были монополистами в трактовке «изысканного вкуса», неизбежно смыкавшегося с философией «галантности». Внутри самих этих кружков слово «прециозница» не обозначало ещё особый женский типаж, однако с середины 1650-х гг. так стали называть некоторую «натуру» девиц во Франции. Дамы, наделённые таким прозвищем (Жюли д'Анженн, м-ль де Скюдери, госпожа де Лафайет и др.), были отмечены особенными повадками и собственным жаргоном, который был высмеян Мольером и назван «дьявольским».

В течение 1655 и 1656 гг. слово «прециозница» широко употребляется в положительном оценочном

ключе на страницах рукописных газет «Историческая муза», «Королевская Муза» и «Галантная газета», в выпусках которой от 11 и 16 июня 1657 года м-ль де Скюдери была названа Принцессой прециозниц («Princesse des gracieuses») и Государыней прециозниц («Souveraine des gracieuses») [4, p. 270]. Автор и издатель газеты «Историческая муза» Жан Лоре неоднократно награждает таким эпитетом мадмуазель де Монпансье (Великую Мадмуазель). Весьма интересна и характеристика, данная голландцами братьями Вильер в их дневнике, созданном во время пребывания в Париже в 1657–1658 гг. Запись относится к событиям 4 января 1658 г.: «Во второй половине дня 4-го числа мы поехали к маркизе де Лафайет, которая проживала по соседству у господина де Сен-Пон, её дядюшки. Она только что прибыла из провинции и ещё не устроилась у себя. Это женщина большого ума и великой репутации, у неё с самого утра назначают встречи множество учтивых и красноречивых людей этого города. Она была очень уважаема, когда ещё девушкой звалась Мадмуазель де Лавернь, и она таковой остаётся в не меньшей степени и теперь, будучи замужем. Наконец, она одна из прециозниц самого высокого ранга и самого высокого полёта» [11, с. 372–373]. Характеристика, данная г-же де Лафайет менее чем за 2 года до «Смешных прециозниц» Мольера, оказывается ещё сугубо положительной, хотя Вильеры и фиксируют несколько «рангов» прециозности. Заметим при этом, что когда братья пишут свою заметку, у будущей госпожи де Лафайет ещё нет своего салона: она как раз была провинциалкой, недавно основавшейся в Париже; в марте 1658 г. она родит своего второго ребенка, то есть она принимала голландских гостей, будучи на сносях.

Антуан де Фюретьер в своей «Аллегорической новелле, или Истории последних неприятностей, случившихся в Королевстве Красноречия», вышедшей в апреле 1658 г. (за 2 недели до четвертой части романа де Пюра) с сарказмом обращается к госпоже де Скюдери: «Светлейшая принцесса Риторика мирно правила вот уже много столетий... Её суверенный совет находился в Академии, её столице, и состоял из сорока доверенных баронов королевы, которые сосредоточили в своих руках почти всю власть. Они собирались на совет два раза в неделю для обсуждения государственных дел, и главным образом они трудились над исчислением количества и установлением точной роли жителей этой большой империи, которая на языке этой страны именовалась “Словарём”, в который они включали только лишь тех, кто имел право на гражданство, подкрепляемое патентными письмами. Они все были неподкупны в своей комиссии и доходили до щепетильности, да так, что всю компанию стали именовать Точностью (Exactitude), поскольку её члены безжалостно из-

гоняли варваров и иностранцев. Но всё же иногда случалось, что эмигранты, желая осесть здесь, получали право гражданства по ходатайству какой-нибудь прециозницы, но это было всегда предметом проверки на суде, без решения которого вновь прибывшие не осмеливались показаться на публике» [6, p. 1–2]. Выдуманное Фюретьером прозвище м-ль де Скюдери («Девственница из Маре») получило широкую известность и вызвало раздражение как самой Сапфо, так и Пелиссона, о чем свидетельствует мемуарист Ж. Таллеман де Рео: «Сапфо была в сильном гневе, а Пелиссон, поддерживая её, в еще более сильном на то, что Фюретьер в своей “Войне Галиматы” прозвал её “Девственницей из Маре”» [10, p. 693]. Как думается, данное выступление Фюретьера оказывается одной из первых саркастических реплик в отношении прециозниц и культивируемых ими лингвистических экспериментов: Фюретьер показывает, что прециозницы оказываются активными реформаторами языка, часто используют иностранные «варварские» слова.

Через семь лет Фюретьер, уже на волне успеха мольеровской пьесы, в своём «Мещанском романе» (1666) будет несравнимо более саркастичен и нетерпим по отношению к госпоже де Скюдери и практикуемому ею стилю, напрямую высмеивая язык и манеры прециозниц (или, скорее, «прециозников»). Показательна сцена объяснения мещанки Жавотты со «щёголем, поражённым стрелой Амура», которая забавна тем, что именно мужчина оказывается носителем прециозных ценностей, тогда как девица разделяет представления традиционной морали и моментально предлагает собеседнику заключить с ней брак. Никодем же, привыкший к салонным разговорам, предполагает ухаживания без брачных уз и пользуется словарём, вычитанным из книг, так как тщательно изучал «Кира» и «Клелию»: «”С этим можно повременить, – возразил Никодем, – я раньше должен убедиться в вашем дружеском расположении и узнать, согласны ли вы оказать мне честь и позволить стать вашим слугой”. “Сударь, – ответила Жавотта, – я обхожусь без слуг и умею всё делать сама”» [2, с. 38]. Фюретьер далее указывает на разницу в менталитете буржуазного и аристократического сословия. Если для мещанки важен результат, и её дискурс отличается узкой прагматической направленностью, то аристократический разговор ценен исключительно сам по себе, он не содержит в себе никакой практической пользы, апеллируя исключительно к самому себе: «Этот поистине мещанский ответ поставил в тупик кавалера, которому хотелось ухаживать самым возвышенным образом. Он собирался вести галантный разговор по всем правилам хорошего тона, если бы нашёл в барышне достойного партнёра... Ему следовало бы знать, что это обычная повадка девушек из мещанского сословия. Они считают, что если мужчина сказал им комплимент,

значит, он влюблён; если же он влюблён, то должен тотчас отправиться к нотариусу или священнику, чтобы скрепить свои чувства надлежащим образом. Они не понимают нежной дружбы и взаимного расположения... они не начинают с уважения, чтобы перейти затем к Нежной Дружбе или Любви» [2, с. 38].

Вернёмся, однако, в 1658 год, во второй половине которого, а также в течение всего 1659 г. сатирический дискурс в отношении прециозниц последовательно набирал силу. Ж. де Лафонтен в комедии «Климена» («Слупène», создана в 1658 или 1659 г., издана в 1671 г.) устами музы лирической поэзии Эрато, беседующей с Аполлоном, весьма пренебрежительно высказывается о прециозницах:

Аполлон. Умеете ли вы любить?

Эрато. В прошлом я была горда,

Когда говорили обо мне, что нет;

Если же придут ко мне сегодня

Спросить меня об этом, то я отвечу: да.

Аполлон: Почему?

Эрато. Дабы не именовали меня Прециозницей

[4, р. 143].

Начало 1659 года было ознаменовано особенно суровой атакой на прециозниц. Анна де Монпансье (Великая Мадмуазель, внучка Генриха IV, дочь Гастона Орлеанского и двоюродная сестра Людовика XIV) выступила инициатором создания сборника «Разные портреты» («Divers portraits», под редакцией Ж.-Р. де Сегре, её секретаря), который был издан у Шарля де Серси в январе 1659 г. (по типографским данным – 25 января). Тираж этого произведения был маленьким (около 60 экземпляров); на экземпляре, хранящемся во Французской национальной библиотеке, наличествует надпись, что печать происходила в г. Кан по распоряжению и на средства Мадмуазель стараниями Д. Юэ. В сборнике содержатся 59 «портретов», то есть описаний различных персон; среди них лишь один, именуемый «Портретом прециозниц» («Portrait des précieuses»), был портретом коллективным: «Какое количество Портретов уже было исполнено, но все они были посвящены одной личности; теперь же я берусь за такой, в котором представлены те, что живут в схожем состоянии духа и сходны по своим манерам» [4, р. 327]. Сама Мадмуазель подписала в качестве автора 15 портретов сборника, интересующий нас текст не подписан и оставлен как анонимный. В то же время исследователи сходятся во мнении, что если он и не был написан рукой Великой Мадмуазель, то, безусловно, был ею напрямую инспирирован. Мадмуазель представляет прециозниц как некое «новшество», лишь недавно завоевавшее популярность среди французов. Это новое течение, «секта» [4, р. 327], представители которой безнаказанно делают то, что пожелают, оценивается неожиданно жёстко и в негативном ключе, о чём Великая Мадмуазель предупреждает своего читателя: «Я не собираюсь

рисовать в манере Бобрунов» [4, р. 327]. Мадмуазель ссылается здесь на картины Анри и Шарля Бобрунов, которые получили известность своими льстиво-слащавыми портретами; Анна де Монпансье решает поведать об «истинной» личине и повадках прециозниц. Мадмуазель подчеркивает, что критиковать прециозниц оказывается возможным только в условиях, когда критик занимает позицию в социальной иерархии выше той, что у критикуемых, иначе ему несдобровать. Она представляет прециозниц старухами и отверженными обществом, собирая наиболее отталкивающие черты, в том числе физиологического свойства: длинный кривой нос, маленькие или, наоборот, огромные – выпученные – глаза, плоская или же, наоборот, огромная грудь. Вне компании своих товарок прециозница зевает и не отвечает на вопросы; когда же прециозницы встречаются во время какого-либо события, то они усаживаются вместе и начинают насмехаться над другими: «Когда в обществе обнаруживается лишь одна прециозница, она находится в постоянной тоске и горести, которая ее утомляет, она зевает, отказывается отвечать на те вопросы, с которыми к ней обращаются, ежели она отвечает, то делает это мимоходом – так, чтобы продемонстрировать, что она не задумывается над тем, о чем говорит. Если в компании появляется другая прециозница, они тут же объединяются... и их привычка надсмехаться на виду у всех – самая невыносимая из всех возможных в этом мире» [4, р. 328]. Портрет Монпансье содержит также упоминания об особом жаргоне прециозниц: «У них свой почти особенный язык, и его не то что использовать, его и понять-то невозможно» [4, р. 328].

В дальнейшем саркастический тон в отношении прециозниц лишь набирал обороты; высмеивалась аффектация, преклонный возраст, уродство и особый язык завсегдатаев прециозной «шайки». В течение весны и лета 1659 г. в Париже была популярна песенка, созданная шансонье Морепе (возможно, он обработал уже существовавшее до 1657 г. стихотворение поэта Молевриера):

Précieuses, vos maximes,
Détruisent tous nos plaisirs
Et vous prenez pour des crimes
Les moindres de nos desirs.
Rambouillet et vous d'Aumale,
Quoy! ne verrons-nous jamais
L'amour et votre caballe
Faire un bon traité de paix.

(«Прециозницы, ваши максимы // Пресекают все наши соблазны, // И вы принимаете за преступления // Малейшие из наших желаний. // Рамбуйе и вы, д'Омаль, // Что! ужель мы не увидим никогда // Как ваша шайка [кабалистическое сообщество] с Любовью // Заключает, наконец-то, добрый мирный договор») [5, р. 17].

Заметим, что наименование «шайка» (или «кабалистическое сообщество») применяется к кружку м-ль де Скюдери, о чём пишет и Таллеман де Рео: «Большинство дам из шайки (cabale)

м-ль де Скудери, которую она именуется Субботой, были совершенно некрасивы, мой брат, аббат, сложил против них эпиграмму:

Ces dames ont l'esprit très-pur,
Ont de la douceur à revendre.
Pour elles on a le cœur tendre,
Et jamais on n'a eut rien de dur.

(У этих дам разумение чересчур чистое и деликатность в изобилии. К ним [у нас] будет направлена нежность сердечная, но что-то более твёрдое – никогда!).

Пелиссон составил сборник, в котором поместил, ничего не исправляя, все послания и стихотворения, я же выбрал то, что получше. Сборник называется «Хроники субботы» [10, р. 690–691].

В то же время, в середине 1659 г., обрёл популярность балет-маскарад из 6 выходов, приписываемый «галантному» автору Форю (Faure) «Разгром прециозниц» («La deroute des précieuses»). Содержание данного маскарада (вполне возможно, предназначенного исключительно для чтения) следующее: Амур узнает, что на земле существует шайка дам, которые отвергают его власть и не соблюдают те ритуалы, которые он провозгласил обязательными для всего человечества. Он пытается вмешаться и просит авторов галантных альманахов поместить в своих произведениях сатиру на представительниц данной секты; альманахи издаются и продаются в Париже. Появляются три прециозницы, замечают торговцев и огромную толпу покупателей альманахов; вот их реплика:

Lorsque nous commençons d'établir notre empire,
Qu'on recevait nos lois ainsi que nos beaux mots,
Tout d'un coup contre nous on a fait une satire,
Et partout l'on nous donne à dos.

(С тех пор, как мы начали устанавливать нашу империю, // Все кругом принимали наши законы и наши прелестные словеса, // И вдруг свершилось: против нас вышла сатира // И все повсюду повернулись к нам спиной) [4, р. 331].

В дальнейшем приводится несколько модифицированная песенка Морепса с показательным дополнением:

Vous faites tant les cruelles
Que l'on peut bien vous nommer
Des jansénistes nouvelles
Qui veulent tout réformer;
Vous gêtez tout le mystère,
Mais j'espère, quelque jour,
Que nous verrons dans Cythère
Une Sorbonne d'Amour. [...]
Dieux! Qu'une précieuse est un sot animal!
Que les auteurs ont eu de mal,
Tandis que ces vieilles pucelles
Ont régenté dans les ruelles;
Pour moi, je n'osais mettre au jour
Ni stance, ni rondeau sur le sujet d'amour,
Et je crois que si ces critiques
Eussent en vogue plus longtemps,
Je perdais tous mes pratiques.

(Вы строите из себя недотрог // Вас можно назвать // Новыми янсенистками // Которые стремятся всё реформировать: // Вы уничтожаете тайну [любви], // Но я наде-

юсь, что однажды // Мы увидим на Кифере // Сорбонну Любви... // О Боги, прециозница – глупое животное! // Сколько трудностей у авторов, // В то время как эти престарелые девственницы // Царили в альковах; // Что меня касается, то я не осмелился представить // Ни станса, ни рондо на сюжет о любви, // И я уверен, что если эти критики // Сохранили свой авторитет и дальше, // То я бы растерял всё мое мастерство...) [4, р. 332].

Как явствует из заглавия маскарада, пьеса заканчивается поражением прециозниц, которое, заметим, оказывается возможным лишь после вмешательства Амура, который, отстаивая свои права, создал сатиру на них. Апогеем специфической популярности прециозниц в конце 1659 г. стали и весьма грубые стишки бурлескного поэта Клода Ле Пти (1638–1662) из его сборника «Бордель муз». Предположительно, маленькая поэма (пародийно озаглавленная как сонет, но состоящая из 4 строк) о прециозницах написана в ноябре 1659 г., то есть незадолго до мольеровской пьесы:

Aux précieuses
Courtisanes d'honneur, putains spirituelles,
De qui tous les péchés sont des péchés d'esprit,
Qui n'avez du plaisir qu'en couchant par écrit,
Et qui n'aimez les lits qu'à cause des ruelles

(К прециозницам // Куртизанки чести, духовные шлюхи, // Чьи все грехи лишь в одном разуме, // Они находят удовольствие в том, что переспать с пером в руке, // И ценят у постели лишь альков) [8, р. 108].

Подобная литературная продукция оказалась тем фоном, на котором появилась комедия Мольера, успех которой, с одной стороны, способствовал тому, что прециозницы остались в истории, но, с другой, тому, что они остались исключительно в негативном ключе. Отрицательная коннотация за словом «прециозница» после комедии Мольера закрепилась надолго, если не навсегда: после ноября 1659 г. прециозницы были только «смешными». Либо сразу после представления Мольера, либо в течение первой половины 1660 г. Лафонтен упоминает мольеровскую пьесу в песенной партии к балету «Насмешники Боришара»:

Qui ne rirait des précieux,
Qui ne rirait de ces coquettes,
En qui tout est mystérieux,
Et qui font tant de guillemettes?
Elles parlent d'un certain ton,
Elles ont un certain langage

(Кто не подсмеивается над прециозниками? // Кто не посмеивается над этими кокетками? // В ком всё так загадочно // И у кого все речи “в кавычках” // У них чудной тон в разговоре, // У них свой собственный язык) [7, р. 104].

Очевидно, к 1659 г., к периоду конца ноября или начала декабря (то есть в течение нескольких недель, следовавших за «Смешными прециозницами»), относится создание сатирического «Катехизиса прециозницы [прециозниц]». Согласно этому анонимному памятнику, «славным титулом Прециозницы» награждаются те, кто соответствует «знаменитой доктрине» (l'illustre doctrine) и «па-

тенту» (le brevet) Скюдери, то есть тем ценностям, что пропагандировались во время «суббот»:

« – Кого вы назовете прециозницами?

– Тех, кому за сорок и тех, кто имеет недостаток в [милостях] фортуны, богатстве или красоте» [3, р. 739].

В тексте отмечается, что прециозную секту составляют те, кто отличаются уродством, бедностью и старостью; таких дам отличают особые язык и жесты. К концу 1659 – началу 1660 г., когда слава «прециозниц» буквально гремела в Париже, относятся также несколько заметок Таллемана де Рео, в которых он активно употребляет данное слово. Так, в истории о госпоже де Сент-Этьен и м-ль де Рамбуйе, созданной в это время, он пишет: «М-ль де Рамбуйе не выказала желание стать монашкой... Она наделена разумением и частенько говорит весьма приятные вещи, но она сердита и не стремится быть вежливой, как сестра. Но о ней говорят, что она прекрасная подруга. Мы расскажем о ней в *historiette* о Вуатюре и *прециозницах*» [9, р. 473]. Очевидно, в это же время была написана *historiette* «Королева Польши и её сестры»: «Так как у меня есть замысел поместить далее настолько, насколько будет возможно, всё, что касается Отеля Рамбуйе, я подумал, что будет кстати ввести здесь историю о королеве Польши и по случаю и её сестрах, ибо она так любила г-жу де Монтозье, я предполагаю закончить далее историями о г-же Принцессе, г-же де Лонгвиль и о *прециозницах*» [9, р. 584]. Задуманную историю, целиком посвящённую прециозницам, Таллеман так и не создал, что, как думается, можно

объяснить как раз резким изменением социального отношения к женскому этосу, произошедшим на волне успеха мольеровской пьесы.

Библиографический список

1. Мольер Ж.Б. Смешные жеманницы [прециозницы]: комедия в одном действии // Мольер Ж.Б. Комедии. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 27–52.
2. Фюретьер А. Мещанский роман: Комическое сочинение. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962.
3. Catechisme des Précieuses // Pure M. de. La précieuse ou le mystère de la ruelle. – Paris: Champion, 2010. – P. 739–741.
4. Duchêne R. Les Précieuses, ou comment l'esprit vint aux femmes. – Paris: Fayard, 2001.
5. Fukui Y. Raffinement précieux de la poésie française du XVIIe siècle. – Paris: Nizet, 1964.
6. Furetière A. Nouvelle allégorique ou histoire des derniers troubles arrivés au Royaume d'Eloquence. – Paris: G. De Luyne, 1658.
7. La Fontaine J. de. Les rieurs du Beau-Richard // J. de. La Fontaine Œuvres complètes. – Paris: Pagnerre, 1860. – Т. 4. – P. 102–118.
8. Le Petit Cl. Le bordel des muses // F. Lachèvre. Les Œuvres libertines de Claude Le Petit. – Genève: Droz, 1968. – P. 108.
9. Tallemant des Réaux G. Historiettes. – Paris: Gallimard, 1960. – Т. 1.
10. Tallemant des Réaux G. Historiettes. – Paris: Gallimard, 1961. – Т. 2.
11. Villers. Journal d'un voyage à Paris en 1657–1658. – Paris: B. Duprat, 1862.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКАХ (на примере публикаций о Святках в Псковской губернии)

В статье прослеживаются характерные особенности описания календарных праздников в региональных дореволюционных источниках. На примере Псковской губернии рассматриваются публикации о Святках. Источниками материалов выступают в основном периодические издания: «Псковские губернские ведомости» (1838–1917 гг.) и «Псковские епархиальные ведомости» (1894–1917 гг.). Определяется социальная принадлежность собирателей материалов с фольклорно-этнографической составляющей. Рассматриваются основные причины обращения краеведов к фольклорной тематике: собственный интерес и перенимаемый столичный опыт. Географическая принадлежность материалов, как правило, определяется жизненными обстоятельствами собирателя: местом жительства, службы. Описания праздников народного календаря в региональной фольклористике дореволюционного периода не равнозначны: от упоминания некоторых особенностей в контексте общего повествования до углубления в детали. Большая часть материалов оценочна и имеет публицистическую стилистику. Собиратели сведений о народной праздничной культуре, как правило, осознавали особый характер народных праздников, представляющий собой синтез христианских и языческих элементов. Выделяются три тенденции восприятия дореволюционными собирателями двойственного характера праздников народного календаря: противопоставление церковного и языческого, предпочтение христианской традиции, описание архаических элементов. Особый интерес в Псковской губернии представляют святочные ночные посиделки («субботки»), устраиваемые в Торопецком уезде. В публикациях XIX в. заметно изменение традиции торопецких святочных посиделок.

Ключевые слова: традиционная народная культура, региональная фольклористика, праздники народного календаря, Святки, «субботки», собиратели, фольклорные программы, губернские ведомости, епархиальные ведомости.

Псковская губерния, расположенная на древних русских землях, была образована в 1772 году [1, с. 9] и состояла из 6 уездов: Псковского, Великолукского, Опочецкого, Островского, Порховского и Торопецкого. В 1802 году из них было выделено ещё два уезда: Холмский и Новоржевский. В формате 8 уездов Псковская губерния просуществовала вплоть до 1924 года. В этот период в ней сложился комплекс локальных традиций, отличавшихся фольклорным своеобразием. Однако региональная фольклористика в дореволюционный период еще проходила путь от зарождения интереса к «живой старине» до научного становления. В ее поле зрения попадали лишь отдельные локусы, имеющие непосредственное отношение к собирателям материалов. Авторами региональных фольклорных материалов были любители, чаще священнослужители и чиновники, не обладавшие навыками собирательской работы. Среди причин, побудивших псковское краеведческое сообщество обратиться к фиксации фольклорно-этнографических данных, заметны две тенденции. Первая связана с возникшим собственным (внутренним) интересом местной интеллигенции к особенностям народной жизни и культуры. Вторым фактором, повлиявшим на сбор псковского фольклора, стал доступный в то время столичный опыт и инициативы внешних специализированных учреждений (Русского географического общества, Академии наук, «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева), которые стали основой региональных изысканий.

Самое раннее описание Святков в Псковской губернии принадлежит священнику Покровской церкви г. Торопца Петру Иродионову. В его исто-

рико-этнографическом очерке «Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся» [7], опубликованном в 1778 году, сообщается о том, что в г. Торопце после Рождества начинаются «субботки». Так, согласно комментарию П. Иродионова, в этой местности назывались ночные святочные посиделки. Во время «субботок» в избе выстраивались «подмостки». Девушки садились на них с зажженными свечами и пели песни: «На другой день после праздника Рождества Христова начинаются здесь ночные посиделки, субботками называемые, на которых девицы одна выше другой садятся в избах на подмостках с восжженными перед собою свечами и, разположась таким образом, поют песни, древним славянским богам приличные» [7, с. 5].

Публикация П. Иродионова отражает общую тенденцию участия священников в фольклорно-собирательской деятельности. В современных исследованиях К.Е. Кореповой, А.Н. Розова, В.Г. Смолицкого, посвященных роли священнослужителей в собирании фольклора, неоднократно справедливо замечалось, что духовенство в дореволюционной России было той частью интеллигенции, которая могла естественным образом наблюдать за народным бытом и нравами. Этому способствовали: длительное проживание священников среди прихожан, живое общение с крестьянством во время крещения, венчания, проповедей и т. п., ведение архивной документации, а также поставленная епархиальным начальством задача собирания материалов об истории своего прихода, а интерес к истории родного края стал посылком к собиранию фольклорно-этнографических сведений [9; 12; 13].

Более детальные описания торопецких «субботок» появились в 1840 году в «Псковских губернских ведомостях», благодаря чему в Псковской губернии стал доступным столичный опыт. Редакция газеты перепечатала фрагмент из вышедшей в Санкт-Петербурге книги И.П. Сахарова «Песни русского народа», в которой торопецкие «субботки» были описаны детально. Указывается главное действующее лицо посиделок – «честная», «известная своим незастенчивым поведением» вдова. «Субботки» происходили в ее доме. Определяется основной атрибут обряда, с которым связаны гадания девушек, – цветной бумажный фонарь, украшенный лентами: «... в середине комнаты вдовушка вешает бумажный цветной фонарь, украшенный лентами. В этом фонаре горят сборные свечи» [14, с. 169]. Каждая свеча помечалась, поскольку было принято наблюдать за процессом горения, с которым были связаны определенные приметы. Обращается внимание на расставленные особым способом скамейки в доме вдовы: «уступами» от пола до потолка в виде полукруга. По другим сторонам, замечает И.П. Сахаров, ставились скамейки для мужчин. Наконец, описываются происходящие на «субботках» обрядовые действия и объясняется предназначение обряда: парни выбирали будущих невест, а девушки присматривали будущих женихов. Сахаров упоминает величальные песни, которыми на «субботках» девушки встречали гостей.

Перепечатанный из сборника И.П. Сахарова в «Псковских губернских ведомостях» фрагмент, касающийся торопецких «субботок», осмысления со стороны публикаторов не получил. Каких-либо замечаний или комментариев к обширному отрывку из столичного издания губернские ведомости не дают. Непосредственное обращение к первоисточнику (сборнику И.П. Сахарова) показало, что данный фрагмент является единственным, касающимся Псковской губернии. Отсутствие продолжения псковской темы в книге «Песни русского народа» свидетельствует о том, что материалы о торопецких «субботках» в издании И.П. Сахарова носят случайный характер. Откуда собиратель почерпнул сведения, остается только догадываться. На корреспондентов И.П. Сахаров ссылок не оставил.

Укажем, что «субботки» в книге П. Иродионова «Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся» описаны поверхностно по сравнению с детализированным текстом у И.П. Сахарова. Другие источники, содержащие сведения о Святках в Торопецком уезде и предшествующие «Песням русского народа», в научном обороте не выявлены. Зная, что в Новгородской губернии, соседствующей с Псковской, находилось имение И.П. Сахарова Заречье (Валдайский уезд), где собиратель умер и был похоронен при церкви Успения Рютинского погоста, можно предположить, что лю-

битель народной жизни мог бывать на Псковщине и наблюдать торопецкие святочные традиции либо слышать о них от лица, интересующегося «живой стариной».

Публикация И.П. Сахаровым фольклорно-этнографической зарисовки из жизни г. Торопца и ее перепечатка в «Псковских губернских ведомостях» обратили еще раз внимание псковских краеведов-фольклористов на Торопецкий уезд как «благоприятную почву» для наблюдений над жизнью народа, усилили интерес к теме Святков вообще и к Святкам в Торопецком уезде особенно. Но в обозначенный период краеведы-фольклористы святочный обрядовый процесс в Торопецком уезде детально не рассматривали. Сведения о народном календаре у местных авторов нередко являются вкраплениями в общее повествование на общественно значимые темы. Последующий опубликованный в «Псковских губернских ведомостях» материал на тему Святков в Торопце был лаконичным. Автор статьи «Святки в городе Торопце» (1843 год), скрывшийся под криптонимом Ф. И. А-к, делал акцент на том, что Святки – это праздник традиционный, семейный, и попутно замечал, что устраиваемые в святочный период молодежные посиделки с гаданиями на свечу сопровождаются хороводами и плясками казачка [2]. Очевидно, что для псковского собирателя фольклорная составляющая праздничной культуры была обыденной и особую ценность не представляла.

Фактором, повлиявшим на развитие региональной фольклористики, стала широкая известность столичных программ, регламентирующих сбор фольклорно-этнографических сведений на местах. На программу Русского географического общества (далее – РГО) откликнулись корреспонденты и из Псковской губернии. В 1849 году в архив РГО поступила рукопись зрителя училищ Ивана Кузмича Глуховского с подробным описанием «субботок», по которому можно судить об изменении традиции [6]. Согласно записям И.К. Глуховского, девушки держат фонарь: «Этот фонарь имеет в основании не более $\frac{1}{2}$ аршина в квадрате, а высоты до $\frac{3}{4}$ аршина; он устроен на деревянном четырехугольном станке, который имеет на половине своей величины уступ, а верхнюю часть конусообразную, словом сказать, фигура фонаря представляет как бы башенку. На уступе этого фонаря горят по углам четыре свечи, а самый фонарь украшен сверху цветами и лентами, а снизу обтянут шелковою материею с бахромой» [6, с. 6–7]. Глуховский пишет о «простых и обыкновенных русских песнях», напев которых «сохранил какую-то странность и нечто дикое, как бы не русское, но может быть древнее, языческое» [6, с. 7], а также об исполнении баллады «Раиса» Н.М. Карамзина.

Помимо ночных святочных посиделок работа И.К. Глуховского примечательна сведениями

о кукольных комедиях, которые разыгрывались на Рождество и Святки. Автор описал устройство народного театра с занавесями, деревянными возвышениями («станком»), сценой, покрытой заячьим мехом и освещенной двумя свечами, а также традиционный репертуар (картины из Священной истории). Народный театр в Торопецком уезде, наряду с «субботками», был ярким проявлением народного творчества.

В дореволюционных публикациях, касающихся календарных праздников, особенно заметна связь церковных и языческих традиций, а также большинство описывающих праздничную культуру материалов отличает наличие ярко выраженной авторской позиции. Авторские свидетельства о народной культуре Псковской губернии условно можно разделить на три группы. К первой группе отнесем тексты, в которых противопоставляются церковные обычаи языческим и отдается предпочтение христианским традициям. Ко второй – публикации, описывающие народный праздник односторонне как торжество христианства. К третьей – описания, свидетельствующие о богатстве архаической культуры.

На двойственный характер народной праздничной культуры в Псковской губернии обратил внимание педагог, корреспондент газеты «Псковские губернские ведомости» Иван Петрович Бутырский. В его поле зрения попал святочный обычай Великолукского уезда. В период с 1830 г. по 1839 г. И.П. Бутырский был инспектором великолукских училищ и мог естественным образом наблюдать местные народные праздники. В 1840 году в заметке «Великие Луки» [5], упоминая об устойчивых святочных обычаях, он заметил, что священнослужители на Святки устраивают Крестные ходы, а народ – кулачные бои. Если педагог И.П. Бутырский оценок не дает, то А. М-ский в статье «Развлечения нашего народа» (1903 г.) [10] высказал возмущение святочными традициями, распространенными в Великолукском и Торопецком уездах. Автор поведал, как поздним вечером присоединился к толпе гуляющих по улицам парней и девушек и оказался на посиделках в крестьянском доме деревни Михалихи, а затем рассказал о молодежных святочных играх с переодеванием в «воеводу», «водоноса», «священника» и «колдуна», с танцами под «гармонику», пением частушек и «нелепиц», с которыми он познакомился. Текст А. М-ского интересен с фольклористической точки зрения: в нем в диалогах передается разговор участников святочных инсценировок, детально описаны костюмы ряженных (вывернутые наизнанку тулупы, кочерга, коромысло, женский сарафан как ряса священника и т. д.), приведены примеры из текстов песен и частушек. В заключении он пишет: «Больно и тяжело было на сердце от всей этой наивности, бессмыслицы и душевной темноты. Давно, кажет-

ся, занялась заря христианства над нашей Русью; успели уже отпраздновать, кажется, девятистолетний юбилей этого важного момента для нас; давно, кажется, и духовная и светская власть принимают разные меры к просвещению этого простого народа, и путем церковной проповеди, и школ, и религиозно нравственными чтениями, и в последние годы через «благородные развлечения»; а какая еще тьма невежества царит над нашим меньшим братом... Темная деревня! Бедный народ! Еще многих самоотверженных тружеников ты ждешь к себе на ниву!» [10, с. 83]. Как правило, священнослужители хорошо осознавали особенность крестьянской религиозности, «которая представляла собой синтез христианских и дохристианских понятий» [13, с. 27]. Духовенство выступало «хранителем нравственных основ православия в наиболее важных этапах жизни прихожан» [13, с. 24]. В их поле зрения преимущественно попали те фольклорно-этнографические явления, которые вызвали недоумение и даже возмущение. Безусловно, в первую очередь это были отклонения от христианской веры.

Христианскую составляющую Святки в ответ на программу РГО общества описали член-корреспондент РГО, «попечитель хлебных запасных магазинов» [11, с. 61] из г. Великие Луки, дворянин Михаил Федорович Арбузов (1857 г.) [4] и гласный Великолукской думы Александр Петрович Анисимов (1891 г.) [3]. Они повествуют о хождении по улицам Великих Лук с вертепом, изготовленным из простой бумаги с зажженной свечой внутри, и пении псалмов, приводят тексты псалмов.

Подробный псковский материал о святочном ряжении представлен в работе «Рождественские святки и сопровождающие их народные игры и развлечения в Псковской губернии» [8] Ивана Константиновича Копаневича (1857–?), члена Псковского археологического общества, в задачи которого входило целенаправленное собирание фольклорно-этнографических материалов. В работе, вышедшей отдельным изданием в 1896 году, достаточно полно воссоздана картина архаичного праздника. Рассказывается, что в Псковской губернии на Святки устраивали складчину, и на вечеринках молодежь рядилась в цыган и цыганок-ворожей, евреев, толстых купцов, солдат, скоморохов. Среди деталей обряда, описанного И.К. Копаневичем, выделяются образы медведя и «журава» (журавля). Переодетый в медведя мужчина изображал, как бабы ходят по воду, а девушки смотрятся в зеркало. «Журавом», как правило, был парень. Он накидывал на себя шубу вывернутой шерстью вверх, а в один из рукавов продевал палку с крючком на конце. Это был клюв. «Журав» бил импровизированным клювом девушек, а те откупались от него, то есть бросали на землю конфеты, пряники, оре-

хи, которые «птица» подбирала. Среди игр молодежи на святочных вечеринках названы «венчание» и «похороны». Исследование И.К. Копаневича о святках отличается вниманием к фольклорно-этнографическим деталям, включает древние обрядовые элементы и выделяется среди краеведческих работ своей обстоятельностью.

Отличительной особенностью дореволюционных фольклорно-этнографических материалов является их публицистический характер, направленный на привлечение внимания к народной жизни, особенностям народных взглядов на мироустройство. Материалы, представленные в дореволюционной печати, в содержательном плане не равноценны. В одних лишь упоминается то или иное фольклорное явление народной жизни, в других описание делается более подробным. В географическом аспекте материалы избирательны. В поле зрения псковских краеведов описываемого периода вошли Торопец и Великие Луки, с которыми были связаны обстоятельства жизни авторов материалов, преимущественно священнослужителей и чиновников, имевших возможность как естественным образом наблюдать народный образ жизни, так и его описывать. Разрозненные сведения о народных праздниках в совокупности дают определенное представление о картине народной жизни Псковской губернии описываемого периода.

Библиографический список

1. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988): справочник: в 2 кн. / ред. Т.Е. Герасименко и др. – Л.: Лениздат, 1988. – Кн. 1. – 640 с.
2. *А-к Ф. И.* Святки в городе Торопце // Псковские губернские ведомости. – 1843. – 30 дек., № 52. – С. 229–230.
3. *Анисимов А.П.* Псалмы, поющиеся с вертепом в гор. Великих Луках, во время святок, 1891 // Архив Русского географического общества. – XXXII Псковская губ. – № 2.
4. *Арбузов М.Ф.* Простонародные псалмы на Рождество Христово, 1857 // Архив Русского географического общества. – XXXII Псковская губ. – № 23.
5. *Бутырский И.П.* Великие Луки // Псковские губернские ведомости. – 1840. – 31 янв., № 5. – С. 23–25.
6. *Глуховский И.К.* Некоторые черты из жизни торопецких граждан, 1849 // Архив Русского географического общества. – XXXII Псковская губ. – № 17.
7. *Иродионов П.* Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся. – СПб., 1778. – 39 с.
8. *Копаневич И.К.* Рождественские святки и сопровождающие их народные игры и развлечения в Псковской губернии. – Псков: Типография губ. правл., 1896. – 40 с.
9. *Коренева К.Е.* Нижегородские священники – собиратели фольклорно-этнографических материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-189-3/978-5-88431-189-3_21.pdf (дата обращения: 19.09.2015).
10. *М-ский А.* Развлечения нашего народа // Псковские епархиальные ведомости – 1903. – 1 февр., № 3. – С. 78–83.
11. Памятная книжка для Псковской губернии на 1850 год. – Псков: В губернской типографии, 1850. – 140 с.
12. Православные священники – собиратели русского фольклора: Е.А. Фаворский, А.Н. Соболев, П.А. Флоренский / сост., подгот. текстов, примеч. В.Г. Смолицкого и А.В. Кулагиной. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. – 414 с.
13. *Розов А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни. – СПб.: Алетейя, 2003. – 255 с.
14. Русские святки (из книги «Песни русского народа, собранные И. Сахаровым») // Псковские губернские ведомости. – 1840. – 3 июля, № 27. – С. 169–170.

«ВОТ МОЯ ЛЮБИМАЯ ПЬЕСА...»: ПРЕМЬЕРНЫЕ ПОСТАНОВКИ «ПАРАШИ СИБИРЯЧКИ» Н.А. ПОЛЕВОГО НА СЦЕНЕ И В КРИТИКЕ

В статье осуществляется анализ любимого драматического сочинения Н.А. Полевого – пьесы «Параша Сибирячка» (1840). Премьера русской были в двух действиях с эпилогом на сцене Александринского театра в бенефис актрисы В.Н. Асенковой при участии В.А. Каратыгина и И.И. Сосницкого стала заметным событием в литературно-театральной жизни России 40-х годов XIX века. В основу сюжета положено «истинное событие, всем известное» – история простой девушки Прасковьи Луполовой, дочери ссыльного, которая пешком проделала путь из Сибири в Москву, чтобы встретить государя и молить его о прощении отца. В статье раскрывается замысел драматурга и специфика сценической обработки исходного сюжета, выявляется жанровое своеобразие «Параши Сибирячки». При анализе пьесы привлекаются рецензии В.Г. Белинского, Ф.В. Булгарина, Р.М. Зотова, а также обозревателей журнала «Репертуар русского театра», содержащие ценные для понимания художественного своеобразия текста наблюдения над актерской игрой и особенностями сценического прочтения «Параши Сибирячки».

Ключевые слова: Н.А. Полевой, история русской драматургии, русский драматический театр, Параша Сибирячка, репертуар, жанр, быль, драма, актёр, зритель.

К 1840 году, времени написания пьесы «Параша Сибирячка», Н.А. Полевой уже сумел снискать славу успешного драматурга, хотя далеко не первого ряда, репутацию автора, активно пробовавшего себя во многих популярных сценических жанрах. Стремясь заполнить репертуарный «вакуум» драматической сцены 40-х годов, он в своём творчестве исходит из тенденций качественного изменения социального состава публики, а также ориентируется на будущее сценическое исполнение, зачастую создавая пьесы специально для бенефиса того или иного актёра.

В известном письме Ф.В. Булгарину «Несколько слов о русской драматической словесности», опубликованном в восьмой части «Сына Отечества» за 1839 год, своём своеобразном драматургическом манифесте, Полевой писал: «Думать о Дrame и сцене имел я время, принимаясь на *со-роковом году* от рождения, изучив предварительно историю их у всех народов. И всё, что до сих пор отдано мною на сцену, я не считаю ни чем другим, как только добросовестными опытами, игрою *va banque*, на мою литературную известность. Не мне судить себя, но признаться, не могу порадоваться некоторым успехом моих опытов, хотя приписываю их снисхождению публики только за искренность трудов моих, которую она вполне оценяет, и которая может многое заменить в писателе» [6, с. 112]. Здесь же драматург раскрывает особенности авторского замысла большинства своих пьес, в том числе и «Параши Сибирячки», где ему хотелось «опять коснуться простого изображения любви детской, которая провела простую девушку из снегов Сибири к Царскому престолу, для испрошения милости виновному отцу её» [6, с. 113].

В послесловии ко второй части своих четырёхтомных «Драматических сочинений и переводов» Полевой признавался, что русская быль в двух действиях с эпилогом «Параша Сибирячка» – его любимая пьеса из всего, написанного для сцены.

Впервые она была представлена в Александринском театре в Санкт-Петербурге в бенефис актрисы В.Н. Асенковой 17 января 1840 года. «Воспоминание о том дне, когда явилась Параша на сцену, всегда будет воспоминанием об одном из счастливых дней в моей жизни» [3, с. 6], – писал драматург. Как и в других былях, написанных до «Параши Сибирячки», Полевой взял основание пьесы из «истинного события, всем известного»: «Прасковья Лупалова, дочь ссыльного в Сибирь чиновника, действительно пришла в Петербург из Сибири, и кроткий Александр простил виновного отца за подвиг действий любви. Трогательное событие сие послужило предметом романа г-жи Коттен: “Елисавета Л***, или сосланные в Сибирь” и повести Графа Местра: Юная Сибирячка. Успех Параши был необыкновенный» [3, с. 6].

Действительно, публика Александринского театра оказала «Параше Сибирячке» самый благосклонный приём. Так, рецензент «Репертуара русского театра» вспоминал: «Автор её (пьесы. – А. Б.) Н.А. Полевой был три раза вызван при громких рукоплесканиях и криках bravo. Новое произведение нашего любимого литератора исполнено занимательности, неподдельных чувств и верных характеров; действующие лица в этой пьесе списаны с натуры; одни из них заставляют невольно плакать, другие возбуждают непритворный смех. Многие монологи приводили публику в восторг!» [8, с. 5]. Или: «“Параша Сибирячка” возбудила живейший восторг в публике и имела блестящий успех. В самом деле, давно уже на русской сцене, апатически умирающей от переводимых и переделываемых французских водевилей, давно уже не появлялось пьесы с таким счастливым сюжетом и так эффектно составленной» [1, с. 17]. В этом отклике В.Г. Белинского содержится важное для понимания жанрового своеобразия «Параши Сибирячки» наблюдение: в то время как на театральной сцене господствовали водевиль и мелодрама, русская

быль – пьеса на сюжет из национальной истории – уже смотрелась выигрышно на фоне лёгких жанров, переводов и переделок. Заметим также, что бенефис Асенковой состоял из четырёх впервые представленных на петербургской сцене пьес, в том числе трёх водевилей – водевиля «Граф-литограф, или Честолюбивая штопальщица», переделанного с французского Д.Т. Ленским, водевиля «Ножка» в переводе с французского П.А. Каратыгина, комедии-водевиля Н.А. Коровкина «Фальшивая тревога». Вполне вероятно, что успех «Параши Сибирячки», в которой нет ни одной смешной сцены, отсутствует проявление внешнего комизма, во многом был обусловлен этим «жанровым соседством». Принимая во внимание то, что пьесу Полевой писал специально для Асенковой и не видел никакой другой актрисы в роли Параши, целесообразным представляется анализировать текст драматургический в неразрывной связи его со сценической интерпретацией. Мужской премьерный актёрский состав был также поистине блестящим: роль Неизвестного исполнил В.А. Каратыгин, Прохожего – И.И. Сосницкий.

Первое действие отрывает «дикая пустыня» – мрачный зимний лес в Сибири, перед зрителем появляются местные жители – тунгусы, вышедшие на охоту с провожатым – ссыльным Александром Григорьевичем Неизвестным. Интересен патетический контраст их диалога: на вопросы тунгусов о медведе, о страхе погибнуть в схватке со зверем «русский» отвечает по-трагически возвышенно: *«Смерть тётка... Нет! она мне мачеха, что до сих пор я жду её и не дождусь её... Нейдёт, проклятая! А, кажется, я щу её так давно и так прилежно... Смерть!.. Тунгусский богатый!.. Ха-ха-ха! Бедняки не понимают, что тот, кто не боится смерти, разумеется, не струсит идти на медведя... (Уходит)»* [7, с. 4; здесь и далее текст пьесы цитируется по указанному изданию]. С главной героиней пьесы – девушкой Парашей – зритель знакомится в следующем явлении после «охотной заставки» с участием её отца – она «входит, напевая песню, и несет ведро на коромысле». На её пути появляется Прохожий – немолодой мужчина, на костылях, заблудившийся в сибирской тайге: *«Лес, снег, ни пути, ни дороги...»*, где «нет и слуха человеческого жилища». Наивная и доверчивая Параша приглашает незнакомца в дом, искренне радуется неожиданной встрече и относится к нему, как к дорогому гостю.

Оценивая игру И.И. Сосницкого, Белинский не мог «сделать никакого заключения»: «роль его явно лишняя в пьесе: прохожий замешан в пьесу не по своей нужде, а для других; он нужен для внешней связи пьесы, он нужен, чтобы ссыльный рассказал публике свою историю, чтобы Параше было с кем идти в Москву и чтобы на сцене было кому читать самому себе для других нравственные сентенции» [1, с. 18]. Критик осознаёт специфи-

ку роли Сосницкого – на образе Прохожего лежит значительная сюжетная нагрузка: именно его появление в доме Неизвестного открывает Параше семейную тайну, побуждает дочь к подвигу во имя спасения отца. Рецензент «Репертуара русского театра» признавался, что «г-н Сосницкий, занимавший роль прохожего старика, сделал из неё, что было можно... Живописность костюма и положений... и некоторые места, где дарование его могло выказаться (как-то: его вопрос Неизвестному: «А сын твой?» и горькая насмешка, с какою рассказывает он о бесплодных стараниях своих по приходе в Москву), были прекрасны и придали теплоту и жизнь холодной роли, принадлежащей к разрядам, которые в старое время называли ролями *резонёров*» [8, с. 5].

Выразительно и полновесно исполнил роль Неизвестного в премьерной «Параше Сибирячке» на сцене Александринского театра В.А. Каратыгин. Булгарин писал, что сама природа создала его «трагическим актёром, дав ему высокий рост, прекрасный стан, ловкость в приёмах, выразительные черты лица, орлиный взгляд и громкий, звонкий, приятный голос; и Каратыгин умел воспользоваться этими дарами, подчинив их чувству изящного и высокой пиитической идее. Имея ум здравый и проницательный, образованный наукою, Каратыгин понял совершенно своё назначение. Все свои роли он исследует с тонкостью, изучает прилежно характер драматического лица и его положение и, присваивая себе мысль автора, является на сцену не актёром, но подлинником, тем самым лицом, которое автор заставляет действовать. Если Каратыгин не во всех ролях одинаково хорош, вина не его, а авторов!» [2, с. 23]. Кроме того, критик оправдывал некоторые творческие неудачи актёра именно отсутствием подходящего репертуара – трагико-драматического. По мнению Булгарина, именно в драме Каратыгин мог явить свой артистический талант в полной мере, «в полном блеске, особенно в сценах сильного, глубокого чувства и в изображении противоборства страстей, то есть там, где требуется полного познания сердца человеческого, науки и вдохновения» [2, с. 23]. Образ Неизвестного в «Параше Сибирячке» Полевого явился для Каратыгина ценным драматургическим материалом, необходимым для раскрытия многогранного дарования актёра, романтического трагика по амплуа, в условиях водевильного засилья в репертуаре 40-х годов.

Сюжетно-смысловым центром первого действия является сцена открытия семейной тайны перед Парашей. Полевой, выстраивающий большинство своих пьес на оппозиции «незнания – узнавания», делает это здесь опосредованно: приём узнавания используется им не в каноническом (как в драматургии классицизма, когда в финале через узнавание развязку находят все сюжетные

линии пьесы) виде. Параша, ведомая любопытством, подслушивает разговор отца и Неизвестного – прохожего старика, оказавшегося его давним знакомым и добрым приятелем. Из этого диалога зритель узнаёт об «ужасном преступлении», которое совершил ссыльный: «Ты должен узнать всё – сердце моё хочет высказаться тебе – суди меня, осуждай, потом презри, – возненавидь! Молод, беиен страстями, полон надеждами расстался я с тобою; все роды обольщений, все роды счастья встретили меня в Петербурге и на родине, – богатство, чины, добрая мать, дружба, любовь... она увлекла меня, для неё забыл я все и повел к алтарю мою подругу, отказался от службы, уехал в мои богатые поместья... Но кровь моя страшно кипела страстями. Рано было уединение, мне скоро наскучило оно; скоро не взмилились ласки жены, малютки сына – низкие страсти увлекли меня. Карты, проклятые карты...» [7, с. 17]. Неизвестный убеждён, что ни ему, ни его семье, ни дочери Параше нет прощения, равно как и некогда доброе дворянское имя ему больше не принадлежит: «Я пил, играл, увлеченный развратными друзьями, разорялся, не смотрел на слезы матери и жены... В шумной, буйной беседе я увидел низкий обман друзей, и – рука моя обагрилась в нечистой крови их... Едва совершилось преступление, я узнал всю глубину бездны, в какую упал... Честное имя мое сделалось добычей палача – люди презрели, отвергли меня, и самое сожаление, самая любовь их стали моим мучением!.. <...> Мне отсюда нет возврата...» [7, с. 17–19]. Безусловно, реплики персонажа в такой высокодраматической тональности требовали соответствующего сценического исполнения, патетики, даже трагизма. Один из рецензентов «Репертуара русского театра», видевший «неподражаемую игру» Каратыгина в роли Неизвестного, объявлял актёра гением: «Он смело может сказать: теперь в Европе нет равного мне! Иностранцы, видевшие г. Каратыгина, не понимая русского языка, приходили от него в восторг, и некоторые сцены, выполняемые им, заставляли их плакать. <...> Вот верная оценка таланта, нет, гения г. Каратыгина! После этого находятся же люди, которые имеют дерзость говорить, что г. Каратыгин односторонен, не имеет души. Подумаешь, как смешны и жалки эти судьи!» [9, с. 33]. Интересно, что те же самые впечатления зафиксировал критик «Северной пчелы»: «Почти все французские актёры и актрисы видели представление “Параши Сибирячки”, и все были в восторге от игры В.А. Каратыгина. Г-жа Аллан говорит, что она не видала лучшего трагического актёра, и все здешние французские актёры провозгласили г. Каратыгина русским Тальмою» [4, с. 166].

Подобающей игры требовал и образ Параша. После того, как девушка узнаёт страшную тайну своей семьи, прежде почти безмолвная, робкая,

скромная инженерю Параша произносит знаменитый монолог о птичке и становится по амплу героиней, решившейся и готовой на поступок: «Боже, великий! Что я узнала, что я услышала?.. Отец мой! Добрый, несчастный мой отец!.. О, если бы жизнью моею могла я искупить тебе хоть минуту счастья, могла спасти тебя... мать мою! Так у меня есть также родина? Есть брат?.. “Царь милосерд, как Бог” – говорил он... Ах, зачем я не птичка Божья, не ласточка – я перелетела бы туда, туда, где трон царя милосердного – я села бы подле него, у ног его, прощепетала бы ему: “Государь добрый! Когда все радуются – есть один страдалец в царстве твоём! Дочь просит тебя за отца! Я перелетела из Сибири далекой. – Государь, прости отца моего! (Падает на колени.) Прости, и вся жизнь моя на молитву за тебя”... (Вскакивая.) Боже всемогущий! Какая мысль! Не Ты ли послал мне её, Отец милосердный! Не тобой ли она внушена мне?.. Я пойду туда, в Москву, далеко, далеко... Простите, леса дремучие, простите, отец и мать! После того, что я узнала, услышала, мне не жить с вами – не ваша я – Божья! Если не увижу вас счастливых – не видать вам меня... “Дочь ссыльного! Они отвергнут её”!.. Да есть места, где никого не отвергают, есть святые обители, где сам Господь приемлет, не спрашивая: ссыльного или вельможи дочь пришла, стучится у дверей и просит пристанища!.. И Тот, Кто птичке указывает путь в тёплые стороны, Кто движет по небесам облачко перелётное, Кто питает росую цветок пустыни – Тот поведёт и доведёт меня!.. Всемогущий, укажи мне путь мой, пошли мне Твоего ангела-хранителя!..» [7, с. 21–22]. Показательно, что критик «Репертуара...» заострял внимание читателей рецензии именно на этом месте, на этой сцене, сыгранной Асенковой: «Бенефициантка исполнила очень мило роль Параша: простота, наивность, чувства – были в ней неподдельны. В первом действии, в монологе о птичке и потом в сцене прощания Параша с отцом и матерью речи её выливались из души, это было уже не искусство, а чистая натура» [8, с. 5]. Интересно и то, как Полевой разрабатывает момент ухода Параша из дома – он сопровождает её безмолвное, тихое бегство объёмной ремаркой, содержащей в том числе психологические указания: «Звуки музыки. Прохожий провожает Неизвестного взорами и остается в задумчивости. Параша выходит одетая по-дорожному и знаками показывает, что она готова. Прохожий благословляет, обнимает её и идет. Параша идет за ним медленно, обращаясь к двери, куда ушли отец и мать. Вдруг она не выдерживает своего чувства и бросается к ним. Прохожий останавливает её. Параша выражает, что она хочет проститься с ними. Он показывает, что тогда все предприятие их разрушится. Параша в отчаянии. Прохожий указывает ей на

небо и велит молиться» [7, с. 27]. Этим заканчивается первое действие пьесы.

Особенно важно отметить, что Асенкова, страдающая от нехватки серьёзных и подходящих своему таланту и амплу ролей, блистала в основном в лёгком жанре, была известна как водевильная актриса. По мнению некоторых исследователей [10], пьеса за пьесой, роль за ролью Асенкова эволюционировала творчески и сумела вырваться из романтического и водевильного «плена», стать характерной героиней. Булгарин писал: «Прекрасная наружность, ловкость и развязность в игре и отличное дарование сделали ее любимицею публики, которая скучает, не видя её на сцене. В драме г-жа Асенкова прекрасно изображает нежные чувства любви, детской привязанности, самоотвержения; в комедии и в водевиле она столь же искусно представляет наивность, как и кокетство. В ролях переодевания (roles de travestissemens) она удивительно ловка и мила своей игривостью. Г-жа Асенкова беспрерывно совершенствует свой талант. В роли Параша Сибирячки она бесподобна!» [2, с. 25]. Или, к примеру, воспоминание Р.М. Зотова: «Явилась г-жа Асенкова... и в самое короткое время сделалась любимцею публики. С самою прелестною и привлекательною наружностью соединяет она беспредельную любовь к своему искусству. Средства её обширны, почти неисчислимы, разнообразие удивительно, чувства – бездна. К сожалению, и она увлеклась лёгкостью успехов и благосклонностью публики, бросилась исключительно в водевиль, а что ещё хуже, страстно полюбила мужские роли, в которых она прелестна. От этого и дарованию её, и всему театральному поприщу её угрожала явная опасность. Но судьба спасла её. Новейшие писатели, видя разнообразие её средств и дарования, стали назначать ей драматические роли. Она в них оказалась превосходною, и теперь упроченная её слава требует только хорошего репертуара и эффектных пьес. Она будет верною их поддержкою. В последнее время прославилась она ролею Параша Сибирячки, – и, действительно, лучшей актрисы для этой пьесы мудрено было найти. Она тут обнажила столько чувства, что ни один зритель, из самых зачерствелых, не вышел из театра с сухими глазами. Дай Бог ей больше таких ролей, и она, верно, бросит своих мальчиков и корнетов» [5, с. 48]. Как видим, участие в «Параше Сибирячке» – один из этапов, рубежей театрального пути Асенковой. Более того, её исполнение роли Параша стало важным событием для истории женского актёрского искусства первой половины XIX века.

До конца второго действия и эпилога – возвращения в отчий дом – Параша остаётся верна себе. Преодолев пеший путь из Сибири в Москву, она встречает батюшку-царя и молит его о прощении отца. Интересно, что Полевой представляет эту сцену встречи не напрямую, а глазами собравшихся

людей. Толпа воспринимает случившееся как чудо: «Один из народа. Я стоял подле самого сукна, а подле меня стала слепенькая старушка с мальчиком, да эта девушка, а сама вся так и дрожит и, слышу, молитву творит. Ну, знаешь, не до того... А как вышел наш надежда на Красное крыльцо, да как глянул орлиным взглядом, да поклонился, так уж от слез-то я и света неувидел. Кричу: “Ура”! Забыл всё – сердце так бы вот на дорогу ему выложил – а вот скажи он – так и на тысячу бы один пошел... А он-то, сокол наш, и пошел, и идет, и кланяется – а как поравнялся с нами, девушка-то и упала ему в ноги, да руками-то ухватилась и рыдает, и говорит: Государь, государь, помилуй, помилуй! Прости отца моего! Я из Сибири пришла пешком, – помилуй его, государь <...> Тут всем, кто стоял, как будто Господь слово дал, все за один голос: Надежда Государь! Помилуй! А кто на колени, кто ему в ноги! “За твоего отца все просят, – я прощаю его”! – сказал государь... Братцы, други, русские люди! О, если б в ту минуту могли вы видеть лицо его... Она как услышала: Прощаю, так и покатила, а государю и проходу не дают! – Дайте, говорят одни – Пустите его: он за нас молиться идет! Тут генерал от государя подошёл и начал говорить с каким-то стариком, что подле девушки стоял, а мы подхватили её, сердечную, да и вынесли сюда... Не умерла ли, полно?... Эх, какая молодая, а, видно, познала горе...» [7, с. 43–44]. На наш взгляд, Полевой «смонтировал» эту сцену таким образом не только из цензурных соображений: драматургу было важно показать восприятие поступка Параша другим человеком, целым народом, а то, что ссыльного государь помиловал на миру, лучшая «гарантия» того, что Неизвестному возвратится честное имя.

Национальный аспект, как и в других былях Полевого, акцентирован здесь драматургом не случайно: ставка на «русскость» обусловила успех «Параша Сибирячки» у публики. Театральный зритель 40-х годов не был избалован национальным репертуаром, а произведения авторов, стремившихся явить на сцене «дух народа», нередко были несовершенны в художественном отношении. Не будучи драматургическим шедевром, «Параша Сибирячка» несла в себе мощный патриотический «заряд», в ней всё русское: русская девушка и её русский подвиг, русское великодушие русского царя, русская вера русского народа. Проблематика пьесы совпала с общественно-политическими настроениями эпохи – возрастанием славянофильских симпатий. Интересно также и то, что, хотя Полевой переносит действие в 1801 год, в образе Неизвестного зритель мог без труда узнать черты декабристов – ссыльных узников Сибири, к которым общество относилось сочувственно, а от императора ожидало милостивого прощения для них. Поэтому, видимо, сразу после написания «Параша

Сибирячка» была запрещена цензурой, и только по личной просьбе Асенковой император Николай II разрешил пьесу к представлению.

Публика на премьере не могла не быть тронута торжеством дочерней любви – любви горячего русского сердца. «Автор “Параши” явно хотел представить в героине своей пьесы девушку простую, лишённую всякого образования, но глубокую по своей натуре, столько же энергическую, сколько и любящую, – отмечал Белинский. – Он дал слабый и бледный абрис: дело артистки было – дать жизнь этому образу тенями и красками. Но тем не менее, игра г-жи Асенковой прелестна; видно, что эта артистка внимательно и старательно изучала свою роль, а её привычка к сцене, смелость и свобода на ней, при поразительной эффектности положений, довершили это тщательное изучение и окончательно очаровали публику Александрийского театра» [1, с. 18]. Несомненно, Параша Сибирячка в драме Полевого значительно проигрывала в сравнении с «живым», сценическим образом, воплощённым В.Н. Асенковой, – такова участь многих драматических произведений. Будучи представленной блестяще не только в Александринском, но и в Малом театре в Москве, пьеса эта имела большую репертуарную популярность и заслужила любовь публики на десятилетия вперёд. Она не сходилась с театральных афиш вплоть до конца столетия, давалась и в немецком переводе, послужила также основой либретто одноимённой оперы композитора Д.Ю. Струйского. «Параша Сибирячка» явилась значимым событием в истории литературно-театрального процесса XIX века.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Александринский театр // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. 4. – М., 1954. – С. 17–18.
2. *Булгарин Ф.* Панорамический взгляд на современное состояние театров в Санктпетербурге, или Характеристические очерки театральной публики, драматических артистов и писателей // Репертуар русского театра. – 1840. – Т. 1. – Кн. 3. – С. 9–29.
3. Драматические сочинения и переводы Николая Полевого: в 4 ч. Ч. 2. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1842. – 606 с.
4. Журнальная мозаика // Северная пчела. – 1840. – 21 фев. – № 42.
5. *Зотов Р.М.* И мои воспоминания о театре // Репертуар русского театра. – 1840. – Т. 2. – Кн. 9. – С. 40–55.
6. *Полевой Н.А.* Несколько слов о русской драматической словесности (Письма к Ф.В. Булгарину) // Сын Отечества. – 1839. – VIII. – С. 106–118.
7. *Полевой Н.А.* Параша Сибирячка // Сцена. Драматический сборник. – М.: Издание С. Разсохина, 1899. – 50 с.
8. Хроника санктпетербургских театров // Репертуар русского театра. – 1840. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 1–8.
9. Хроника санктпетербургских театров // Репертуар русского театра. – 1840. – Т. 1. – Кн. 3. – С. 30–34.
10. *Цимбалова С.И.* Протагонист – Маска – Ампула: Петербургская сцена первой половины XIX века. – СПб.: СПбГАТИ, 2013. – 191 с.

У ИСТОКОВ ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО

Драматургия А.Н. Островского генетически вязана с прозой. Его пьесы сбиваются на циклы бытовых сцен, обладающих множеством ещё не развёрнутых, но уже созревающих конфликтов. Его привлекает в драме не столько итог, сколько сам процесс рождения драматического в повседневном потоке жизни. Ранний Островский вступает в творческую полемику с И.С. Тургеневым, и драматургия Тургенева уступает первенство менее утончённой, но более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского. Психологически усложняя характеры действующих лиц, наполняя драму богатым эпическим содержанием, Островский идёт не за Гоголем, не за Тургеневым, а возвращается к традиции Пушкина.

Ключевые слова: очерковые жанры натуральной школы, драматургия Тургенева и Островского, генетические связи драм Островского с прозой, пушкинские традиции.

Генетически ранняя драматургия А.Н. Островского связана с прозой «натуральной школы», с физиологическим очерком конца 1840-х – начала 1850-х годов, в пору расцвета этого жанра. В этот период рассказчик в очерках и повестях «натуральной школы» решительно изменяется. Он не спешит высказать свою точку зрения на происходящие события, не вмешивается в живой поток жизни. Напротив, он предпочитает «стушеваться», превратиться в хроникёра, объективно и беспристрастно воссоздающего факты. Художественный мир реалистической прозы становится всё более и более драматизированным. В очерковой книге М.Н. Загоскина «Москва и москвичи» (1842–1850), например, вводится большое количество драматических сцен и картин. Повторяющийся в книге раздел «Сцены из домашней и общественной московской жизни» включает в свой состав «Сцену 1-ю. Выбор жениха», «Сцену 2-ю. Живописец», «Сцену 3-ю. Новорожденный». Наряду с этими сценами появляются в книге драматизированные очерки: «Купеческая свадьба», «Городские слухи», «Литературный вечер», «Карты», «Поездка за границу. 1. Сборы, 2. Отъезд, 3. Возвращение». В сборник «Физиология Петербурга» (1845) включается драматизированный очерк А.Я. Кульчицкого «Омнибус. Сцены из петербургской дачной жизни».

В повествовательных жанрах сокращается удельный вес эпизодов «от автора» и нарастает изобразительный, сценический элемент. В цикле Н. Полякова «Москвичи дома, в гостях и на улице. Рассказы из народного быта» (1858) очерк «Сваха» открывается авторскими рассуждениями о назначении свахи на Руси, о её хитростях и повадках. Затем идут живые сценки, которые разрастаются, превращаясь в самостоятельную драматическую миниатюру. Сценический диалог в этой миниатюре теряет обобщенно-иллюстративную установку. Драматизация очеркового жанра распространяется так далеко, что захватывает даже авторский комментарий: «Занавес опускается, подождём, пока время переменит декорации; антракт будет непро-

должительный». И сразу же за этой авторской ремаркой начинается следующая глава, причем, что особенно замечательно, начинается она с ответной реплики персонажа, столь типичной в поэтике драм Островского: «Ну что, Марья Васильевна, что-с, каково сходствие-то-с? Я живой, да и полно...» [14].

В.В. Виноградов замечал, что «вся новелла в 40-е годы начинает, если можно так выразиться, драматизироваться. Она строилась как ряд драматических эпизодов, пёстрых диалогов между действующими лицами, с детальным воспроизведением (в форме ремарок) обстановки, поз, движений и портрета героев» [2, с. 316].

Нет ничего удивительного в том, что Островский-драматург начинает свой писательский путь с очерков «Записки Замоскворецкого жителя» и что первые его пьесы сбиваются на циклы бытовых сцен, обладающих множеством ещё не развёрнутых, но уже созревающих конфликтов, которые захватываются в тяготеющих к эпосу сценах во всей их полноте. Диалог возникает при этом внутри очерков между автором найденной рукописи и издателем её. «В общем ходе рассуждений анонимного автора издатель активно использует многочисленные слухи, сплетни, домыслы в виде отфольклорных образований, а также разные формы передачи чужой речи. В жанровом отношении многоголосие временами создаёт эффект сценичности, который особым образом организует текст, придаёт событиям динамику драматического действия» [12, с. 47].

Так уже в ранней прозе Островского определяется характерная особенность его драматического таланта, которая дала впоследствии Н.А. Добролюбову повод назвать сцены, комедии и драмы писателя «пьесами жизни». «Неторопливое развёртывание событий, – замечает А.И. Журавлёва, – объясняется в первую очередь тем, что драматическое действие у Островского не исчерпывается интригой. В него втянуты и нравоописательные эпизоды, обладающие потенциальной конфликтностью <...> Своёобразно динамичны и разго-

воры, беседы героев, не приводящие ни к какому физическому действию. Это микродействие можно было бы назвать речевым движением. Язык, речь, способ думать, который в этих речах выражается, так важен и интересен, что зритель следит за всеми поворотами и неожиданными ходами, казалось бы, пустой болтовни» [5, с. 111].

Из этого интереса к потенциальному драматизму жизни самому по себе как раз и вытекает пристрастие Островского к «сценам» и «картинам». Его привлекает в драме не столько итог, сколько сам процесс рождения драматического в повседневном потоке жизни, его вдохновляет многообразие конфликтных ситуаций, в этом движении открывающихся. Ранняя проза Островского – это особая проза, органически перерастающая в драматургию. По словам И.А. Овчининой, «уже в этих первых очерках видна природа дарования Островского: в самой действительности он видит элементы зрелищности, в людях – лицедеев, воспринимаемая жизнь театрально» [10, с. 170].

Есть все основания полагать, что драматические сцены «Несостоятельный должник», «Картины семейного счастья» и черновой вариант комедии «Исковое прошение» по первоначальному замыслу Островского входили в цикл очерков «Записки замоскворецкого жителя» (1847). Н.Н. Скатов обратил внимание, что «Островский и начал с повествования, с рассказа, почти с летописания – “Записки замоскворецкого жителя”, а первая собственно драма “Семейная картина” – не драма, в том смысле, что она лишена драматического действия, сконцентрированности его. Аристотель писал, что целое – это то, что имеет начало, середину и конец. В “Семейной картине” у Островского – только середина. От плутней Пузатова или Ширялова уже недалеко до затей хоть бы и с ложным банкротством, о котором “Свои люди – сочтёмся!” Коллизия с “благородными” искателями богатых купеческих дочек составит основу пьесы “Не в свои сани не садись” (кстати, сама поговорка и по тому же поводу упоминается уже здесь), а история сватовства богатого старика к молодой девушке перейдёт в пьесу “Бедность не порок”. Но драматург как будто нарочно стремится к тому, чтобы вывести все возможные драматические положения за пределы своей драмы. Они возникали до или совершатся после, но не сейчас» [13, с. 150–151].

По наблюдению А.И. Журавлёвой, «Картина семейного счастья» – «это, в сущности, тот же физиологический очерк, но такой, из которого изъяты описания, а быт и купеческие типы обрисованы исключительно с помощью диалогов» [6, с. 274–275]. Включая в очерковые сценки не только центральный, состоявшийся, но и сопровождающие его, побочные, потенциальные, ещё созревающие, ещё не разрешившиеся конфликты, Островский добивается изображения всей полноты драматических возмож-

ностей жизни, поток которой в любой момент может развернуться в сторону от основного конфликта. Островский стремится показать, что драматические ресурсы жизни неисчерпаемы, что итоги, к которым привело разрешение центрального конфликта, – относительны, что жизнь способна поворачиваться самым неожиданным и непредсказуемым образом: так она богата и многообразна. Наряду с традиционными действующими лицами в пьесах Островского появляется ещё один, не персонифицированный, невидимый персонаж – живая жизнь, обладающая своим ходом и своей мудростью, превосходящей возможности частного человека.

В начале творческого пути Островский столкнулся с подлинно серьёзным конкурентом в лице Тургенева, не без оснований претендовавшего на создание русского театрального репертуара. Тургенев не только стимулировал развитие жанров пьесы-сцены, пьесы-пословицы, психологической драмы, укоренившихся в творчестве Островского, но и, опережая время, прокладывал пути к «новой драме» чеховского типа.

Однако Тургенев-драматург оставил в 1850-е годы работу над пьесами и замолчал. Он не выдержал конкуренции с Островским. Ведь театральное искусство в высшей степени демократично. Его колыбелью является площадь. У его истоков лежит народный мир. «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы, – утверждал Островский. – Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии – для всего народа; драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны. Эта близость к народу несколько не унижает драматической поэзии, а напротив, удваивает её силы и не даёт ей оплошиться и измельчать» [11, т. 10, с. 139].

Драматургия Тургенева испытала в середине XIX века правоту поговорки, положенной в основу его комедии: «Где тонко, там и рвётся». Она вынуждена была уступить первенство менее утончённой, но более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского. Запрос на изысканный тургеневский психологизм появился лишь в конце XIX века, в преддверии русского декаданса. А у многих современников Тургенева его утончённость вызвала отторжение.

А.С. Суворин иронически писал о пьесе «Месяц в деревне», в центре которой оказалась «барыня, скусающая и млеющая, влюбляющаяся то платонически, то совсем не платонически и в течение пяти актов болтающая о прелестях любви и ставящая перед собою вопрос: изменить мужу или не изменить» [9].

К «фальшивому роду» отнёс Ап. Григорьев тургеневскую «Провинциалку», включая её в разряд поговорок в действии, «которые так легко пишутся французами. Пусть их и пишут эти салонные эфе-

мерные пьесы, в которых остроумие, хороший тон да пустой разговор играют главную роль; г. Тургеневу, так хорошо начавшему знакомить нас с русскою жизнью, не следовало бы уклоняться от начатого им дела ради угождения испорченному вкусу некоторой части публики» [8].

По этой же причине вступил с Тургеневым в творческий диалог и Островский.

В.Я. Лакшин заметил, что история Марьи Андреевны в «Бедной невесте» Островского «таила в себе полемическое жало. <...> В петербургском фразёре Зориче (потом он назван Меричем), которому ничего не стоит вскружить голову молоденькой девушке, Островскому хотелось скомпрометировать фальшивую романтическую позу, опозорить её с точки зрения жизни, разума, здравого смысла. Мерич – это выдохшийся, измельчавший лермонтовский герой Грушницкий, подражающий Печорину. В одном из черновиков Островский заставлял Марью Андреевну держать в руках книгу Лермонтова, а Зоричу влагал в уста чисто “печоринские” рассказы о лёгких победах над женскими сердцами. <..> Эти откровенно насмешливые выпады, близкие по тону литературной пародии, были смягчены в окончательном тексте пьесы...» [7, с. 193–194].

Однако Лакшин не замечает, что насмешливые выпады в черновиках пьесы по адресу печоринского типа в беловом варианте комедии сменились иными и не менее резкими. Мерич красуется перед Марьей Андреевной, претендует на роль воспитателя. Он предлагает ей свой дневник: «В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его прочитаем вместе...». А потом Хорьков говорит Милашину: «Чудак этот Мерич! Мне случайно попала тетрадка из его дневника...» (Курсив мой. – Ю. Л.) [11, т. 1, с. 216–217].

Кажется, никто не обратил внимания, что даже фабула «Бедной невесты» перекликается с повестью Тургенева «Дневник лишнего человека», впервые опубликованной в апрельском номере журнала «Отечественные записки» за 1850 год. Семью провинциального чиновника Ожогина с дочерью Лизой, девушкой кроткого нрава, наивной и доверчивой, осаждают два цивилизованных «развивателя» женских сердец – москвич Чулкатурин, от лица которого написан «Дневник», и более удачливый князь Н. из Петербурга. Соперничество между этими героями напоминает столкновение между Милашиным и Меричем. Обманутая князем в своих лучших надеждах, Лиза, подобно «бедной невесте» Островского, выходит замуж за провинциального чиновника Бизьмёнкова.

Монологи Милашина в «Бедной невесте» «перепевают» размышления героя «Дневника лишнего человека». «Меня щадили, как больного: я это видел, – анализирует своё душевное состояние Чулкатурин. – Я каждое утро принимал новое, окончательное решение, большею частью мучи-

тельно высиженное в течение бессонной ночи: я то собирался объясниться с Лизой, дать ей дружеский совет... <...> то я вдруг великодушно приносил всего себя в жертву, благословлял Лизу на счастливую любовь...» [16, т. 5, с. 205].

Тонкие переживания тургеневского героя Островский переводит на грубоватый язык бесхитростной правды. Его Милашин говорит: «Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однако же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: “У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан”. Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: “Нет, скажу, коли у вас есть лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу... навсегда”. – “Но зачем же навсегда, Иван Иванович?” – “Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер”. Взять шляпу и уйти...» [11, т. 1, с. 205].

«Перепеваются» Островским даже отдельные детали:

Чулкатурин: «”Князь, – думал я, – столичная штучка: на нас свысока смотреть будет.” Не более минуты видел я его, но успел заметить, что он был хорош собой, ловок и развязен. Походив некоторое время по зале, я наконец остановился перед зеркалом, достал из кармана гребешок, придал моим волосам живописную небрежность и, как это иногда случается, внезапно углубился в созерцание моего собственного лица» [16, С, т. V, с. 199].

Милашин: «Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо моё выражало теперь самую глубокую скорбь. (Смотрит в зеркало.) Фу, какое глупое выражение... смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. (Смотрит в зеркало.) А если она не захочет заметить...» [11, т. 1, с. 272–273].

В отношениях Мерича с Марьей Андреевной Островский нарочито снижает тургеневскую философию любви. Обольщённая и оставленная князем Н. Лиза в тургеневской повести говорит: «Что делать! я чувствую, что я до гроба его любить буду. <...> Все меня теперь обвиняют, все бросают в меня камнями. Пусть! Я бы всё-таки не променяла своего несчастья на их счастье... нет! нет!.. Он недолго меня любил, но он любил меня!» [16, С, т. V, с. 228].

Герои Тургенева вместе с их автором считают, что проза семейных отношений враждебна любви. У Островского такие взгляды на любовь и семью проповедует эгоист Мерич. Узнав о готовности Марьи Андреевны выйти замуж, он говорит: «Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андреевна! Вы созданы для того, что-

бы быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдаться одному человеку» [11, т. 1, с. 218].

Горский в комедии Тургенева «Где тонко, там и рвётся» получает высочайшее наслаждение от любовной игры с Верой. Ради этого наслаждения он готов воспрепятствовать её браку с приятелем. Но сам Горский на семейную жизнь смотрит скептически («её можно сравнить с молоком... но молоко скоро киснет») и жениться на Вере не собирается: «Жениться? Нет я не женюсь, что там ни говорите...» [16, С, т. 2, с. 101]. «Дружба, семейное счастье, любовь?.. Да все эти любезности хороши только как мгновенный отдых, а там давай Бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках...» [16, С, т. 2, с. 112].

В отличие от Тургенева Островский видит призвание женщины не в чувственных томлениях, а в семейной жизни и воспитании детей. Марья Андреевна в его пьесе заявляет: «Передо мной новый путь, и я его наперёд знаю. У меня ещё много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец – дети, я буду жить для детей» [11, т. 1, с. 271].

Тургенев не мог не почувствовать полемического подтекста «Бедной невесты». С воззрениями Островского на любовь и назначение женщины он продолжил полемику в повести «Переписка». Героиня её Марья Александровна признаётся своему корреспонденту, «лишнему человеку»: «Вы со мной наверно согласитесь, что мы, женщины, по крайней мере те из нас, которые не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаем своё окончательное образование всё-таки от вас – мужчин: вы на нас имеете сильное и большое влияние»... [16, С, т. VI, с. 171].

Чувствуя симпатию, склоняясь к браку, но не испытывая любви к молодому соседу, Марья Александровна просит совета у своего «учителя» и «просветителя» женских сердец: «Если вы точно чувствуете ко мне дружбу, если вы точно меня не забыли, вы должны помочь мне, вы должны рассеять мои сомненья...<...> “Всё это пустяки, турусы на колесах, – говорил мне вчера мой дядя, – <...> муж, дети, горшок шей; за мужем и детьми ухаживать, а за горшком наблюдать – вот что нужно женщине...” Скажите, ведь он прав?» [16, С, т. VI, с. 177].

Тургеневский герой отвечает: «Одни иезуиты утверждают, что всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цели. Неправда! неправда! С ногами, оскверненными грязью дороги, недостойно войти

в чистый храм» [16, С, т. VI, 178–179]. Тургенев поэтизирует первые проблески любовного чувства, одухотворённого, бесплотного и чистого, но не созданного для семьи.

Примечательно, что Островский в полемике с тургеневской философией любви обращался к пушкинской традиции. По точному замечанию А.И. Журавлёвой, «вся история отношений Марьи Андреевны и Мерича – это в значительной мере пересказ схемы отношений Онегина и Татьяны» [4, с. 48]. Взгляд драматурга на любовь и назначение женщины существенно отличается от идей женской эмансипации, подхваченных у Белинского Тургеневым и другими последователями критика. Островский заставляет вспомнить о пушкинской Татьяне, которая предпочла супружескую верность и семейную святую чувственному влечению.

Белинский не без иронии резонёрствовал: «Но я другому отдана, – именно отдана, а не отдалась! Вечная верность – кому и в чём? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освященные любовью, в высшей степени безнравственны...» [1]. В полемике с Белинским Ф.М. Достоевский показал, что свой отказ Татьяна твёрдо высказала Онегину «именно как русская женщина, в этом её апофеоза» [3, с. 141].

В «Бедной невесте» Островский утверждает именно такой женский идеал. Обращаясь к Меричу, Марья Андреевна говорит: «Как бы я была счастлива, если б я родилась полегкомысленнее. Меня бы занимали наряды, маленькие интрижки, и всё бы было так легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замуж и хочу быть хорошей женой...» [11, т. 1, с. 271]. Она видит смысл любви в семейной жизни, в перевоспитании человека, назначенного ей в мужа: «... Я затем иду за него замуж, чтобы исправить его, сделать из него порядочного человека» [11, т. 1, с. 269].

Первую комедию Островского «Свои люди – сочтёмся!» (1850) сторонники натуральной школы ставили в ряд произведений Гоголя и называли купеческими «Мёртвыми душами». Верность Гоголю они будут искать и в «Бедной невесте». Однако Островский опровергает в ней эстетические вкусы сторонников «гоголевского направления». У Гоголя все персонажи «Ревизора» одинаково бездушны. А у Островского в бездушном мире открываются источники живых человеческих чувств. Уже в комедии «Свои люди – сочтёмся!» по мере движения сюжета к развязке появляются новые, не свойственные Гоголю мотивы. Смешной и пошлый в начале комедии, Большов вырастает к её финалу. Поруганный детьми, обманутый и изгнанный, купец Большов напоминает короля Лира из одноимённой шекспировской трагедии. «Бедная невеста» перекликается с гоголевской «Женитьбой» –

и тут и там осуждаются бесчеловечные браки. Но если у Гоголя бездушные персонажи взрываются изнутри лишь силой смеха, то у Островского появляется живой человек, страдающий от этого бездушия. Драматический конфликт в пьесе изменяется: происходит столкновение чистых желаний людей с тёмными силами, преграждающими путь этим желаниям [15, с. 457–526].

Психологически усложняя характеры действующих лиц, наполняя драму богатым лирическим содержанием, Островский идёт не за Гоголем, не за Тургеневым, а возвращается к традиции Пушкина. Это почувствовали как почвенники в лице Ап. Григорьева, так и некоторые либералы-западники в лице А.В. Дружинина и П.В. Анненкова, которые высоко ценили Островского, потому что ратовали за возврат к пушкинским традициям в развитии современной русской литературы.

«С Островским, – утверждает Н.Н. Скатов, – в известной мере завершилось становление русского классического национального искусства XIX века. “Драма, – говорил Гегель, – есть продукт уже внутри себя развившейся национальной жизни”. В понимании этого наш драматург вполне сходил с великим теоретиком, когда писал: “Национальный театр есть признак совершеннолетия нации”. Каков же оказался этот русский национальный театр, созданный Островским? Я думаю, что его можно обозначить одним словом, одним определением, которое, отделяя от всякого другого театра и схватывая самую его общую суть, позволяет в то же время увидеть, как проникает она всю художественную ткань, или, как теперь любят говорить, структуру, – до мельчайших клеточек. Театр Островского – театр **эпический**» [13, с. 151–152].

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. – Т. 6. – М.: Худ. лит, 1981.

2. *Виноградов В.В.* Этюды о стиле Гоголя // Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. – С. 228–366.

3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 26. – Л.: Наука, 1984.

4. *Журавлёва А.И.* «Бедная невеста» // А.Н. Островский. Энциклопедия. Кострома-Шуя, 2012.

5. *Журавлёва А.И.* А.Н. Островский-комедиограф. – М.: МГУ, 1981. – 216 с.

6. *Журавлёва А.И.* Натуральная школа // А.Н. Островский. Энциклопедия. Кострома-Шуя, 2012.

7. *Лакишин В.Я.* Александр Николаевич Островский. – М.: Искусство, 1976.

8. Москвитянин. – 1851, ч. II, № 5. – С. 71.

9. Новое время. – 1879. – 19 января, № 1039.

10. *Овчинина И.А.* «Записки замоскворецкого жителя» // А.Н. Островский. Энциклопедия. Кострома-Шуя, 2012.

11. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 10. – М., 1978.

12. *Павлов А.В.* О жанровых особенностях «Записок замоскворецкого жителя А.Н. Островского» // А.Н. Островский в новом тысячелетии. – Кострома, 2003.

13. *Скатов Н.Н.* Далёкое и близкое. Литературно-критические очерки. – М.: Современник, 1981. – 351 с.

14. *Лебедев Ю.В.* Об одной из «ветвей» Некрасовской традиции. Процессы циклизации в русской прозе и поэзии 1840–1860-х годов // Н.А. Некрасов и современность: Сборник статей и материалов. Ярославль, 1984. – С. 53–67.

15. *Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. – М.: Худ. лит, 1972. – 543 с.

16. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. – М.; Л., 1961–1968.

Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет
nkoptelova@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ Д.В. ФИЛОСОФОВА НА МХАТОВСКУЮ ПОСТАНОВКУ «ДЯДИ ВАНИ» А.П. ЧЕХОВА (1901) В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ

В статье анализируется рецензия Д.В. Философова на мхатовскую постановку «Дяди Вани», показанную в Петербурге 19 февраля 1901 года. Доказывается, что эта работа, объективно программирующая многие линии духовных и эстетических исканий русского символизма в области литературы и театра, позволяет отчасти пересмотреть место Философова в культуре Серебряного века. Показывается, что названная рецензия в определённой мере готовит концепцию творчества Чехова, разрабатываемую Д. Мережковским и З. Гиппиус, закладывает идейные основы русского символизма, намечает вехи движения к «новому религиозному сознанию».

Выясняется, что рецензия Философова на мхатовскую постановку «Дяди Вани» поддерживает и во многом катализирует волну исканий «новой драмы», возникшую в лоне русского символизма и, шире, модернизма. Отмечается, что Философов пунктирно уже очерчивает концепцию будущего театра, уничтожающего рампу, по-своему воскрешающего традиции праздничного Дионисова действия, активизирующего зрителей и вовлекающего их в представление (впоследствии эта концепция наиболее полно будет развёрнута в работах Вячеслава Иванова). Он также предваряет ряд положений статьи В. Брюсова «Ненужная правда». Вслед за Философовым Брюсов протестует против воссоздания на сцене действительности, отвергает установку на «иллюзию», выступая за условность театральных форм.

В статье утверждается, что в рецензии Философова намечены главные узлы концепции статьи З. Гиппиус «Слово о театре». Подчёркивается, что Гиппиус не только опиралась на эстетический фундамент, заложенный Философовым, но и ориентировалась на принципы его критического метода.

Ключевые слова: Д.В. Философов, А.П. Чехов, «Дядя Ваня», Московский Художественный театр, символизм.

По-своему яркая и противоречивая фигура Д.В. Философова преломилась в себе многие творческие тенденции Серебряного века. До недавнего времени о Д.В. Философове обычно вспоминали главным образом как о третьем члене мистического союза, инициированного и созданного Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Последняя так писала в своём дневнике о духовном сближении её и Мережковского с Философовым во имя создания «новой церкви»: «Философов – первый, кто пришёл к нам; единственный – который близок. Один – кто может помочь» [3, с. 93]. Тем не менее степень творческой слитности и независимости Философова от четы Мережковских ещё предстоит выяснить. Принципиально, что уже положено начало изучения его многогранной деятельности, и особую роль в этом сыграло издание материалов Философовских чтений, проводимых в Пскове (2005, 2006, 2008, 2011, 2013, 2014, 2016). Однако творческое наследие и личность Д.В. Философова объективной и развёрнутой оценки в литературоведении ещё не получили.

Особый интерес для исследователей представляет его литературная критика, несомненно участвовавшая в формировании духовной и эстетической полифонии Серебряного века и вызывавшая у современников активный диалогический отклик [5]. Творческое самоопределение Философова связано прежде всего с его выступлениями в качестве театрального критика в журнале «Мир искусства», издаваемом под редакцией С.П. Дягилева, приходящегося Дмитрию Владимировичу кузеном. Среди его ранних работ выделяются

рецензии на спектакли по пьесам А.П. Чехова, творчество которого Философов стремится понять и охарактеризовать как особый духовный феномен, обладающий жизнотворческой энергией. Такова, например, его рецензия на мхатовскую постановку «Дяди Вани», показанную в Петербурге 19 февраля 1901 года (Мир искусства. 1901. № 2–3). В ней Философов доказывает, что Московский Художественный театр в лице его режиссёров и актёров, задействованных в спектакле по чеховской пьесе «Дядя Ваня», оказался конгениальным самому драматургу: «Художественное чутьё Станиславского и Немировича-Данченко пришло здесь на помощь автору, который, я думаю, сам при постановке своей пьесы с лихорадочным интересом следил за тем, как благодаря таланту режиссёров тончайшие штрихи его произведения были оттенены, как ярко воплощены были все его замыслы, как верно поняты все мимолётные намёки. <...> В исполнении “Дяди Вани” чувствуется полное слияние формы и содержания, совершенное соответствие замысла и воплощения» [9, с. 187]. Рецензент заявляет о том, что тонкое чувствование природы чеховской драматургии, определяющее адекватное прочтение «Чайки», а затем «Дяди Вани» позволило мхатовцам впервые раскрыть масштаб творческого дарования Чехова, наглядно показать его значение как драматурга [9, с. 186].

При этом Философов подчёркивает, что успех постановки «Дяди Вани» объясняется органическим совпадением эстетики Московского Художественного театра и автора пьесы. Эта эстетика, с точки зрения автора рецензии, знаменует некую

вершину и вместе с тем предел бытового реализма, стремившегося достичь абсолютного жизнеподобия образного мира. Философов называет Московский Художественный театр «театром иллюзии» [9, с. 186], сумевшим «воссоздать настоящую, жизненную картину быта» [9, с. 187]. Мхатовцев как раз и роднит с Чеховым-художником, по мнению критика, привязанность и влюблённость в быт: «Видно, что быт этот не чужд лицам, ставившим пьесу, и что они относятся к нему с той же страстной и мучительной любовью, как и сам автор» [9, с. 187].

Философов признаёт заразительную силу мхатовской постановки, буквально вовлекающей зрителя в театральное действие и переносящей его в центр художественного мира Чехова, сотканного из будничных, бытовых реалий: «Талантливые режиссёры так воспроизводят все мелочи быта, среды, обстановки пьесы, настолько художественно создают картину нашей обыденной, серой жизни, что зритель невольно поддаётся иллюзии, и ему начинает порой казаться, что он не зритель, спокойно сидящий в кресле, а одно из действующих лиц драмы» [9, с. 186]. Однако триумф Московского Художественного театра, связанный с глубинным постижением феномена Чехова, автор рецензии оценивает и как своеобразное «начало конца». Приближение творческого тупика для театра, по Философову, коренится в духовной и эстетической исчерпанности чеховского миропонимания, ставшего для мхатовцев главным ориентиром и вектором художественного мышления.

Прогноз критика не утешителен: он считает, что Московский Художественный театр неизбежно повторит судьбу Малого театра, пережившего творческий взлёт, по-настоящему открывшего драматургический талант реалиста А.Н. Островского, а затем «умершего»: «Та же печальная участь грозит Художественному театру. Он почти достиг уже своей вершины, и дальше идти ему, кажется, некуда» [9, с. 187]. Подчинив свои художественные искания требованиям реализма, главным образом чеховского, режиссёры Московского Художественного театра, по мнению Филосопова, жёстко сузили свой эстетический кругозор, обеднили репертуар труппы и ограничили творческий диапазон актёров. В результате, как констатирует критик, постановки таких пьес, как «Снегурочка» Островского и «Антигона» Софокла, были неудачны. Действительно, в этих произведениях доминируют бытийные начала, они отличаются философской глубиной, условно-символической поэтикой, возвышенным пафосом и требуют иного подхода к воплощению замысла драматургов, нежели чеховские пьесы. Художественное мышление Чехова, по Философову, изгоняет из сферы драматургии воображение, вымысел, что делает её блеклой и бескрылой, не способной разгадывать вечные тайны

человеческой жизни: «Область фантазии – в корне чужда московскому театру. Прилаженная к современному чеховскому стилю постройка не может подходить к сказке или классической трагедии. Для того, чтобы воплотить на сцене Софокла, надо совершенно особую, иную выправку труппы, на что пока, по-видимому, трудно рассчитывать» [9, с. 188].

Кризис Московского Художественного театра Философов объясняет тем, что его эстетическая программа подчинена житнетворческому импульсу Чехова, лишаящего зрителей оптимизма, духовного роста. Критик усматривает в миропонимании Чехова ярко выраженное начало декадентства, которое, как ни парадоксально, наследует и Московский Художественный театр, превратившийся в «театр иллюзии»: «С истинно декадентской утончённостью Чехов плавает в море пошлости и немощности людей, тщательно отнимая у них всякую надежду на какое-нибудь прозрение смысла жизни, на какое-нибудь объяснение цели её цели» [9, с. 189]. Как видим, в высказываниях Филосопова нет столь характерных для Мережковского и Гиппиус прямых деклараций, выражающих идею строительства «нового религиозного сознания». Но весь пафос автора рецензии, сдержанные намёки и эвфемизмы, транслирующие скрытый призыв к созданию «будущей, новой культуры» [9, с. 189], несомненно, родственны духовным исканиям Мережковских 1900-х годов. Эта рецензия Филосопова словно разрабатывает идейную почву для вполне определённого вывода Мережковского о безверии, безрелигиозности Чехова, сделанного в статье «Чехов и Горький» (1906): «Вопрос о бессмертии, так же, как вопрос о Боге, – одна из главных тем русской литературы от Лермонтова до Л. Толстого и Достоевского. <...> Чехов первый на него ответил окончательным и бесповоротным *нет*, поставив средоточием душевной трагедии всех своих героев мысль о смерти как об уничтожении» [6, с. 102].

Примечательно, что Философов намечает в этой работе одну из любимых Д.С. Мережковским антитез, характеризующую двойственную природу русского символизма: «вырождение – возрождение» (наиболее активно она использовалась в критическом исследовании Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1902) и фиксировала противопоставление декадентства и нового религиозного искусства): «Такое болезненное, фотографически точное воспроизведение нашего вырождения, отвращая нас от жизни, может вести лишь к смерти. Будущность принадлежит лишь тем, кто сознал в себе зародыши будущей, новой культуры. Надо поскорее пройти через мучительную фазу “театра иллюзии”, поскорее отделаться от одуряющего и полного губительных соблазнов эстетизма Чехова, чтобы идти дальше, от вырождения к возрождению» [9, с. 189].

Объективно рецензия Философова на мхатовскую постановку «Дяди Вани» поддерживает и во многом катализирует волну исканий «новой драмы», возникшую в лоне русского символизма и, шире, модернизма [8]. Пунктирно критик уже очерчивает концепцию будущего театра, уничтожающего рампу, по-своему воскрешающего традиции праздничного Дионисова действия, активизирующего зрителей и вовлекающего их в представление. Впоследствии эта концепция наиболее полно будет развёрнута в работах Вяч. Иванова («Новые маски», «Вагнер и Дионисово действие», «Предчувствия и предвестия», «О кризисе театра» и др.) [4, с. 56–68]. В Художественном театре, пропитанном духом Чехова, зритель играет пассивную роль созерцателя, и это Философова не устраивает. Автор рецензии намекает на возможность создания нового театра, предлагающего иную модель отношений драматурга, режиссёра, актёров и зрителей: это – эстетический союз, имеющий религиозный смысл и действительно преображающий реальную жизнь. Философов в связи с этим заявляет: «Он (зритель. – Н. К.) не является вместе с авторами и актёрами участником общего “культу”, он не пытается вместе с ними “праздновать и веселиться”; в сумерках духа и чувства, безвольно начинает он верить сценическому “обману”, пока какая-нибудь заколебавшаяся “стена” или не вовремя потухшая “луна” не выведут его из этого сонливого состояния. Разбитый, усталый, выходит он из театра, с тяжёлым сознанием того, что завтра начнётся опять то же самое, что жить так дольше нельзя и вместе с тем что изменить своей жизни он не может» [9, с. 188].

Принципиально то, что рецензия Философова, откликающаяся на постановку «Дяди Вани» в Петербурге и напечатанная в «Мире искусства» (1901), предварила ряд положений статьи В.Я. Брюсова «Ненужная правда», опубликованной в том же журнале в 1902 году (№ 4). По точному замечанию Т.М. Родиной, статья Брюсова ознаменовала «начавшееся вторжение символизма в область русского театрального искусства» [7, с. 65]. Близость позиций Философова и Брюсова означала, что журнал хотел проводить согласованную, единую эстетическую линию, направляя обновление современной литературы и театра по вектору символизма. Как и Философов, Брюсов выносит жёсткий приговор творческим исканиям Московского Художественного театра, который, подобно Малому театру, следует в искусстве по «ложному пути». Автор статьи «Ненужная правда» говорит о бесперспективности театрального языка, выработанного мхатовцами в процессе прочтения и постановки чеховских пьес («Чайки» и «Дяди Вани»): «Что же такое Художественный театр? Действительно ли это сцена будущего, как иные его называли. Сделан ли им шаг вперёд по пути

к одухотворению искусства, к побеждению роковых противоречий между сущностью искусства и его внешностью? Простая вероятность говорит, что нет» [1, с. 62].

Вслед за Философовым Брюсов протестует против воссоздания на сцене действительности, отвергает установку на «иллюзию», выступая за условность театральных форм. И Философов, и Брюсов считают приёмы и ухищрения мхатовцев, нацеленные на копирование реальности и использованные Московским художественным театром при постановке «Дяди Вани», творчески бесплодными. Голоса критиков, в сущности, звучат в унисон. Так, Философов заявляет: «Московский Художественный театр можно назвать театром иллюзии. Руководители его сосредоточили свои усилия главным образом на том, чтобы целым рядом очень сложных средств заставить зрителя поверить, что всё происходящее на сцене – есть сама действительность» [9, с. 186]. Органически продолжая логику философской рецензии, Брюсов в качестве примера проявлений абсолютного натурализма, характерного для постановок Московского Художественного театра, приводит имитацию звука сверчка в спектакле по пьесе Чехова «Дядя Ваня»: «Но Художественный театр в “Дяде Ване” заставляет стучать сверчка. Никто из зрителей не воображает, что это настоящий сверчок, и чем похожее этот стук, тем менее иллюзии» [1, с. 65].

Рассматриваемая рецензия Философова, несомненно, предвосхитила и статью З.Н. Гиппиус «Слово о театре» (Новый путь. 1903. № 8). В ней явно намечены все главные узлы концепции работы Гиппиус. Но высказывания преемницы Философова эмоционально сознательно усилены пафосом инвективы. Тон статьи Гиппиус предельно резкий, саркастический, а местами и просто фельетонный. Оправдывая свой псевдоним «Антон Крайний», она жёстко договаривает до конца всё, что у Философова было высказано только гипотетически. Гиппиус с апломбом расставляет смысловые акценты: «Нет, истинное кладбище театрального искусства не в Александринском театре, не у Суворина с его премированными пьесами, не в Петербурге; этот погост – Московский Художественный театр. Каждый вечер там происходит пышное погребальное торжество при весёлых одобрениях зрителей» [2, с. 234]. Эстетическую платформу мхатовцев, которую Гиппиус, как идеолог символизма, перечёркивает, она определяет следующим образом: «Принцип Художественного театра – сделать искусство тождественным с жизнью, вбить его в жизнь, сравнять, сгладить с жизнью, даже с одним настоящим моментом жизни, так, чтобы и знака на том месте не осталось» [2, с. 234]. Опять же идейно продолжая рецензию Философова, Гиппиус возводит творческий метод Московского Художественного театра к исполнению именно пьес Чехова, хотя

упоминает и произведения Горького. Как и её предшественник, Гиппиус говорит о едином упадочном настроении и психологическом состоянии, которое владеет автором, актёрами и зрителями: «Все слились в одном достигнутом желании – желании неподвижности, отупения, смерти. Ни прошлого, ни будущего, один настоящий миг, навсегда окостеневший» [2, с. 234].

Духовное «вырождение» и даже «смерть» Московского Художественного театра Гиппиус, как и Философов, связывает с особенностями драматургии Чехова, талант которого она вместе с тем признаёт [2, с. 235]. Именно чеховские пьесы, по мнению Гиппиус, уведут знаменитый театр от его главного назначения – быть «храмом искусства» [2, с. 235]. Но Философов в выражении своих мыслей гораздо более сдержан и в силу особенностей своей творческой индивидуальности, и в силу того, что ограничен жанровыми рамками театральной рецензии. Гиппиус же даёт волю своему полемическому темпераменту и обращается к жанру проблемной статьи, дающей более широкие возможности для творческого самовыражения. Для доказательства своих выводов и эмоционального воздействия на читателя она использует художественный по своей сути приём. Гиппиус, с одной стороны, вольно пересказывает сюжет «Дяди Вани» Чехова, вкрапляя в текст своей статьи слова Астрова из второго действия. А с другой стороны – предлагает своеобразный пародийный «конспект» всех чеховских пьес, выстраивая некую общую для всех его драматических произведений мизансцену, чтобы передать настроение омертвляющей души скуки, серость бессмысленных будней, описанных драматургом: «Вот что: идёт дождик. Падают листья. Люди пьют чай с вареньем. Раскладывают пасьянс. Очень скучают. Иногда мужчина, почувствовав половое влечение, начинает ухаживать и говорит: “роскошная женщина”! Потом опять пьют чай, скучают и, наконец, умирают – иногда от болезни, иногда застреливаются» [2, с. 235].

Солидаризируясь с точкой зрения Философова, выраженной в рецензии на постановку «Дяди Вани», Гиппиус также ностальгирует по вымыслу, по полёту воображения, которых ей так не хватает в драматургии Чехова и которые ей кажутся неизменными свойствами подлинного искусства. Причём «обытовление» мира и человека в чеховских пьесах она воспринимает как нарушение творческого завета А.С. Пушкина, выраженного в следующих поэтических строках, которые цитируются в статье: «Порой над вымыслом слезами обольюсь»; «Тьмы низких истин нам дороже // нас возвышающий обман...» [2, с. 235].

Короткая, но ёмкая по содержанию и острая рецензия Философова на мхатовскую постановку «Дяди Вани» в Петербурге отличается диалектичностью, гибкостью, парадоксальной

двойственностью авторской оценки феномена чеховского творчества. Подобный подход реализуется в статье З.Н. Гиппиус «Слово о театре» и последующих её работах о Чехове («О пошлости» (1904), «Что и как» (1904)). Получается, что Гиппиус не только опиралась на эстетический фундамент, заложенный Философовым, но и ориентировалась на принципы его критического метода. Гиппиус-критика также сближает с Философовым умение владеть тонкой смысловой нюансировкой, выразившееся в его рецензии о постановке «Дяди Вани». Это качество критического мышления, вообще характерное для Философова, по-своему высоко оценил и сам А.П. Чехов. В конце декабря 1902 года в письмах к С.П. Дягилеву и О.Л. Книппер-Чеховой [11, с. 105–106.] Чехов с присущей ему сдержанностью и юмором, но в то же время одобрительно отозвался о философской рецензии на спектакль по пьесе «Чайка» в Александринском театре [10]. Он даже признался Дягилеву в том, что рецензия Философова оказала на него вдохновляющее воздействие: «Когда я кончил эту статью, то мне опять захотелось написать пьесу, что, вероятно, я и сделаю после января» [11, с. 106.]

Таким образом, рассмотренная нами рецензия на мхатовскую постановку «Дяди Вани» Д.В. Философова, предпочитавшего держаться в тени своих более известных современников и не претендовавшего на главные роли в культуре рубежа веков, объективно программирует многие линии духовных и эстетических исканий русского символизма в области литературы и театра. Этот ранний творческий опыт молодого критика оказывается источником подходов и концепций авторов, занимавших в модернизме лидирующие позиции (В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус). И этот факт нельзя недооценивать, ибо он в определённой мере корректирует существующие в отечественном литературоведении представления об иерархии авторитетов и истинной расстановке творческих сил в сложном и противоречивом литературном процессе Серебряного века.

Библиографический список

1. Брюсов В. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Статьи и рецензии 1894–1924. Из книги «Далёкие и близкие»; Miscellanea / вступит. ст. Д. Максимова; сост. Д. Максимова и Р. Помирного; коммент. – М.: Худож. лит., 1987. – 575 с.
2. Гиппиус З. Литературный дневник // Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – Кн. 1. – С. 165–378.
3. Гиппиус З. О бывшем // Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – Кн. 1. – С. 89–164.
4. Контелова Н.Г. Проблема театральности в поэзии А. Блока: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново: ИвГУ, 1987. – 225 с.

5. *Коростелев О.А.* Литературная критика Дмитрия Философова // Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О.А. Коростелева. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 3–21.

6. *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: в 24 т. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. – Т. 14. – 240 с.

7. *Родина Т.М.* А. Блок и русский театр начала XX века. – М.: Наука, 1972. – 312 с.

8. *Страшкова О.К.* «Новая драма» как артефакт Серебряного века. – Ставрополь: Изд-во СГУ,

2006. – 576 с.

9. *Философов Д.В.* «Дядя Ваня» (Первое представление в Петербурге 19 февраля 1901 г.) // Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1898–1905 / общ. ред. О.А. Радищевой. – М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2005. – С. 186–189.

10. *Философов Д.В.* Театральные заметки. «Чайка» // Мир искусства. – 1902. – № 11. – С. 46–51.

11. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 11. – 720 с.

КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ Г.В. ИВАНОВА «ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ» В СВЕТЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается художественная концепция музыки, развёрнутая в стихах поэтического сборника Г.В. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (1937), позволяющая глубже понять мировоззрение автора. Прослеживается её эволюция. Доказывается, что концепция музыки в сборнике Иванова восходит к творческому опыту многих русских поэтов (Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, И.Ф. Анненского и др.). Показывается, что с ивановской концепцией музыки связано переосмысление устойчивых образов русской классической литературы: моря, луны, свечи, лодки, тройки, которые выстраиваются в «Отплытии на остров Цитеру» в определённый ассоциативный ряд. Подчёркивается, что при формировании концепции музыки Иванов активно соединяет традиции русского романтизма и символизма. Особое внимание в статье уделяется поэтическому диалогу Иванова с А. Блоком, превращающемуся в лирико-философский спор о «музыке» как стихии, владеющей миром.

В работе делается вывод о том, что «музыка» у Иванова в данном сборнике представлена в разных образных воплощениях: в звуках и скрипах, в песне, в напеве, в музыке скрипки, гавайской гитары, в звоне бубенцов, вое ветра. Категория музыки в сборнике «Отплытие на остров Цитеру» является связующим звеном между жизнью и смертью, добром и злом, прошлым и настоящим лирического героя. Выясняется, что отсутствие мотива «музыки» в стихотворениях – это тоже знак: символ пустоты, смерти души героя вдали от родины.

Ключевые слова: Г.В. Иванов, поэзия, концепция музыки, романтизм, символизм, мировоззренческая функция, традиция русской литературы.

В 1937 году выходит сборник стихотворений Георгия Владимировича Иванова «Отплытие на Остров Цитеру» как итог его двадцатилетней поэтической деятельности. Об этом свидетельствует подзаголовок: «Избранные стихи 1916–1936». Сборник «Отплытие на Остров Цитеру» запечатлел путь творческих исканий поэта вдали от родины. Поэтическое творчество стало для Иванова особой формой духовной связи с потерянной Россией. Именно поэтому в сборнике «Отплытие на остров Цитеру» так отчётливо прочерчиваются многообразные нити преемственности лирики Иванова с традициями русской литературы.

К опыту русских поэтов – предшественников и современников Иванова – генетически восходит, в частности, художественная концепция музыки, развёрнутая в стихах названного сборника и позволяющая глубже постичь внутренний мир автора, понять его мировоззрение. Многие исследователи (Е.Р. Варакина [4], А.Е. Рылова [10], А.В. Трушкина [14]) отмечают своеобразный культ музыки, разнопланово выраженный в творчестве Иванова. Музыкальное начало буквально пронизывает его эмигрантскую лирику. Оно воплощается и в музыкальности стиха, и в особых музыкальных мотивах, образах, ассоциациях.

Категория музыки – вторая по значимости (после символа) в эстетике символизма [11, с. 50–51]. Она связана с идеей синтеза искусств, которая стала одной из доминант Серебряного века. Верно говорит об этом Е.В. Ермилова: «Не только символизм – и другие явления общественной и художественной жизни развиваются в это время под знаком “синтеза” – синтеза искусства и жизни,

синтеза разных искусств – музыки, театра, архитектуры, декорационно-оформительского искусства» [5, с. 8]. Примечательно, что А. Блок в статье «Без божества, без вдохновения» в 1921 году пишет: «Русскому художнику нельзя и не надо быть “специалистом”. Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более – прозаик о поэте и поэт о прозаике... Так же как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они и образуют мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры» [2, с. 32]. Но из разных видов искусств А. Блок, подобно другим символистам, особенно выделял музыку, при этом выводя категорию музыки за рамки традиционных представлений. Как точно отмечает Д.М. Магомедова, «в сознании Блока “музыкальное бытие” отождествляется с космическим бытием, а “музыкальный космос” описывается диалектически, в определении же сущности музыки подчеркивается момент алогического становления. Блок мифологизирует музыку, говоря уже не о музыке-искусстве, а о Музыке как Первоедином, как универсальной духовной субстанции» [8, с. 104]. З.Г. Минц также справедливо указывает, что «музыкальность» становится для А. Блока одним из главных критериев для оценки людей, событий и явлений [9, с. 505].

Однако категория музыки была востребована и в литературе русского постсимволизма. Так, она многое определила в эмигрантском творчестве Иванова, художественные искания которого были генетически связаны с акмеизмом. Категория музыки активно участвует в создании картины мира

в сборнике Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (1937). Поэт пытается вслушаться в музыку мира, постичь её тайный смысл. Попробуем это доказать на примере указанного сборника.

Открывает сборник Иванова «Отплытие на остров Цитеру» стихотворение «Это месяц плывёт по эфиру...». И. Болычев в статье «Портрет без сходства» отмечает: «По-настоящему же первое стихотворение книги – “Это месяц плывет по эфиру...”». В свете попытки выделения трёх этапов в творчестве Иванова, трёх его гармоний – “неведения”, “опыта” и “отчаяния” – это стихотворение, как, в сущности, и все новые стихотворения в “Отплытии”, своего рода прощание с “гармонией опыта” и предчувствие “гармонии отчаяния”. Стихотворение было впервые опубликовано в 47 номере “Современных записок” в 1931 году. Любопытно, что в том варианте последние строки читались так: “Это музыка путь освещает, / Где душа твоя в счастье летит”. В 1931 году он ещё верит, что “музыка спасёт мир”. В 1931 году она ещё освещает путь души “в счастье”. Но уже через пять лет музыка освещает путь, “где погибшее счастье летит”. В 1937 году Иванов уже на пороге отчаяния. “Распад атома” зафиксировывает это состояние души» [3].

Действительно, в этом стихотворении музыка предстаёт символом вечности, мистического света и примирения с жизненными утратами:

Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит.
Это музыка миру прощает
То, что жизнь никогда не простит.
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит [7, с. 298].

Музыка становится звеном между жизнью и смертью человека, живущего в современном автору мире. Образ смерти в анализируемом стихотворении Иванова сопрягается с метафорой «лодки» («Это лодка скользит по волнам... / Это смерть улыбается нам»). В «Словаре символов» Дж. Трессидера встречается следующее толкование: «Лодка – символ загробного мира, символ последнего пути богов и людей» [13]. Следует отметить, что образ лодки в русской литературе традиционно связан с семантикой смерти (Г.Р. Державин «На выздоровление мецената», В.А. Жуковский «Лодку вижу... Где ж вожатый?...», М.Ю. Лермонтов «Атаман», И.Ф. Анненский «Два паруса лодки одной»). У Иванова лодка – это также символ смерти, которая противопоставлена жизни. Жизнь же – это «детство и счастье твоё», «то, что зовётся любовью», «надеждой», «ветки сосен». Музыка в этом стихотворении иерархически возвышается над понятиями жизни и смерти. Она – «особенная», она всё «миру прощает».

В стихотворении «Россия счастье. Россия свет...» возникает образ «музыки, сводящей с ума». Это музыка не душевного счастья и покоя, а ледящего человека страха:

Верёвка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет [7, с. 298].

В сознании лирического героя Россия в этом стихотворении предстаёт миражом, неким небытием и ужасом:

А, может быть, России вовсе нет.
<...>

Россия тишина. Россия прах.

А, может быть, Россия – только страх [7, с. 298].

Лирический субъект словно находится в состоянии болезненного бреда, абсурда, пустоты, он полностью потерян во времени и пространстве:

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,
И нет ни Петербурга, ни Кремля –
Одни снега, снега, поля, поля... [7, с. 298].

Тема жизни и смерти продолжает раскрываться через образ «мёртвой» музыки в стихотворении Иванова «Только всего – простодушный мотив...». Категория музыки здесь репрезентирована через такие поэтические символы, как «напев», «умирающий звук», затихающая «песня», «скрипка, падающая из рук». Усиливается трагизм мировосприятия лирического героя стихотворения. И это подчёркивается метафорой «мёртвой скрипки», падающей в «предвечную тьму». Свеча становится свидетелем смерти человека «со скрипкой»: «Только свеча, нагорев, догорев... / Только. И падает скрипка из рук» [7, с. 300].

Символический образ скрипки является сквозным образом в русской литературе (Н.С. Гумилёв «Волшебная скрипка», И.Ф. Анненский «Смычок и струны», цикл стихотворений А.А. Блока «Арфы и скрипки», В.В. Маяковский «Скрипка и немножко нервно...»). Так, например, в стихотворении «Смычок и струны» И.Ф. Анненского через образы скрипки и смычка передан целый пучок смысловых ассоциаций, связанных с темой страданий и боли, сопровождающих любое творчество не только в искусстве, но и в сфере человеческих отношений:

“О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?”
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

“Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..”
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалась [1, с. 7].

Трагизм стихотворения усиливается намёком на присутствие образа музыканта, оказывающегося демиургом, самовластным вершителем двух судеб:

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На чёрном бархате постели [1, с. 7].

Если у Иванова скрипка – это музыкальный инструмент, преданный друг лирического героя, свидетель его предсмертного состояния, то у Анненского скрипка и смычок – это символы мужского и женского начал, носители таинственной гармонии, за которую нужно платить болью и мукой и которой распоряжаются высшие силы бытия.

Образ свечи, как и упомянутые ранее образы лодки и скрипки, является устойчивым в русской классической литературе (М.Ю. Лермонтов «Письмо», «Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной...», «Ночь»; Ф.И. Тютчев «Завещание»; И.Ф. Анненский «Свечка гаснет», «Свечку внесли», «Август», «Желание (Когда к ночи)», «Киевские пещеры», «Кошмары», «На закате»). Образ свечи обычно сопровождает тернистый путь поэта, помогает ему перейти из мира реального в мистическо-романтический. Свеча – вечный спутник ночи, мрака, тишины, она освещает художнику путь в неизведанное. Словарь символов так расшифровывает семантику образа свечи: «Свеча – свет во тьме жизни, озарение, живительная сила Солнца, а также – неверная жизнь, которую так же легко погасить, мимолетность» [13].

Так, в рассматриваемом выше стихотворении Иванова «Только всего – простодушный мотив...» свеча становится символом света в мире изгнанников, в мире тьмы. Благодаря использованию в этом стихотворении лексемы «тысяча» поэт гиперболизирует боль и горе, утрату и безысходность многих русских людей XX столетия, покинувших родину. Эхом отзывается в сердцах, отвергнутых Россией, музыка жизни и смерти противоречивой эпохи:

И, неподвластна уже никому,
В тысячу раз тяжелей и нежней,
Слаще и горестней в тысячу раз,
Тысячью звёзд, что на небе горит,
Тысячью слёз из растерянных глаз –
Чудное эхо её повторит [7, с. 300].

В стихотворении «Музыка мне больше не нужна...» Иванов скрыто полемизирует с поэтом-символистом Александром Блоком, который слышит «музыку революции». Иванов заявляет о своей позиции, полярной позиции Блока:

Ничего не может изменить
И не может ничему помочь [7, с. 302].

Музыка «глухо рассыпается», слышится только плач. Теперь музыка для лирического героя Иванова складывается только из неясных и неотчётливых отголосков, растворяющихся в тишине ночи:

То, что только плачет, и звенит,
И туманит, и уходит в ночь... [7, с. 302].

Образ ночи здесь воспринимается как некое небытие, которое находится за гранью жизни и смерти. Такое смысловое наполнение образа ночи вполне согласуется с традицией поэзии Серебряного века.

В стихотворении «Ни светлым именем богов...» Иванов парадоксально связывает «бессмертную музыку» с трагической гибелью современного

мира. Этот мир поэт уже сравнивает с оплавленной свечой, пламя которой «пальцы обжигает». Значение образа свечи здесь трансформируется. Если в стихотворении «Только всего – простодушный мотив...» свеча – свет, освещающий тьму смерти, то в выше рассматриваемом стихотворении свеча – это напоминание о «гибельном пожаре жизни» (А. Блок), вселенской трагедии, которые рожают «музыку» творческих прозрений поэта:

Мир оплывает, как свеча,
И пламя пальцы обжигает.
Бессмертной музыкой звуча,
Он ширится и погибает
И тьма – уже не тьма, а свет,
И да – уже не да, а нет [7, с. 304].

Используя перевёрнутое изречение «И тьма – уже не тьма, а свет» в этом стихотворении, Иванов отсылает читателя к Евангелию от Луки: «Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма» (От Луки 11:35).

Таким образом, в стихотворении «Ни светлым именем богов...» звучит вечная для русской классической литературы тема добра и зла. Однако Иванов в разработке традиционной темы акцентирует особый аспект, связанный с проблемой диалектического взаимодействия добра и зла, затрагиваемый в поэзии русских символистов. Он предлагает следующую философскую формулу:

Она прекрасна, эта мгла.
Она похожа на сиянье.
Добра и зла, добра и зла
В ней неразрывное слиянье.
Добра и зла, добра и зла
Смысл, раскалённый добела [7, с. 304].

Такова человеческая природа – соединить в себе светлое и тёмное начало, а современный мир – это зеркальное отражение человеческого начала, которое идёт от сотворения мира Богом.

В стихотворении «Сиянье. В двенадцать часов по ночам...» лирический герой признаётся, что «...музыка. Только она / одна не обманет». Через «шорох ночных голосов» Иванов возвращается в далёкое прошлое:

Сиянье. В двенадцать часов по ночам,
Из гроба.
Все – тёмные розы по детским плечам.
И нежность, и злоба.

И верность. О, верность верна!
Шампанское взоры туманит...
И музыка. Только она
Одна не обманет.

О, всё это шорох ночных голосов,
О, всё это было когда-то –
Над синими далями русских лесов
В торжественной грусти заката...
Сиянье. Сиянье. Двенадцать часов.
Расплата [7, с. 306].

Ивановское стихотворение «Сиянье. В двенадцать часов по ночам...» отсылает читателя к сти-

хотворению «В двенадцать часов по ночам из гроба встаёт барабанщик...» («Ночной осмотр») В.А. Жуковского:

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встаёт барабанщик;
И ходит он взад и вперёд,
И бьёт он проворно тревогу.
И в тёмных гробах барабан
Могучую будит пехоту...
<...>

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперёд,
И громко трубит он тревогу.
И в тёмных могилах труба
Могучую конницу будит [6, с. 389].

Главные герои Жуковского – барабанщик и трубач, которые поднимают из могил мёртвые души солдат пехоты, конницы. С одной стороны, рисуется страшная, ужасающая картина мертвецов, а с другой стороны, показана мощь французских солдат, которые отдали жизнь за своего императора. В этом стихотворении мистической оказывается музыка барабанщика и трубача, которая становится неким сигналом восстания мёртвых из своих могил. В стихотворении Иванова мы видим лишь намёки, ассоциации на поэтическую картину Жуковского «В двенадцать часов по ночам, / Из гроба...», «И верность. О, верность верна!», «всё это было когда-то над синими даями русских лесов», «Расплата». Для Иванова важна не подробная передача действий, а таинственность, мистический смысл происходящих событий. В этом стихотворении романтические традиции тесно переплетаются с символистскими («тёмная роза», «двенадцать часов ночи», «торжественная грусть заката»).

В стихотворении «Замело тебя счастье снегами...» композиционным стержнем становится мотив поиска потерянного счастья. Уже традиционно через хаос и беспорядок заметающего снега звучит «белая музыка», но она не просто звучит, а «бьётся». Музыка становится надеждой, жизнью, свободой для героя. Символ веры связан с наступлением нового времени («Нового Года»), но в подтексте чувствуется некий скрытый трагизм: «...счастье..., / Унесло на столетья назад». По этому выхода нет: «Но снегами меня замело» [7, с. 307]. Русскому человеку, перенёсшему потрясения Октябрьской революции, остаётся только память о былой счастливой жизни в прежней России. Отсюда мотив смерти, безысходности всё усиливается – счастье становится недостижимым:

Загоптало тебя сапогами

Отступающих в вечность солдат [7, с. 307].

Так, образ солдат вводит тему мира и войны, где смерть – само собой разумеющееся явление. Не случайно у бьющейся «белой музыки» только лишь одно «крыло».

В стихотворении «Над розовым морем вставала луна...» музыка разделяет мир героя на прошлое

и настоящее. «Жалобный рокот гавайской гитары» помогает окунуться влюблённым в романтическую атмосферу воспоминаний минувших дней:

Послушай. О, как это было давно,

Такое же море и то же вино [7, с. 312].

Символы моря и луны – это топоры, характерные для многих писателей-романтиков (В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов). Герои-влюблённые в ивановском стихотворении также находятся под чарами моря, луны, гавайской гитары, они предаются воспоминаниям:

Мне кажется, будто и музыка та же.

Послушай, послушай, – мне кажется даже...

[7, с. 312].

Приём умолчания вызывает в воображении каждого читателя свои светлые воспоминания, но героиня стихотворения всё расставляет по своим местам:

– Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой.

Мы жили тогда на планете другой.

И слишком устали, и слишком мы стары

Для этого вальса и этой гитары [7, с. 312].

Музыка в этом поэтическом произведении является неким проводником, соединяющим два отрезка времени героев стихотворения: прошлое и настоящее. Но ностальгическая музыка оставляет возлюбленных именно «на этой планете» («другая планета» – это счастливое прошлое).

Тоска по утраченной родине выливается у Иванова в звон бубенцов (в стихотворении «Этот звон бубенцов издалика...»), а образ тройки «с широким разбегом» напоминает читателю о дореволюционной России. И вновь Иванов подключается к традиции русской классической литературы, в которой образ тройки выступает как весьма частотный и ёмкий по своему смысловому наполнению символ. Сразу же вспоминается гоголевский образ птицы-тройки из поэмы «Мёртвые души», олицетворяющий Россию, несущуюся вперед. Но Иванов как будто возвращает читателя из дореволюционной патриархальной России в суровое настоящее. Так, предельно трагичное звучание стихотворения связано с использованием метафоры «чёрная музыка Блока». У читателя сразу возникает ассоциативный ряд: революция – Блок – «слушая музыку революции» – поэма «Двенадцать».

Стихотворение «Жизнь бессмысленную прожил...» является последним стихотворением сборника «Отплытие на остров Цитеру». В этом произведении герой не слышит музыки, он воспринимает только звуки обыденного, не преображённого поэтическим вдохновением мира: «В доме скрипнет половица, / На окошко сядет птица, / В стенке хрустнет. Это – он» [7, с. 297]. Лирический субъект Иванова признаётся, что он прожил бессмысленную жизнь «на ветру и на юру». Здесь образ ветра символизирует запутанность жизненного пути героя, потерявшего родину, омертвевшего («он, не споря, покорился и теперь в земле

лежит») и лишившегося дара улавливать музыкальную стихию бытия.

Таким образом, концепция музыки в сборнике Иванова «Отплытие на остров Цитеру» полигенетична, она соотносится с весьма широким поэтическим контекстом и выполняет важную мировоззренческую функцию. С концепцией музыки связано переосмысление традиционных образов русской классической литературы: моря, луны, свечи, лодки, тройки, которые выстраиваются в «Отплытии на остров Цитеру» в определённый ассоциативный ряд. «Музыка» у Иванова в данном сборнике представлена в разных образных воплощениях: в звуках и скрипах, в песне, в напеве, в музыке скрипки, гавайской гитары, в звоне бубенцов, вое ветра. Категория музыки является связующим звеном между жизнью и смертью, добром и злом, прошлым и настоящим лирического героя. Отсутствие мотива «музыки» в стихотворениях – это тоже знак, символ пустоты, смерти души героя вдали от родины.

Библиографический список

1. *Анненский И.Ф.* Кипарисовый ларец. – М.: Public Domain, 1909. – 38 с.
2. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. – Т. 6. – 556 с.
3. *Болычев И.* Портрет без сходства (Лирика Георгия Иванова в 20–30-е годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2006/4/bo26.html> (дата обращения: 1.12.2016).
4. *Варакина Е.Р.* Картина мира в лирическом произведении: на материале творчества Г. Иванова и Странника (Д. Шаховского): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 183 с.
5. *Ермилова Е.В.* Теория и образный мир русского символизма. – М.: Наука, 1989. – 176 с.
6. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: в 4 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960. – Т. 1. – 480 с.
7. *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Согласие, 1993. – Т. 1. – 656 с.
8. *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А.А. Блока. – М.: Мартин, 1997. – 221 с.
9. *Миц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. – СПб.: Искусство – СПб., 2000. – 784 с.
10. *Рылова А.Е.* Георгий Иванов и русский символизм: дис. ... канд. филол. наук. – Шуя, 2006. – 221 с.
11. *Сарычев В.А.* Эстетика русского модернизма: Проблема «жизнетворчества». – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1991. – 320 с.
12. *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/publications/g.struve/> (дата обращения: 1.12.2016).
13. *Тресиддер Дж.* Словарь символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5601664/> (дата обращения: 10.11.2016).
14. *Трушкина А.В.* Особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50 гг.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 221 с.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА И ТРАДИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

При лингвокультурологическом анализе выявляется генезис сложного художественного синтеза, осуществлённого Д. Андреевым в книге «Роза Мира». На уровне внутрилитературного синтеза писатель поэтизирует прозу, использует приёмы стилизации и элементы публицистического стиля речи, на уровне внешнелитературного синтеза создаёт авторскую мифологию и строит утопические проекты религиозно-государственного реформаторства. Если поэтизированная и стилизованная проза, авторская мифология связывают «Розу Мира» Д. Андреева с Серебряным веком, то публицистический стиль и религиозно-реформаторская утопия – с культурным стилем середины XX века. Выявляется, что, в традициях времени, публицистический стиль служит Д. Андрееву для обращения к социальной проблематике и для решения её в ключе центральной идеи русской религиозной философии: обожженно-го духа в человеке и обожженной материи. Художественный синтез Д. Андреева объединяет социальные интересы писателей-реалистов XX столетия с опытами модернистов Серебряного века.

Ключевые слова: художественный синтез, писатели-реалисты, писатели-модернисты, мифотворчество, поэтизированная проза, публицистический стиль, реалистический символизм, духовность.

Рассматривая в лингвокультурологическом исследовании языковые особенности метапоэмы Д. Андреева «Роза Мира», автор статьи исходит из положений антропоцентрической парадигмы, в которой «анализируется человек в языке и язык в человеке», то есть язык в когнитивной деятельности последнего [9, с. 6]: «Дверь замурована. Но под покровом тьмы / Нацупай лестницу – не ввысь, но вглубь тюрьмы. / Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут / На берег ветренный ступени приведут. / Там волны вольные, – отчалъ же! правь! спеши! / И кто найдет тебя в морях твоей души?» [4, с. 86].

Симптоматично, что поэтические строки Д. Андреева о «морях души» узника перекликаются с размышлениями М. Хайдеггера о «доме духа», в котором живёт язык, поскольку у «присутствия» человека, представляющего собой в христианской традиции «телесно-душевно-духовное единство» [13, с. 66], для познания мира и для бытия в мире «есть язык» [13, с. 192]. И Хайдеггер как философ, и Д. Андреев как поэт говорят о единстве «внутреннего» присутствия человека в процессе понимания вещей (М. Хайдеггер) или самопознания (Д. Андреев) при одновременном «бытии снаружи», фактическом или только языковом, как целостном и неделимом «познающем бытии-в-мире» [13, с. 81–82].

Ранее автор рассматривал художественные особенности прозы «Розы Мира» в контексте выявленной органической – семейно-родственной и духовной – связи Д. Андреева с культурой Серебряного века. Во-первых, поэт на генетическом уровне унаследовал «певучее» состояние души и «внутреннюю музыкальность» – поэтичность – слога своего знаменитого отца, об утрате которой (при внешней нелюбви к поэзии) Л. Андреев с горечью писал в последний год жизни [1, с. 223–224]. Во-вторых, Д. Андреев переживал устойчивую ученическую [2,

с. 470] и мистическую [3, с. 433] связь с А. Блоком, истоки которой – в глубокой внутренней связи А. Блока с Л. Андреевым (о чём впоследствии писал Блок) [5, с. 129–136.]. В-третьих, в струе «философии цельного знания» Вл. Соловьёва и теории «реалистического символизма» Вяч. Иванова с «ознаменовательным» творческим принципом отношения к иноприродным реалиям: не «преобразовывать» в творчестве своей волей бытие, а «ознаменовывать» зрелища космических событий и в их свете «преображать» для воспринимающего сознания действительность [8, с. 146] – Д. Андреев создаёт собственный метод «сквозящего реализма».

«Взламываемая» в вестническом творчестве символ и «работая» уже не на границе миров, как отец, а в иномирии, Д. Андреев сквозящим символизмом продолжает в искусстве традиции «художественного синтеза» Серебряного века, который предраполагает «к выходу за пределы собственно литературного материала» [10, с. 18]. В этом отношении проза «Розы Мира» на уровне внутрилитературного синтеза глубоко художественна, поэтична: рисуя космические и метаисторические реалии, Д. Андреев использует в языке приёмы импрессионизма (о чём автор писал отдельно); обращаясь в своём пантеизме к божественным сущностям, поэт порой стилизует молитву, что также связывает его с Серебряным веком [10, с. 233]; наконец, на уровне внешнего литературного синтеза в духе рубежа веков [6, с. 44–47] он создаёт авторскую мифологию с разветвлённой цепью взаимосвязанных мифообразов и понятий.

Однако, органически входя в «единый культурный процесс» середины XX века, Д. Андреев как художник слова не мог не унаследовать «культурный стиль», «культурное лицо» своей эпохи [12, с. 17]. Его «познающее бытие-в-мире» приходится на начавшуюся в предреволюционные годы поляризацию духовной сферы; поэт остро воспринимает

её как бинарную оппозицию между «характерным взрывом атеистических умонастроений» и взлётом «разнообразных религиозных исканий» [10, с. 17]. Эта культурная особенность, «заставшая» Д. Андреева в советской России более своим «атеистическим» крылом, соединяется в середине XX века с характерной для мировой литературы ориентацией мастеров слова – вновь после эпохи декаданса – на разрешение социальных проблем. Д. Андреев, мифологическим сознанием воспринимающий все бинарные оппозиции времени и уравнивающий их представлением о космизации затемнённого планетарного начала, социальные проблемы современности решает в традициях мифотворчества Серебряного века.

Итак, если в Серебряном веке поляризация духовной сферы на внешнем литературном уровне привела к синтезу «религиозно-литургическому» [10, с. 235], то в середине XX века в творчестве Д. Андреева – к синтезу не просто мифологическому, но религиозно- и государственно-реформаторскому. Необходимо помнить, что в своём религиозном реформаторстве Д. Андреев опасно отступает от принципа «ознаменованя». Впрочем, и эта черта сближает его мечтания с художественным синтезом Серебряного века, если вспомнить «тайну Трёх» и религию Святого Духа, которую сочиняли Мережковские, придумывая собственную Церковь, собственные догматы и собственные таинства.

Поскольку «культурный стиль» эпохи требовал от поэта выхода во внешнем литературном синтезе в социум, во внутреннем возникала естественная необходимость использования элементов публицистического стиля речи. Несомненно, публицистическое наполнение «Розы Мира» Д. Андреева отмечено знаком времени: его проза, вобравшая черты автобиографии, хроники, репортажа и мемуаров, направленная на решение проблемы универсального социального устройства, носит ярко выраженный художественно-публицистический характер и в этом отношении сопоставима с произведениями А. де-Сент-Экзюпери, А. Солженицына, В. Астафьева...

Публицистические черты «Розы Мира» заявляют о себе с её первых страниц, на которых Д. Андреев излагает свои утопические представления о деятельности «Лиги преобразования сущности государства», плода учения универсальной религии Розы Мира, об «этической, внесоциальной и надгосударственной» сущности Лиги, о путях реализации её высокой цели. Врагов Лиги Д. Андреев видит в любых «формах и видах деспотического народоустройства», а в метаисторическом плане – «в Противобогге, в тиранствующем духе, Великом Мучителе, многообразно проявляющем себя в жизни нашей планеты...» [3, с. 12].

Д. Андреев, мифологическое сознание которого направлено на решение социальных проблем, би-

нарные оппозиции времени осмысливает как противостояние Христа и Антихриста, Бога и павшего ангела. На последнего указывают перифраз «Великий Мучитель» и авторский неологизм «Противобог», отражающий вселенское противостояние сил света и тьмы.

Публицистический стиль Д. Андреева содержит экспрессию разговорного стиля речи, выразительность и образность художественного, книжность и логичность научного в их стандартных лексических и синтаксических образованиях, которые Д. Андреев использует нестандартно. В сложных и текучих авторских построениях синтаксические и лексические конструкции легко дублируют друг друга при выделении смысловых доминанты микротемы.

Рассмотрим особенности публицистического стиля Д. Андреева на примере его религиозно-нравоучительной проповеди о том, с чем он никогда не сможет примириться: об обывательском недоверии высшим идеалам религии, политики и культуры, о необходимости духовного сопротивления подобным росткам бездуховности в человеке: «О, конечно, найдётся немало людей, которые станут утверждать, будто методика Лиги – непрактична и нереальна. Ах уж эти мне поборники политического реализма! Нет безнравственности, нет социальной гнусности, которая не прикрывалась бы этим жалким фиговым листком. Нет груза более мертвенного, более приземляющего, чем толки о политическом реализме как противовесе всему крылатому, всему вдохновенному, всему духовному» [3, с. 14].

Эта речь достигает накала публичного выступления за счёт использования в качестве базового тропа иронии. Ситуацию ораторской речи моделируют лексические средства разговорного стиля: междометия «о», «ах уж», вводное слово «конечно»; «обратным» экспрессивным значением они передают возражающе-критический смысл обращения к предполагаемым оппонентам. Неодобрительная стилистическая окрашенность устойчивого разговорного сочетания «эти мне», союза «будто» подчёркивает авторскую насмешку над неверием политических реалистов в постепенное осуществление основ этики и духовности в социальных отношениях.

Ирония с самого начала фрагмента нарастает за счёт присущего публицистической прозе смещения стилей и переносного значения слов: существительное высокого стиля «поборник», с одной стороны, по правилам построения иронии, приобретает прямо противоположное себе значение, сходное с неодобрительной лексемой «пособник». С другой стороны, ирония поддерживается именно за счёт контраста высокого стиля данного слова с негативной эмоциональной окрашенностью фразы в целом, настраивая читателя на последующую

критику политических реалистов. Книжные лексемы («*утверждать*», «*уверять*», «*толки*»), реализуя в контексте значения, противоположные основному, подчёркивают несостоятельность, пустоту заявлений политических реалистов о «*непрактичности и нереальности*» методики Лиги. Повтор приставок «*не*» в однородных книжных определениях-эпитетах («*непрактична*», «*нереальна*») в соседстве с разговорными лексемами делает зримым обывательское неверие в возможность реализации принципов высокой этики в качестве эталона внутренней и внешней политики государств в эпоху Розы Мира.

Непримиримость Д. Андреева с подобной позицией политических реалистов передана метафорически: это «*мертвенный, приземляющий*» реализм, который страшным «*грузом*» утяжеляет человеческое бытие. Приведённые метафоры наводят на размышление о том, что бездуховность – это не просто отсутствие духа, это мёртвый, то есть несущий разложение и смерть, противовес самым высоким человеческим устремлениям, это реализм в самом худшем своём определении – атеистическом и безнравственном.

Данную мысль подчёркивает и антитеза между метафорическими эпитетами «*мертвенный, приземляющий*», с одной стороны, и «*крылатое*», «*вдохновенное*», «*духовное*» – с другой. Её вторая часть, на которую ложится смысловая нагрузка текстового фрагмента, включает контекстуальные синонимы, образующие градационный ряд, смысловой доминантой которого становится лексема «*духовное*» с семей «*высшая искра Божества*» в человеке, «*ум и воля, или же стремление к небесному*» [7, с. 503], указывающей на идею обожженного духа в человеке, который, в традициях религиозной философии Вл. Соловьёва, является целью космогонии Д. Андреева.

Обозначенную антитезу смыслов «*духовность*» – «*бездуховность*» углубляют такие синтаксические средства художественного стиля речи, как восклицательное предложение и синтаксический параллелизм, усиленный анафорой «*нет*» («*Нет безнравственности...*», «*Нет груза...*») и лексическим повтором наречия «*нет*» («*Нет безнравственности, нет социальной гнусности...*»). Таким образом, и на лексическом, и на синтаксическом уровнях авторское «*нет*» приобретает лозунговое звучание. Это многомерное непримиримое «*нет*», на эксплицитном уровне выражая грамматическое значение «отрицание», на ментальном уровне воспринимается как незыблемая тройная стена авторского духовного сопротивления всем проявлениям в социуме атеистического реализма, прежде всего – сопротивления человеческой розни в борьбе за примитивные блага обезбоженного антихристового добра, за материальное благосостояние взамен свободы личного духовного выбора.

Приёмом олицетворения абстрактных понятий с негативным значением «*безнравственность*» и «*гнусность*», «*...которая не прикрывалась бы этим жалким фиговым листком*», Д. Андреев передаёт укоренённость в человеческом сознании идеи антихристового добра, её необычайную онтологическую приспособляемость. Авторский фразеологизм «*фиговый листок*», с помощью разговорного суффикса «*-к-*» и оценочного эпитета «*жалким*» усиливая разговорно-пренебрежительный оттенок значения известного фразеологизма, развенчивает ничтожность благ, ставших целью политических реалистов: «*Политические реалисты – это, между прочим, и те, кто в своё время уверял, даже в самой Индии, что Ганди – фантаст и мечтатель. Им пришлось стиснуть губы и прикусить язык, когда Ганди и его партия именно на пути высокой этики добились освобождения страны и повели её дальше, к процветанию. Не ко внешнему процветанию, которое порошит людям глаза чёрной пылью цифр о росте добычи угля или радиоактивным теплом от экспериментальных взрывов водородных бомб, а к процветанию культурному, этическому и эстетическому, процветанию духовному, неспешно, но прочно влекущему за собой и процветание материальное*» [3, с. 14–15].

Из текстового фрагмента видно, что автор продолжает развенчивать антихристово добро в развёрнутой метафоре: оно «*порошит людям глаза чёрной пылью о росте добычи угля и нефти*», «*радиоактивным теплом от экспериментальных взрывов водородных бомб*». Смысловые доминанты микротемы – метафора «*пылью*», метафорическое сравнение «*теплом*» – передают призрачность бездуховных материальных благ на общем фоне иронического контекста, который развивается за счёт использования штампов публицистического стиля «*рост добычи угля и нефти*», «*экспериментальные взрывы водородных бомб*»; метафорический эпитет «*чёрный*» приобретает значение «*злой*», «*опасный*». Эти коннотации обращают читательскую мысль к агрессивной арене социальных отношений, к реалиям экономики и политики современной Д. Андрееву Советской России и мирового капиталистического сообщества. Таким образом, Д. Андреев с помощью лексики публицистического стиля, на ментальном смысловом уровне приобретающей фактографические коннотации, транслирует мировой масштаб противостояния духа и демонизированной материи – противостояния, не зависящего от политических режимов.

Даже абстрактные лексемы в приведённых отрывках («*гнусность*», «*безнравственность*», «*реализм*» – «*освобождение*», «*процветание*»), наименования людей по типу мышления («*реалист*» – «*фантаст*», «*мечтатель*»), свойственные публицистическому стилю как таковые, под пером Д. Андреева приобретают метафорическое или

ироническое значение с повышенной эмоционально-экспрессивной окраской. Они выстраиваются в ряды контекстуального противопоставления, обусловленного главной авторской целью: выразить духовное сопротивление демонизированному социуму, его «политическому реализму».

Начиная разговор о политическом торжестве партии Ганди, Д. Андреев в диалогическом повествовании с иронией рисует её неприятие политическими реалистами. Иронию и диалогизм этого рассуждения поддерживает целый комплекс лексико-синтаксических средств: и едкое вводное замечание «*между прочим*», и разговорная присоединительная конструкция «*и те, кто...*», и устойчивые сочетания «*в своё время*», «*прикусить язык*», авторский фразеологизм «*стиснуть губы*». Эти средства языковой выразительности помогают Д. Андрееву передать временность исторического зла, указать на возможность его преодоления. Так автор «Розы Мира» предопределяет в своём повествовании микротему, посвящённую высшему реализму, а именно реализму духовного процветания.

Высший реализм возможностей духа, искры Божией в человеке передаётся с помощью лексического повтора метафоры «*процветание*» в градационном ряду эпитетов с усилением интенсивности признака: «*процветанию культурному, этическому и эстетическому, процветанию духовному*». Вершиной в этом ряду, как и в рассмотренном нами ранее («*крылатое*», «*вдохновенное*», «*духовное*»), является смысловая доминанта «*дух*» в значении «*духовность*». Как и в проанализированной ранее антитезе («*политический реализм*» как противовес «*всему крылатому, всему вдохновенному, всему духовному*»), смысловой доминанте «*процветанию духовному*» противопоставляется «*процветание материальное*». Значение лексемы «*материальное*» в контексте указывает на известные семы: «*вещественный, реальный, в противоположность духовному*», «*относящийся к уровню жизни, к доходу, к заработку*» [11, с. 345]. Однако под пером Д. Андреева в данной антитезе преобразуется значение антитезы предыдущей, в которой духу противопоставлена «*чёрная*», «*мертвенная*», или затемнённая, обезбоженная материальность, поддерживающая низшие инстинкты человеческого эго.

В антитезе, венчающей отрывок публицистической проповеди Д. Андреева, сама материя становится одухотворённой и, таким образом, противопоставление смыслов «*духовность*» – «*материальность*» лишается своей противительной семантики, вступая в отношения антиномии, в которой обожённая материя обуславливается творчеством духа, следует из него и в то же время служит поддержанию духовности. Само двойное противопоставление в градационных рядах значения «*духовность*» значениям «*реализм*» и «*материальность*» удваивает в данном фрагменте смысловую

составляющую, реализуя идею торжества подлинного – одухотворённого – реализма; по Д. Андрееву, «*сквозящего реализма*», обозначающего невидимые для «*материалистов*» реалии вселенского бытия и возможности его восприятия в эпоху просветлённого человеческого сознания.

На ментальном уровне это противопоставление духа и материи в «Розе Мира» созвучно двойному отрицанию в православном пасхальном пении «*смертию смерть поправ*». Искоренение идеи материальности как основы устройства и мировоззрения антагонистического социума влечёт не только торжество духовности и искоренение социальной вражды, но преобразование природы самой материальности, её возрождение в новом для одухотворённого общества качестве: служить развитию духовности в человеке, преобразению низших инстинктов эго в тончайшие покровы божественного пламени эго высшего «Я».

Обожение, освящение материи духом – это, по мнению автора «Розы Мира», процесс длительный, но единственно надёжный для перспективы сохранения и развития человечества. Эпитеты «*неспешно*», «*прочно*» характеризуют подлинность, истинность реализма духа, реализма одухотворённого благосостояния общества, политика в котором постепенно меняет свою суть антагонизма и насилия на сущность высокой этики в человеческих отношениях и в отношении человека ко всему живому.

Духовность в понимании Д. Андреева – это отнюдь не абстрактная сфера, пересекающаяся с жизнью, в лучшем случае, «*по касательной*»: она имеет корни и «*от земли*», от её «*соли*», в самом центре человеческой жизни и человеческой сущности. А потому вряд ли «*психологический климат возникновения нравственной инстанции, основанной именно на праведности, может быть где-либо подготовлен лучше, чем в обществе, объединившемся в чаянии её возникновения и в этом выдавшем свой смысл и цель*». Именно поэтому в числе членов Лиги преобразования сущности государства «*могут оказаться даже атеисты*» [3, с. 19], если они являются носителями высокой этики. Таким образом, для Д. Андреева, глубоко верующего человека, для которого мир потусторонний являлся предметом не просто веры, а личного опыта, ни одна составляющая человеческой духовности не должна быть забыта или обесценена. Этика атеиста в его книге не списывается со счетов борьбы с мировым злом за прорыв к эпохе Розы Мира, а становится ещё одним полновесным кирпичиком в фундаменте Всемирной Федерации государств, или социума, в котором должна реализоваться универсальная религия Розы Мира и её универсальная Церковь.

Итак, настоящее исследование позволяет выявить характерные черты публицистического стиля Д. Андреева, прежде всего – стилистические фигуры сложного синтаксического рисунка: антитезы,

усиленные рядами однородных членов, часто находящихся в отношениях градации или синонимии; синтаксический параллелизм, осложнённый лексическим повтором, переходящим в анафору и т. д. К тому же Д. Андреев намеренно стилизует разговорную речь стандартными средствами публицистического стиля речи: риторическими вопросами, инверсией, сегментированными и присоединительными конструкциями. Из тропов иронии в его публицистическом стиле становится вербальным действием. Эти стилевые черты, синтезированные в тексте книги с поэтизацией прозы, делают узнаваемым язык «Розы Мира» в единстве заключённых в нём коммуникативной, воздействующей и эстетической функций, в проявлении творческой индивидуальности автора.

Примечательно, что в Серебряном веке творчество А.П. Чехова, осуществившего «внутрилитературный синтез, синтез прозы и поэзии» [10, с. 198], «сыграло роль той точки, в которой примирялись реалисты и представители модернистских течений» [10, с. 229]. Задумывался ли Д. Андреев о продолжении и преобразовании в собственном творчестве традиций русских писателей-реалистов, плеяду которых в XIX веке открывают В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский? В середине XX века в России именно Д. Андреев, в сложном художественном синтезе соединивший опозитизированную прозу с публицистическим стилем речи, мифотворчество – с утопическим религиозно-государственным реформаторством, вновь объединяет интересы писателей-реалистов XX века с опытами модернистов Серебряного века. Публицистический стиль служит Д. Андрееву для обращения к социальной проблематике и для решения её в ключе центральной идеи русской религиозной философии: обоженного духа в человеке и обоженной материи. При этом следует помнить, что рассмотрение «Розы Мира» объективно лишь с позиций вестнического, в определении Д. Андреева, творчества, ориентированного на светское искусство, которое не покушается на основы догмата.

Библиографический список

1. Андреев В.Л. Детство. – М.: Сов. писатель, 1966. – 250 с.
2. Андреев Д.Л. Письма. Из книги «Новейший Плутарх». Стихотворения из черновых тетрадей. Новые метро-строфы. Воспоминания о Д.Л. Андрееве // Собр. соч.: в 3 т. / сост. и примеч. Б.Н. Романова. – М.: Урания, 1997. – Т. 3. – Кн. 2. – 560 с.
3. Андреев Д.Л. Роза Мира // Собр. соч.: в 3 т. / под ред. Б.Н. Романова. – М.: Моск. рабочий: Прицельс, 1995. – Т. 2. – 608 с.
4. Андреев Д.Л. Русские боги: Поэтический ансамбль // Собр. соч.: в 3 т. / под ред. Б.Н. Романова. – М.: Моск. рабочий: Алеся, 1993. – Т. 1. – 463 с.
5. Блок А.А. Памяти Леонида Андреева // Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. – М.; Л., 1962. – Т. 6. – 556 с.
6. Виноградова В.В. Неомифологическая антропология декадентствующего Серебряного века: варианты «декадентов» и «теургов» // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. – Уфа: Лето, 2011. – 272 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1: А–З. – 699 с.
8. Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Иванов В.И. Родное и вселенское / сост., вступ. статья и примеч. В.М. Толмачёва. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
10. Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма: учеб. пособие / науч. ред. Ю.И. Минералов. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 269 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. Сакулин П.Н. Филология и культурология. – М.: Высшая школа, 1990. – 240 с. – («Классики литературной науки»).
13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с. – («Philosophy»).

**ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. БИТОВА
(на материале сборника рассказов «Аптекарский остров» и романа «Он – это я»)**

В статье рассмотрены повествовательные особенности ранних произведений А. Битова – рассказов из сборника «Аптекарский остров» и романа «Он – это я». Уже на начальном этапе творческого пути у А. Битова формируется особый художественный взгляд: центральный предмет изображения писателя – внутренний мир человека и характер его рефлексии. Чтобы всесторонне и точно передать мыслительный процесс героев, А. Битов устанавливает диалогические отношения между автором-повествователем и героем. При этом некоторых героев произведений писателя можно рассмотреть в качестве его литературных альтер эго. Несмотря на то, что герои отличаются друг от друга в плане характеров, они воплощают не только свой персональный опыт как персонажи, но рефлексивный и жизненный опыт самого А. Битова. Выстраивая связи повествовательных инстанций, автор также зачастую пользуется автокомментарием текста внутри самого произведения, что позволяет находить в творчестве А. Битова элементы повествовательной игры. Проблемное поле творчества А. Битова – это опыт осмысления окружающей действительности и внутреннего мира человека через письмо и через слово.

Ключевые слова: А. Битов, повествовательная игра, автор и герой, рефлексия, повествовательные инстанции, автокомментарий, внутренний мир.

Уже в ранних произведениях А. Битова обнаруживаются отличительные особенности его творчества в целом: на уровне содержания – репрезентация прежде всего внутренней жизни человека и связанная с этим подчеркнутая рефлексивность героев; на уровне формы – диалогические отношения автора и героя, повествовательная игра. Центральный предмет изображения автора – движение и характер мысли героя.

Первые сочинения А. Битова представляются набросками стиля его будущей художественной манеры. В сборнике «Аптекарский остров» и романе «Он – это я», которые мы возьмем в качестве материала для анализа, автором ведутся поиски художественной индивидуальности, которая отличается повествовательным своеобразием.

В прозе писателя часто используется повествование от 3-го лица, которое вводит читателя в курс описываемых событий или знакомит его с героем. Однако оно зачастую уравновешено «я»-повествованием – это и внутренний монолог, и «чужое слово» героя в речи повествователя. То, о чем рассказывает повествователь, очень часто находится в рамках внутреннего пространства героя. Как правило, герой А. Битова – думающий и остро чувствующий действительность человек. Как отмечают О. Багдасарян и М. Липовецкий, «повествовательная манера Битова возрождает письмо, подчиненное мыслительному процессу, а не движению фабулы, усложненное специфическими взаимоотношениями автора и героя и сосредоточенное на непрекращающейся рефлексии последнего» [1].

Наша цель – определить особенности повествовательного своеобразия раннего творчества писателя. Анализируя рассказы сборника «Аптекарский остров» и роман «Он – это я», мы проследим, какие художественные приемы использует писатель и каким из них он отдает предпочтение.

В творчестве А. Битова позиции автора-повествователя и героя зачастую соединяются, образуя между собой диалогические отношения. Это позволяет предположить, что в выдуманном опыте героя преломляется реальный опыт писателя; герой становится литературной тенью автора. Вместе с тем интересна мысль И. Якуниной, увидевшей в раннем творчестве А. Битова автобиографические эпизоды и определившей нецельность внутреннего мира героя и самого автора: «Миг расподобления, обнаружения немонолитности субъекта в раннем творчестве Битова – по-своему некий акт инициации, свидетельствующий о рождении единственного его, Битова, специфического авторского сознания» [4, с. 375–376].

Многих героев рассказов из сборника «Аптекарский остров» объединяет сходный взгляд на мир: их отличает интенсивная внутренняя работа по осознанию себя как индивидуальности. В таких героях автор наиболее полно выражает и собственные суждения, хотя утверждать об этом с полной уверенностью невозможно. Например, герои рассказов «Автобус», «Пятница, вечер», «Далеко от дома» обладают чертой, которую можно обозначить как способность глубоко воспринимать и осмысливать окружающую действительность. При этом важным моментом становится самоидентификация героя. Как отмечает И. Якунина, рассматривая диалогические отношения автора и героя, «ощущение “нетождественности себе” преследует героев ранней прозы Битова. Их поиск “подлинности”, “воплощенности” несколько специфичен. У Битова читатель не находит последней правды. Сам автор так же, как и герой, страдает от отсутствия веры, расколотости своего “я”» [4, с. 380].

Анализируя раннее творчество писателя, нельзя обойти вниманием и заостренность авторской мысли на процессе написания самих текстов. Именно с этой особенностью связана повествова-

тельная игра. Вот автор-повествователь рефлексивен над процессом письма в рассказе «Автобус»: «Написать бы книгу – без композиции, без языка, без всех этих фокусов... Ведь есть же что-то самое важное. Главное, так сказать. Все остальное – так, смазка, чтобы легче проходило. Как бы обойтись без этого, оставив самую суть?.. И самое смешное – допустим, это начало такой книги, то, что я пишу; что вот я собрался и начал, – самое смешное, что будешь писать, напишешь – и окажется и композиция, и язык (развязка, завязка, метафора) – и вся литература налицо. Если книга получится, конечно...» [2, с. 46]. Или в рассказе «Пенелопа», повествование в котором ведется преимущественно от 3-го лица, через несколько страниц после завязки автор-повествователь заявляет: «И вот он проходит в темную подворотню кинотеатра, и это чуть ли не первая фраза рассказа, который я собираюсь писать. И теперь наконец я начинаю с нее ради еще одной, единственной, которую я знаю и которая должна быть чуть ли не в самом конце» [2, с. 122]. Таким образом, А. Битов как будто играет с читателем, «перескакивая» с одного повествовательного уровня на другой через автокомментарий собственного текста. Как мы видим, уже в раннем творчестве А. Битова можно обнаружить черты повествовательной игры, суть которой, как представляется, отнюдь не в создании особого художественного стиля, но наиболее точного, с точки зрения автора, способа репрезентации рождения смыслов в акте письма.

Важно отметить, что в рассказах сборника «Аптекарьский остров» героями становятся непохожие друг на друга характеры, но вместе с тем каждый из них становится в той или иной степени тенью автора. Показательно, что носителем внутренней жизни, которая интересна автору, может быть и его предположительный сверстник («Далеко от дома»), и ребенок («Но-га»), и старик («Юбилей»). Писатель каждый раз выбирает новое «я» и репрезентирует его внутренний мир. Таким образом, меняются точки зрения героев, но авторский взгляд всегда устремлен на один предмет.

Проблемное поле творчества А. Битова – это опыт осмысления окружающей действительности и внутреннего мира человека через письмо, или, по-другому, через слово. Можно предположить, что накопленный опыт автора воплощается в текстах, каждый из которых фиксирует вариант художественного события: или бытового события («Бабушкина пиала», «Фиг», «Большой шар», «Инфантьев»), или ментального, психологического события («Автобус», «Бездельник»), или их сочетание («Солнце», «Пятница, вечер», «Жены нет дома», «Юбилей», «Но-га», «Далеко от дома», «Пенелопа»).

В первом варианте сюжет строится вокруг жизненного факта: во время уборки квартиры герой находит пиалу, которая вызывает определенные,

значимые для него, воспоминания; мать школьника обнаруживает сына уснувшим рядом с «недозволенной» книгой – «Декамероном», которую разрешил прочитать дядя; маленькая девочка отправляется в небольшое путешествие в поисках воздушного шара; человек переживает смерть жены. В таких рассказах на первом плане находится внешний событийный ряд. При этом смысловым звеном так же остается внутренний мир человека.

Во втором варианте движущей силой текста становится развертывание мысли и динамика внутренней жизни героя; преобладает репрезентация психологического мира над описанием поступков. В таких рассказах контуры сюжета теряются в доминирующих внутренних монологах и диалогичности автора и героя.

В третьем варианте по тексту равномерно распределены зоны фокусировки на внешнем, сюжетном, ряде и на мире переживаний. Повествование поддерживает динамику развития событийного ряда и динамику внутреннего состояния героя.

Таким образом, несмотря на тип событийности в том или ином рассказе, автор всегда обращается к внутренней жизни человека, пытаясь даже не столько понять изображаемого героя, сколько предьявить ищущую мысль, находящуюся в постоянном движении.

Перейдем от рассказов к роману. Произведение «Он – это я» – первый крупный текст писателя, в котором, несмотря на расширение повествовательных границ по сравнению с рассказом, А. Битов придерживается сходной художественной стратегии. В центре повествования – так же, как и в некоторых рассказах из сборника «Аптекарьский остров», – внутренний мир человека, рефлексивного по отношению к окружающему его миру. Однако есть и отличие: особое место в романе занимает игра повествовательными инстанциями, в которой главную роль играет их соотношение. Далее мы более подробно рассмотрим эту особенность.

Спустя много лет после первой публикации романа в 1964 году, А. Битов в очередном собрании сочинений дает свой комментарий относительно этого произведения. Вот отрывок из него, который в рамках статьи значим для нас: «От своего старшего друга (Сергея Вольфа), прозу которого одобрил даже сам Юрий Олеся, услышал я впервые слово модернизм и имена трех его китов: Пруста, Генри Джеймса и Джойса, – и все это были лишь слова, слова, слова. Так, про Генри Джеймса Сережа сказал, что тот писал от первого лица, тут же переводя его в третье, чем и достигал большей убедительности. Этой информации мне тут же хватило, чтобы перевести свое Я в ОН, представить себе неоконченную повесть как роман и, соответственно, назвать его ОН – ЭТО Я» [3, с. 459]. Следовательно, ориентируясь на опыт модернизма, писатель берет на вооружение его повествовательный прием. Од-

нако прием сам по себе – не главное, потому что А. Битов не просто механически пользуется им, а на его основе формирует особое соотношение двух повествовательных инстанций, каждая из которых определяет одного и того же героя.

Центральный герой романа – юноша Кирилл Капустин, ищущий самоопределения. В сжатом виде сюжет произведения можно описать так: Кирилл живет с родителями, учится в институте, у него в целом благополучная жизнь. Но с некоторых пор появляются проблемы с учебной, его отчисляют перед тем, как вместе с однокурсниками он должен отправиться на практику в Заполярье. Несмотря на отчисление, он уезжает вместе с ребятами, устраивается на работу в шахте и ведет трудовую жизнь. Здесь для Кирилла начинается новая жизнь, которая отличается кардинально от прежней студенческой. В итоге сокурсники возвращаются домой, а Кирилл остается, и вскоре его забирают в армию.

Писатель создает в романе, в общем, типичную историю, в которой нет места экстраординарным ситуациям, потому что самое важное – открыть внутренний мир человека и через его репрезентацию отразить особенности авторского восприятия действительности; все значимые события совершаются там, внутри героя. Для автора важны не столько поступки, сколько их осмысление Кириллом.

Взятый на вооружение прием – переход от первого лица к третьему – в тексте представлен, по сути, наоборот: переходом от третьего лица к первому, где «я» зачастую отражено в форме несобственно-прямой речи, например: «Но ощущение силы вернулось, и походка была красивая, и, **пожалуй, он вырос этим летом, потому что вон все его как-то ниже. Потом он вдруг вспомнил про свое лицо, а оно ведь, наверно, осунулось и теперь уже не такое нестерпимо круглое**» [3, с. 184]. В нейтральном повествовании от третьего лица встречаются эмоционально-окрашенные эпизоды, репрезентирующие психологический мир героя.

Однако встречается и «я»-повествование, которое интересует нас в большей степени. Дело в том, что большая часть произведения, представленная от третьего лица, написана от лица «как будто бы» друга Кирилла, причем этот «автор» романа дает знать о себе лишь в четвертой главе «Дань дурному вкусу». При этом такой повествователь-рассказчик по своей информированности не уступает всезнающему повествователю. Впрочем, по ходу повествования проясняется и становится очевидным, что этот друг Кирилла – тот же Кирилл, своего рода его двойник – возможно, тот, кем мог быть главный герой, но не стал (немаловажно, что зовут обоих Кирилл). Приведем отрывки из главы, в которой мы узнаем об этом «друге»: «Вдруг я понял, что начал не с того места, которого требует ясность повествования, а с которого мне самому было интерес-

но повествовать. И все это потому, что мы с героем давно знакомы и мне решительно все про него известно. Так что мне все равно, откуда начать, и я начал, откуда мне показалось интересней. <...> Даже когда мы расходимся в чем-либо, я переживаю это так остро, словно расхожусь сам с собой. Словно, к примеру, это мое тело ведет себя не так на улице, а я сижу у окошка, смотрю и осуждаю. Надо хоть понять, где он, а где я. <...> И подумать только, что все это я наговорил, а надо мне просто прикрыть художественное упущение, что не сделал понятным, кто такой Кириуша, из текста, а решил выкрутиться вот таким образом. Каюсь» [3, с. 190–192]. (Напомним, что подобные эпизоды встречаются в рассказах сборника «Аптекарский остров», о чем говорилось выше.) Очевидно, что подобные слова «автора» романа можно оставить за скобками, если разворачивать последовательный сюжет. Значимыми становятся слова «Надо хоть понять, где он, а где я», которые делают предположение о некоем двойничестве двух персонажей – главного героя и «автора» романа – явным. Именно таким образом А. Битов трансформировал и реализовал прием, который превратился в повествовательную игру, где один персонаж рассказывает о другом, хотя оба они представляют одного и того же человека, главного героя Кирилла Капустина.

Появление главы «Дань дурному вкусу», по сути, нарушает исходные границы повествования от третьего лица и «вводит» нового персонажа, образуя, на первый взгляд, повествование в повествовании, однако взаимообусловленность обоих персонажей ставит все на свои места. Введением «я»-повествователя А. Битов решает важную задачу: такой подход позволяет избежать прямой авторской (писательской) оценки героя, который репрезентирует себя «напрямую».

Отметим, что в главе «Рождение понедельника» читатель наблюдает ситуацию со «сном-матрешкой»: главный герой просыпается с желанием выпить воды, но несколько раз обнаруживает какую-то абсурдную деталь в происходящем и снова просыпается. Вот эпизод: «Официантка снова засмеялась, положила в лужу тряпку, полила ее из чайника и подала человеку. Он схватил эту тряпку и, запрокинув голову, начал выжимать и ловить ртом воду. <...> Вдруг он обратил внимание, что ведет себя как-то странно. <...> И проснулся. Чертовски хотелось пить» [3, с. 211]. Так с Кириллом происходит три раза. Сон во сне можно соотносить с описанным повествовательным ходом в произведении, когда читатель сталкивается, казалось бы, с несколькими уровнями текста.

Тему двойничества и повествовательную стратегию, ее раскрывающую, своеобразно дополняет и придает ей особый смысл стихотворение А. Кушнера «Два мальчика», посвященное А. Битову, которое также включено в роман:

Два мальчика,
 два тихих обормотика,
 ни свитера,
 ни плащика,
 ни зонтика,
 под дождичком
 на досточке
 качаются.
 А песенки у них уже кончаются.
 Что завтра? Понедельник или пятница?
 Им кажется, что долго детство тянется.
 Поднимется один,
 другой опустится.
 К плечу прибилась бабочка,
 капустаница.
 Качаются весь день с утра и до ночи,
 Ни горя,
 ни любви,
 ни мелкой сволочи,
 все в будущем,
 за морем одуванчиков.
 Мне кажется, что я – один из мальчиков...

[3, с. 259–260]

В рамках романа это стихотворение можно трактовать так: безмятежное детство изначально дает возможность человеку самоопределиваться, но когда оно заканчивается, он выбирает собственный путь и, как часто бывает, иногда возвращается мыслями в прошлое и пытается понять, как по-другому могла сложиться жизнь (мотив двойничества). Главный герой еще не знает, что готовит ему судьба, и нет уверенности, что он сделал правильный выбор, поэтому сравнивает себя «здесь и сейчас» с тем, каким он мог бы быть.

В итоге Кирилл поймет, что другой вариант его жизни, который мог бы сложиться, он теперь не понимает: «друг» (по тексту автор романа и одновременно «несбывшийся» двойник Кирилла) пишет ему письмо, в котором описывает свою жизнь, но Кириллу кажется, что это больше его не касается: «О господи... Какие у меня соображения по поводу того, что Гюго изображен голым? <...> Какая дурость» [3, с. 296–297]. К Кириллу придет осознание, что им пройден какой-то значительный этап

в жизни, и сейчас начнется что-то новое: «...Иногда особое состояние посещает человека. Это как итог, как высшая точка чего-то, давно и незаметно росшего и зревшего внутри. Это состояние какой-то особой полноты, спокойной и глубокой радости, доброты к окружающему и понимания его. <...> Это состояние длится, но, к сожалению, проходит. И идет та же жизнь. Но, с другой стороны, она не может уже быть той же, раз человек знал такое состояние: человек уже другой» [3, с. 309]. Из юношества, в котором Кирилл искал самоопределения, он перешел во взрослую жизнь.

В романе «Он – это я» так же, как и в рассказах сборника «Аптекарьский остров», внимание писателя занимает особая область – внутренний мир, который нельзя раз и навсегда упорядочить, как нельзя упорядочить и саму жизнь. Герои А. Битова – это не столько литературные фигуры, поступки и мотивировки которых нужно анализировать. Его герои – это специфический способ мыслить и воспринимать действительность. И именно поэтому писатель как будто всегда находится в процессе поиска адекватной формы для более или менее объективного отражения такого способа рефлексии. Исходя из этого, уже в ранних произведениях писателя полноправными элементами его поэтики становятся повествовательная и языковая игра.

Библиографический список

1. Багдасарян О., Липовецкий М. Мини-хрестоматия советского рассказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/964> (дата обращения: 19.02.2017).
2. Битов А.Г. Повести и рассказы // Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Мол. гвардия, 1991. – Т. 1. – 575 с.
3. Битов А.Г. Нулевой том: роман, повести, рассказы, стихи. – Москва: АСТ, 2014. – 461 с.
4. Якунина И.Л. Автор и герой в прозе А. Битова 1960-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 22. – С. 375–381.

Муратова Ярослава Юрьевна

кандидат филологических наук

Литературный институт имени А.М. Горького, г. Москва

Y_Muratova@mail.ru

МИФ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.С. БАЙЕТТ «РАГНАРЁК. КОНЕЦ БОГОВ»: СПЕЦИФИКА НАРРАТИВА

В статье рассматриваются содержательно-формальные особенности последнего произведения А.С. Байетт «Рагнарёк. Конец богов» (2011), где писательница предлагает свою версию скандинавского мифа о гибели мира, основанную на переложении древнегерманских мифов немецкого филолога XIX в. В. Вагнера в книге «Асгард и боги». Специфика произведения определяется не только тем, что это «пересказ пересказа», но ещё и тем, что повествование ведётся от лица двух человек: «худенького дитяти», которое являет детскую ипостась Байетт, и взрослой ипостаси писательницы. Кросскультурный материал мифа позволяет внедрить в пересказ ряд «претекстов», таких как элементы автобиографии, «Путь паломника» Дж. Беньяна, Библия, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, элементы романтической эстетики Вордсворта, Колриджа, Байрона. В результате миф о конце мира и гибели богов насыщается чертами аллегории, выражающей мысль Байетт о современных техногенных угрозах, нависших над миром.

Ключевые слова: Байетт А.С., Рагнарёк, Беньян, Дарвин, миф, пересказ, аллегория, эсхатология, интертекст, проблемы жанра.

Жанр последнего произведения А.С. Байетт «Рагнарёк. Конец богов» («Ragnarok. The End of the Gods», 2011) не так-то просто определить: это не повесть, тем более не роман, хотя некоторые рецензенты и называют его «novel» [10]. Сама автор пользуется глаголами «написать миф» («to write a myth»), «рассказать миф» («telling the myth») или «пересказать миф» («retelling») [7, с. 163–166]. Книга представляет перекрестье нескольких жанров. Во-первых, это пересказ древнегерманского эпоса «Старшей Эдды». Во-вторых, пересказ обрамлен историческими и автобиографическими деталями: он ведётся от лица маленькой девочки, названной в книге «худое дитя» («a thin child»), в которой отражено детство самой писательницы. Как и маленькую Антонию Байетт, девочку в начале Второй мировой войны вывезли из Лондона в сельскую местность. Мать девочки преподаёт в школе, а отец на войне – летчик в составе эскадрильи, ведущей боевые действия над Африкой и Европой. В руки девочки попадает мамина книга с интересными картинками про скандинавских богов. Историко-автобиографический аспект задаёт определенный угол восприятия мифологического эпоса: девочка читает мифы «Старшей Эдды», пересказанные немецким исследователем, это помогает ей отвлечься от грозной реальности и вместе с тем погружает в сюжет, связанный с древнегерманской культурой и войной. Действительно, Байетт пользуется не самим текстом «Старшей Эдды», а пересказом – книгой Вильгельма Вагнера «Асгард и боги: истории и традиции наших северных предков, представляющие полный свод древнескандинавской мифологии» («Wagner W. Asgard and the Gods: the tales and traditions of our Northern ancestors forming a complete manual of Norse mythology», London, 1880), в котором скомпилированы мифы германско-скандинавского эпоса, аналогично «Легендам

и мифам Древней Греции» Н.А. Куна. Поскольку Байетт обращается не ко всему корпусу эддического эпоса, включающего песни о богах и героях, а к определенным мифологическим сюжетам песен о богах, то в дальнейшем мы будем говорить о мифах «Старшей Эдды». Таким образом, миф в «Рагнарёк. Конец богов» проходит через цепочку пересказчиков: немецкий филолог XIX в., современная британская писательница, воспринявшая миф в детском возрасте и рассказывающая его от лица двух человек: себя сегодняшней и себя в детстве.

Книга была заказана писательнице для серии «Canongate Myth Series» известным шотландским издательством «Canongate Books», которое предложило разным известным авторам пересказать на выбор какой-нибудь миф. В рамках проекта вышли такие книги, как «Пенелопида» («The Penelopiad», 2005) – история об Одиссее от лица Пенелопы, рассказанная М. Атвуд; «Вес» («Weight», 2005) – миф об Атласе в изложении Дж. Уинтерсон; «Львиный мёд: миф о Самсоне» («Lion's Honey», 2006) в переложении Давида Гроссмана; «Шлем ужаса» («The Helm of Norgog», 2006) о Тезее и Минотавре в интерпретации В. Пелевина и др.

Байетт выбрала для переосмысления любимую с детства германско-скандинавскую мифологию. Глубокий интерес писательницы к мифам и сказкам был замечен уже давно: сказочные вставки есть в романе-диптихе «Ангелы и насекомые» («Angels and Insects», 1992); повесть «Джин в бутылке из стекла соловьиный глаз» («The Djinn in the Nightingale's Eye», 1994) представляет собой феерию сказок из «1001 ночи», античных мифов и фольклорных и литературных сюжетов разных национальных традиций; роман «Детская книга» («The Children's Book», 2009) насыщена литературной сказкой, стилизованной в духе викторианской эпохи. Отдельно вышли сборники сказочных и полусказочных историй «Элементалы. Истории

огня и льда» («Elementals. Stories of Fire and Ice», 1998), «Чёрная книжка сказок» («Little Black Book of Stories», 2003). Ссылки, упоминания и аллюзии на древнегерманскую мифологию можно встретить в романе «Обладание» («Possession», 1990).

Интерпретация мифа в пересказе.

Байетт передает основные эпизоды и сюжетные повороты песен о богах, а также образы действующих лиц, основываясь на книге В. Вагнера, но расставляет акценты по-своему.

Образы асов.

Образы богов трактуются пересказчицей в контексте идей порядка и жестокости, которые в книге взаимосвязаны. В «Рагнарёк» имеется целый список преступных деяний асов. Так, Один, Вили и Ве, сыновья великана Бора, убивают первого великана Имира, чтобы установить в мире свой порядок. В «Рагнарёк» эта картина рисуется в воображении ребенка в черно-красно-белых тонах с разными жуткими подробностями. Особенно подчеркивается жестокость убийства: «Они вскарабкались на него, эти первые боги, и вспороли его тело – ногтями, зубами, косами, крюками, чем ещё? <...> Новые боги кромсали [плоть Имира] и смеялись. Кровь хлынула из нанесённых ими ран, полилась из шеи по плечам, разлилась подобно горячему одеянию поверх груди и бокам, всё текла и текла, наполняя стеклянный шар жидким багрянцем, и залила мир» (здесь и далее перевод мой. – М. Я.) («They crept up on him, the first gods, and tore him open – with fingernails, with teeth, with scythes, with hooks, with what? <...> The new gods hacked and laughed. Blood spurted from the wounds they made, poured from his neck over his shoulders, slid like a hot garment over his chest and flanks, flowed, flowed, filled the glass ball with running crimson, and drowned the world») [7, с. 26]. Потоки крови стали причиной всемирного потопа. Последующее за убийством творение мира из плоти великана кажется абсурдным и тревожит воображение ребенка, увидевшего кое-какие реалии Второй мировой войны, представляющего, что все вокруг, возможно, остатки чьего-то тела.

Чтобы устранить угрозу, Один бездумно вышвыривает из Асгадра детей Локи – змею Ёрмунгард и уродливую великаншу Хель, не смущаясь его присутствия. Этим самым он создает предпосылки для будущей гибели асов и мира. Боги устраивают глупое и опасное соревнование, чтобы испытать бессмертие Бальдра, которое заканчивается первой в мире смертью бога. Все действия асов направлены на то, чтобы в мире максимально долго сохранялся удобный для них порядок: битвы и пиры. Асы у Байетт – недалёкие и недалёковидные, жаждущие славы и развлечений, очень похожие на людей своей уязвимостью и подверженностью страстям. Не случайно глава книги, рассказывающая о жизни асов, называется «Homo Homini Deus Est» – «человек человеку бог» – мысль Фейерба-

ха, которая уже цитировалась в романе «Morpho Eugenia», первой части диптиха «Ангелы и насекомые», о кризисе викторианского сознания [9].

Образ Локи.

В. Вагнер вкратце показывает, как персонаж Локи эволюционировал в представлении северных народов. Вначале он положительный герой – брат Одина, несущий тепло и огонь в мир и человеческие дома, но постепенно в нём ярче проявляются свойства трикстера, обманщика, злоумышленника [14]. В «Старшей Эдде» Локи чаще предстает в последнем, отрицательном, качестве.

Локи у Байетт – единственный бог, обладающий оригинальным умом, непредсказуемый, ловкий, изворотливый, любознательный, исследователь природных сил, изобретатель и чародей. Симпатии маленькой девочки и взрослой писательницы явно отданы этому персонажу: «Но она почти сделала исключение для Локи. Он единственный среди всех этих существ обладал юмором и острым умом. Непостоянство его форм привлекало, его ум очаровывал. Он вызывал тревогу, но по отношению к нему она хоть что-то чувствовала, тогда как другие, Один, Тор, Бальдр прекрасный, были неизменны в своих очертаниях, мудрые, сильные, красивые» (перевод мой. – М. Я.) («But she almost made an exception for Loki. Alone among all these beings he had humour and wit. His changeable shapes were attractive, his cleverness had charm. He made her uneasy, but she had feelings about him, whereas the others, Odin, Thor, Baldur the beautiful, were as they were, their shapes set, wise, strong, lovely») [7, с. 45].

Элементы романтической эстетики.

В ходе пересказа ткань древнего мифа насыщается воображением рассказчицы: мифологическое повествование расширяется и обогащается за счет описаний и образов, отсутствующих в каноническом тексте и в «Асгарде» В. Вагнера. Например, в Байеттовской версии появляется Рандрасиль – дерево, аналогичное Иггдрасилю, но растущее в океане, продолжающее центральную мировую ось в подводном мире. Первые люди Аск и Эмбла не имеют никаких характеристик в тексте «Эдды» [4], Байетт описывает цвет их кожи, их ощущения, движения после того, как они превратились в людей. Много сказано о детях Локи: о характере волка Фенрира и о том, как боги пытаются его приручить; подробнейший портрет змеи Ёрмунгард (в пересказе это существо женского пола) и её биография; яркое описание внешности и поведения великанши Хель. В том, как изображены дети Локи и связанные с ними эпизоды, имплицитно присутствует тема уязвимости, незащитности детства, пусть даже выраженного в таких странных, уродливых формах. Важно то, что это имажинативное насыщение исходит в первую очередь от ребёнка, что создает ту специфическую образность пересказа, соотношение мифа и действительности,

характерную для детского возраста, когда миф интерпретируется через доступную реальность.

Через ребенка в пересказ входит важнейший элемент романтической поэтики – воображение. Когда рассказчица вспоминает свои впечатления от иллюстраций «Асгарда» в детстве, она говорит о том, что самое интересное и удивительное было связано с возможностью представлять скалы на одной из картинок в виде разных форм и существ. В детском воображении твёрдая порода принимала самые разнообразные очертания. Мысленная трансформация и оживление нарисованных силуэтов ведет к переосмыслению привычных структур, насыщению их новой жизнью, созданию новых элементов, что свойственно романтической эстетике.

В описании удовольствия и радости, которое испытывает девочка, находясь на природе и изучая её [7, с. 34–35], угадывается параллель с Вордсвортовской «Одой об отголосках бессмертия из воспоминаний раннего детства» («Ode on Intimations of Immortality From Recollections of Early Childhood»), где поэт говорит о своём особом детском ощущении небесного света («celestial light»), исходящего от всего природного.

В явном противопоставлении сил порядка и сил хаоса, где с силами порядка ассоциируется все тривиальное, однозначное, застывшее, а с силами хаоса – идея творчества, энергии, воображения, узнаётся радикальная романтическая традиция Блейка.

Пристальный интерес Байетт к романтической эстетике и духовная близость к некоторым её положениям прослеживается с самых первых романов («Тень солнца», например) вплоть до последнего романа «Свистящая женщина» («A Whistling Woman», 2002) из квартета об истории Англии 60-х, где тема блейковского богоборчества и его романтический идеализм становятся важными сюжетно-смысловыми компонентами. Указание на работу Ф. Ницше «Происхождение трагедии из духа музыки» в библиографии к «Рагнарёк. Гибель богов» [7, с. 174] можно рассматривать как ещё один знак интереса писательницы к открытиям романтической эстетики и философской мысли XIX в.

Влияние идей Дарвина.

Мир Иггдрасиля и мир Рандрасиля, то есть весь окружающий богов мир, описан ярко и подробно, в традициях поздневикторианской литературы Дж. Элиот, Т. Харди. Байетт даёт длинные перечни существ (растений, животных, насекомых), обитающих на суше и в воде. Причем природный мир мифа не содержит никакой намеренной сказочности или фантастичности в виде изображения допотопных животных или растений, он выглядит вполне современно. Основное его свойство – борьба за существование: все существа в мире – хищники и вместе с тем жертвы: «Древо поедало само и его поедали, оно кормилось и им тоже кормились» (перевод мой. – М. Я.) («The Tree ate and was eaten,

fed and was fed on») [7, с. 14] Этот пёстрый мир переплетающихся ветвей, лиан, копошащихся насекомых, пожирающих листву Ясения, охотящихся зверей, грибов, прорастающих на коре Иггдрасиля и подпитывающих его своими соками, – мир Дарвина, мир, основанный на постоянной битве за существование [8]. Эта битва идет на всех уровнях – природного мира, мира людей и мира богов. Все переплетено и в своей взаимозависимости и взаимосвязности подобно образу змеи Ермунгард, поймавшей себя за хвост. Свойства хищника заложены во всех и вся, даже первые люди, созданные из деревьев, улыбаясь, показывают клыки. Рассказчица, переиначивая высказывание Гоббса «homo homini lupus est» («человек человеку волк») [7, с. 169] говорит, что волк сидит в голове («the wolf in the head»). Образы змеи и волка (волк Фенрир, проглотивший Одина; волки, преследующие колесницы Солнца и Луны) проходят сквозь повествование пересказа от начала до конца. Змея, кусающая себя за хвост, и волк предстают как символы этого мира.

«Путь паломника» Дж. Беньяна.

Мифологический эпос Эдды сопоставлен в пересказе с другими текстами, повлиявшими на рассказчицу, – это «Путь паломника» Джона Беньяна и Библия. Поучение Беньяна представляет один из ключевых текстов английской литературы, имеющих сильное влияние на формирование национальной британской идентичности. «Путь паломника», написанный в середине XVII в., в период закладки основ буржуазного общества, оказался у истоков английского романа, поэтика которого формировались в это же время. В книге Беньяна соединились жанры рыцарского романа (romance), выраженного в структуре квеста-паломничества, реалистического повествования, связанного с типическими для человеческой жизни ситуациями, и христианской проповеди, что придает книге форму христианской аллегории [11].

Её роль в байеттовском повествовании велика, поскольку «Путь паломника» любим и читаем девочкой наравне с «Асгадром». Байетт в лице своего детского «я» говорит о недоверии к «милым, исполненным покорности и мягкости» («the sweet, cotton-wool meek and mild») [7, с. 12] историям, изучаемым на уроках Святого Писания в приходской школе. В мире войны ребёнку эти истории кажутся искусственными, нарочитыми. События в своей жизни она идентифицирует с эпизодами из жизни Паломника: например, она сравнивает свою школьную сумку и положенный в военное время противогаз с грузом, который чуть не потопил Христианина в Болоте Уныния; неприятие библейского языка вызывает в ней боязнь наказания, подобного тому, какое обрушилось на Невежество, провалившегося в бездну прямо перед небесными вратами.

В структуре произведения Байетт есть элементы, характерные для поэтики «Пути паломника».

Так, путь Христианина строится как движение от реалистической истории, связанной с Городом Разрушения (City of Destruction) к эсхатологической картине Небесного Града (Celestial City) в конце повествования [11, с. 7]. У Байетт можно наблюдать нечто подобное: повествование постоянно обращается от современной истории (образ ребенка и Второй мировой войны) к мифу о гибели мира. Только Рагнарёк – эсхатология с обратным знаком: у Беньяна герой достигает Небесного Града и Спасения, у Байетт конец войны и возвращение отца девочки с фронта – локальный, временно счастливый финал на пути к возможному Финалу, выраженный в глобальных экологических катастрофах и возможному полному исчезновению человечества с лица земли. Оптимистический финал «Старшей Эдды» представляется ей позднейшим добавлением средневековых христианских толкователей и священников. Более логическим и естественным ей видится финал пессимистический – полная и окончательная гибель всего, мир, погруженный во тьму, неподвижный, неживой, черная поверхность вод в ночном пейзаже, навевающая картины из таких известных литературных текстов, как «Кубла-Хан» Колриджа и «Тьма» Байрона.

Аллегория и эсхатология.

Беньян близок писательнице своей поэтикой, в которой воображение выявляется через форму аллегории. Сама Байетт не собиралась превращать свой пересказ ни в аллерию, ни в проповедь, как она сообщает в небольшой работе «Мысли о мифе» («Thoughts on Myths»): «Я хотела написать конец нашего Мидгарда, а не аллерию или проповедь» («I wanted to write the end of our Midgard – but not to write an allegory or a sermon») [7, с. 168]. Вместе с тем её рассказчица осмысливает свою жизнь не только через призму Беньяновского иносказания, многие события её биографии и, шире, мировой истории вписываются в модель Рагнарёка. Она оказывается свидетельницей мировой войны, она страшится гибели мира и готовится к гибели своего отца. Позднее наступает мирная жизнь, отец возвращается, все восстанавливается как бы на новых основаниях, только дерево, растущее перед её окном, с которым связано много детских фантазий, её собственный Иггдрасиль, срублен её отцом, а в детской памяти навсегда остается образ вероятного, но не случившегося апокалипсиса. Змея Ёрмунгард показана, по словам самой писательницы, центральным характером книги [7, с. 168]. Присущие её природе хищность и агрессивность, желание уничтожить лишь ради наблюдения за жертвой, её охотничий инстинкт, заставляющий заглотить свой собственный хвост, все эти черты довольно точно передают характер современной техногенной цивилизации. Соотнесение мифа «Эдды» о конце света с современной историей придает Байеттовскому пересказу черты аллегории, а ука-

зание на Беньяновский текст воспринимается как ключ к пониманию аллегоричности пересказа. «Аллегория представляет видимый знак содержащейся внутри поэта истины, которую слушатель выражает рационально путем собственных интерпретаций». («Allegory functions as the visible sign of inward truth in the poet, which the auditor expresses rationally by his interpretations».) [12, с. 166–167].

«Путь паломника» пронизан эсхатологически предчувствиями: паломничество начинается с того, что Христианин предвидит грядущий конец своего города и пытается спастись от гибели. Другой страх связан с вероятностью оказаться не в Небесном Граде, а в геенне огненной. Эсхатологичность является также специфической чертой скандинавской мифологии [3, с. 271]. Байетт её даже усиливает, сосредоточив основное внимание на истории последней битвы богов с силами хаоса и описании хтонических существ; другие сюжеты из мифологических песен «Эдды», например, о получении Одином магического знания, о сватовстве, о встречах с великанами упомянуты вскользь или опущены. В работе «Мысли о мифе» она говорит о том, что для того ребенка, которым она была, естественным представлялся циклический ход истории мира, то есть за гибелью должно было следовать возрождение. В XXI в. ей видится иное развитие событий и иной финал: «Мы принадлежим к такому виду животных, который ведёт мир, в котором мы были рождены, к гибели. Не из-за злобы или коварства, по крайней мере, не только из-за этого, а из-за неправильного смешения невероятного ума, невероятной жадности, невероятного распространения нашего вида и биологически встроенной в нас близорукости» («We are a species of animal which is bringing about the end of the world we were born into. Not out of evil or malice, or not mainly, but because of a lopsided mixture of extraordinary cleverness, extraordinary greed, extraordinary proliferation of our own kind, and a biologically built-in short-sightedness») [7, с. 167]. По сути, предложенная Байетт интерпретация мифа о гибели богов может рассматриваться как аллегорическая картина мироустройства, центральным принципом которого является межвидовая борьба за выживание.

В эссе «Старые сказания, новые формы» Байетт говорит о том, что интерес к мифу и сказке в XX в. связан отчасти с усталостью от традиционного романа, предполагающего конструирование характера персонажа, некоего смысла, идеи [6, с. 126–127]. В мифе и сказке нет характера и нет морали, это «полая структура», кросскультурный материал. В своем пересказе Байетт стремилась сохранить, насколько возможно, эту дистанцию, и пересказ от лица ребенка – один из приемов отстранения: «Читая и перечитывая эти сказания, худое дитя ни любило, ни ненавидело показанных там людей,

они не были “персонажами”, действия которых она могла бы наполнить собственным воображением» («The thin child, reading and rereading the tales, neither loved nor hated the people in them – they were not ‘characters’ into whose doings she could insert her own imagination») [7, с. 44]. Чтобы показать неискренность ребенка, автор привязывает к девочке определение «thin», имея в виду не только её худобу из-за недоедания, но в не меньшей мере её интеллектуальную неполноту, отсутствие готовых теорий и схем.

Парадоксальным образом именно отстраненность и бесстрастность мифа оставляет место для интерпретаций. Как пишет Байетт в заметке об именах (A Note on Names) в начале книги, «мифы изменяются в воображении в зависимости от пересказа, не существует единой правильной версии» («Myths change in the mind depending on the telling – there is no overall correct version») [7]. Предложенный пересказ мифа о Рагнарёк несет на себе отпечаток уникальной личности рассказчицы, через неё в миф проникают другие истории и история. Пересказ мифа оказывается сложно устроенным текстом, в котором интертекстуальные элементы сплавлены с автобиографическими. Интертекстуальность представлена ключевыми для английской истории литературы текстами, такими как «Путь паломника» Дж. Беньяна, поэмами английских романтиков, «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Более того, миф, возможно, вопреки намерениям автора, вбирает в себя в пересказе Байетт элементы аллегории, относящейся, по мысли К.С. Льюиса, к «формальным элементам поэтического искусства» [2, с. 71]. Кросскультурный материал мифа обогащается уникальным национальным содержанием, которое усиливает его вненациональную, универсальную специфику.

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага». – М.: Наука, 1979. – 187 с.
2. Льюис К.С. Аллегория любви. Исследование литературной традиции средневековья // Избранные работы по истории культуры. – М.: НЛЮ, 2016. – С. 19–446.
3. Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система // Избранные статьи. Воспоминания. – М.: РГГУ, 1998. – С. 259–284.
4. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – 629 с.
5. Bunyan John. The Pilgrim’s Progress. – Wordsworth Classics of World Literature, 1996. – 255 с.
6. Byatt A.S. On Histories and Stories. Selected Essays. – Harvard UP; Cambridge; Massachusetts, 2001. – 184 с.
7. Byatt A.S. Ragnarok. The End of Gods. – Canongate, 2011. – 176 с.
8. Darwin Charles. The Origin of Species // ed. with an introduction and notes by Beer G. – Oxford UP, 1998. – 439 с.
9. Lackey Michael. A.S. Byatt’s «Morpho Eugenia»: Prolegomena to Any Future Theory // College Literature. – 2008 (Winter). – Vol. 35. – No. 1. – С. 128–147.
10. Larrington C. Draft TLS review of A.S. Byatt: Ragnarok: The End of the Gods and Madeline Miller: The Song of Achilles. –2011 (Sept.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/10196226/draft_TLS_review_of_A.S._Byatt_RAGNAROK_THE_END_OF_THE_GODS_and_Madeline_Miller_THE_SONG_OF_ACHILLES (дата обращения: 24.02.2017).
11. Leigh J.D. Narrative, Ritual and Irony in Bunyan’s «Pilgrim’s Progress» // Journal of Narrative Theory. – 2009 (Winter). – Vol. 39. – No. 1. – С. 1–28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/30224662?seq=2#page_scan_tab_contents (дата обращения: 10.01.2017).
12. Murrin Michael. The Veil of Allegory: Some Notes toward a Theory of Allegorical Rhetoric in the English Renaissance. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1969. Цит. по: Světlíková A. Typology as Rhetoric: Reading Jonathan Edwards. Dissertation. – Prague: Charles University, 2012.
13. Reception, Appropriation, Recollection. Bunyan’s Pilgrim’s Progress / eds. Owens W.R., Sim St.-Peter Lang, International Academic Publishers. – Bern, 2007. – С. 253
14. Wagner W., Macdowall M.W., Anson W.S.W. The Asgard and the Gods: the Tales and Traditions of our Northern ancestors forming a complete manual of Norse mythology. – S. Sonnenschein, Le Bas&Lowrey, 1886 [Электронный ресурс]. – <https://archive.org/details/asgardandgodsta02ansogoog>. (дата обращения: 15.01.2017).

ЗАРОЖДЕНИЕ КАТЕГОРИИ АВТОРСТВА И CASUS ШЕКСПИРА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема зарождения авторства рассматривается в статье с точки зрения феноменологического подхода М.М. Бахтина. Теоретическая сторона проблемы в историческом материале не случайно соответствует феномену Шекспиру и его эпохе: проблема зарождения авторства в золотом веке английской литературы и проблема автора шекспировского канона взаимосвязаны. Сам шекспировский вопрос в его нынешнем виде – результат теоретической недооцененности феномена Шекспира для понимания генезиса современных представлений об авторстве. При корректном теоретическом подходе биографическая сторона проблемы отходит на второй план: вопрос требует не фактического ответа, а нуждается в адекватной постановке. При любом решении мы имеем дело с псевдонимным характером имени «Уильям Шекспир» в связи с безусловно установленным современной наукой фактом участия нескольких персон в создании шекспировских произведений.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Шекспир, зарождение авторства, шекспировский вопрос, золотой век английской литературы, псевдоним.

В литературоведении рефлексия над понятием «автор» и его ролью в произведении имеет особое значение, а категория авторства – одна из ключевых: все остальные традиционные категории, (например, «содержание», «форма», «идея», «стиль») соотносятся с любыми литературными произведениями, а не только с подлинно художественными, для которых «автор – носитель напряженно-активного единства завершеного целого, целого героя и целого произведения» [1, с. 14]. Современная наука редко оценивает категорию авторства с учетом обеих бахтинских координат: двух видов целостности (героя и произведения). В частности, отечественное литературоведение обычно использует гораздо менее эвристическую категорию В.В. Виноградова «образ автора» [3], а зарубежное литературоведение, если отрывается от рецепции представлений о смерти автора [8; 14] или борьбы с ними [4], то сосредоточивается на изолированном функционировании понятия «автор» в тот или иной исторический период [15; 17; 18].

Исходный вопрос, на который нужно получить ответ при теоретическом изучении авторства, какое именно понятие (категорию, явление, представление) мы собираемся рассматривать: то, применение которого подразумевает охват всех эпох от Гомера до наших дней или, условно говоря, современное понимание авторства? В первом случае пришлось бы дать общее определение «автора», функционирующего во все эпохи для всех произведений рук и ума человека, потом специализировать его до автора литературного, а, в конце концов, литературно-художественного произведения. Это путь дедуктивный, связанный с привлечением философии и общей философской эстетики, с одной стороны, и умозрительным обобщением огромного материала в различных областях человеческого творчества, причем в различных же исторических срезах, с другой стороны.

Во втором случае нужно понять, что такое современное представление об авторе и какие характеристики устойчиво сопровождают его на протяжении последних двухсот-трехсот лет истории мировой цивилизации. И опять-таки отчлнить литературно-художественное авторство от других его видов и определить его специфические черты. И только после этого можно попытаться построить схему его генезиса, показывая, когда и как категория автора зарождалась, прежде чем обрести современную трактовку.

Априорно несомненное существование авторов как субъектов, с именами которых связывается то или иное произведение (например, Эзоп, Гомер, Сапфо, Софокл, Теренций, Драконций, Шекспир, Байрон, Бальзак, Достоевский, Агата Кристи, Пелевин), не решает проблемы авторства ни как определенного литературоведческого понятия, ни как категории для некоего класса или множества явлений, однозначно тождественными логическими характеристиками не связанных. Поэтому предварительной задачей будет рассмотрение теорий литературно-художественного авторства в отечественной и в западноевропейской традиции: важно показать авторство в качестве теоретической проблемы и наметить пути ее решения. Мы видим три основных направления этих решений.

1. Осознание глобального кризиса авторства в трудах французских ученых второй половины 60-х годов (Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Фуко), кризиса, обычно именуемого в терминах Р. Барта как «смерть автора».

2. Филологическая трактовка авторства в отечественной традиции (русские формалисты, В.В. Виноградов, Б.О. Корман, Н.Т. Рымарь).

3. М.М. Бахтин и принципиально новый подход к авторству: проблема решается не концептуально-понятийно и не категориально-эмпирически, а системно-феноменологически в пространстве большого времени, то есть феноменология отно-

шений автора и героя опрокинута в литературную историю, в которой авторство не статичное эмпирическое явление, а культурно-исторический процесс становления. При этом формирование автора в каждом конкретном случае оказывается полноценным этическим поступком, а не одним лишь эстетическим завершением, овнешнением произведения. С этим отдаленно перекликается и мысль Фуко о том, что автор не просто метка определенного текста, а нечто (или некто) действующее вдоль разрезов текстов [6, с. 21–22].

В бахтинской культурологии «разрезы текстов» могут быть трактованы как частный случай границ культурных сфер, тех самых границ, на которых собственно культура и живет. И одним из существеннейших феноменов культурной жизни является автор как средостение этих самых границ. А поскольку культурные ойкумены меняются исторически, – незаметно и медленно внутри определенной эпохи и радикально от эпохи к эпохе, – постольку и понятие автора меняется, причем понятие личного литературно-художественного авторства предположительно вообще очень позднее. (Из этого предположения синхронно исходят и Р. Барт и М. Фуко, хотя во всем остальном их подходы к авторству существенно различаются.) Когда личное авторство появилось – вопрос дискуссионный, который решается неодинаково для разных культурных анклавов. Даже имея в виду только Европу, мы получим разные датировки по Италии, Испании и Великобритании. Конечно, культурное развитие этих стран влияло друг на друга, но нужно выбрать точкой отсчета одну из ойкумен. Мы выбираем культуру Англии золотого века, прочно связанную с именем Шекспира.

Единства в области теории авторства до сих пор нет, как нет и последовательной его истории. Одной из обобщающих работ, затрагивающих оба направления, является обзорно-концептуальная книга «Автор» Э. Беннета [11], который не сомневается, что категория автора художественного произведения, несмотря на все декларации о смерти автора, продолжает существовать и в теории, и на практике.

Но авторство продолжает существовать не столько как данность, сколько как проблема, причем проблема и теоретическая, и историческая, точнее, пусть и не без доли терминологической условности, проблема историко-теоретическая, с одной стороны, и теоретико-историческая, с другой. Такое разделение исходит из дилеммы, связанной с описанными выше двумя возможностями, возникающими при изучении вопроса: с чего начать рассмотрение?

Можно начать прямо с истории, ориентируясь на интуитивно понятное представление, что есть автор. И индуцировать те или иные типы авторства, исходя из материала, в надежде затем обобщить эту классификацию до общего понятия. Это

историко-теоретическая сторона проблемы, которая связана с известным рядом литературных произведений и показывает, какую разную роль в разные исторические эпохи играл в них автор.

А можно начать с теории и попытаться сформулировать суть понятия или категории авторства, а уже потом искать приложение этой сути к литературе в ключевых моментах истории. Это теоретико-историческая сторона проблемы, более доступная для наших возможностей и более соответствующая нашему базисному материалу, – Шекспиру и его эпохе, – который не случаен для рассматриваемой теории.

Этот историко-культурный объект нашего непосредственного внимания при ближайшем рассмотрении просто потребовал для адекватного анализа подключения теории авторства. Однако чем больше мы пытались применить к шекспировской эпохе современное представление об авторстве, тем сильнее материал сопротивлялся. Но сопротивлялся вовсе не до полного отторжения этих представлений: общие черты современного и, условно говоря, шекспировского авторства все-таки проявлялись. Авторство Шекспира выглядело как некоторое «воспоминание о будущем», как некая точка в истории, с которой собственно и началась теория авторства.

Кроме исходного вопроса о том, что подразумевается под понятием авторства, сразу встает вопрос, почему авторство зарождается именно в золотом веке английской литературы. Имеется в виду один из частных случаев истории литературы или это абсолютное зарождение, возникновение феномена, ранее не существовавшего? Если последнее, то почему же этой категории не существовало раньше, в средневековой, в античной литературе? И что значит «зарождается»: появляется эта категория или нет? Однако вне зависимости от ответа на вопрос, было ли литературно-художественное авторство, появившееся вместе с Шекспиром, чем-то абсолютно новым или новым было лишь некое качество этого явления, очевидно, что Шекспир оказывался неким ключевым феноменом в плане становления авторства.

Необходимо еще раз акцентировать, что все трудности, возникающие при теоретическом рассмотрении авторства, не разрешимы имманентно, вне истории этой категории, а многие исторические вехи давно указывают, что в центре темы – золотой век английской литературы. С одной стороны, для этого периода всегда осознавалась проблема если не авторства вообще, то уж, по крайней мере, автора-драматурга [16]. С другой стороны, несколько парадоксальным образом главным автором английского Возрождения выступает драматург по преимуществу – Уильям Шекспир.

Еще один парадокс заключается в том, что само авторство этого поэта-драматурга уже примерно

двести лет как поставлено под вопрос. Мы пришли к выводу, что проблема авторства в золотом веке в целом и проблема подлинного автора шекспировского канона – проблемы взаимосвязанные и только в этой взаимной связи они имеют шанс быть решенными. С теоретической точки зрения, это конкретно-историческое приложение общей коллизии авторства и личности. Правильно поставленный шекспировский вопрос имеет теоретическое значение, более того, его решение может сыграть ключевую роль в понимании процесса зарождения понятия «автор литературно-художественного произведения».

Подавляющее большинство шекспироведов, безотносительно к тому, какое решение шекспировского вопроса они поддерживают, не видят в авторстве Шекспира теоретической проблемы. Для них автор Шекспир находится в одном ряду с такими, например, авторами, как Чарльз Диккенс, Агата Кристи, Марк Твен, и разобраться нужно только в том, аналогично ли имя «Уильям Шекспир» имени «Чарльз Диккенс» или имени «Марк Твен», то есть фамилия это или псевдоним. Стратфордианцы [9; 13; 21] исходят из того, что *Уильям Шекспир* – настоящие имя и фамилия человека (родившегося в Стратфорде в 1564 году), написавшего почти все произведения, изданные под этим именем; нестратфордианцы отвергают это исходное утверждение как недоказанное, а сами стремятся доказать, что *Уильям Шекспир* это псевдоним [19; 21]. Ответ на вопрос, чей это псевдоним, разные нестратфордианцы дают разный.

В целом и стратфордианцы, и нестратфордианцы общей теорией авторства практически не интересуются, и, хотя шекспироведы традиционно констатируют тот факт, что многие драматические произведения золотого века английской литературы публиковались анонимно [23], никаких теоретических выводов из этого они не делают. Однако, с нашей точки зрения, в шекспировском вопросе вообще невозможно что-либо всерьез понять, если не затрагивать проблему формирования категории авторства: без осознания того, что эта категория как раз в это время формировалась, без осознания того, что ключевой фигурой в процессе зарождения авторства был творец произведений, соотносимых с именем *Уильям Шекспир*, любое решение шекспировского вопроса будет поверхностным, останется на уровне викторины с выбором ответов на вопрос «Кто скрывался под маской Шекспира?».

Шекспировский вопрос – не частная биографическая коллизия ряда лиц золотого века, как нередко думают. Более того, шекспировский вопрос не просто как-то связан с теорией зарождения авторства. Сам этот вопрос в его нынешнем виде – результат теоретической недооцененности феномена Шекспира для понимания генезиса современных представлений об авторстве. При корректном теорети-

ческом подходе к этой Истории, к этой Авторской биографии сама биографическая сторона проблемы уходит на второй план: шекспировский вопрос требует не абсолютного фактического ответа, а нуждается в адекватной теоретической постановке.

Даже безотносительно к шекспировскому вопросу теория зарождения авторства корнями и плодами связана с феноменом Шекспира. Как известно, если не основой, то точкой отсчета современного представления об авторе литературно-художественного произведения является теория и практика европейских романтиков (особенно немецких и английских) [10], которые наполнили философские размышления Иммануила Канта о гении [5, с. 466] конкретным литературно-художественным содержанием. И главным гением-автором в интерпретации романтиков стал Шекспир. Однако это уже плоды (Шекспир как первый современный европейский автор), которых не было бы без корней этого явления: корпуса гениальных произведений Уильяма Шекспира. А сами корни уходят в золотой век английской литературы, когда формировался этот корпус и формировалось имя его автора. Например, в вышеуказанной книге Э. Беннета «Автор», отталкивающейся от концепции Р. Барта, материалом для свидетельств как о смерти, так и о жизни автора оказывается творчество Шекспира в гораздо большей степени, чем любого другого создателя литературных произведений, и едва ли не в большей степени, чем всех остальных вместе взятых [11, с. 2]. И это не случайно и не просто дань уважения английскому гению, это ключевое место существования проблемы.

Шекспир в некотором смысле – эталонный автор для европейской культуры Нового времени. В эпоху идеологического и юридического закрепления авторства именно Шекспир был основным знаменем. В этой связи нужно учесть столетний опыт книгопечатания в Великобритании к началу золотого века английской литературы. И хотя драматург в золотом веке – еще не субъект авторского права, в эпоху Шекспира формируются зачатки издательского права, за полтора столетия развившиеся в полноценное авторское право. Мы не считаем юридическую сторону дела решающей, но это важный маркер исторического расположения проблемы авторства. И этот маркер указывает все в том же направлении.

Наконец, не нужно забывать, что золотой век Англии — это переход Возрождения в эпоху маньеризма [7] и барокко, чем практически завершается европейское Средневековье, то есть это самый канун Нового времени, которое мы не можем себе представить без развитого авторства, причем не только в области художественной литературы. Гений Шекспира возник в определенное время и в определенном месте едва ли случайно: для его появления была подготовлена культурная среда,

с одной стороны, и в его появлении нуждалось для своего дальнейшего развития европейское общество, с другой стороны.

Конечно, формирование категории индивидуального авторства происходило не только в произведениях Шекспира, в них оно лишь нашло наиболее полное воплощение. Предшественники тут значимы не меньше последователей. Эти предшественники были и отдаленными (исторически – вплоть до Античности, географически – вся область ренессансной культуры в материковой Европе), и ближайшими (Джордж Гаскойн, Джон Лили, Роберт Грин, Эдмунд Спенсер, Кристофер Марло и др. в Англии). Итак, категория авторства кристаллизуется в золотом веке английской литературы, потому что сложились идеальные исторические условия для ее кристаллизации.

Мы рассматриваем случай Шекспира не как частный, а как абсолютный, потому что ничего подобного шекспировскому авторству в Европе не существовало. До Шекспира – совсем ничего подобного, после Шекспира – ничего подобного по масштабу.

Говоря о генезисе авторства, неизбежно приходится обращаться к вопросу, что предполагается в феномене Шекспира: первое рождение или рождение очередное? То есть, были ли авторы до Шекспира, или мы считаем Шекспира первым? Это в известной мере вопрос терминологии. Если под автором мы понимаем не просто личного, индивидуального автора, а личностного, автора-личность, то да, именно Шекспира можно считать матрично первым в европейской ойкумене. Если же нет, если обязательных характеристик нововременной личности для авторства не требуется, то, конечно, люди индивидуально писали произведения и до Шекспира, тогда авторов много и в Античности, и в Средневековье.

Первый терминологический подход более специальный, но более распространена и привычна вторая терминологическая система. Как писал С.Н. Бройтман (со ссылкой в цитате на С.С. Аверинцева): «Хотя мы сегодня знаем, что авторство возникает задолго до появления феномена самоценной личности, но для нас до сих пор “авторство в собственном смысле” – это личное авторство» [2, с. 26].

При обращении к золотому веку английской литературы речь одновременно идет и о времени и о людях, поскольку время и люди с гуманитарной точки зрения неразделимы.

С одной стороны, – временной **период**, причем тоже в двух смыслах. Во-первых, малое время: жизнь Шекспира, поколение до него и поколение после него, приблизительно 1550-е – 1640-е. Во-вторых, большое время: от Античности, ее Возрождения и до Шекспира (явление которого можно назвать возрождением Возрождения); и от Шекспира до Нового времени и до нашего времени.

С другой стороны, – **люди**. Творцы категории авторства. В малом времени от Госкойна до Лили, Спенсера, де Вера, Сидни, Марло, Бэкона, Бена Джонсона и многих других признанных соавторов шекспировского творчества: соавторов и в прямом смысле слова (некоторые современники вместе участвовали в создании произведений Шекспира), и в смысле создателей той культурной среды, из которой вырос Шекспир.

Определение механизма становления категории литературно-художественного авторства связано с выявлением основных особенностей статуса шекспировского авторства. И одной из базовых задач, которые необходимо решить в связи с этим, является уточнение научной значимости шекспировского вопроса. Наша точка зрения заключается в том, что отнесение шекспировского вопроса к маргиналиям академической науки ставит под сомнение возможность адекватного научного поиска в шекспироведении.

Казус шекспировского авторства не имеет аналогов ни в золотом веке английской литературы, ни вообще в истории литературы. При любом решении шекспировского вопроса мы имеем дело с псевдонимным характером имени «Уильям Шекспир» в связи с безусловно установленным современной наукой фактом участия нескольких персон в создании некоторых шекспировских произведений [12; 22]. Однако и употребление термина «псевдоним» еще ничего не объясняет. Если мы исходим из того, что в шекспировскую эпоху понятие «автор литературно-художественного произведения» еще не сложилось в полной мере, то как трактовать в таком случае явление псевдонимности или даже анонимности? Ведь эти понятия существуют только на фоне развитого представления об авторстве. Так возникает методическая задача: определить значение и смысл шекспировской «псевдонимности», которая становится одной из формальных характеристик зарождения авторства. Однако решение этой задачи уже далеко выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7–180.
2. *Бройтман С.Н.* Наследие М.М. Бахтина и историческая поэтика // Диалог. Карнавал. Хронотом. – 1998. – № 4. – С. 14–32.
3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
4. *Ильин И.П.* Имплицитный автор // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. – М.: Интрада, 1999. – С. 46–48.
5. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения (1798) // Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 349–587.

6. Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М.: Ка-сталь, 1996. – С. 7–46.
7. Чекалов К.А. Маньеризм во французской и итальянской литературах. – М.: «Наследие», 2001. – 208 с.
8. Barthes R. The Death of the Author // Modern Criticism and Theory: A Reader. Ed. D. Lodge. – London: Longman, 1988. – P. 166–172.
9. Bate J. The Genius of Shakespeare. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 402 p.
10. Bennett A. Romantic Poets and the Culture of Posterity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 288 p.
11. Bennett A. The author. – New York: Routledge, 2005. – 160 p.
12. Craig H., Kinney A.F. (eds.) Shakespeare, computers, and the mystery of authorship. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 233 p.
13. Edmondson P., Wells S. Shakespeare Beyond Doubt: Evidence, Argument, Controversy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 298 p.
14. Foucault M. What Is an Author? // Modern Criticism and Theory: A Reader. Ed. D. Lodge. – London: Longman, 1988. – P. 196–210.
15. Kimmelman B. The Poetics of Authorship in the Later Middle Ages: The Emergence of the Modern Literary Persona. – New York: Peter Lang, 1999. – 288 p.
16. Kinney A.F. From Playhouse to Printing House: Drama and Authorship in Early Modern England // South Central Review. – Vol. 21. – № 1. – Spring 2004. – P. 137–139.
17. Kurke L. The Strangeness of “Song Culture”: Archaic Greek Poetry // O. Taplin (ed.). Literature and the Greek World. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 40–69.
18. Leader Z. Revision and Romantic Authorship. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 354 p.
19. Matus I.L. Shakespeare, IN FACT. – New York: Continuum Publishing, 1994. – 331 p.
20. Michell J. Who Wrote Shakespeare? – L.: Thames and Hudson, 1996. – 272 p.
21. Schoenbaum S. William Shakespeare: A Compact Documentary Life. – Oxford University Press, 1987. – 384 p.
22. Vickers B. Shakespeare, Co-Author. A Historical Study of Five Collaborative Plays. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 568 p.
23. Wright S.J., Howard T.B. Anonymity in Early Modern England: ‘What’s In A Name?’ – Farnham: Ashgate Publishing Ltd, 2013. – 198 p.

«РАБОЧАЯ» ТЕМА В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.С. СЕРАФИМОВИЧА

Статья посвящена проблематике и художественному своеобразию рассказов А.С. Серафимовича, посвящённых «рабочей» теме. Человек труда в изображении писателя рассматривается не только в социальном аспекте, но и с точки зрения его психологии и психологизма самого повествования. Автор статьи анализирует рассказы Серафимовича с позиции жанра «физиологический очерк». В работе выдвигается гипотеза о том, что писатель, продолжая традиции русской литературы 40–50-х годов XIX века, в то же время апробирует западноевропейский натурализм конца века на почве русского реалистического искусства.

Ключевые слова: А.С. Серафимович, рассказ, очерк, физиологический очерк, демократическая литература, реализм в литературе, натурализм в литературе, тема труда, производственная тема, рабочий класс, пролетариат.

«Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа...»¹
В.И. Ленин

Мир прозы А.С. Серафимовича теснейшим образом связан с народной жизнью – писатель творил о народе и для него. С одной стороны, интерес к «простому человеку» объясняется биографией автора, наблюдавшего в ссылке бесчисленные картины борьбы крестьянина за кусок хлеба, а с другой, внимание к «человеку труда» обнаруживается в очерках 80-х гг. В.Г. Короленко, которого Серафимович считал своим учителем. Помимо этого, «рабочая» проза успешно продавалась, о чём Серафимович писал Короленко, когда искал у старшего современника поддержки в издании рассказов: «Очерки носят бытовой характер, а такие вещи, сколько приходилось наблюдать, читаются» [14, т. 7, с. 373]. Будучи продолжением русской демократической мысли, проза писателя, отмечала Л.А. Гладковская, явила собой «приговор бесчеловечному социальному строю» [14, т. 1, с. 9]. И действительно, уже в 90-е гг. интерес автора направлен на изображение социальной борьбы: городская беднота, крестьяне-отходники, ремесленники, рабочие и шахтёры являются героями автора, которых тот находит повсюду – на земле и под землёй, на суше и у воды. Для Серафимовича рабочий человек – созидатель, поэтому интерес мастера направлен, прежде всего, на изображение «агонии труда». Говоря об истоках творчества писателя, нужно понимать, что именно в мезенской ссылке вчерашний студент своими глазами увидел всё, что критиковали противники классового строя. В.Н. Юдин пишет: «Ссылка заменила ему университет. <...> Обнажила перед ним столь яркие и грубые откровения, <...> которых он никогда бы не постиг, оставаясь благонадежным и благонамеренным студентом» [18, с. 124]. С 1890 года писатель взаимодействует с родовольцами, наблюдает за жизнью трудящихся – так возникает серия рассказов на «рабочую» тему. Серафимович видел в людях труда «страдальцев и в то же время великую силу» [8, с. 370], «жизнь

и борьба народа всегда питали его искусство...» [4, с. 3].

Серафимович не был первооткрывателем «рабочей» прозы, поскольку она приобрела «широкий размах в 60-е годы», когда страна превратилась «в могучий резерв мирового пролетариата» [2, с. 6]. «Рабочая» тема прошла долгий путь развития: от очерков В.А. Слепцова и Н.А. Благовещенского к произведениям Г.И. Успенского, В.Г. Короленко и позднего Л.Н. Толстого. Серафимович возрождает русский физиологический очерк и в то же время реагирует на западноевропейские тенденции, создавая натуралистическую прозу, не ставшую на русской почве самостоятельным литературным явлением. В ранних очерках писатель показал возможности натурализма в рамках русского реализма. Натурализм изучал общество эмпирически, поэтому Серафимовичу важно было самому видеть лицо труда, способного украшать человека и в то же время калечить его – физически и духовно. Труд – форма социальной борьбы, во многом похожая на борьбу в природе. В лекции «Литература и литераторы» (1909) автор отметил тотальность борьбы как «в густоте лесов», так и среди людей [14, т. 7, с. 605]. Подчёркивая превалирующее в человеке животное начало, Серафимович признаёт, что формы борьбы эволюционируют от удушения и разрывания руками к психологическому порабощению, а природная и социальная борьба имеют «общее место» – совершенствование.

Рассказы о железнодорожных рабочих. «Рабочая» тема открывается рассказом «Стрелочник» (1891), имеющим жизненную основу: писателя заинтересовала история станционного начальника, который использовал стрелочников для собственных нужд. Так сложился собирательный образ железнодорожника Ивана Пелипасова (укр. Пелипас – «маленький человек»). Иван действительно «маленький человек», второй Самсон Вырин: он находится в самом низу социальной

иерархии, не отличается умом и развитой психикой. Однако такой герой, ознаменовавший расцвет реализма, не только объект сострадания, но ещё и символ трагизма человеческого существования. Стрелочник – итог хищнической формы борьбы: писатель показал деградацию личности в результате подавления воли. Иван – жертва капиталистической машины, вся его сущность социально обусловлена. Неслучайно А.Г. Цейтлин писал, что «герои русской “физиологии” определяются обществом и окружающей их средой» [16, с. 189]. Развёрнутая иллюстративная экспозиция рассказа представляет социальную нишу, которую занимает герой, имеет форму своего рода досье: «Иван, стрелочник, мужичонка лет сорока...» [13, с. 28]. Сюда относится всё, что связано с героем как представителем своего класса: подробный портрет, интерьер вокзальных помещений, персонифицированное описание локомотива, описание дома героя. У Ивана есть необычный двойник – корова начальника, за которой он убирает. На ней, такой же беззащитной и зависимой, стрелочник вымещает свою ярость: «И он опять с сердцем ткнул лопатой ни в чём не повинную корову...» [13, с. 29]. Бытописание сменяется кульминацией – гибелью героя под колёсами локомотива.

Трагедия имеет не только социальную (см. [3, с. 32]), но и психологическую подоплёку. Образ стрелочника выведен психологически точно: Ивана заставляют убирать платформу, чистить из-под коровы, его использует даже кухарка, и, несмотря на всё это, герой оказывается неспособным на открытый протест. Единственное, что он изрекает, оценивая своё положение, – это слова: «человека совсем заездили». Когда чувство недовольства начинает посещать Ивана, мы видим его воплощение в форме авторского вмешательства: «возражать не приходилось» (разговор с начальником); «ведь и жизнь вся такая: труд, труд, изо дня в день» (герой у стрелки); «эти двадцать два года съели его»; «он носил с собою <...> страх, не сделал ли он чего-нибудь не так»; «вне железнодорожного порядка дня <...> он себя не представлял» [13, с. 29–37]. Парадоксальность основной фабулы состоит в том, что стрелочник погиб действительно «по собственной неосторожности». Находящийся в вечном страхе, Иван решил, что неверно перевёл стрелку: «В эти несколько секунд вся его жизнь <...> предстала пред ним, законченная сегодняшним днём...» [13, с. 38]. Серафимович оригинально передаёт рефлексию героя с помощью авторского слова. Иван ещё жив, но писатель, предрекая его судьбу, укладывает в слова «законченная сегодняшним днём» элементарную схему, сложившуюся в сознании стрелочника: ошибка → увольнение → голодная смерть. Неравнодушный автор пишет далее: «Боже мой, ведь он *правильно её поставил!*...»; (Курсив Серафимовича. – А.К.) [13, с. 38]. В финальной сцене заключён перспективный план, без-

радостный прогноз на будущее: вдове начальник даёт три рубля, не оставляя ей надежд ни на какие компенсации.

Тематически к «Стрелочнику» примыкают рассказы «Сцепщик» и «Машинист» (1898). «Сцепщик» – очередная аллюзия к «Сну Макара» Короленко. Экспозиция открывает нам портрет героя, сцепщика Макара Чушкина («на рассвете <...> в нём трудно было признать человека: колеблющаяся, неверная походка, мутные глаза и бессмысленное лицо идиота» [14, т. 1, с. 386]), условия его жизни и труда. Своего рабства герой не осознаёт: рефлекторно идёт на работу, а к концу смены «превращается в идиота». Трансформируя поговорку *на бедного Макара все шишки валятся*, репродуцируя короленковский текст, Серафимович подчёркивает собирательность образа героя: «И Макар <...> чувствовал себя так, как вообще чувствуют себя Макары, на которых валятся все шишки» [14, т. 1, с. 389]. Кульминация рассказа – удар в лицо, который Макар получает от недовольного начальника. Здесь автор вслед за Короленко вводит мотив сна: «И всё <...> Макару казалось смутным и неясным, точно это был сон <...> и хотел он проснуться, и не мог» [14, т. 1, с. 392]. В «Сцепщике» выразилось редкое у раннего Серафимовича открытое недовольство «маленького человека» своим положением, впервые герой озабочен вопросом о своих правах. Рассказ «Машинист» (1898) – история уволенного рабочего, прозвучавшая из уст старого адвоката. Герой очерка, некогда полный сил машинист, отслуживший на железной дороге двадцать лет, теперь, в свои сорок три года, превратился во «что-то огромное, монументальное, задышающееся». Человек лишился здоровья, спасая пассажирский состав, а теперь остался без работы, больной, никому не нужный.

Рассказы о шахтёрах занимают отдельное место в «рабочей» прозе. Ключ к пониманию их поэтики и социальной основы мы находим в общественно-политическом труде писателя «Рабочее движение в России» (1917). Здесь Серафимович описывает предприятия царской России: «мастерские грязны, пол липкий, воздух тяжёлый, гнилой, а на некоторых фабриках буквально запах помойной ямы»; на фосфорных заводах и спичечных фабриках «от паров фосфора чернеют и вываливаются зубы и омертвевшие челюсти». Писатель делает вывод: «Рабочим не дорожат, а выжимают из него всё, что можно выжать. А если он упадёт, его выбрасывают...» [11, с. 5–6]. При всей её социальности, «рабочая» проза высокохудожественна: картины труда фотографически натуралистичны, а социальная проблематика – глубоко психологична. Рассказ «Маленький шахтёр» (1895) продолжил традицию русского рождественского рассказа. В центре – двенадцатилетний Сенька, которому пришлось работать в шахте в течение трёх дней праздника. Второй герой – пьяница Егорка Фино-

генов – «клад горнопромышленнику», по выражению автора: он бесправен и изуродован этим бесправием. Уродство таких «рабов» в том, что они находят для отмщения ещё более слабых и беспомощных и устанавливают над ними полную власть, – так поступали многие герои Серафимовича. Из рассказа в рассказ писатель-естественник воспроизводит картины животных форм хищничества, социальных «пищевых цепочек». Онейропозитика «Маленького шахтёра» специфична: прежде сон выступал в качестве медиатора между жизнью и смертью, а теперь его структура и семантика гораздо богаче. В сне ребёнка, свалившегося с ног от усталости, интерферируется реальность и мечта, действительное и желаемое: «Стало снится ему, будто он на поверхности; кругом идёт шум и гомон праздничного веселья» [13, с. 94]. Но вместе с тем, баня ничем не отличается от трактира, а с потолка и по стенам льётся вода, словно это шахта. «Маленький шахтёр» художественно напоминает «Петькину карьеру» Г.И. Успенского (1886), однако тематически рассказы отличаются: Успенский поднимает проблему разорения и стремительной урбанизации крестьян, их деградации. Ребёнок обнищавшего крестьянина, вынужденно переехав в город, превращается в настоящего раба, как Петька, юный труженик спичечной фабрики: «– Ничего не дадут! Тебе копейку дадут, ежели двадцать пять сделаешь. Четыре копейки сотня» [15, с. 85]. Успенский показал все грани крестьянского кризиса: социальное неблагополучие, бегство за длинным рублём, утрату культурных кодов, эксплуатацию и раннюю смерть.

Документальной точностью отличается очерк «Под землёй» (1895). Поводом для его написания стал шок, испытанный писателем при знакомстве с работой шахты: «Забойщик <...> даже сидеть при работе не может. Он врубает в пласт кайло, лёжа на боку или на спине» [11, с. 8]. Интерес к локусу, вновь отражённый в заглавии, высвечивает направленность авторского сознания на достоверную передачу увиденного, отсюда и фотографическое описание помещения предприятия: «Было грязно, скользко, сыро, и по каменному из плитняка полу хлюпала вода...». Социальность произведения видна из эпизода с расчётной книжкой, из описания забойщиков («там и сям смутно виднелись скорчившиеся фигуры») [14, т. 1, с. 143]. При этом первостепенную роль мы отводим психологизму рассказа: нарратора поражает отсутствие человеческого на лицах рабочих, наличие в их чертах чего-то животного. Отчаявшиеся шахтёры воспринимают свой труд как обворовывание Бога, который и так сполна дал людям. Кроме того, условия труда лишь сильнее укрепляют фаталистические настроения в рядах рабочих, их убежденность в предначертанности несчастий. По мнению И.Н. Кубикова, автор показывает, что лишь «бережное отношение к труду шахтёра уничтожит мисти-

ческую веру в предопределение своей судьбы, господствующую среди подземных работников» [6, с. 155]. Смирится со своей долей и десятилетний Иваська, дежурный у ворот. Повествователю, проявившему интерес к труду ребёнка, мальчик ответил на диво по-взрослому: «оно не скучно, а только чижало на сердце».

«Тяжело на сердце» не только у маленьких героев Серафимовича, но и у старого шахтёра Ивана из рассказа «Семишкура» (1897). Прозвище героя – отфразеологическое сложное слово, восходящее к идиоме *содрать семь шкур*, т.е. «жесток обходиться, не щадить». За тридцать лет службы с героя содрали далеко не семь шкур, но возмущён он другим – тем, что инженер и управляющий всем служащим говорят «вы», а чернорабочим – «ты». Здесь, как и в «Сцепщике», проблёскивает самый ранний этап пробуждения в поработённом человеке чувства собственного достоинства. В то же время старик, выходец из крестьян, рвётся домой, несмотря на уговоры товарищей остаться. Не найдя себе применения в деревне, герой возвращается, однако конторщик отказывает Ивану в работе (в трудовой очереди немало молодых и сильных рук), оставляя человека выброшенным из жизни: куда уходит шахтёр в финале, автор не сообщает. Рассказ имеет более раннюю редакцию: в концовке её шахтёры идут навстречу «назревающим хлебам, вольному ветру, живому, ясному солнцу» деревни [12, с. 79–80]. По всей видимости, Серафимович отказался от этого варианта в связи с осознанием социального расслоения деревни, испытавшей кризис общинной системы, на которую возлагали надежды народники.

Рассказы о рабочем времени имеют отличительную черту, заключающуюся в диалектическом взаимодействии композиции и идейного замысла: шестнадцатичасовой рабочий день, долгий и нудный, подаётся Серафимовичем с помощью растянутого, едва ли не поминутного хроникального сюжета. Такое построение создаёт эффект насыщенной фабулы на фоне ослабленного сюжета: писатель набирает ряд событий, последовательно развивающихся во времени, натуралистически подробно описывает их, сам же повод для отбора жизненных фактов, формирующий сюжетную канву (проблему), словно отсутствует. Хроникальный сюжет, характерный для психологических произведений, ориентированных на последовательное раскрытие характера героя во времени, обусловлен самой этой интенцией. «Тайный психологизм» рассказов состоит в раскрытии внутреннего мира персонажа не столько через портрет, например, сколько посредством череды поступков. Наблюдается соответствие психологии героя и психологизма самого нарратива: перед нами «томительное чтение» о нудной смене работников аптеки.

Рассказы «Дежурство» (1896) и «Рабочий день» (1897) посвящены непростой жизни ап-

текарей и аптекарских учеников, проблеме бессмысленности их существования, загубленной молодости. Писатель изобразил «духовную опустошенность, бессодержательность жизни обывателей <...> живущих убого, бездуховно» [5, с. 65]. Рассказ «Дежурство» по своей жанровой природе во многом напоминает новеллу: здесь нет развёрнутых психологических характеристик, череды событий, шаг за шагом раскрывающих внутренний мир героя. Все компоненты структуры рассказа ориентированы на неожиданную, шокирующую развязку, вернее – на вполне ожидаемое, но подаваемое автором в качестве невероятного событие, свойственное новеллистической форме. Жизнь Ветлина, беспросветная и однообразная, на самом деле круто «переменится», когда спросонья он неправильно приготовит лекарство, что и приведёт к отравлению больного: «– Вы господин Ветлин? – проговорил пристав... <...> – Сегодня ночью вы отравили человека» [14, т. 1, с. 190]. Вместе с тем, в «Дежурстве» Серафимович не оставляет без внимания и социальной мысли, приводя пример того, как государство, принося в жертву человека, способно сделать из него убийцу. В «Рабочем дне» писатель-натуралист подробно раскрыл содержание работы аптекарских учеников, годами ожидающих продвижения по службе, обнажил изнанку их труда, вещи, доступные лишь посвящённым: опрятные днём мальчики из-за прилавка превращаются ночью в деградирующих алкоголиков. Идеальный замысел рассказа очень точно определил А. Ожигов: характеризуя Серафимовича как романтика и «упрямого жизнелюба», журналист видит в рассказах классика «усталую русскую жизнь» [9].

Рассказы о жизни рыбаков – неотъемлемая часть «рабочей» прозы Серафимовича. Здесь уместно назвать такие произведения, как «Прогулка» и «Мечь». Традиционная для писателя эпическая форма «рассказа в рассказе» использована в «Прогулке» (1897), истории об отдыхе повествователя на баркасе, во время которого он встречает безногого рыбака. История Серафимовича достоверна: «Этот рыбак рассказал мне много интересных случаев из жизни рыбаков, между прочим, он рассказал и о расправах, вроде той, которая излагается в рассказе “Мечь”» [10, с. 247]. Социальная основа в рассказе приглушена, но актуализированы мысли о непреложности родительской любви и христианском смирении. Старик-инвалид обнаруживает в себе способность жить «вопреки», в этом ему во многом помогает вера: «– Как улов? – Бог не обидел»; «Нам надо семью кормить, а как её кормить? А так: ежечасно, ежеминутно смерти в глаза смотреть. И ежели тебе такой предел положен, ты и должен без бахвальства, с простым сердцем идти – и дело делать» [13, с. 76–77]. Серафимович, в сущности, воплощает в образе старика пример истинной человечности. Непростая доля выпала герою, но, тем не менее, он не озлобился,

не возненавидел этот мир, не пошёл наперекор его вечным законам. Иначе поступил Пётр Дранько – «рыбный вор» из рассказа «Мечь» (1897). Автор называет бывшего солдата, ныне обедневшего крестьянина, мародёром. И действительно, Серафимовича интересуют все «издержки» мелкого собственностиничества, охватившего русское крестьянство. Во многих рассказах мы видим «подспудность» самих сюжетов, как правило – однотипных, и главенство нравственной позиции автора, осуждающего хищничество среди «своих». «Мечь» открывает нам не столько писателя-реалиста, сколько автора-эксцентрика: и сама фабула, и художественное слово – всё здесь полно живой экспрессии, всё утрируется. Старик и парень, хозяева рыболовных сетей, князят застанный врасплох Дранько, невзирая на его мольбы о пощаде. Способ казни также высвечивает эксцентричность сюжета, и уже здесь мы видим автора, который ориентируется на создание впечатляющей прозы: рыбаки протаскивают вора подо льдом, используя верёвку и две лунки, после чего превращают человека в ледяную статую и оставляют в качестве пугала. И фантастичность, и конструктивные несоответствия, и очевидный эпатаж – всё здесь работает на создание экспрессионистского натуралистического очерка: «И в ту же секунду Петро пошатнулся, верёвка <...> вытнулась, как струна, и медленно потащила его к лунке. Он закричал так, как животное, которое ударили ножом в горло, но неловко, и оно, захлёбываясь, напрягает все силы в безнадежной борьбе со смертью. Несчастный опрокинулся, цепляясь за малейшие неровности, хватаясь зубами за лёд, вонзая в него ногти, из-под которых брызнула кровь, но... всё напрасно...». Превращение человека в ледяную статую есть переведение художественного образа в архетипический символ: образ героя становится воплощением возмездия, теряет материальность и, как следствие, физическую достижимость, ассоциируется у автора с «истуканом», «идолом», путешествующим по морскому побережью на своём пьедестале в виде отколовшейся льдины и пугающим местных жителей: «Подойти к нему было нельзя – кругом был мелкий лёд. Наконец в одну глухую ночь буря искрошила весь лёд, и ледяное привидение исчезло навсегда» [13, с. 55–58].

Нельзя обойти молчанием и тексты, которые не вписываются в определённый тематический разряд. Так, рассказ «Маленький парикмахер» (1897) открывает нам историю мальчика, отданного «в люди». Герой переживает примерно те же чувства, что и тринадцатилетняя Варька из рассказа А.П. Чехова «Спать хочется». Писателей волнует проблема детской эксплуатации, обоим важно проследить, как меняется психика человека, потерявшего свободу. И Варька, и Ванька доведены до умопомрачения. Героиня Чехова видит кошмары во сне, подступления которого девочка жутко боится («...если Варька, не дай бог, уснёт,

то хозяева прибьют её»), – решающее значение здесь имеет трансцендентная реальность. «Потусторонний мир» коренным образом меняет работу сознания ребёнка уже наяву: девочка, жаждущая не столько сна, сколько встречи в нём с прошлой, «настоящей», жизнью, начинает воспринимать хозяйского ребёнка как «врага, мешающего ей жить»: «Ей удивительно: как это раньше она не могла понять такого пустяка?». В финале имеет место катарсическое начало, нянька испытывает невероятное облегчение: «Задувив его, она быстро ложится на пол, смеётся от радости <...> и через минуту спит уже крепко...» [17, с. 11–15]. Композиционно «Маленький парикмахер» зеркален рассказу Чехова: Варька маялась на протяжении всего повествования и лишь в финале ощутила облегчение, Ванька же дурачился и глумился над собой, пока хозяев цирюльни не было дома, и лишь в конце истории впал в отчаяние. Варьку мучат кошмары во сне, а Ванька безумствует наяву: «визжит, прыгает, перевёртывается на полу через голову и начинает петь во всё горло диким козлиным голосом» [14, т. 1, с. 194]. Рассказы сближены в плане контраста как основного принципа построения: противопоставлены прислуга и хозяева, действительное и желаемое («спать хочется» / «спать нельзя» у Чехова, идентичность Ваньки в роли хозяина / разочарование героя в своём отражении в зеркале у Серафимовича). Внимание авторов, изображающих детскую драму, целиком направлено на основных героев: о хозяевах прислуги читатель не знает ровным счётом ничего – в тексте они даны как «хозяин», «хозяйка». На Ваньке лежит та же ответственность за домашнюю работу, что и на Варьке. Бесправные дети редко являются субъектами коммуникации, слышат от господ лишь императивные «сходи», «принеси», «подай». Близки герои и в восприятии своих подопечных: ни тот, ни другая не осознают ценности и прелести детства, будучи сами лишёнными его. О героине Чехова Е.И. Лелис пишет: «Авторская речь передаёт восприятие Варькой происходящего в свойственных персонажу речевых формах. Поэтому использование в тексте стилистически и эмоционально нейтрального слова *ребёнок* делает его значимым изобразительным знаком: Варька не испытывает к нему никаких чувств, кроме <...> неприятия и досады» [7, с. 149]. «Цыц!.. молчи!..» – говорит Ванятка грудной Анютке; отношение Варьки к ребёнку передаётся в несобственно-прямой речи: «неизвестно, когда он уймётся». У обоих писателей речь героев подчёркивает их возраст и социальную принадлежность. Благодаря этому, в целом безмолвные дети начинают говорить о себе, пускай и не напрямую.

Сквозной мотив дороги, актуальный в русской литературе XIX века, образует сюжет рассказа «Никита» (1898). Внеся коррективы при переиздании своих произведений, автор ушёл от социальной проблематики к более широкой: Никита не просто

один из многих жителей глубинки, вынужденных ехать на заработки в большой город, – образ героя многограннее: персонаж подобен сказочному герою, преодолевающему множество препятствий на пути к своей мечте. В реализме Серафимовича мечта героя самая что ни на есть земная – прокормить голодающую семью. Именно поэтому Никита, словно герой фольклора, проходит километры пешком по полотну железной дороги (упорство, трудолюбие), находит себе подобного, покупает с ним один билет на двоих и едет на крыше состава (предприимчивость), ночует под открытым небом, получает отказ в приёме на работу (испытания). Мысли героя о семье постепенно начнут уходить на второй план, уступая место желанию обосноваться в городе. Неудивительно, что «сказка» Серафимовича не возымела позитивного финала, и герой узнал впоследствии, что семья его погибла: писатель этим самым дал более широкое продолжение проблематике рассказа – он ушёл от «раскрестьянивания» к урбанизации и индустриализации. Лишь в пьяном угаре Никита вспоминал старое, но тут же успевал опомниться и отвлечься, поскольку заводская жизнь «не давала жить прошлым, далёким» [14, т. 1, с. 370]. Традиционно Серафимович продолжает наблюдать и по-хроникёрски фиксировать всю «агонию труда». Нельзя не упомянуть здесь мысль А.С. Бушмина: «Прославляя труд, воспевая упорство человека в борьбе с нуждой, Серафимович часто воспроизводит <...> весь производственный процесс. Читатель видит, как погружаются руки рыбака в ледяную воду, как напрягаются мускулы забойщика шахты, как сгибаются ноги грузчика, <...> как изнемогает у жаркой печи доменщик» [1, с. 475]. И в «Никите» мы видим пристрастное созерцание труда металлурга, превращение человека в «деталь» огромной машины, облечённой во что-то демоническое: «Гигантские домны поднимались к самому небу, <...> как жерла вулканов <...> всё было ничтожно и крошечно у подножия этих великанов, день и ночь плавивших в раскалённой *утробе* своей руду... Изнемогая, задыхаясь, в жару, в угаре, в угольной пыли, он всё кидал и кидал лопатой руду, <...> и пот, стекая, разрисовывал по его лицу причудливые узоры»; (Курсив мой. – А.К.) [14, т. 1, с. 369].

Аллегория «Капля» (1898) – настоящий литературный шедевр Серафимовича. Здесь писатель, над которым неотступно висел «дамоклов меч цензуры», в форме сказки осуществил прогноз краха самодержавия, сконтаминировав в заглавии и сюжете русскую поговорку *вода камень точит* («даже незначительное воздействие, прилагаемое постоянно, может привести к значительным результатам») и известную крылатую фразу из Овидия *gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo* (букв. «капля камень точит не силой, а частым падением»). Сюжетная основа аллегории проста: капля талого снега долго летит с вершины «огромной горы», стремится

напоить почти безжизненный колос, землю, но разбивается о скалу, превращается в пятно и высыхает, старая же скала, символизирующая самодержавие, поначалу лишь смеётся над смелой каплей, но затем обнаруживает уязвимость, когда каждая последующая частица воды начинает сменять предыдущую. Борьба за свободу рабочих, да и впрочем – людей вообще, так серьёзно охватившая Серафимовича, оставляет писателю один, но весомый повод для грусти; он связан с тем, что первые мятежники не увидят обновлённой жизни, не доживут, подобно первой капле, до «весны», а имена их не попадут на скрижали истории, растворятся в прошлом: «Всё покрылось зеленью. Везде проснулась жизнь. Но капельки, те первые капельки, которые упали на бесплодный камень, не видели и не слышали этой пробудившейся жизни, и самые имена их безвестно затерялись» [14, т. 1, с. 409].

В заключение отметим, что «рабочая» тема не ограничивается приведёнными рассказами: в неё можно включить многочисленные газетные очерки, опубликованные автором в «Донской речи», «Приазовском крае», «Курьере» и др. изданиях. При всей традиционности тематического спектра рассмотренной прозы Серафимович открывает в ней новые грани и повороты, идеально вписывая себя во все основные культурно-исторические тенденции эпохи уже Серебряного века, становясь своего рода зеркалом обновлённого реализма, изменившегося по отношению к своей классической форме. Во-первых, в «рабочей» прозе писателя осуществляется расширение художественной характеристики, типологии персонажей: перед нами предстают многочисленные образы шахтёров, железнодорожников, аптекарей. Во-вторых, художественные искания Серафимовича на рубеже веков ведутся в русле возрождения на отечественной почве натурализма, когда наблюдается экзугмазия, казалось бы, давно отработанной стилистики и принципов поэтики (А.В. Амфитеатров, П.Д. Боборыкин, А.А. Вербицкая), причём как в характерном для русской натуральной школы жанре физиологического очерка, так и в западноевропейском, «золаистском» вариантах. В-третьих, проза Серафимовича обнаруживает многообразие жанровых форм – новелла, очерк, рассказ. При этом делается ставка на «низового» читателя, что соответствует такой тенденции в литературе, как резкая демократизация автора и читателя-адресата. В отличие от народнической литературы, достижений «семидесятников», Серафимович смещает акценты со страдания на созидание, отступает от социально-политических рамок и уходит в сферу символических и архетипических образов.

Примечания

¹В цитируемом фрагменте письма от 21.V.1920 г. упоминается сестра В.И. Ленина – Мария Ильинична Ульянова (1878–1937). См.: Ленин В.И. А.С. Серафимовичу // Ленин В.И. Пол. собр. соч.

в 55 тт. – Т. 51: Письма (июль 1919 – ноябрь 1920). – М.: Изд-во полит. литературы, 1970. – С. 198–199.

Библиографический список

1. Бушмин А.С. Серафимович // История русской литературы: В 10 тт. – Т. 10: Литература 1890–1917 гг.: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), 1954. – С. 470–493.
2. Верховская М.М. Рабочий класс в русской литературе второй половины XIX века: автореф. дисс. ... док. филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1979. – 36 с.
3. Волков А.А. А.С. Серафимович. Очерк жизни и творчества. – М.: Просвещение, 1968. – 239 с.
4. Волков А.А. Творчество А.С. Серафимовича. – М.: Знание, 1954. – 32 с.
5. Котовчихина Н.Д. Структура и стилистика рассказов А.С. Серафимовича // Текст: структура, семантика, стилистика. Сборник статей по итогам Международной конференции памяти профессора Е.И. Дибровой: В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Изд-во МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. – С. 59–67.
6. Кубиков И.Н. Рабочий класс в русской литературе. – Иваново-Вознесенск: Книгоиздательское товарищество «Основа», 1924 – 198 с.
7. Лелис Е.И. К проблеме видов подтекста в рассказе А.П. Чехова «Спать хочется» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – № 2. – С. 146–152.
8. Луначарский А.В. Статьи о литературе. – М.: Гослитиздат, 1957. – 735 с.
9. Ожигов А. [Н.П. Ашешов] Усталая жизнь (О произведениях Серафимовича) // Современный мир. – 1915. – № 12. – С. 136–142.
10. Серафимович А.С. Полное собр. соч. в 11 тт. – Т. 1. – М.: Изд-во «Федерация», 1931. – 254 с.
11. Серафимович А.С. Рабочее движение в России (Краткий исторический очерк). – М.: типография О.Л. Сомовой, 1917 – 39 с.
12. Серафимович А.С. Сборник неопубликованных произведений и материалов / Под ред. проф. А.А. Волкова. – М.: ГИХЛ, 1958. – С. 79–80.
13. Серафимович А.С. Собр. соч. в 4 тт. – Т. 2. – М.: Правда, 1980. – 416 с.
14. Серафимович А.С. Собр. соч. в 7 тт. – М.: ГИХЛ, 1959–1960.
15. Успенский Г.И. Собр. соч. в 9 тт. – Т. 7. – М.: ГИХЛ. – 663 с.
16. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). – М.: Наука, 1965 – 317 с.
17. Чехов А.П. Собр. соч. в 12 тт. – Т. 6. – М.: ГИХЛ, 1962. – 544 с.
18. Юдин В.Н. Дополнение к известному. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.Г. Чернышевский, Л.Н. Толстой, А.М. Горький, А.С. Серафимович. Малоизвестные и забытые страницы жизни и творчества. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1976. – 144 с.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО АКТА

Статья посвящена анализу лингвокогнитивных механизмов речевого акта. В работе подчеркивается важная роль прагмакогнитивных аспектов в коммуникативном процессе. Исследуя механизмы речевого акта, автор статьи подробно анализирует доминантные параметры содержательности. Коммуникация описывается как полипрагматическая величина, в которой языковые средства представляют собой многомерную систему, благодаря которой адресант реализовывает позитивное или негативное воздействие на адресата. Парадигма коммуникативной языковой культуры в статье представлена моделью речевого акта и ее вариативностью, формой языкового этикета, стратегией построения сообщения, в том числе и тактикой уклонения. При рассмотрении процесса коммуникации автор подробно описывает факторы, которые имеют отношение к языковому поведению адресата и адресанта.

Ключевые слова: речевая коммуникация, лингвокогнитивные механизмы, языковые средства, адресат, адресант, коммуникативная адаптация, языковая картина мира, концептуальная картина мира.

Функционирование языка в речевом акте зависит от целого ряда факторов, среди которых в первую очередь следует отметить разнообразие способов речевого общения в вербальном отражении подаваемой информации. Немаловажным фактором является учет концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ) адресата и адресанта. Следует также отметить особую роль учета специфики цели передачи информации и способа адресованности, а также дискретность порождения, восприятия и репрезентации информации.

Смысл высказывания – это «некоторая организованная совокупность индивидуально-деятельностных, личностных, в том числе ситуативно определенных элементов значений и одновременно их целостность, формирующаяся в языковом сознании коммуниканта в связи с высказыванием как материально-знаковой системой» [2, с. 59].

В теории речевого акта отводится весьма важная роль факторам, которые имеют отношение к языковому поведению адресата и адресанта [3, с. 90–98]. Мы имеем в виду такие факторы, как статус участников коммуникации, их интенцию, дифференцированные целеустановки, баланс коммуникативных статусов, а также стратегию языкового поведения участников речевого акта.

Передача информации от адресанта к адресату может происходить как в речевой (устной), так и в графической (письменной) формах выражения, а также в таких формах, как узнавание запечатленного ранее факта, указания на аналогичный объект и т.д. На последующих этапах эти формы передачи информации в конечном итоге объективируются в устную или письменную речь.

Важным механизмом в коммуникативном акте является коммуникативная адаптация – способность участников речевого акта быть гибким в процессе речевого общения и быть готовым в ходе коммуникации пересмотреть привычные пред-

ставления. Говоря иными словами, под коммуникативной адаптацией имеется в виду способность участников речевого акта гибко реагировать на обстоятельства, изменяющиеся в процессе коммуникационного акта и тем самым быть способным корректировать свое речевое поведение.

Необходимо отметить, что парадигма коммуникативной языковой культуры представлена моделью речевого акта и ее вариативностью, формой языкового этикета, стратегией построения сообщения, в том числе и тактикой уклонения и т.д. На речевую тональность оказывает важное влияние коммуникативная целеустановка, к примеру, побуждение к вербальной и невербальной деятельности, переубеждение и т.п.

При этом важно наличие общего кода коммуникации, а также наличие ключа для декодирования закодированного сообщения. В контексте наших рассуждений о лингвокогнитивных механизмах речевого акта необходимо отметить, что коммуникация представляет собой полипрагматическую величину, где языковые средства при передаче информации от адресанта к адресату выполняют роль многомерной системы.

Важным условием информации является ее содержательность. Доминантными параметрами содержательности выступает целый ряд параметров [4, с. 34]. Основным параметром содержательности является ценность или значимость предмета высказывания для участников вербальной коммуникации. Не менее важным параметром является достоверность. В качестве следующих важных параметров содержательности необходимо назвать соответствие требованиям логики, а также точность и правильность языкового оформления мысли как предмета высказывания.

Приведем схему прямой передачи информации при бесконфликтной ситуации как графическую подачу информации от адресанта к адресату, где адресат выполняет роль пассивного приемника информации.

Адресант] ----- Информация ----- [Адресат

Однако при взаимозаинтересованном коммуникативном акте происходит активная смена ролей адресата и адресанта. Возвратная информация поступает к адресанту следующим образом: адресат речевой коммуникации, который получает от адресанта первичную информацию в виде вопроса, осмысливает его, перерабатывая в соответствии с той информацией, которой он владеет и в передаче которой он заинтересован, а после этого выдает отправителю сообщения уже осмысленную информацию.

В данном контексте необходимо отметить и другую важную деталь, поскольку передача информации от адресанта к адресату должна быть рассчитана и на обратную связь, позволяющую наблюдать за тем, как получателем информации (адресатом) воспринимаются вопросы, как они воздействуют на собеседника.

Но в коммуникативном акте помимо бесконфликтной ситуации, что представляет собой идеальный случай прямой и возвратной передачи информации, может иметь место и конфликтная ситуация. В таком случае схематически имитационная стадия конфликтной ситуации речевого акта может выглядеть следующим образом:

Адресант] Предварительный вопрос ---- [Адресат

При этом отметим, что при конфликтной ситуации при получении информации адресант проходит три стадии:

Прогнозирование ответа -----

Востребование информации -----

Получение информации -----

Здесь имеет место коммуникативная антиципация, которая играет важную роль в определении то, как будет развиваться дальнейшее речевое взаимодействие. Именно по этой причине весьма важно, чтобы участники коммуникации имели общий набор пресуппозиций. Даже в том случае, если один из коммуникантов уверен в том, что пресуппозиция правдива, это еще не означает, что в данном случае это и есть пропозициональная установка (термин Р.С. Столнейкера).

Пропозиция является пресуппозицией в прагматическом понимании в том случае, если отправитель информации считает ее истинность само собой разумеющейся и исходит из того, что и остальные участники речевого акта придерживаются того же мнения [1, с. 610; 5, с. 56]. Как видно из приведенной нами выше схемы имитационной стадии конфликтной ситуации коммуникативного общения, участники речевой коммуникации вынуждены столкнуться с процессом рефлексии, под которой в психологии подразумевается размышление, связанное с имитацией мыслей и действий противника, а также анализом собственных рассуждений и выводов.

Следовательно, под рефлексным управлением мы понимаем процесс передачи оснований для принятия решения адресантом адресату и, наоборот,

в случае обратной связи, когда взаимно меняются роли адресанта и адресата. Таким образом, для того чтобы понять мотивы поведения и найти объяснения тем или иным поступкам, важно доминантно применять рефлексный подход к анализу конфликтной ситуации, что будет способствовать предвидению тех или иных ответов участника коммуникации.

При прагматическом подходе к речевой коммуникации, чтобы направить мыслительный процесс участника коммуникации, адресант ставит перед собой цель передать получателю сообщения такую информацию, которая являлась бы основанием для принятия желательного для отправителя речи решения.

Таким образом, рассмотрев лингвокогнитивные механизмы речевого акта, мы приходим к заключению о важности дальнейших прагмакогнитивных исследований речевой коммуникации. Умение создавать комфортное психологическое общение является весьма важным условием речевой коммуникации. Контакт участников речевого акта представляет собой психологически соответствующую ситуацию для получения, восприятия и усвоения информации, которая исходит от участников общения. Соответственно, очень важным условием психологического контакта является ситуация, когда отправитель сообщения и его получатель взаимно осознают необходимость в общей взаимодополняющей совместной деятельности или общения друг с другом.

Библиографический список

1. *Князева Е.Г.* Речевая единица и коммуникация антиципация // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 года). – М.: ИД «Международные отношения», 2014. – С. 609–613.
2. *Князева Е.Г.* Синтез смыслов // Структурная метафизика языка и феноменология речевого дискурса: критерий системных интерпретаций: Материалы IX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (26 июня 2016 года). – М.: ИД «Международные отношения», 2015. – С. 59–65.
3. *Попова Т.Г.* Политический текст и ее лексические особенности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2012. – № 3. – С. 90–98
4. *Попова Т.Г.* Language Conceptualization // The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association (GCA). – Ottawa, Canada, 2013. – Pp. 34-43.
5. *Столнейкер Р.С.* Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16; Прагмалингвистика. – М.: Прогресс, 1985. – 504 с.

КОНЦЕПТОСФЕРА ТЕКСТА И УРОВНИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена вопросам изучения информационного плана текста. Текст представляет собой продукт речемыслительной деятельности, в котором отображается некоторый фрагмент реальной действительности. С позиции когнитивной науки в статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические факторы, которые предопределяют порождение текста и обуславливают вариант его восприятия. Текст изучается исследователями как феномен человеческой культуры, что позволяет рассматривать сообщение в качестве некоторой ментально-лингвистической модели знаний о мире и о языке. Последнее получает свое выражение в концептосфере текста. В статье анализируются следующие уровни презентации концептосферы текста: лексический, синтаксический и интонационный. Акцентируется внимание на том, что наряду с лексико-семантическим и синтаксическим наполнением текста его интонационное оформление также является средством объективации фрагментов реальной действительности.

Ключевые слова: текст, концептосфера текста, концепт, ассоциативное поле слова, интонация, категория выделенности.

Одним из актуальных направлений лингвистики является исследование таких процессов и явлений, которые, не являясь собственно языковыми, позволяют интерпретировать и объяснять многие языковые факты. Выход в смежные с лингвистикой области обогащает науку о языке и позволяет изучать многие языковые явления в широком экстралингвистическом контексте. Вопросы о том, как человек отражает мир вокруг себя, как он преломляет его в своем сознании и в итоге – как репрезентирует свою познавательную деятельность в языке, находятся в самом центре современных лингвистических исследований [2, с. 20]. В частности, в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания анализируется такая коммуникативная единица, как текст. В свете данного подхода текст представляет собой явление, имеющее когнитивное содержание, поскольку в нем отображается, описывается и оценивается мир, в котором живет человек. Текст рассматривается как речевой продукт функционирования языковой системы, характеризующийся двойной природой. В основе двойной системности текста лежит ориентация не только на узус, но и на отражение картины мира автора [7].

Анализ объекта с когнитивной точки зрения направлен на изучение того, как отражается человеческий опыт в языке и в виде каких единиц в языке оказываются представленными отдельные крупницы знания [11, с. 10]. Совокупность сведений о мире человек получает в процессе своей предметно-познавательной и практической деятельности. Информация, которую индивид получает извне, подлежит восприятию и обработке, в результате чего она приобретает определенную ментальную репрезентацию в мозгу человека. В дальнейшем полученная информация сама становится объектом ментальных, в том числе и познавательных, процессов с нею [11, с. 12]. Таким образом, когнитивный подход определяет изучение того или

иного объекта исследования в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением.

Во главу когнитивных исследований ставятся вопросы, касающиеся процесса порождения текста, его восприятия, понимания и интерпретации. Актуальным является положение о том, что каждый коммуникант (будь то автор текста или его реципиент) обладает своим индивидуальным когнитивным пространством, неотъемлемой частью которого является, в частности, когнитивная база. На пересечении индивидуальных когнитивных пространств образуется некоторая зона «общих» фоновых знаний и представлений, то есть пресуппозиция, которая обуславливает понимание контекста и знание ситуации [9, с. 145]. Согласно Н.С. Валгиной, пресуппозиция – это компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринимать текст [5, с. 9]. Пресуппозиция при порождении текста может в некоторой степени предопределять смысловую структуру и коммуникативную целенаправленность текста, а при его восприятии крайне важна для его понимания. Итак, структура текста и дальнейшее верное понимание смысла сообщения в процессе его восприятия зависит от действия экстралингвистических факторов, в частности – наличия обоюдного знания реалий участников коммуникации. Недостаточное владение фоновым знанием или отсутствие его может делать невозможным понимание текста и приводить к искажению его содержания.

Изучение языка в плане отражения им окружающего мира предполагает рассмотрение таких вопросов, как история, культура, менталитет, особенности мышления того или иного народа. Воспринимая и осознавая мир, человек создаёт свою систему представлений о нём, свою концептуальную картину мира. С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» под концептуальной (культурной) картиной мира

понимает мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности [14, с. 47]. Это мировоззрение коллективно, так как формируется всеми представителями определенного социума. С другой стороны, необходимо отметить присущую картине мира индивидуальность, так как в ней также содержится то восприятие мира, которое свойственно конкретному индивиду. Единицей описания картины мира является концепт.

В настоящее время в лингвистике сформировалось несколько подходов к понятию «концепт». В данной статье концепт рассматривается с лингвокультурологической точки зрения, поскольку в анализируемых нами текстах затрагиваются аспекты англоязычной культуры. В лингвокультурологии главным дифференциальным признаком концепта является то, что он признается единицей культуры, ее атрибутом, «сгустком культуры в сознании человека» [13, с. 63]. Концепт представляет собой культурное образование, существующее в культурно-историческом пространстве народа. Таким образом, он «являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно, этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы» [10, с. 144]. Этнокультурная составляющая концепта позволяет соотносить его с термином «культурное понятие» и использовать его как синоним к термину «концепт».

В настоящее время возможность комплексного подхода к исследованию концепта, как представляется, может предоставить текст – «дом бытия языка» (термин М. Хайдеггера), обладающий своей концептосферой. Под концептосферой мы понимаем определенную тематическую совокупность лексических единиц, в которых отражены наиболее существенные культурные особенности нации. Концептосфера текста получает свое выражение на лексическом и композиционно-тематическом уровнях сообщения [8, с. 6].

Слово как основная единица языка играет ключевую роль в тексте. Особое значение в построении высказывания отводится исходному понятию, которое определяется автором согласно замыслу. Текстобразующие возможности слов связаны с его коммуникативным потенциалом. Возможность участвовать в коммуникации обусловлена способностью лексических единиц соотноситься с представлениями об определенных явлениях действительности и рядом других слов. Эта способность реализуется на основе ассоциативных связей, в которые вступают лексические единицы [3, с. 276].

Словесные ассоциации играют важную роль в выборе слов при построении высказывания. Некоторые исследователи придают ассоциативному полю статус потенциального текста, где отмечается некоторый набор слов, вербализующий фрагмент

концептуальной картины мира. В роли слова-стимула текстового ассоциативного поля рассматривается ключевое слово текста, которое является «точкой концентрации смысла» [16, с. 16]. Ассоциативное поле слова выступает как некоторая схема, согласно которой строится то или иное сообщение. Рассмотрим следующий речевой отрезок, где исходным понятием является понятие «Pub»:

Pubs are an important part of British life. People talk, eat, drink, meet their friends and relax there. They are open at lunchtime and again in the evening... The word "pub" is short for "public house" There are thousands in Britain, and nearly all sell pub lunches. One of these is a Ploughman's Lunch, a very simple meal. It's just bread and cheese. Pubs also sell beer... The traditional kind is called "real ale". That's a very strong beer from an old recipe.... If they are with friends, British people sometimes lift their glasses before their drink and say "Cheers". This means "Good luck" [20, с. 28–29].

В указанном отрезке текста имеются лексические единицы, между которыми наблюдаются связи ассоциативного порядка: Pub – ale, public house, bear, drinking; beer – ale и т. д. Данные элементы представляют собой определённую тематическую совокупность лексических единиц, через призму которых отражаются и фиксируются характерные черты реальных предметов культуры.

В процессе восприятия линейно развертывающийся по горизонтали текст представляет собой сеть стимулов и реакций. Адекватное понимание сообщения обуславливается опорой на типовые (устойчивые) ассоциации [4, с. 105]. Критерием типичности является фиксация их вербальных маркеров в различного рода словарях (например, толковых, синонимических, антонимических), отражающих коллективный языковой опыт [4, с. 32]. В частности, в словаре «Dictionary of English Language and Culture» понятие «Pub» интерпретировано следующим образом:

Pubs are an important part of British life. Even very small villages nearly always have a pub. People, especially men, will often go to the pub for a drink in the evenings and at weekends... Pubs often sell food or snacks as well as drinks... Food that is considered typical pub food is... pie and chips, chicken and chips and Ploughman's Lunch (= bread with cheese)... [17, с. 1061].

Учитывая все вышесказанное, представляется правомерным полагать, что языковые единицы, участвующие в построении концептосферы текста, отбираются с учетом тематической принадлежности, культурологической ценности и наличия определенного ассоциативного комплекса.

На сочетаемостный потенциал лексических единиц указывают синтагматические реакции. Синтагматические связи представляют собой синтаксические закономерности, которые формируют

словосочетания как в языке, так и в речи. По своей семантической сочетаемости слова объединяются следующим образом: «субъект – предикат», «субъект – предикат – объект», «субъект – атрибут»: friends – to meet, beer – to sell, cheers – to say; people – to lift – glasses; part – important, meal – simple, recipe – old и т. д.

Итак, элементы ассоциативного поля образуют определенные группы (словосочетания) и в процессе порождения высказывания формируют синтаксический план сообщения.

В процессе порождения текста происходит определение автором коммуникативной целенаправленности текста и «сканирование» обусловленного мотивом замысла, результатом чего является формирование развернутого речевого высказывания, обладающего конкретной смысловой структурой. Для звучащего текста одним из специфических средств передачи смысловых установок выступает интонация, под которой понимают единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения [8, с. 5].

В лингвистике обоснованно высказывается мнение о том, что интонационные модели предложений и текста в целом определяются уже на этапе внутреннего формирования замысла. Согласно Ш. Балли, «интонация – это постоянный комментатор речи, а следовательно, и мысли; она сопровождает не только то, что мы произносим вслух, но также и внутреннюю речь. Мысль тоже несет интонацию – ту самую, с которой мы произносили бы выражающие эту мысль слова» [12, с. 34]. Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что любое высказывание всегда «звучит» для автора: интонация берёт на себя задачу оформления внутренней речи при переходе её во внешнюю форму. Об этом также свидетельствуют данные современной физиологии и психологии речи, в частности психологии внутренней речи, согласно которым, по мнению С.Д. Кацнельсона, на этапе завершения внутренней подготовки внешней формы высказывания происходит программирование акцентуационного рисунка сообщения. С точки зрения психолингвистики категория выделенности, хранящаяся в виде определенного понятия значимости в сознании, актуализируется мышлением и через внутренний, пусть даже не всегда осознанный план воплощается в высказывании, присоединяясь к нему на конечном этапе его подготовки. Это та стадия, когда из «памяти» средств выражения извлекаются те, которые наиболее полно отвечают задачам говорящего, соответствуя при этом нормам конкретного языка [6, с. 20]. Таким образом, мы придерживаемся мнения о том, что интонация изначально присуща тексту и является одной из его характеристик.

В процессе порождения и восприятия текста элементы его тематической структуры направлены

на активизацию определённого предметного знания в памяти коммуникантов. Структурирование информации невозможно без участия интонации. В этой связи представляется правомерным предполагать, что наряду с семантико-синтаксической структурой сообщения его интонационное оформление также является средством объективации фрагментов концептуальной картины мира. Реализацию данной функции интонации можно описать через категорию выделенности. Категория выделенности существует в сознании каждого индивида как специфический для данного языка набор просодических средств создания немонотона [15, с. 290]. В английском языке интонационными средствами выделения являются тип терминального тона, темповый компонент и громкость.

В процессе устной реализации сообщения в составе текста четко выявляются блоки, имеющие разный смысловой вес. Именно выделительной функции интонации принадлежит роль в актуализации того, какие элементы сообщения являются главными, а какие – второстепенными. В этой связи просодическая выделенность является важным инструментом в передаче глубинного смысла сообщения и способствует эффективному осмыслению текстовой информации.

Для анализа роли интонации в объективации оперируемых сознанием единиц понятийного пространства были отобраны тексты информационного стиля. Выбор текстов данной стилиевой принадлежности обусловлен тем, что именно в таких сообщениях отражается некоторый фрагмент концептуальной картины мира языковой личности. Тексты были начитаны носителями южно-английского стандарта RP (Received Pronunciation), принадлежащими к средней возрастной группе (8 дикторов: 3 женщины, 5 мужчин). Тексты для анализа были взяты из «Britain Explored» (by P. Harvey, R. Jones, Longman, 1994). Тексты записей были подвержены аудиторскому анализу, в ходе которого были определены три степени маркированности лексических единиц высказывания: I–III (от минимальной до максимальной). Элементы текста, обладающие «ровным» просодическим рисунком [1, с. 54], были отмечены I степенью выделенности. В данных случаях не наблюдалось изменения просодических параметров (замедления темпа, повышения громкости и т. д.) На их фоне были отмечены лексические единицы, маркированные большей степенью выделенности – II или III.

В качестве примера рассмотрим речевой фрагмент, в котором затрагиваются такие культурные понятия, как «House of Commons» и «House of Lords» (в скобках указана степень выделенности лексической единицы):

A proposal for a new law is called a bill (I). Bills (I) may be introduced in either *the House of Commons* (III) or *the House of Lords* (II) by any member (I)... A bill

which has been passed by the House of Commons (II) is almost certain to become law, and about fifty bills (I) become Acts each year. The House of Lords (I) can revise bills (I) but it cannot stop them becoming acts...

Согласно аудиторскому анализу, понятия «House of Commons» и «House of Lords» акцентируются бóльшей степенью выделенности, нежели понятие «bill». В свою очередь, между понятиями «House of Commons» и «House of Lords» также наблюдается разная степень маркированности: III – II / I соответственно.

Тексты, выбранные нами для анализа, посвящены вопросам, которые затрагивают внутренний уклад жизни того или иного социума. В силу некоторых исторических причин данные понятия находятся между собой в определенных отношениях в сознании представителей англоязычного общества. В книге «Britain: the country and its people» данные понятия охарактеризованы следующим образом:

The British Parliament is divided into two “houses”, and its members belong to one other of them, although only members of the Commons are normally known as MPs (Members of Parliament). The Commons is by far the more important of the two houses... The House of Lords has little, if any, little power any more. All proposals must have the agreement of the Lords before they can become law. But the power of the Lords to refuse a proposal for a law which has been agreed by the Commons is now limited. After a period which can be as short as six months the proposal becomes law anyway, whether or not the Lords agree... [20, с. 90, 96].

Информационно описательные тексты апеллируют к знаниям среднего носителя языка. Эти знания составляют его концептуальную картину мира. В связи с этим представляется правомерным полагать, что интонация способна выявлять разномаркированные элементы текста на двух уровнях представления информации в нем: поверхностном и концептуально глубинном. Таким образом, степень маркированности культурных понятий информационного текста может быть обусловлена сформировавшимся в обществе отношением к национально-специфическим реалиям. Учитывая все вышеизложенное, представляется оправданным сделать следующие выводы:

1. В образовании концептосферы текста участвуют лексические единицы, отношения между которыми имеют ассоциативную основу. Выборка единиц, описывающих некоторое культурное понятие, происходит с учетом как тематической составляющей, так и культурологической направленности будущего высказывания.

2. Интонация в процессе устного воспроизведения текста способна актуализировать и раскрывать взаимосвязь между элементами звучащего текста, образующими его концептосферу. Реализацию данной функции интонации можно описать через категорию выделенности.

3. Лексический, синтаксический и интонационный уровни высказывания отражают «видение» мира, свойственное представителям определенно-го лингвокультурного общества и являются основой экспликации концептосферы текста.

В целом, в формировании целостного образа некоторого раскрываемого в тексте культурного понятия участвуют как лексико-семантическое, синтаксическое наполнение текста, так и его интонационное оформление. Дальнейшее рассмотрение уровней реализации концептосферы текста в их взаимосвязи и взаимодействии кажется нам перспективным, поскольку такой подход направлен на исследование того, как отражение сознанием человека информационных массивов окружающего мира активизируется в процессе речемыслительной деятельности индивида.

Библиографический список

1. Анашкина И.А. Роль просодии и ключевых слов в создании информационной структуры текста: кол. моногр. / И.А. Анашкина, Л.В. Верещагина, Н.Г. Комисарова. – Саранск: Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2005. – 103 с.
2. Ангелова М.М. Лингвокультурологическое поле концепта «монархия» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 236 с.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
4. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. – 212 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
6. Горячева Н.Ю. Некоторые особенности реализации просодической категории выделенности в спонтанном звучащем тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 187 с.
7. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/4252/ (дата обращения: 03.12.2016).
8. Звягинцева А.В. Интонационный уровень реализации концептосферы текста: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 19 с.
9. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

12. *Станчуляк Т.Г.* Синтагматический аспект реализации интонационной категории выделенности как основа интонационного моделирования: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 165 с.
13. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
14. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
15. *Тихонова Р.М.* Просодический код как основа понимания речи // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: материалы междунар. конф. – М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. – С. 290–292.
16. *Чурилина Л.Н.* Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – 39 с.
17. *Dictionary of English Language and Culture.* – Longman Group UK Limited, 1992. – 1528 p.
18. *Harvey P., Jones R.* Britain Explored. – Longman Group UK Limited, 1994. – 176 p.
19. *O'Driscoll J.* Britain: the country and its people. – Oxford, 2003. – 225 p.
20. *Rabley S.* Customs and Traditions in Britain. – Longman Group UK Limited, 1996. – 47 p.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ» И «ДИСКУРС» В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

В статье анализируется соотношение понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике. Учебный текст в практике преподавания иностранного языка рассматривается как «средство», «инструмент» формирования иноязычного дискурса. Доказывается, что целью обучения иностранному языку следует считать формирование учебного дискурса, овладение иностранным языком – дискурсивным процессом, а результатом учебной деятельности – создание учащимся вторичного дискурса и «вторичного», собственного, текста.

Ключевые слова: дискурс, текст, учебная деятельность, учащийся, лингводидактика.

В лингводидактике текст обычно признается основной единицей обучения на русском языке, высшей единицей «обучения речевой деятельности учащихся» [29, с. 87]. Текст, представляя «определенную форму акта коммуникации» [2, с. 6], понимается как «методически целесообразный, аутентичный фрагмент культурно-языкового пространства, в рамках которого моделируется взаимодействие обучаемого посредством управляемой текстовой деятельности» [21, с. 72].

С текста начинается каждая глава учебника по обучению иностранному языку; с опорой на текст в учебном процессе вводится тема, обсуждение которой в целях развития речи также строится вокруг текста и с опорой на него. Текст в условиях обучения, с одной стороны, запускает речемыслительную деятельность учащегося на иностранном языке, с другой – в обновленном, присвоенном учащимся виде завершает эту деятельность.

Однако только ли текст участвует в деле развития речемышления на иностранном языке? Преподаватели, наверное, не раз сталкивались с ситуацией, когда все слова текста понятны, а его смысл не ясен или понимается не так, как хотел автор или предполагал преподаватель; когда текст «не идет» в группе, потому что ассоциации, которые должны возникнуть, не возникают, и сознание воспринимającego текст остается безучастным. Почему устаревают учебники? В первую очередь из-за текстов. Тексты погружают учащегося в ту реальность, в которой они возникли и которую они отражают. Реальность меняется, и приходится создавать новые учебные материалы. «Учебник обычно живет 10 лет», – сказала в частной беседе главный редактор издательства «Златоуст» А.В. Голубева. Хорошие учебники, конечно, живут дольше, но и они устаревают. Автору со временем приходится подновлять тексты или убирать их вовсе, убирать целые главы, вводить новые темы, писать новые тексты. Даже хорошо структурированная и «крепкая» грамматика не может спасти старый учебник. Так, на глазах меняется ставший для нас классическим учебник С.А. Хаврониной «Говорите по-русски». То же можно сказать и о текстах – произведениях художественной литературы, используемых

на занятиях. Например, рассказ В.М. Шукшина «Сапожки», безотказно работавший в аудитории тридцать лет назад, сейчас просто непонятен. Объяснение реалий, отраженных в рассказе, съедает все время. Или же рассказ В. Токаревой «Зигзаг», также активно используемый на занятиях по развитию речи, сейчас в европейских группах вызывает не только удивление, но и полное отторжение, потому что идея альтруизма – бескорыстия, пожертвования благополучием собственной семьи в угоду высоким ценностям – для современной молодежи кажется глупой и надуманной.

Приведенные примеры показывают, что текст, даже отобранный соответственно уровню владения языком учащихся, не всегда способен актуализировать их речевую деятельность. В учебных целях текст, используемый на занятиях, является лишь средством и инструментом коммуникации, стимулом возникновения и реализации коммуникативных намерений учащихся. Текст побуждает вступать в диалог (если понимать диалогичность по Бахтину – как подлинную сущность любого текста, которая «всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [3, с. 285]), используя релевантные данной ситуации языковые средства.

Если учебный текст¹ рассматривать как «средство» и «инструмент» коммуникации, то целью обучения следует считать формирование учебного дискурса, овладение иностранным языком – дискурсивным процессом, а результатом учебной деятельности – создание вторичного дискурса и вторичного, собственного, текста.

Обращение к дискурсу в науке о языке связано с попыткой примирения понятий «текст» и «речь», разрушив оппозицию введением третьего элемента, который парадоксальным образом является «более речевым» (А. Кибрик), чем речь, и способным быть описанным традиционными лингвистическими методами или же, как считает О.Г. Ревзина, собственными методами, отличными от лингвистики текста [30, с. 315].

Определение дискурса находится на пересечении изысканий различных дисциплин – лингвистики, психолингвистики, семиотики, литературоведения, социологии, философии и др., что обусловлено фокусировкой исследовательского

интереса на различных аспектах этого явления (согласно последним данным, на сегодняшний день существует более трехсот определений дискурса). «Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям...» [35, с. 49]. Каждая дисциплина, обращенная или к дискурсу, или к тексту, концентрируется на решении своих задач. В лингводидактике теории дискурса и дискурс-анализ пока не нашли должного применения, хотя именно к лингводидактике понятие дискурса имеет самое прямое отношение, так как, обучая языку, мы обучаем прежде всего иноязычному дискурсу.

Если проанализировать соотношение понятий «текст» и «дискурс», то бегло можно выделить некоторые, наиболее распространенные, аспекты этого соотношения.

Дискурс шире текста. Подобный взгляд на дискурс является наиболее распространенным и за последние тридцать лет сделавшимся наиболее аргументированным. Дискурс, согласно этой точке зрения, «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [10, с. 8]; текст не может быть объяснен «вне социокультурного, исторического, психологического контекста порождения и восприятия текста, другими словами, вне дискурса» [7, с. 36]. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими-прагматическими, социокультурными и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс» в отличие от термина «текст» не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [20, с. 136–137]. В.Е. Чернявская предлагает учитывать два уровня понимания дискурса: 1) дискурс как коммуникативное событие, зафиксированное в письменных текстах и устной речи, где текст соотносится с вокругтекстовым фоном, 2) дискурс «как совокупность тематически соотнесенных текстов» [35, с. 187], когда содержание дискурса может быть выявлено путем анализа не отдельного текста, а интертекстуально, в комплексном взаимодействии текстов. Таким образом, «дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [15, с. 307].

Дискурс выше текста. В.Г. Григорьева предлагает рассматривать дискурс как языковую единицу, расположенную выше уровня текста, однако значительно сложнее организованную, чем нижестоящие

единицы, «включая при этом в парадигму дискурсивных единиц социальные, психологические, кинетические, этнографические моменты» [9, с. 53].

Дискурс существует между речью и текстом. «Дискурс, по мнению В.И. Карасика, – явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой стороны» [13, с. 44].

Дискурс – родовое понятие, текст – видовое. Согласно точке зрения В.В. Богданова, текст (в узком смысле слова) понимается как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [6, с. 5–6]. Понимание отношений текста и дискурса как видовое и родовое мы встречаем также у М.Л. Макарова [22].

Дискурс – это текст. «Лингвистической теории связного текста (*discours*), как считает Ц. Тодоров, пока еще не существует» [29, с. 459]. И. Беллер пишет: «примем следующее рабочее определение связного текста, или дискурса, в соответствии с интуитивным пониманием этого термина... адекватная интерпретация высказывания, выступающего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста. Такое определение касается как разговорного дискурса, так и лекции, а также литературных и научных текстов» [4, с. 172].

Текст – это результат дискурса. Как отмечает А.А. Кибрик, в современной лингвистике дискурсом обычно именуется «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть [16, с. 4]. «Под дискурсом, – пишут Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, – следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [18, с. 19–20].

Текст – элементарная единица дискурса. Текст, по мнению В.В. Красных, – «элементарная (т. е. базовая, минимальная) единица дискурса» [17, с. 192]. Как фрагмент, его элементарную единицу рассматривают дискурс В.А. Звегинцев, В.В. Богданов. По мнению Н.В. Петровой, «дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст» [27, с. 125].

Текст – физическое явление, дискурс – явление абстрактное. «Если текст, – пишет В.А. Андреева, – лишь физический (физиологический) феномен, не имеющий отношения к психическим сущностям, то интерпретации подлежит не текст, а до- и послетекстовые процессы, т. е. дискурс» [1,

с. 49]. По мнению Е.Г. Белявской, «текст представляет собой реальность, данную в непосредственное ощущение: текст можно увидеть, прочитать, передать другому человеку, то есть осуществить в отношении этого текста некоторые действия, не связанные с его изучением в научном плане» [5, с. 24]. Дискурс же «является научной абстракцией, своеобразным гипотетическим «восстановлением» механизмов формирования речевого сообщения, практически не имеющим материальных аналогов объективной действительности» [5, с. 24–25].

Текст экстравертен, дискурс – интравертен. По мнению А.П. Кулявиной, «дискурс является экстравертной фигурой общения, которая представляет совокупность вербальных форм организации и оформления содержания коммуникации представителей определённой лингво-культурной общности. Текст – интравертная фигура коммуникации, которая являет собой совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности» [19, с. 1161].

Дискурс – это корпус текстов. Дискурс, как считает Е.В. Иванова, включает совокупность текстов, «объединенных по тем или иным признакам / параметрам» [5, с. 65], обращенных к определенному концепту, теме, предмету, обладающих едиными коммуникативными признаками. Дискурс, по мнению К. Фандрих и М. Турмаир, «материализуется» в единстве множества текстов, следовательно, основным практическим материалом дискурса-анализа является именно корпус текстов [цит. по: 8, с. 7].

Текст – явление постоянное, дискурс – временное. Как отмечают А.А. Кибрик и В.А. Плуниган, дискурс – это «функционирование языка в реальном времени» [15, с. 308]. «Дискурс – живой, он рождается, живет и умирает, когда предмет, который обсуждается, теряет свою актуальность... Текст – вечен (“рукописи не горят”))» [28, с. 41–42]. Дискурс рассматривается как актуальное, реальное речевое событие, «текущая речевая деятельность» [11], творимый в речи связанный текст.

Дискурс – это текст плюс ситуация, текст – это дискурс минус ситуация. Подобное понимание дискурса мы встречаем и у П. Шародо, который делает упор на представлении дискурса как взаимобусловленного единства «высказывания» и «коммуникативной ситуации» [36, р. 28]. В.И. Карасик охарактеризовал дискурс как текст, опосредованный ситуацией коммуникации [14]. Как отмечает Н.И. Формановская, «говорящий в коммуникативной ситуации производит свое речевое произведение, опираясь на общую с адресатом денотативную ситуацию, учитывая свои интенции, эмоции, оценки, связывает высказывания по текстовым законам смысловой и структурной целостности, завершенности, когезии и когерентности, оформляя таким

образом «некий результат – текст, т. е. “упаковывая” дискурс в текст» [33, с. 61].

Текст и дискурс – гипоним ↔ гипероним. По мнению В.А. Андреевой, текст по отношению к дискурсу можно одновременно рассматривать и как гипоним, и как гипероним: «текст – является гипонимом по отношению к дискурсу, так как он существует в определенном дискурсивном пространстве, а также продуцируется и декодируется по его законам; с другой стороны, в рамках одного текста могут сосуществовать разные дискурсы, что позволяет истолковывать текст как гипероним в его сопоставлении с дискурсом» [23, с. 25].

Несмотря на множество определений дискурса и различных подходов к соотношению понятий «дискурс» и «текст», важно то, что, во-первых, обращение к этим явлениям позволяет углубить наши представления об онтологии языка, когда язык рассматривается не просто как средство отображения действительности, форма выражения мыслей и чувств, а как особый мир, отражающий отношения человека и бытия, связь языка с социальным и культурным опытом человека. Во-вторых, дискурс и текст неразрывно связаны. Дискурс – это коммуникативное явление, «включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [10, с. 8]. Текст погружен в дискурс как в световую среду, которая помогает в учебных целях высвечивать в нем необходимые детали, порождать нужные смыслы. И, наконец, в лингводидактике с опорой на текст формируется иноязычный дискурс, который реализуется во вновь созданном, отраженном и преобразованном, присвоенном учащимся тексте.

Текст, лежащий в основе обучения иностранному языку, в учебном процессе оживает только при условии, если он погружен в исторически актуальный или специально актуализированный преподавателем, например, с помощью комментариев, дискурс – среду функционирования текста. Текст, чтобы служить учебным целям, должен быть дискурсивно активным и в процессе работы над ним становится дискурсом. С одной стороны, только с опорой на дискурс, «живую речь» мы обучаем общению на языке, и, с другой, именно в дискурсе проверяется прагматическая пригодность знаний, освоенных учащимся в обучении.

Текст в практике обучения языку – это лишь «послание», адресованное учащемуся с целью пробудить в нем речемыслительную активность. Если текст считать средством коммуникации, то основным способом формирования дискурсивной речемыслительной деятельности являются учебные речевые (УРС) и учебные коммуникативно-речевые ситуации (УКРС) (подробно об УРС и УКРС, их определении и дифференциации см.: [26]). В условиях УРС реализуется речевая деятельность, но

нет коммуникативной деятельности (адресат пассивен), в УКРС же активизируется коммуникативная дискурсивная деятельность (адресат активен). В УКРС учащийся говорит не только для того, чтобы передать сообщение, но и чтобы активно участвовать в интеракции, строить и корректировать свое речевое поведение из перспективы другого. В условиях УКРС осуществляется контроль речевого поведения личности на основе представлений, которое складывается о ней у других. И учащийся, действуя совместно с другими, осознает себя как речевая личность. УКРС позволяет активизировать речь с учетом понимания социального контекста общения, отношений между участниками общения, строить «когерентный дискурс и совершать выбор наиболее уместных языковых стратегий его осуществления», а также применять «знание различных форматов дискурсивной деятельности, норм и правил коммуникативного поведения в культуре языка общения и многое другое» [34, с. 25].

Безусловно, в практике преподавания иностранных языков опора на дискурс незримо присутствует постоянно. Однако в контексте современной научной парадигмы активное обращение к понятию «дискурс» способно обогатить лингводидактику и приблизить ее к пониманию как проблем, связанных с отбором учебных текстов и методикой работы над ними, так и проблем получения, хранения и переработки знаний, необходимых учащимся для овладения иностранным языком, развитию их умений выбирать и реализовывать программы речевого поведения в зависимости от тем, задач и коммуникативных установок, возникающих на фоне культурного контекста в условиях межкультурной коммуникации.

Примечание

¹ Понятие «учебный текст» в статье понимается широко – как текст, используемый в учебных целях. Учебный текст может быть создан автором учебника с определенными лингводидактическими целями (см., например, учебник по аудированию и развитию устной речи И.В. Одинцовой «Что вы сказали?» [24]). Учебным текстом могут быть публицистические тексты (см., например, учебное пособие И.В. Одинцовой «Он и она» [25]) или тексты художественной литературы (см., например, учебник С. Любенской и И.В. Одинцовой «Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи» [37]).

Библиографический список

1. Андреева В.А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2009. – 361 с.
2. Анухтин В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 15 с.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 421 с.

4. Беллер И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 172–207.

5. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 22–30.

6. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб.: РИО СПбГУ, 1993. – 68 с.

7. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). – СПб.: Астерион, 2011. – 344 с.

8. Голубкова И.В. Дискурс справочников BEWERBUNGSRATGEBER: мультифункциональный текстотип как транслятор знания // Филологические науки. – 2016. – № 2. – С. 7–11.

9. Григорьева В.Г. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. – Тамбов: ТГТУ, 2007. – 288 с.

10. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

11. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). – М.: КомКнига, 2001. – 328 с.

12. Иванова Е.В. Когнитивное моделирование образа природы в медийном экологическом дискурсе // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – Вып. 41: Филология. Искусствоведение. – № 7 (188). – С. 65–72.

13. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.

14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

15. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997. – С. 307–322.

16. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филол. наук. – М., 2003. – 90 с.

17. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

18. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: Диалог: МГУ, 1997. – С. 19–20.

19. Кулявина А.П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1 (5). – С. 1157–1161.

20. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
21. Мазунова Л.К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку // Вестник Башкирского университета. – 2001. – № 4. – С. 70–74.
22. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
23. Милославская А.И. К вопросу о делимитации понятий «текст», «дискурс» и «нарратив» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5 (47). – Ч. 1. – С. 146–149.
24. Одинцова И.В. Что вы сказали? Книга по развитию навыков аудирования и устной речи для изучающих русский язык. – СПб.: Златоуст, 2016. – 264 с.
25. Одинцова И.В. Он и она: Пособие по развитию навыков чтения и устной речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 160 с.
26. Одинцова И.В. Учебная коммуникативно-речевая ситуация и учебно-речевая ситуация как методические категории // Вестник ЦМО МГУ. – 2010. – № 1: Методика. – С. 44–51.
27. Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.
28. Попов А.Ю. Формы экономических текстов и дискурсов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 155 с.
29. Прокаева Е.П. Текст как средство формирования речевых навыков и умений учащихся национальной школы // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 86 (02). – С. 86–88.
30. Ревзина О.Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Междунар. конф. МГОПУ им. М.А. Шолохова. – М., 1999. – С. 301–316.
31. Старченко Г.Н. Художественный текст как лингводидактический объект // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 86–88.
32. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 450–463.
33. Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 56–63.
34. Цурикова Л.В. Новые направления исследований дискурсивной деятельности и преподавание лингвистических спецкурсов на языковом факультете // Вестник ВГУ. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2009. – № 1. – С. 22–27.
35. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 267 с.
35. Chafe W. Beyond Beads on String and Branches in a Tree // Conceptual Structure, Discourse and Language. – Stanford, 1996. – P. 49–66.
36. Charaudeau P. Langage et discours. – Paris: Hachette, 1983. – 176 p.
37. Lubensky S., Odintsova I. Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи. Book 1. Texts. Assignments. Dictionary. – USA: Indiana University: Slavica Publishers, 2010. – 366 с.

СПЕЦИФИКА КООПЕРАТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Статья раскрывает сущность и значимость коммуникативных стратегий в рамках административного дискурса. Автор рассматривает такие стратегии, как ликосозидание, поддержание иерархических отношений, нарушение иерархических отношений в рамках данного дискурса. Основное внимание автор акцентирует на стратегиях поддержания иерархических отношений, которые преобладают в современном мире управленческих коммуникаций. К основным типам данных стратегий автор относит вуалирование, манипулирование, сотрудничество, убеждение и имперсонализацию. Сделан вывод о преобладающем большинстве кооперативных стратегий, избираемых руководителем, что связано с кооперативно-убедительным характером современного административного общения. Отмечается важность изучения данных стратегий с целью оптимизации административного общения в целом.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, манипулирование, дискредитация, административный дискурс, стратегия поддержания иерархических отношений, убеждение, сотрудничество.

Особое место в лингвистике занимают исследования по коммуникативным стратегиям как одному из ярких дискурсивных явлений. И связано это с большим количеством исследований на эту тему, многогранностью и одновременно сложностью толкования самого понятия. Современные определения коммуникативной стратегии мы находим у В.Б. Кашкина, В.И. Карасика, О.С. Иссерса, Е.В. Клюева, Т.В. Матвеевой, О.А. Гудиной. Мы разделяем точку зрения В.Б. Кашкина, который рассматривает коммуникативную стратегию в качестве одной из составляющих всего коммуникативного поведения для достижения конкретной цели: «Стратегия – общая рамка, канва поведения, которая может включать и отступления от цели в отдельных шагах. Коммуникативная тактика, в противовес стратегии как общей канве коммуникативного поведения, рассматривается как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [7, с. 140]. Большинство ученых сходятся во мнении, что стратегия состоит из тактик, и выбор стратегии определяется коммуникативной целью. Справедливо наблюдение А.В. Олянич, что существует колоссальное множество классификаций коммуникативных стратегий в зависимости от научной парадигмы, использующей данное понятие, и выделяет три больших класса стратегий: презентация, манипуляция и конвенция [14]. О.П. Мальшева отмечает, что стратегия формируется в процессе достижения цели, а целенаправленный набор стратегий – это сознательное планирование речи [12].

Современное общество обязывает руководителя тщательно продумывать и реализовывать определенные стратегии и тактики в общении с подчиненными. Как правильно заметила С.Ф. Новицкая, изменения связаны с тем, что долгое время в рамках административного общения нормой считалось преобладание директив и административно-командного стиля, а современные условия меняют правила и традиционно-формализованные отно-

шения в паре «руководитель – подчиненный» [13]. В связи с этим коммуникативные стратегии административного дискурса также эволюционируют, например, все чаще на смену речевому жанру «команда» приходит «убеждение». Руководитель рассматривает подчиненного как партнера, равноправного участника диалога, стремится мотивировать подчиненных и учитывать их индивидуальные особенности. Н.Н. Кириллова, например, рассматривает коммуникативные стратегии с позиции нравственности и считает, что мировоззренческие ценности и ориентиры определяют выбор стратегий участников коммуникативного процесса [9]. Придерживаясь ее же точки зрения, также считаем, что большинство классификаций коммуникативных стратегий основаны либо на целевых установках, либо на этических нормах, но в рамках нашего исследования считаем нецелесообразным их перечислять.

Традиционно в научной литературе стратегии делятся на кооперативные и некооперативные. Стремление современного продвинутого руководителя к кооперативным стратегиям не свидетельствует о полном отсутствии некооперативных стратегий в процессе административного общения, скорее следует говорить о новой тенденции использования кооперативных коммуникативных стратегий. Условно к стратегиям кооперации относятся: компромисс, отстранение (сдержанность), вежливость и доверие, открытое общение, убеждение; некооперативные стратегии: дискредитация, агрессия, принуждение, игнорирование, разоблачение, угрозы, претензии, соперничество [9, с. 30].

Все стратегии, функционирующие в рамках административного дискурса, подчинены одной цели данного вида общения – установление и поддержание иерархических отношений, организация, информирование, контроль и координация деятельности подчиненных. Применительно к рассматриваемому типу дискурса мы можем выделить следующие: стратегии ликосозидания, стратегии

поддержания иерархических отношений и стратегии нарушения иерархических отношений [10].

Стратегии ликосозидания – это создание иерархического лица и его коммуникативного пространства, четкое разграничение позиции того, кто обладает властью и того, кто занимает более низкое статусное положение. Для достижения данной цели наиболее эффективным способом являются директивы: прямые и косвенные, так как они выражают волю говорящего и побуждают к действию. К основной стратегии нарушения иерархических отношений относится дискредитация. Цель стратегии дискредитации – подрыв доверия к подчиненному, его унижение или опорочивание. Дискредитация включает приемы обвинения и оскорбления, для которых характерно употребление номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения [3].

В данной статье предпринята попытка анализа реализации кооперативных речевых стратегий, то есть стратегий поддержания иерархических отношений, в современном русском административном дискурсе.

Стратегии поддержания иерархических отношений занимают значительное место в современных управленческих коммуникациях, и именно этому аспекту мы хотим уделить большее внимание в нашем исследовании. Данный тип стратегий необходим для регулирования норм поведения в формальной обстановке [10]. Наши материалы показывают, что типичными стратегиями данного типа, к которым прибегает современный руководитель, являются вуалирование, манипулирование, имперсонализация, убеждение, сотрудничество. Общей характеристикой перечисленных стратегий является «ликосбережение», бесконфликтность, взаимоуважение, косвенность. Распространенность данных стратегий в современном мире управленческих коммуникаций объясняется перемещением акцентов общения с авторитарно-командного на кооперативно-убедительное.

Итак, вуалирование в рамках административного общения необходимо для смягчения отрицательной оценки, оно выполняет роль ненавязчивого внушения, при этом не задеваются чувства адресата.

Если вы позволите подобное в будущем, я буду вынужден прибегнуть к кардинальным мерам [8]. Здесь руководитель прибегает к эвфемизму *кардинальные меры* – увольнение или другое жестокое наказание – с целью смягчения негативной оценки.

Предположим, вы – начальник, что бы вы сделали в этом случае на моем месте? [8] – гипотетический вопрос вуалирует уверенность вышестоящего в правильности своих действий.

Следующей неременной и распространенной коммуникативной стратегией в административном общении является манипулирование. Здесь мы согласимся с О.А. Гудиной в том, что современный

человек – это манипулятор независимо от рода его деятельности [1]. С.Г. Кара-Мурза под манипуляцией понимает «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которое он от них ожидает» [5, с. 5]. Вслед за Иссерс мы считаем, что неотъемлемыми компонентами данной стратегии являются сокрытие и искажение информации, гиперболизация, «поспешное» обобщение [3, с. 203]. Различные операции с информацией: фрагментарность подачи, переакцентуация фактов, формирование заданной оценки – вызывают определенную эмоциональную реакцию адресата и навязывают определенное отношение к действительности. Материал нашего исследования позволил нам выявить наиболее часто используемые приемы и тактики, применяемые в административном дискурсе:

1. Похвала и комплимент. Похвала и комплименты могут уменьшить сопротивление в начале разговора. Самый эффективный комплимент – это комплимент на фоне небольшого антикомплимента себе: *Как Вам удастся решать так быстро эти вопросы? Я вчера два часа потратил, а Вы за десять минут все уладили. Пожалуйста, сделайте еще и...* [8]. Естественно, каждому сотруднику приятно выглядеть в конкретном вопросе лучше, чем его начальник. Особенно если он сам подчеркивает это. Так удовлетворяется потребность человека в признании.

Давайте не будем торопиться с ответом, Петров, – говорит Сидоряхин. – Задача поставлена, и ее нужно решить. Вы же профессионал, Петров. Не давайте нам повода считать, что вы не профессионал. В приведенном коммуникативном эпизоде адресант манипулирует чувствами адресата, уверенность вышестоящего в том, что подчиненный является профессионалом – это высокая похвала. Поэтому подчиненный будет стараться выполнять порученное задание с еще большим усердием и рвением.

2. Ложная неуверенность в профессионализме на фоне других сотрудников.

– Василий Игнатьевич, нужно выполнить одно задание. Не буду скрывать, это очень сложное задание. Поэтому Вам, очевидно, оно не под силу. Как Вы думаете, кому из Ваших коллег его можно поручить?

– Отчего же? Я тоже способен его выполнить!
– Вы шутите?
– Нет, не шучу. Я знаю, как быстро все сделать!
– Неужели?
– Точно!
– Вот это да! Фантастика! (начальник разгрызает искреннее удивление)
– Через 3 дня принесу Вам результат!
– Вы просто молодец! Вот спасибо! Прямо груз с души сняли! Через 3 дня доложите о выполнении! и т. д. [15]

В данном коммуникативном эпизоде манипулирование (*Поэтому Вам, очевидно, оно не под силу. Как Вы думаете, кому из Ваших коллег его можно поручить?*) также основано на чувствах честолюбивого работника, для которого непростительно упустить возможность доказать руководителю, что ему под силу любое поручение и он может справиться с ним еще лучше, чем другие.

3. Показная либеральность.

Мы обсудили предварительно на бюро ваш вопрос, товарищи Прончатов и Анисимов. Учитывая то обстоятельство, что вы прекрасные работники, бюро обкома считает возможным отнестись к вашей игре с месячными сводками снисходительно. – Он повернулся к своему помощнику и, помахивая указательным пальцем, мерно продиктовал: – В протокол надо записать так: «За порочную практику задерживания производственных сводок отстранить от должности директоров Тагарской и Зареченской сплавных контор товарищей Прончатова и Анисимова в том случае, если в апреле будущего года план окажется невыполненным». Записали? Отлично! [11]. В данном эпизоде руководитель демонстративно подчеркивает, что относится к проступку подчиненных с терпимостью, и дает им шанс на исправление (отстранить от должности в случае невыполнения плана). Такого рода манипуляция рассчитана на возвышение отправителя речи в глазах своих подчиненных, имеет целью подчеркнуть благосклонность руководителя и тем самым завоевать расположение своих подчиненных.

4. Скрытая угроза.

Семененко Дмитрий Викторович, вы подумайте, стоит ли вам дальше на этом месте работать. Должны для себя определиться. За последний месяц было незаконно установлено около 200 киосков! Я не думаю, что у вас не было возможности взаимодействовать с районными администрациями [8]. Манипулирование в данном случае проявляется в скрытой угрозе увольнения. Руководитель, обращаясь к подчиненному с предложением подумать (*стоит ли вам дальше на этом месте работать. Должны для себя определиться*), на самом деле сомневается в добросовестной работе (*Я не думаю, что у вас не было возможности*), а также дает понять, что может освободить его от занимаемой должности.

Стратегию убеждения мы также относим к одной из значимых для поддержания официальных отношений. Вслед за В.С. Григорьевой мы относим убеждение к коммуникативной стратегии, проявляющейся в попытке «склонить слушающего совершить или не совершить какой-либо вербальный или авербальный акт», то есть оказывать воздействие на адресата через аргументы. Обязательными компонентами текста-убеждения являются декларативные высказывания и аргументы с язы-

ковыми оценочными единицами, а также факты, их интерпретация, за которыми следует директивное высказывание, суть которого сводится к фразам «так следует поступать» или «так не следует поступать» [2, с. 31].

Ольга Петровна, сами рассудите, сменив данную должность на должность в компании X вы, во-первых, получаете зарплату в два раза больше, во-вторых, отпадает необходимость всех этих научных публикаций, в-третьих, вы получаете комфортные условия труда – личный кабинет и все необходимое для занятий. Я просто не понимаю, зачем Вам здесь оставаться? Назовите те причины, которые вас здесь держат? [8]. Руководитель с целью убеждения сотрудника о переходе в другую компанию последовательно приводит доводы: зарплата, условия труда, отсутствие научной работы. Эпитеты *комфортный, высокий, личный* придают особую убедительность аргументам.

Еще одна стратегия поддержания иерархических отношений – это сотрудничество, наиболее эффективная стратегия поведения в конфликте. Она помогает выйти на конструктивное обсуждение проблемы, видеть в своем оппоненте союзника в поиске решения. Стратегия наиболее эффективна: в ситуации сильной взаимозависимости оппонентов, склонности обоих игнорировать различие во власти, важности решения для обеих сторон, непредубежденности участников. *Ты понимаешь, Григорий Семенович, чувствуется все-таки отсутствие директора, – медленно подбирая слова, продолжал Прончатов. – Так ты мне, пока не приехал Цветков, помогай. Позабудь, так сказать, о наших распрях* [11]. В том случае, если необходимо примерить разногласия с подчиненным, лучшим способом является сотрудничество, призыв к взаимопомощи и взаимопрощению (*помогай; забудь, так сказать, о наших распрях*). Обращение на *ты* в данном случае ставит коммуникантов в равное статусное положение.

Я вот что звоню, – размеренным голосом сказал заведующий промышленным отделом обкома Цыцарь. – Есть у нас такое мнение, что Тагарской сплавной конторе сам бог велел выступить инициатором соревнования за высокую выработку на списочного рабочего. – Произнеся эти слова, товарищ Цыцарь остановился, чтобы дать Прончатову одуматься, затем прежним тоном продолжал: – Так вот, я звоню, товарищ Прончатов, чтобы подсказать. Подбейте-ка вы бабки, прикиньте-ка свои производственные возможности... Сами понимаете, товарищ Прончатов, такие дела с кондачка не делаются. Так вы соберите коллектив, посоветуйтесь, настройте людей, дайте им зарядку... [11]. Стратегия сотрудничества в данном примере проявляется в совете адресанта, в желании помочь найти правильное решение и подход к коллективу (*соберите коллек-*

тив, посоветуйтесь, настройте людей, дайте им зарядку). Употребление частицы *-ка* (*подбейте-ка, прикиньте-ка*) подчеркивает готовность совместно решать проблемы, придает оттенок непринужденности и простоты общения со стороны вышестоящего.

Стратегия имперсонализации подобна констатации фактов с использованием безличных конструкций, неопределенно-личных местоимений, страдательного залога. Обезличенность производимого текста позволяет сохранить зону бесконфликтности, смягчить обвинение, критику, недовольство: «*Это нужно для нашей фирмы...*», «*Будет лучше, если Вы...*», «*Это необходимо, чтобы у нас не случилось...*». В приведенных выражениях требования соотносятся не с прихотью большого начальника, а с потребностями и целями организации в целом.

Есть такое мнение, товарищ Прончатов, чтобы тагарцы к среде представили свои расчеты, – совсем тихо сказал Цыцарь. – Недельки вам хватит, так думаю... [11]. В приведенном эпизоде приказ о предоставлении расчетов через неделю адресован Прончатову, но с целью смягчения приказа используется обобщение *тагарцы*, то есть те, кто работает в данном регионе в подчинении Прончатова. Фраза *есть такое мнение* обезличивает адресанта и снимает определенного рода давление со стороны вышестоящего.

Подведем итоги. Анализ теоретической литературы по коммуникативным стратегиям позволяет сделать вывод об огромном множестве дефиниций и классификаций, но все они сводятся к тому, что выбор стратегий определяется коммуникативной целью. Преобладание кооперативных стратегий в административном дискурсе мы связываем с тем, что целью современного руководителя является продуктивное, неконфликтное общение для поддержания иерархических отношений.

Библиографический список

1. Гудина О.А. Манипуляция и ее виды в педагогическом дискурсе // Язык и культура. – 2011. – № 2. – С. 13–21.
2. Григорьева В.С., Любимова М.К. Элементы теории и практики делового дискурса на материале немецкого и русского языков: учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. – 80 с.

3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.

4. Как юмор помогает на работе, или Зачем уметь шутить руководителю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dirsalona.ru/article/507-yumor-pomogaet> (дата обращения: 11.03.2017).

5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – 528 с.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 288 с.

7. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

8. КЗУР – картотека записей устной речи.

9. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им Р.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 1. – С. 26–33.

10. Леонтович О.А., Дубинина И.И. Коммуникативные стратегии иерархического общения // Авторитетность и коммуникация. Сер.: Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. – Воронеж: ВГУ: ИД Алейниковых, 2008. – С. 90–97.

11. Липатов В. Сказание о директоре Прончатове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://booksafe.net/book/lipatov_vil-skazanie_o_direktore_pronchatove-43295.html (дата обращения: 20.03.2017).

12. Малышева О.П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Известия Российского государственного педагогического университета им. И.А. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 206–209.

13. Новицкая С.Ф. Управленческий дискурс и культура речи руководителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdrav.by/organizaciya-zdravoohraneniya/upravlencheskiy-diskurs-i-kultura-rechi-rukovoditelya> (дата обращения: 9.03.2017).

14. Олянич А.В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2003. – Вып. 3. – С. 121–128.

15. Сороченко В. Искусство приказывать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/prikaz.htm> (дата обращения: 15.03.2017).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ПОСЛОВИЦ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Активизация языковых процессов в интернет-среде вносит неоспоримый вклад в развитие современного русского языка. Язык подвергается всевозможным трансформациям на всех уровнях, русские пословицы в интернет-пространстве не только воспроизводятся, но также переосмысляются и употребляются в трансформированном виде. Процесс трансформации пословиц происходит в разных жанрах интернет-коммуникации (информативных, директивных, коммуникативных, презентационных, эстетических, развлекательных). Однако изменения пословиц в данных жанрах происходят с неодинаковой степенью интенсивности, что свидетельствует о различной функциональной направленности жанров и о разной склонности к паремийности участников разных сфер интернет-общения. Наиболее активными в преобразовании пословиц оказываются авторы текстов коммуникативного и информативного жанров, причем более широко трансформы паремий представлены в межличностном общении участников интернет-коммуникации. Причиной такой активности является стремление участников интернет-общения сделать свой сетевой образ оригинальным и запоминающимся. В текстах информативных жанров данное явление выступает как средство привлечения зрительского внимания, результат «борьбы за читателя» и наблюдается преимущественно в заголовках текстов или иных материалов, статей. Использование пословичных трансформов в директивном жанре имеет свою специфику: в силу того, что рекламные тексты призваны создавать положительный образ продвигаемого товара, в качестве выразительных средств используются не все пословицы, а только те, в которых содержится положительная коннотация. В текстах прочих жанров интернет-коммуникации пословичные трансформы представлены менее часто.

Ключевые слова: *оказиональная фразеология, русские пословицы, оказиональные трансформации паремий, интернет-коммуникация.*

Интернет-пространство в настоящее время является самой динамично развивающейся сферой коммуникации, и активизация языковых процессов в интернет-среде вносит неоспоримый вклад в развитие современного русского языка. Результатом всё возрастающей роли Интернета как средства коммуникации, как отмечают многие исследователи (М. Кронгауз, В.М. Лейчик, О.В. Лутовинова и др.), является стирание границ между устной и письменной речью и, как следствие, появление новой формы общения – устно-письменной, когда графически оформленная речь, несмотря на письменную форму, обладает характеристиками устной речи с точки зрения структуры и языковых ресурсов. В связи с этим язык подвергается всевозможным трансформациям на всех уровнях, что проявляется также в способах употребления паремийологических единиц.

Русские пословицы (РП) в интернет-пространстве не только активно воспроизводятся, но также переосмысляются и употребляются в трансформированном виде. Формирование условий, при которых стало возможным мгновенно распространять для широких масс вне зависимости от их географического положения тексты, нацеленные на передачу нового когнитивного содержания, отражающие новое видение, нестандартные взгляды, подходы, мнения и т. п., а также возможность свободного самовыражения активного субъекта интернет-деятельности, стремление пользователей привлечь к себе внимание, улучшить, сделать оригинальным или изменить свой сетевой образ – данные факто-

ры обусловили активизацию процесса творческого использования пословиц.

Процесс трансформации пословиц происходит в разных жанрах интернет-коммуникации. Вопрос выделения жанров в интернет-пространстве активно разрабатывается в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов (О.В. Лутовинова, Н.Б. Рогачева, А.А. Селютин, Е.И. Горошко, Л.Ю. Щипицина, Н.Г. Асмус, Л. Бреур, К. Миллер, С. Херринг и др.). В настоящем исследовании использована классификация жанров виртуального пространства, предложенная Л.Ю. Щипициной [6]. Данная система выстроена на основе коммуникативных функций интернет-общения и включает в себя следующие шесть типов виртуальных жанров: информативные (институциональные веб-страницы, веб-страницы новостных агентств и сетевых СМИ, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки и архивы), директивные (веб-реклама, коммерческие и частные объявления, аукционы), коммуникативные (чаты, электронные письма, форумы, социальные сети), презентационные (личные веб-страницы, веб-блоги), эстетические (сетевой роман, фанфикшн), развлекательные (тексты в контексте многопользовательских миров и игр).

Трансформации пословиц обнаруживаются в текстах каждого жанра интернет-коммуникации, однако изменения РП в данных жанрах происходят с неодинаковой степенью интенсивности, что свидетельствует о различной функциональной направленности жанров и о разной склонности к паремийности участников определенных

сфер интернет-общения. В результате анализа частотности преобразований одиннадцати пословиц активного употребления: *тише едешь – дальше будешь; в гостях хорошо, а дома лучше; на всякого мудреца довольно простоты; не было бы счастья, да несчастье помогло; любишь кататься, люби и саночки возить; под лежащий камень вода не течет; в тихом омуте черти водятся; чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; на вкус и цвет товарищей нет; в тесноте, да не в обиде; с милым рай и в шалаше* (более 1500 трансформов) – выявлены некоторые особенности употребления пословичных окказиональных вариантов в различных жанрах интернет-коммуникации.

Трансформированные варианты РП в современных интернет-текстах представлены достаточно широко. Изменения устойчивых единиц обусловлены авторскими интенциями и могут производиться на семантическом и структурном уровнях. Данные преобразования наблюдаются в каждом из выделенных жанров интернет-коммуникации, однако наиболее частотны в текстах информативных и коммуникационных жанров – всевозможных публицистических материалов, форумов, чатов, социальных сетей (рис. 1).

Таким образом, наиболее продуктивной трансформационной средой в рамках интернет-пространства выступает сфера межличностного общения (чаты, электронные письма, форумы, социальные сети). Как неоднократно отмечалось в научных исследованиях, интернет-общение – это игровая среда, в которой пользователи создают виртуальные образы посредством текстов. «На смену пассивному читателю-реципиенту текста в Интернет приходит «читатель-игрок», активно участвующий в творческом процессе, обладающий «параллельным восприятием» и создающий свои собственные тексты в чатах, форумах, гостевых книгах и т. д.» [5, с. 39]. Стремление участников интернет-общения сделать свой сетевой образ оригинальным и запоминающимся провоцирует язы-

ковую игру на всех его уровнях, в том числе и на паремнологическом. Трансформированная пословица в рамках коммуникативного жанра зачастую приобретает иронический, шуточный характер: *тише едешь – дальше сбрендишь; не было бы счастья, да пиво помогло; любишь кататься – имей сто рублей; в тихом офисе черти водятся; с ноутбуком рай и в шалаше с комарами* и т. п. Подобное подчеркнуто ироническое изменение пословиц неоднократно отмечалось учеными-паремнологами (Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Е.А. Земская и др.). Участники интернет-общения стремятся продемонстрировать свою социальную значимость, утвердиться в какой-либо из социальных групп [4, с. 26]. Иронизируя над содержанием языковых пословиц, пользователи ставят под сомнение универсальность заложенных в паремиях истин, проявляют свое творческое независимое начало и привлекают к своей персоне внимание других участников общения. Однако такого рода «осмеяние» является не единственным стимулом к трансформациям РП: преобразованные паремии способны усиливать, обострять назидательный характер содержания пословиц, «осовременивать» их звучание: *в тени большого брата, да не в обиде; на вкус и бренд, как говорится, товарищей нет; чем бы дитя ни тешилось, лишь бы истину не глаголило; в тихом омуте черти так и не завелись; в гостях плохо, а дома еще хуже* и т. п. С помощью подобных трансформаций участники интернет-общения «вписывают» устойчивые единицы в культурный контекст современного человека.

В текстах информативных жанров использование трансформов пословиц вместо их языковых вариантов также частотно. Данное явление выступает как средство привлечения зрительского внимания, результат «борьбы за читателя» и наблюдается преимущественно в заголовках тех или иных материалов, статей [1, с. 237]. См., например, следующие варианты пословичных трансформов в заголовках текстов информативных жанров:

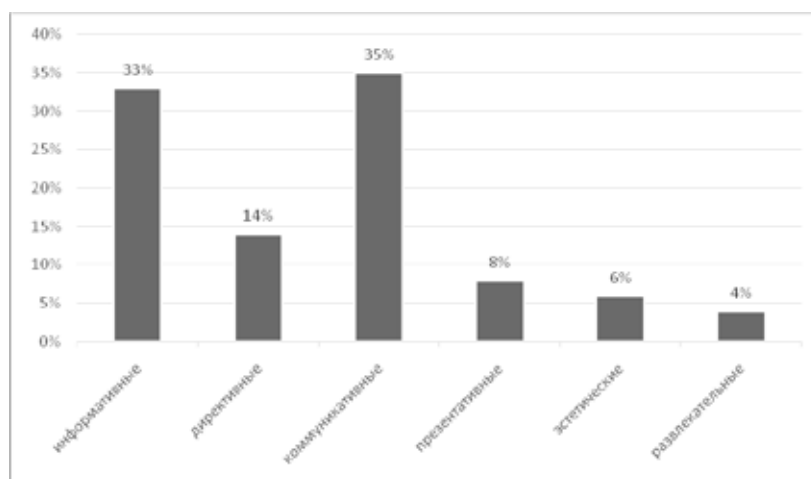


Рис. 1. Процентное соотношение 1 500 трансформов РП активного употребления в интернет-текстах

в гостях хорошо, а ипотека лучше; тише едешь, в Госдуме будешь; на всякого подлеца довольно простактов; в тихом банке риски водятся; под лежащего студента и знания не текут и т. п. Занимая композиционно и стилистически сильную позицию, заголовок во многом предопределяет, будет ли материал выбран пользователем для прочтения из огромного числа текстов, наполняющих интернет-пространство. Творческое переосмысление РП расширяет границы авторской мысли, позволяет конкретизировать значение паремии, подстраивая его под определенную тему.

Менее частотны по сравнению с предыдущими, но также широко применяются трансформации пословиц в текстах директивных (рекламных) жанров интернет-коммуникации. Цель данных текстов – привлечение внимания потенциальных покупателей тех или иных товаров и услуг. Реализация этой цели напрямую зависит от оригинальности слогана, заголовка рекламного текста, что часто достигается благодаря использованию трансформированных РП: *на вкус и цвет лучше попкорна нет; любишь кататься – люби и катайся в Кировске; в гостях хорошо, а в Dream House лучше* и т. п. Использование пословичных трансформов в данном жанре имеет свою специфику: в силу того, что рекламные тексты призваны создавать положительный образ продвигаемого товара, в качестве выразительных средств используются не все пословицы, а те, в которых содержится положительная коннотация. Следует заметить, что большая часть РП включает в своей семантике отрицательную коннотацию, вследствие чего они с меньшей степенью вероятности могут быть употреблены в качестве рекламных текстов и слоганов.

В текстах прочих жанров интернет-коммуникации пословичные трансформы представлены наименее частотно. Причина данного факта видится в следующем: презентационные жанры (личные веб-страницы пользователей) оперируют в большей степени нетекстовыми средствами создания образа пользователя (фотографии, видео), трансформы пословиц используются в качестве подписей к данным материалам (пр., *в балансе хорошо, а в шавасане лучше* – о занятиях йогой в дневнике любителя восточных практик). В текстах же эстетических и развлекательных жанров частотно использование специальной терминологии, интернет-сленга, а также устойчивых выражений, сформированных внутри интернет-пространства и служащих для описания характерных черт данного пространства, особенностей поведения его участников. См., например: *тян не нужны* (тян – девушки), *винда слетела* (ошибки в работе ОС Windows), *это не баг, это фича* (баг – ошибка, фича – специфическая черта) и проч. Однако некоторые пользователи для создания своего сетевого образа применяют специфическую лексику, трансформируя РП: *в гостях хорошо, а в рас-*

сылке лучше (гость – незарегистрированный участник, рассылка – подписка на уведомление о новых сообщениях), *на всякий SIP довольно простоты* (SIP – протокол передачи данных), *под лежащий паррлей фарм не течет* (паррлей – оружие, фарм – сбор ресурсов) и проч.

Исследование пословиц, функционирующих в различных жанрах интернет-коммуникации в виде многочисленных речевых вариантов, является показателем высокой активности трансформационных процессов в Интернет-пространстве. Преобразования РП происходят с различной степенью интенсивности в текстах разных жанров интернет-среды. Наиболее склонными к паремиотворчеству оказываются авторы текстов коммуникативного и информативного жанров, причем более широко трансформы паремий представлены в межличностном общении участников интернет-коммуникации.

Библиографический список

1. Бондаренко Н.Г. Видоизмененные пословицы и поговорки в заголовках на страницах современных газет // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. – Уфа: Лето, 2011. – С. 236–239.
2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Нева, 2005. – 576 с.
3. Дубина Л.В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 2 (130). – С. 177–181.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – Языки славянских культур, 2008. – 320 с.
6. Лейчик В.М. Реальное и виртуальное в понятии «диалог культур» // Вестник МГУ. – 2001. – № 3. – Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 73–79.
7. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград: Перемена, 2009. – 476 с.
8. Невзорова-Кмеч Е.А. Фразеология польского молодежного жаргона: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03. – СПб., 2002. – 326 с.
9. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: монография. – М.: РУДН, 2011. – 435 с.
10. Шипитина Л.Ю. Комплексная характеристика жанра компьютерно-опосредованной коммуникации (на примере веб-страниц новостных агентств) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc> (дата обращения: 14.10.16).

Ростов Олег Робертович

кандидат филологических наук
Ивановский государственный политехнический университет
olegrost@gmail.com

Тамаев Павел Михайлович

доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
ptamaiev@mail.ru

СЛОВО ЖИВОЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАРОДНОГО САМОСОЗНАНИЯ В НАБЛЮДЕНИЯХ И В ТРАКТОВКЕ В.И. ДАЛЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ПАТРИОТИЗМА И ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Взаимосвязь лексикографической и писательской практики Даля отмечают языковеды и литературоведы. В предлагаемой статье на материале «Толкового словаря живого великорусского языка», произведений Даля из сборника «Солдатские досуги» (но главным образом эссе «Что такое отчизна?») анализируется семантика номинаций отечества, отчизны, родины, родной земли. Привлекаются и материалы статей Даля 1830–40-х гг. («О русских словосицах», «Полтора слова о нынешнем русском языке», «Недовесок к статье “Полтора слова о нынешнем русском языке”»). Патриотические понятия, семантика номинаций которых исследуется, – ключевые не только для понимания идей и аксиологии Далева «складчины всякого добра» как «народной книги». Они «сшивают» ту народно-просветительскую (воспитательную) концепцию, что реализована Далем в совокупности трудов. Особая трактовка Далем выделенных патриотических понятий, отраженная в толковании их номинаций в Словаре и эссе, основывается на всей древней семантике слова *земля*. Это позволяет говорить, в частности: о *войске* как форме организации русской народной жизни вообще; считать звеньями одной понятийно-смысловой цепочки лексемы *народ* (*войско*), *отечество* (*отчизна*, *родина*), *государь* (*царь*).

Ключевые слова: «страты» русского этнокультурного и этноязыкового сознания, «элитарная» и «народная» («наивная») культура, отечество, отчизна, родина, Русская (родная) земля, *земля* – *народ* и *войско*, *войско* – *народ*, форма организации повседневной народной жизни.

Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Руськѣ,
яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли.

Митрополит Илларион

Из Далева словарных определений *патриота* как «любителя отечества, ревнителя о благе его, отчизнолюбие, отечественнике или отчизнике», а *патриотизма* как «любви к отчизне» [4, т. 3, с. 24] выводятся и ключевые патриотические понятия *отечество* и *отчизна*. Однако Даль «толковал» о них и в литературных произведениях, напр., в эссе «Что такое отчизна?» [5; 13] из «складчины всякого добра» «Солдатские досуги» [8; 10; 15]. И дело здесь, видимо, не только в переплетении его лексикографической и писательской практики, что отмечают языковеды [1; 12] и литературоведы [7; 14]. Понятия отечества, отчизны, родины, родной земли, родных корней и т. п. во многом «сшивают» и народно-просветительскую (воспитательную [13]) концепцию Даля в целом. Важны они и для понимания идей и аксиологии «Солдатских досугов» – «складчины» первой из трилогии его «народных книг» [15]. Кстати вспомнить тут и клич «За веру, царя и Отечество!», родившийся «из огня двенадцатого года» и со временем вошедший в сознание русского воинства ценностной триадой-ориентиром.

К моменту публикации солдатской «книженки» (1843) углублялись различия между дворянской и простонародной культурами – основными «стратами» русского этнокультурного и этноязыкового сознания¹. Даль, наблюдая за «способами

жизни», «бытом телесном», «бытом духовным» [5] высших и низших сословий, чутко отмечал их и на уровне языка, в том числе лексической семантики. Так, в статью Словаря об *отечестве* он ввел сведения, которые отнес к простонародной культуре, в частности, старообрядчества: «Народн. икона Бога Саваофа с архангелами»; «раскольн. борода с усами...». Вероятно, больше в простонародье бытовали в XIX в. и такие, в том числе архаичные, представления об *отечестве*, как: «состоянье отца, бытность отцом, родительство...»; «Стар. почетное звание духовника...»; «Стар. древность рода, местничество, достоинство по родовым отличиям отцов, предков...» [4, т. 2, с. 724]. Между тем семантика «страна, государство», оформившаяся в этом слове в конце XVII в., – маркер уже «элитарной» культуры – имперского «нового быта» [5]. Да и до того, в других значениях, *отечество* было словом книжным, высоким [6, с. 242–246]. Оно не сменило этой сферы и в XIX в. [3, с. 141], а в 1797–1801 гг. даже обрело флер подлежащего «изъятию из употребления и замене другими» [2, с. 213]². Все это затемняло его *новое* понимание простолюдинами, в том числе и солдатами – вчерашними крестьянами. То же касается и слова с польскими корнями³ *отчизна*. Однако в соответствии с приведенной выше триадой, которая с принятием «официальной народности» (1832–1833) получила почти государственный статус, во-

еначальники в обращениях и приказах говорили солдатам как раз об *отчизне, отечестве*. Да и сами «военные рядовичи» «по рассказам и понаслышке» знали о «двенадцатом годе» – войне «во спасение отчизны», слышали ее определение *Отечественная* [5; 4, т. 4, с. 264; т. 2, с. 724].

Даль же понимал, что новая для воинского простонародья *государственническая* семантика этих слов должна без «кривотолков» восприняться их языковым сознанием. А как «человек бывалый» (В.Г. Белинский), писатель «действительно народный» (И.С. Тургенев), тем более как «словарник», он знал, что внедрить ее туда легче, оттолкнувшись от понятий-аналогов, простолюдинам близких, знакомых им по фольклору, с детства привычных... Вот и «стоят» солдаты в «Досугах», «кладут душу» «и здоровье, и живот свой» не за *отечество, отчизну*, а за «родину свою», «за землю Русскую», «за землю, за родину свою», «за родимую сторонушку». Вот и заменяет Даль там триаду ее соответствиями: «...за царя, за веру да за землю русскую!», «за веру, за царя, за родимую сторонушку» [5]. О том же, «Что такое отчизна?», «толки и разговор» им ведутся особые.

Зачин соответствующего «толкового» [4, т. 1, с. 32] Далева эссе [5] напоминает статью его же Толкового словаря: заголовочное слово *отчизна* поясняется сперва синонимом *отечество*, затем оборотом *родная земля наша*. Тут же вступают в игру «внутренние формы» (В. Гумбольдт, А.А. Потемня и др.) звеньев этой лексико-семантической цепочки, отсылая к родовой памяти, связям нынешних поколений с предками, тех и других – с *родной землей*: «Отчизна, отечество – это родная земля наша, где отцы и деды жили и умирали, где родились и сами мы, живем и хотим умереть. Она земля отцов наших, и за это зовут ее отчиною, отечеством; мы родились на ней, за это зовем ее родною землею, родиною» [5]. И в Словаре *родная (родимая) земля* и *корень* как знак людской связи с ней – тоже понятия опорные. Определение *отечества* как «родной земли, отчизны, где кто родился, вырос...» там дополняет трактовка «корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит» [4, т. 2, с. 724]. При этом *родина* и в эссе-толковании, и в Словаре – это тоже «родимая земля, чье место рожденья» [4, т. 4, с. 11]. Очевидно, по мысли Далея, *корень* и *земля (родная, родимая, народа* и т. п.) – это ассоциативно-логическое и духовное двуединство, выделяемое им в качестве одной из идейных предпосылок чаемого преображения «всех сословий» в «народ» [4; 5]. Ведь первая его часть понятна была каждому, кто: 1) имел в основе своего мировосприятия представления земледельца-землепашца (= простолюдину); 2) быть может, бессознательно – как воспоминания детства, но хранил, несмотря на «новый быт», «горный поток» европейской «образованности и просвещения» [5], связь с «родной почвой», с тем, что

«целые тысячелетия было родным и народным» [5] (= дворянину, разночинцу). Духовную же его суть, по Далю, выражают *язык* и *вера*, тоже в основе общие для всех русских сословий [9; 12]. Они, будто соки, питают *родную (родимую) землю, землю народа*, давая крепость-здоровье *корню*. Семантически сближая-связывая *отечество* и *корень*, Даль, кажется, исходит и: из совокупности общерусских переносных значений лексемы *корень*, где главное, пожалуй, «начало, основание, источник»; из живых речений и паремий: «запустить куда или где корни, укрепиться, утвердиться», «дом корень, а сторона похвальба», «меньшой сын на корню сидит, в крестьянстве, наследует домом», «коренной житель, исконный, не переселенец»; из значений «родина», «место жительства» в говорах: «Мой корень там-то, тамб. родина, оседлость» [4, т. 2, с. 162].

Даль-писатель высвечивает суть укорененности людей, определяемых Далем-«словарником» как *соотечественники, соотчичи, соземцы, земляки, едино(одно)земцы, нашеземцы, родовичи, родиничи, сородичи* и т. п. [4], в *родной земле*, говоря прежде всего о крепкой многовековой кровной (родовой, родственной) и духовной их спаянности. При этом цепь лексем, дающих первое представление об *отчизне*, меняет цепь синтаксических конструкций – риторических вопросов: «Кому же не любя земля отцов и дедов, кому не мила родная земля? Кто не постоит за родину свою, за землю Русскую, которую завещали нам в духовной своей деды и прадеды наши, а мы завещать должны детям и внукам своим, чтобы было им где жить и тужить, веселиться и радоваться, а подчас и поплакать, коли лиха беда одолеет, да утешиться? Разве жить им на чужой земле, в поденщиках у чужого народа, и, как придет последний час, кости положить на чужбине?» [5]. Они создают нужный психологический фон: настраивают читателя на патриотический лад, душевный отклик и действие. Описаниями *подвигов* конкретных людей полна Далева «складчина», но своеобразно речь о них идет и в иллюстративной части ряда статей Словаря: «Источил я кровь свою за отечество»; «За отечество живот кладут, о воинах»; «И стоять нам за свое отечество, без всякого позыбания, стар.»; «Идем на послужение отечества»; «Праведники за веру умирают, герои за отечество, доблестные за правду» [4, т. 2, с. 59; т. 3, с. 233, 335; т. 4, с. 492]. Вряд ли спроста среди этого общерусского хора-переключки *отчинолюбив, отечественников, отчиночников* разных эпох и сословий особо упомянут «подвижник за отечество Минин» [4, т. 3, с. 164].

Писатель Даль стремится укрепить у читателя чувство гордости за «землю Русскую, отечество наше», которое «обширнее и сильнее всех других земель» [5]. Снова расширяется в «толковом» эссе исходное понятие о *родине, отечестве, отчизне*. О *Русской земле* говорится теперь как о *государстве*, объединившем «более шестидесяти губерний и об-

ластей», управляемом «белым Царем», у которого «народу... всего более русского, а есть, кроме того, много народов других, которые говорят не русским языком и исповедуют иную веру». А лексикограф Даль добавляет, что «народ называет белым: веру свою, царя и отечество», что «кроме Великой, Малой и Новой Руси, остальная, т. е. западная часть ее разделяется на Белую (Могилев, Витебск, Минск), Черную (Гродно, Ковна) и Червонную (Вольнь, Подол)». При этом мысли «словарника» о «благодушном государе» – *отце отечества* и о том, что *отечество* – это «государство, в отношении к подданным своим», развивают первоначально емкое определение государства [4, т. 1, с. 153, 387]. Кажется, значимы тут еще и семантика многонационально-много-территориального единства *народа русского* (по типу *семьи* и *дома*), и подчеркивание Далем своей родовой, хоть не глубокой пока, но укорененности в *русской земле*: «Отец мой выходец, а мое отечество Русь, русское государство»; но уже ведь и для И.М. Даля Россия – не *чужбина*, не «чужая сторона, место вне родины, оседлости, жительства», а *новая родина*, или *второе отечество*⁴ – «земля, где выходец поселился, приняв подданство, или прочно, навсегда водворившись» [4, т. 2, с. 724; т. 4, с. 613].

В конечном итоге и в Словаре, и в эссе *отчизна, отечество, родина* трактуются как понятия всеобъемлющего характера, органичная часть человеческой жизни, сознания и психологии, сопровождающие человека от колыбели до могилы (ср. *родина* – как *колыбель, отчий кров* [4, т. 2, с. 144, 196]), неотделимые от него, стоящие в ряду с высокими морально-нравственными категориями *долга* и *совести, веры* и *правды* [5].

Однако крайне значимо и то, что толкуя об *отчизне, отечестве, родине*, описывая семантику номинаций этих понятий сочетаниями *родная (родимая) земля, русская земля* и т. п., Даль оживляет и древнее понимание *земли* как *народа* и *войска*: «Все эти губернии, области и народы разноязычные составляют Русскую землю...» [5]; «Народ русский встал за отчизну свою на общего врага (и татары, и калмыки)»; *земля* – это «страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владенье, область, край, округ. <...> ...стар. народ, войско...» [4, т. 2, с. 462, т. 1, с. 678]. В.В. Колесов пишет об этом: «В XI в. “земля” понималась одновременно как место расселения и как род (народ), на нем живущий... <...> ...вообще “мир людей”, объединенных не только территориальной общностью. *Землей* могли называть и рать, войско, вышедшее в поле из данной земли...» [6, с. 251]. Думается, общение с простолюдинами (крестьянами, солдатами) убедило Даля, что древние смыслы слова *земля* и XIX в. были для них живы. А свидетельством сего вполне могут быть и паремии, такие как: *Нельзя быть земле Русской без государя* [4, т. 1, с. 387]. Ведь и в XIX в. простолюдины были теми, кто «гораздо долее сохраняют

исконный быт свой», живет «на заветах отцов», «на опыте», передает «через десятки поколений, от отца к сыну и внуку» в том числе и пословично-поговорочную «веками нажитую премудрость» [5]. А потому и понимали они, что в зависимости от ситуации речь тут может идти о *земле-территории, земле-государстве* (владении), *земле-народе, земле-войске*, а то и, учитывая синкретизм «наивного» мировидения, обо всем этом сразу. При этом, когда *государь – голова, народ – тело* [5], с номинациями *отечество, отчизна, родина, родная земля, народ* в ряд встанут и лексемы *царь, государь*. По Далю, говоря об *отчизне* ↔ *отечестве* ↔ *родине* ↔ *родной земле*, нельзя не сказать о *народе* ↔ *государе*: отдельный разговор о каком-то звене этой цепочки понятий останется и неполным, и незавершенным – «пустопорожним», а значит, «доброму ничему не научит» [5].

Закономерно, что практически синонимами *народа* в Далевой «книженке»-«складчине» выступают *войско, воинство* и *солдатское братство*, в том числе и с фольклорно-народным атрибутом *честное* [5]. Колесов пишет: «...исконным значением слова *народъ* было ‘толпа, бесконечное множество, сбор(ище)’», причем это множество всегда организовано по какому-либо признаку, и прежде всего – как воинские объединения». Характеризуя слово *полк*, которое «также значит ‘множество, толпа, собрание’»: народ в целом, все люди рода, которые в нужное время составляют воинскую когорту», ученый выделяет следующую семантическую цепочку: «племя» ↔ «народ» («толпа») ↔ «народное ополчение» ↔ «войско» («т. е. народ, поднявшийся на войну») [6, с. 136, 137].

Народ и *войско* наиболее сближаются у Даля, пожалуй, в характеристиках казачьей жизни. О казаках он пишет не только как о «военной силе, армии, рати», но и как о *сослови* простонародья русского, таком же, как *селяне, мещане, ремесленники* и т. п., а также как о *народе, людях*, расселившихся по рубежам земли Русской и большую часть времени крестьянствующих. Соответственно пишет Даль и о казачьей *общине*, синонимизируя при этом лексемы *войско* и *община* [4, т. 1, с. 231; т. 2, с. 72–73; т. 4, с. 278 и др.]. Одним из маркеров сходства «быта телесного» казачьего *войска*, крестьянской *общины* и *артели (ватаги)* мастеровых, рыбаков, бурлаков и проч., наверное, можно считать, в частности, использование официально казачьей номинации *атаман (отоман, ватаман)* для обозначения деревенских и артельных старост (даже пастухов, гуртоводов) не только в войсковых или соседних с ними областях [4]. Также Даль с ее помощью толкует номинации *башлыков-начальников* из простолюдыя: *башлыков, ватагов, жерников, неводчиков, салмашей, таборных* [4].

Между тем служба сочеталась с крестьянским трудом не только в казачьих станицах. То же было и в военных поселениях, где жили и служили *па-*

хотные солдаты, существовало «сословие» *кантонистов* – «солдатских сыновей, обязанных военной службой» [4, т. 3, с. 25, т. 2, с. 85], да и *людской мир / мирской люд* пограничья часто оставлял свои повседневные крестьянско-рыбачьи и т. п. занятия: брался за оружие, томился «в разлуке с родной» в плену [4, т. IV, с. 33] и т. п. На окраинах-то *родной земли* тонкая грань между жизнью *войском* и *миром* вряд ли была ощутима для русского человека: казака или солдата, крестьянина или мастера. Но и простонародье центральных губерний не было застраховано от *солдатчины*. Помимо государевых рекрутских наборов, помещики тоже отдавали крепостных «под барабан», «под красную шапку» [4, т. 1, с. 46, т. 2, с. 187]⁵. Сменив армяк на шинель, топор на винтовку, простолюдин переносил основы своего векового деревенского «телесного быта» и в казарму: жил солдатской *артелью*, *общинной*, *братством*, выстраивая эти привычные отношения с сослуживцами, привычно же называя их *однокашниками*, *товарищами*, *братцами*, а кого-то почитая *дядями*, *отцами* и т. п.

Итак, *войско* – традиционная (наряду с *общинной*, *миром*, *сословиями* и т. п.) форма организации повседневной народной жизни. А потому в «Досугах» есть «статьи» общенародной тематики, где служилые показаны не в бою, не на учениях, а в ситуациях быта, «простой беседы» и т. д. При этом обсуждается морально-нравственный облик солдата, выявляются черты, присущие русскому человеку вообще.

Примечания

¹ Дворянской и простонародной культурам по сути соответствуют «элитарная» / «книжная» и «народная» / «крестьянская» («наивная», «обиходно-бытовая») культуры [11; 12]. При этом Н.И. Толстой, которого можно назвать основоположником теории лингвокультурных «стратов», кроме «элитарной» и «народной» выделял еще промежуточную между ними «третью» культуру» и «традиционно-профессиональную культуру» [11, с. 16–17; 12, с. 29–30].

² С пометой *высок*. толкуется слово *отечество* и современными словарями: «Большим толковым словарем русского языка» С.А. Кузнецова и др. (СПб., 2000), «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 2003) и др. «Учебный орфографический словарь русского языка» В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой, Ю.А. Сафоновой (М., 2010) предлагает различать на письме *отечество* и *Отечество* (*высок*.)

³ См., напр.: «Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов» Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой (М., 2000).

⁴ Даль писал Я.К. Гроту об отце (1868): «Он при каждом удобном случае напоминал нам, что мы русские, знал язык как свой, жалел в 1812 году, что

мы еще молоды и негодны, и дал лошадям своим кличку: Смоленской, Бородинской, Можайской, Тарутинской и пр.» [14, с. 22].

⁵ См.: «Беззачетный рекрут, отданный за проступок не в счет послуги, не зачисляемый обществу»; «Рекрут бесчередник, отдаваемый за дурное поведение»; «Один брат сдан в рекруты по очереди, другой отдан за воровство» [4, т. 1, с. 63, 78; т. 2, с. 720].

Библиографический список

1. Байрамукова А.И. Лингвоэнциклопедизм В.И. Даля. – Ставрополь, 2013. – 516 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М., 1982. – 529 с.
3. Винокур Г.О. История русского литературного языка. – М., 2010. – 184 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.
5. Даль В.И. Тексты произведений в старой орфографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philolog.petsru.ru/dahl/html/texts.htm> (дата обращения: 24.06.16).
6. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986. – 312 с.
7. Путилина С.В. В.И. Даль как литератор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 27 с.
8. Ростов О.Р. Лексические маркеры жанра народных сборников В.И. Даля «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 79–82.
9. Тамаев П.М. Русская беседа как феномен национальной жизни // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – С. 141–145.
10. Тамаев П.М., Ростов О.Р. К вопросу о жанрово-стилевом своеобразии сборника В.И. Даля «Солдатские досуги» // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание. – Иваново, 2011. – С. 14–23.
11. Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – 512 с.
12. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. – Иваново, 2000. – 204 с.
13. Фархутдинова Ф.Ф. В.И. Даль о воспитании и образовании // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание. – Иваново, 2011. – С. 24–30.
14. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб., 1999. – 262 с.
15. Юган Н.Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В.И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. – 2009. – № 2. – С. 106–116.

Васильева Юлия Александровна
кандидат филологических наук
Астраханский государственный университет
gis_00@mail.ru

ЭРГОНИМИКОН ГОРОДА АСТРАХАНИ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье раскрываются содержание понятия «эргоним» и пути создания успешного эргонима. Автором даны структурно-семантическая и словообразовательная характеристики названий коммерческих предприятий города Астрахани, закономерности их возникновения и функционирования в лингвистическом пространстве современного российского города. Рассмотрены основные способы образования астраханских эргонимов, среди которых определены наиболее продуктивные способы. Сделан вывод о том, что эргонимия Астрахани развивается в русле общих тенденций изменения языка с такими характерными чертами, как языковая игра, американизация, диалогичность.

Ключевые слова: ономастика, эргоним, структурно-семантическая и словообразовательная характеристики, топоним, слова-характеристики, слова с затемненной семантикой, номинатор, эргонимия.

Впервые оказавшись в каком-либо городе, мы «считываем» его облик и воспринимаем его как через живую речь горожан, так и посредством чтения малых городских текстов – вывесок, объявлений, указателей и т.д. Это элементы языкового быта города, которые отражают его социальную, экономическую, национально-культурную и региональную специфику, формируют лингвокультурное пространство современного города. Названия городских объектов рассматривают как единицы номинации – эргонимы. Интерес к таким наименованиям возник в конце XX – начале XXI веков, чему способствовал стремительный рост коммерческой и социально-политической активности российских городов.

Мы придерживаемся определения эргонима Н.В. Подольской: «Эргоним – собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [5, с. 151]. На данный момент исследована эргонимика Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Екатеринбурга, Перми, Уфы, Омска и других городов. Обратимся к анализу структурно-семантических характеристик эргонимов такого современного многонационального города, как Астрахань. В рамках нашего исследования качестве источников представлены городская информационная база «ДубльГИС» с 2010 по 2016 г., реклама в СМИ, картотека эргонимов г. Астрахани, собранная автором путём письменного фиксирования номинативных единиц.

Большинство астраханских эргонимов образованы от названий неодушевленных предметов, таких, как детали интерьера, быта, строительные материалы (*Посуда Центр, Уютterra, Дом керамики, Сквородкино, Мир красивой посуды, Удивительные штучки, Магия обоев*); разновидности еды и напитков (*Бориц, Соус, Коржик, Тартинка, Апельсин, Лаваш, Пряник, Крендель*); одежда и аксессуары (*Мир ремней, Сумка мира* и др.). К этой группе относятся и эргонимы, образованные от фитонимов: *Миндаль, Чинар, Лотос, Берёзка, Роз-*

марин, Тюльпан, Сакура, Жасмин, Ирис, Мелисса, Тополь, Ананас, Калинка и др.

Названия, мотивирующей базой которых являются топонимы, также имеют место среди астраханских эргонимов: *Россельхозбанк, Росстрой, Венеция на Каспии, Астрахань без Америки, Волга-Волга, АстраГрад, Дельта Волги, Волжанка, Бизнес Кар Каспий, Волга-Тур, Старая Волга, Сердце Каспия, Майами, Каспийская корона, Астра-Климат, Евразия, Баку, Пекин, Астра-Поволжье, Чикаго, Япония, Шанхай, Бавария, Анталья, Стамбул, Бристоль, Дагестан, Бакинский бульвар, Аракс* (река в Закавказье), *Карфаген, Ленкорань, Маракеш, Люксембург, Старый Таллин, Палермо, Сен-Тропе, Африка, Лондон-Париж, Дублин* и другие.

Особо выделим названия, при создании которых использовалось олицетворение: бутик аксессуаров *Пан Чемодан*, магазин керамической плитки *Сеньора Керамика*, салон-магазин *Мистер Шкафф*, кафе *Мистер Кейк*, кондитерская *Mr.Пончик*, компания *Mr.Акрил* и т.п. Формы вежливого обращения, примыкающие к названиям неодушевленных предметов, усиливают эффект презентабельности предлагаемой продукции.

Отметим и эргонимы-предложения. Данная группа немногочисленна, и названия в ней чаще всего представляет собой побудительное предложение с глаголом в повелительном наклонении: сеть аптек *Будь здоров*, ювелирный магазин *Подари кольцо*, агентство по организации романтических свиданий и праздников *Дари поступок*, продовольственные магазины *Экономь, Станем друзьями*, магазин строительных инструментов *Режь! Сверли! Точи!*, свадебный салон *Желаем счастья*, рекламное агентство *Продвигайся*.

Неотъемлемой частью городского ономастикона Астрахани являются культурно-исторические эргонимы, вызывающие в сознании адресатов национально-культурные ассоциации: кафе *Самовар, Изба, Лапти, Купеческий, Сударь, Сударыня*, баня *Печки и лавочки*, ресторан *Трапеза*, магазин кре-

пёжных изделий *Саморезная лавка*, магазин *Компьютерная лавка*, торговая фирма *Подворье* и др.

Основная функция эргонима прагматическая: номинатор, прежде всего, стремится обозначить сферу деятельности своего заведения и привлечь внимание потенциальных клиентов максимально ёмким, привлекательным, ярким названием. Однако аттрактивный эффект в процессе номинации достигается далеко не всегда. Часто можно наблюдать размытые связи номинируемого объекта с названием. Эргонимы с неясной семантикой в основном представлены аббревиатурами, которые номинаторы часто составляют из начальных элементов собственных имён или имён своих близких (*AAA-сервис*, *ООО «МПН»*, *РадАмир*, *ДИЭЛ*, *AAA*, *Три А* и др.), а также другими сочетаниями, вызывающими у реципиентов неоднозначные ассоциации (караоке-клуб *Запой*, студия аэродизайна *ПроШарим*, кафе *Сытая моль*, кафе-бар *В дрова*, магазин обуви и сумок *Гусеница Fresh*, мебельный магазин *Формула дивана*, магазин *НОГИ в РУКИ*, кафе *PuZo*, магазин разливного пива *Заливной глоток*, фотостудия *Аперитив*, магазин предметов интерьера *Полный прованс* и др.). Отдельно стоит выделить эргонимы, представляющие собой частицы или междометия: магазины *Ай да*, *На-ка* и т.п. *Айда* – междометие башкирского и татарского языка в значении ‘пойдём, иди, давай’ или в значении сказуемого. *На-ка* (разг. = на) – частица. Они многочисленны в общем количестве городских наименований, однако, на наш взгляд, являются самыми неудачными с точки зрения привлечения внимания потенциальных покупателей. В то же время магазин *Ай да маркет* являет собой пример успешной номинации, так как неразложимое сочетание «ай да» содержит сему похвалы, одобрения, восторга (*ай да молодец!*).

Кроме того, среди астраханских эргонимов мы отмечаем большое количество лексических единиц тюркского происхождения: кафе *Азбар*, *Халяль*, *Баракат*, рестораны *Диван-сарай*, *Чайхана Шоли*, столовая *Зам-зам*, кафе быстрого питания *Halal Food*, *Райян*, *Восточный Райян*, чайхана *АкВАР*, кафе и магазины *Ассалам*, *Салам*, *Хазар* и т.п.

Наличие в лингвокультурном пространстве города эргонимов, ассоциирующихся с иноязычными реалиями, несомненно, подтверждает, что исследуемый населённый пункт является полиэтническим и в нём активно используется иноязычная лексика [2, с. 100], причём в различных вариантах графического оформления: автоцентр *Toyota-центр*, стоматологии *White&Smile*, *Smile ROOM*, *Люкс Смайл* и т.д.

Вторая по численности группа представлена отантропонимическими эргонимами. Лингвисты связывают высокую частотность этой группы названий со стремлением номинаторов максимально индивидуализировать, персонифицировать имену-

емый объект, а также актуализировать в сознании реципиентов культурные ассоциации, связанные с именем известного человека, исторической личности и т.п. (кафе *Тарантино*, караоке-клуб *Синатра*, стейк-бар *Чаплин*, магазин бижутерии *Гала и Дали*, кафе итальянской кухни *Celestano*, массажный салон *Монро*, ресторан восточной кухни *Аль-Фараби* – сокращение имени восточного философа и учёного X века), гостиница *Гагарин*, мебельный салон *Шекспир* и др. Функция таких названий мемориальная.

Большинство астраханских эргонимов этой группы имеют в качестве мотивирующей базы женское имя собственное: трапезная *Аль-Маудат* (женское имя персидского происхождения), салоны красоты *Алиса*, *Валида*, *Елена*, *Сафира*, *Ясмينا*, *Софья*; парикмахерская *Светлана*, аптеки *Алёнка*, *Надежда*, *Татьяна*, студия красоты *Николь*, парикмахерские *Мила*, *Милена* и др. Номинативные модели с мужскими именами менее частотны и в большинстве названий включают предлог «у»: закусочная *У Романа*, кафе *У Саида*, *У Вано*, шашлычные *У Малика*, *У Эйваза*, столовая *У Петровича*.

Литературно-мифологическая составляющая ономастического пространства Астрахани актуализирована в следующих эргонимах: студия красоты *Клеопатра*, спа-клиника *Исида*, агентство юридических услуг *Фемида*, магазин товаров для отдыха и рыбалки *Посейдон*, салоны красоты *Адам и Ева*, *Афродита*, магазины *Зевс*, *Ной*, гостиница *Ковчег*, развлекательный центр *Остров сокровищ*, столовая *Скатерть-самобранка*, салон свадебной моды *Феврония*, фитнес-клуб *Три богатыря*, магазин медицинской одежды *Эскулап*, свадебное агентство *Чеширский кот* и др. Богатая образность и широкий ассоциативный ряд характерны для эргонимов, источниками которых выступают различные виды искусства (музыка, кино, литература и т.д.): магазины *Аленький цветочек*, *У Лукоморья*, *Теремок*, *Санчо Панса*, *1000 и одна сумка*, *Эльдорадо*, *Алые паруса*, *Бригантина*, лингвистический центр испанского языка *Дон Кихот*, ресторан *Кавказская пленница*, студия красоты *Большая перемена*, бани *Емеля*, *Жар-Птица*, *Калипсо*, кафе *Ариэль*, *Золотой джин*, *Хоттабыч*, *Мимино*, *Ромео*, *Каменный цветок* (по названию сказки Павла Бажова), *Манилов*, салон красоты *Джульетта*, магазин игрушек из дерева *Буратин Карлович*, парикмахерская *Рапунцель*, магазин детской одежды *Дюймовочка*, детские развивающие центры *Маленький принц*, *Синяя птица*, отель *Дама с собачкой* и др.

Номинативные единицы этой группы содержат отсылку к прецедентному тексту либо имени, вызывающему у реципиента положительные ассоциации.

Традиционно самыми удачными, выигрышными считаются названия, совмещающие информативность и рекламность. В качестве примеров приведём эргонимы, актуализирующие в сознании адресатов

положительные характеристики человека (*Успешный, Хороший, Добрый, Приветливый, Семейный, Домашний, Любимый, Гурман, Добрый фермер, Сытый папа, Весёлый дачник* и др.) или предприятия, магазина (*Мир обоев, Вкусная Ярмарка, Вкусляндия, Вкусняшка, Вкусный, Детский мир, Мир детства, Умная кухня, Планета детства* и подобные).

Основные способы образования астраханских эргонимов – морфологический и лексико-семантический.

Морфологический способ представлен аффиксальным и безаффиксным способами.

Среди аффиксальных способов продуктивна суффиксация. Чаще всего в образовании эргонимов участвуют следующие суффиксы:

-ск-: *Михайловский, Омельнянский, Адмиралтейский, Кубанский, Купеческий, Губернский, Столяровская, Царевская, Астраханская* и др.;

-к-: *Калинка, Алёнка, Обжорка, Тройка, Берёзка, Минутка, Каринка, Дубки, Десятка* и др.;

-н-: *Звездный, Солнечный, Удобный, Удачный, Юбилейное, Южный, Семейная, Смешные цены, Стильный регион* и др.;

-ик-: *Домик, Грузинский дворик, Коржик, Сотовик, Бегемотик* и др.;

-ник-: *Современник, Сокольники* и др.;

-еньк-: *Варенька, Настенька, Дашенька, Маленький принц* и др.;

-ек-, -ок-: *Позребок, Сквознячок, Теремок, Качок* и др.;

-очк-: *Астраханочка, Покупочка, Ленточка, Ангелочки, Яблочко, Мамочка* и др.

Основные безаффиксные способы образования эргонимов – сложение, субстантивация, аббревиация и плюрализация.

В астраханском эргонимиконе выделяются следующие модели **сложения**:

1) соединение целых слов при помощи дефиса: *Квартал-Сити, АРТ-ДЕКОР, Луч-Мастер, Волга-Стрит, Сервис-Центр, Титан-Строй, City-Мебель, Астра-Климат, Строй-Микс, Миг-Мебель, Ассорти-Экспресс, Триал-Спорт, Аудит-Сервис* и др.;

2) соединение корней при помощи структемы: *Цифроград, Техновыгода, Фотоцех* и др.;

3) без структемы (встречается как слитное, так и раздельное написание): *Рок Интерьер, Астра-Профиль, АстраГрад, ДоброБанька, ДоброДом, Квартира класс*.

Субстантивация представляет собой переход в разряд имён существительных других частей речи. Для астраханского эргонимикона наиболее характерна транспозиция прилагательных в существительные: *Кроваткино, Коляскино, Алёнушкино, Сквородкино, Блинная, Булочная, Пельменная, Шашлычная* и др.

Следующий способ образования астраханских эргонимов – **аббревиация**:

1) буквенная или звуковая: эргонимы этой группы характеризуются двойной мотивацией, например, акронимы *ЦПП* (Центр приёма платежей), компания *ООО «СДРМ»*, *В.А.Ш.*, *Л.А.В.* (мебельные салоны), *AcB*, *Elta.R*, *C.E.* (фотостудии) и др.

2) соединение начальной части первого слова и целого второго слова: *РоссТур, Промтовары, Эконом-стоматология, Росмебель*, магазин стальных дверей *Бульдорс* (бульдог на наружной вывеске магазина как символ защиты и безопасности своего хозяина + англ. *door* – *дверь*); вторая часть эргонима – обратная калька), *Спецтехника, Хозтовары* и др.;

3) слоговая, состоящая из начальных частей слов: *КаспрЫбхолодфлот, Веломаг, Рос-Град-Консалтинг, Волготехснаб, АвтоСпецМонтаж* и др.

Плюрализация – образование эргонима в форме множественного числа, например, *Инструменты, Автозапчасти, Продукты* и др.

Д.В. Гугунава называет специфические способы словообразования: эллиптирование, инициализация, нумерализация, сегментация, графический и грамматический каламбуры, стилизация [1]. Помимо перечисленных, к специфическим способам относится гендиадис.

В астраханском городском ономастиконе можно выделить несколько специфических способов образования эргонимов:

1. Сегментация – дробление слова на части для придания ему нового смысла. Этот способ словообразования иначе можно назвать графическим каламбуром, подразумевающим обыгрывание внутренней формы слова за счёт графического выделения компонентов внутри лексемы. Эргонимы этой группы имеют двойную мотивацию: бар *БарBOSS*, кафе *АриСтоКрат, АриЭль, BarBQ, Шашлыч'ОК*, магазин женской одежды *Мила-Я*, фитнес-клуб *ЗаЖим*, магазин для парикмахеров *БиGOODu* (*good* – англ. *хороший, полезный*), пивбар *ПИВОротти*, торговые центры *ОСТРОВский, вАСТОРг*, кафе *VarON*, магазин кожгалантереи *BAGira* (*bag* – англ. *сумка*), магазин итальянской керамики *Italon*, торговая компания *Про100сад*, магазин инструментов *МастерОК*, магазин хозяйственных товаров *Удача*, экспресс-кафе *Суп-Станция*, магазин *CLASSный* и др.

2. Грамматический каламбур подразумевает наличие у эргонима двойного значения: караоке-клуб *Запой*, книжный магазин *Читай город*, кафе быстрого обслуживания *Время есть* и др.

3. Эллиптирование – сокращение онима до одного слова. При отсутствии слов-идентификаторов, обозначающих общее название объекта (магазин, гостиница, ресторан и т.п.), такие эргонимы принимают вид грамматически неполных конструкций: автомобильный салон *Автоцентр на Керченской* (отсутствует компонент «улице»), *Автомойка на Пороховой*, гостиница *На Славянской*, магазин

одежды *Пальто на Бакинской*, кафе *Слобода на Марфинской*, *У переправы*, магазины *По пути*, *У дома*, *На перекрёстке*, *Для здоровья*, *На Дзержинке* (магазин на ул. Дзержинского), *На Победе* (магазин на ул. Победы, 56), *У тёщи*, *На берегу*, *На крючке* и др.

4. Инициализация – использование букв как автономного средства образования наименования: паб *HARAT'S*, фирма *Мастер А*, салон красоты *МАКС'И*, мебельный магазин *Е1*, агентство недвижимости *Крепость-М*, мастерская мебели *Альянс-М* и др.

5. Стилизация – образование эргонимов по подобию других онимов; например, написание названий некоторых фирм с фамильными суффиксами: кафе *Тургенефф*, банк *Тинькофф*, агентство по организации праздников *Бочарофф* (европеизированный вариант русских фамилий, появившийся в начале XX века и связанный с процессом миграции). В подобных названиях стилизация обретает игровую форму, однако есть и эргонимы, содержащие отсылку к традиции именования фирмы по её владельцу, авторитет которого гарантирует высокое качество продукта / услуги. Использование в названиях внутригородских объектов личных имён и фамилий имеет давние традиции. В XIX – начале XX в. собственные имена владельцев являлись центральным компонентом эргонима и входили в состав 90% названий [6]. Такие названия указывали на владельца как главу семейного или корпоративного бизнеса. Среди современных астраханских названий этой группы отметим следующие: коллегии адвокатов *Авличев и партнёры*; *Пеньков*, *Цыганова и партнёры*; *Студия красоты Ани Каверкиной*, *Клиника доктора Нестерова*, *Студия Лапиной Юлии*, *Юридическое бюро Дмитрия Маркова* и подобные.

Отметим и эргонимы, стилизованные под адреса интернет-сайтов (магазины сантехники *Мойка-встройка.рф*, *Сантеххол.ру*, *Nir-vanna.ru*, кадровое агентство *НайдуРаботу.Ру*, центр юридической помощи *Судейский.рф*, обувной магазин *obuv.com*) или содержащие элементы адреса электронной почты: компьютерный клуб *G@mer*.

В этой группе эргонимов можно выделить и названия, графически оформленные по правилам старого русского правописания с Ъ («ерь») в конце слова: столовая *КооператорЪ*, караоке-клуб *ГраммфонЪ*, бюро недвижимости *ФорпостЪ*, типография *БланкЪ*, магазин мужской одежды *ГалантЪ*, кафе *Трактиръ*, *РаспутинЪ*. Использование номинациями правил дореволюционной орфографии можно считать данью модной тенденции, демонстрацией приверженности старым русским традициям, исконно русскому укладу.

6. Нумерализация, или материальная индексация: такие эргонимы образуются путём прибавления к производящей основе (либо в качестве

добавочного компонента) своеобразного морфалиндекса – цифры или буквы: стоматология *Зубной лекарь 32*, мебельный магазин *12 стульев* (эргоним носит прецедентный характер), магазины одежды для беременных *40 недель*, *9 месяцев*, автомойка *Автомобиль 24*, продуктовые магазины *Понизовье-93*, *Корунд30*, *Павильон 626*, *Продукты 5+*, кафе *7 небо*, *21 век*, *Мелия999*, *Манхеттен+*, *Smartcafe 3/7*, автосервис *Фаворит 30*, атлетический клуб *40 пудов*, магазины *ТИТАН-2*, *1000 мелочей* и др.

7. Гендиадис (от др.-греч. ἕν διὰ δύοιν «одно через два»): эргонимы этой группы выражают одно понятие двумя лексическими единицами: столовая *Шуры-Муры*, салон-магазин *Штор-Декор*, магазин цветов *Цветик-семицветик*, магазины *Ёлки-Палки*, *Кубик-рубик* и т.п. Компоненты таких «двойных» номинаций грамматически однородны, но могут нести разную смысловую нагрузку. Названные и подобные им эргонимы звучат оригинально благодаря использованию аллитерации и других приёмов звукописи.

Лексико-семантический способ наблюдается:

1) в эргонимах, образованных путём трансонимизации, т.е. при переходе онима одного разряда в другой. Здесь выделяются:

а) трансантропонимизация, или переход антропонимов в эргонимы: *У Романа*, магазины *Виктория*, *Настенька*, *Валентина* и др.;

б) трансстопонимизация, при которой основой эргонима становится топоним: *Япония*, *Шанхай*, *Бавария*, *Стамбул*, *Бристоль*, *Маракеш*, *Люксембург* и др.;

в) трансонимизация другими онимами, например, онимизация фитонимами (*Калинка*, *Берёзка*, *Миндаль* и т.п.) и зоонимами (*Дельфин*, *Бегемот*, *Бизон*, *Медведь*, *Барс*, *Волк* и др.).

2) в эргонимах, образованных путём онимизации, т.е. при переходе апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функций в имя собственное. Онимизация представлена двумя основными типами: метафорой (гостиница *Корона*, магазин *Уют*, охранный агентством *Волга-Щит*) и метонимией (*топаз* 'драгоценный камень' / *Топаз* 'ювелирный магазин'; сеть аптек *Доктор*, магазин *Садовник*, фирма *Монтажник* – примеры от-адресантных эргонимов, в которых наименование с номинации исполнителя услуги переносится на имя объекта; *Ткани*, *Сувениры*, *Посуда* – эргонимы, в которых наименование ассортимента переносится на название объекта).

3) в эргонимах – заимствованиях. Среди них выделяются адаптированные и неадаптированные варваризмы. К первым относятся иноязычные вкрапления, помещённые в чужое окружение. Обычно графический облик таких эргонимов остаётся нетронутым, что говорит об их неосвоенности принимающим языком (либо о частичной освоен-

ности): *Метро Кэш Энд Керри, Секонд Хэнд, Хит Лайн, Селфи, Хайтэк* и др.; б) полукальки: *Техно-маркет, Хоум кредит* и др.

Неадаптированные варваризмы представлены иноязычными лексемами (магазины *Welkome* (англ. *Добро пожаловать*), ресторан *Liberty* (англ. *свобода*), *Vis-A-Vis shoes, Golden Style, Fashion, Celebrity, I love sushi, Beer House, Chic, Empire, Fresh Style*), наименованиями зарубежных торговых марок (магазины *Adidas, Baldinini, Sela, Stradivarius, Francesco Marconi* и др.), формальными элементами чужого языка (*PRO ЕДУ, YARUS, Das Колбас, Roman-tic, Fenix, Veranda, МоемChisto, Tabakpodarki, PANORAMA, SULTAN Чайхана, Lazurit*) и обратными кальками (*Чикаго Хаус, Фиш_тайм, НеоЛайф, Дрим Бьюти бутик, Релакс, Линлайн* и др.).

Наличие номинативных единиц чужих языков в астраханском эргонимиконе свидетельствует об активном процессе глобализации и ориентации горожан на западную культуру.

Эффективность эргонима реализуется в полной мере, если номинатор вдумчиво и ответственно подходит к анализу потенциальной аудитории для продвижения своего товара (услуги), выбирает речевые средства, исключая у адресатов ложные ассоциации, не игнорирует орфографические и грамматические нормы русского языка (за исключением случаев намеренного использования языковой игры, которые, впрочем, немногочисленны). Стоит учитывать и фоновые знания клиентов. По мнению А.М. Емельяновой, адресат должен суметь расшифровать название, провести параллель, аналогию с понятиями, содержащимися в его «мысленном досье» [3, с. 94].

Эргонимы, при создании которых использованы элементы языковой игры, иногда интерпретируются адресатами с трудом. Очень часто потенциальные клиенты коммерческих заведений, визуально оценивая их вывеску, вкладывают в такие эргонимы смысл, отличный от замысла номинатора. Понимание названий не должно представлять трудности для адресата, его семантика должна легко считываться. Если номинатор использовал языковую игру, название в сознании адресата не должно маркироваться как ошибка; желательно, чтобы потенциальные клиенты воспринимали подобные

названия как оригинальное изобретение автора, намеренное отхождение от нормы. Безусловно, для этого необходимо наличие общей картины мира, сходных фоновых знаний.

Подведём итоги. Наиболее продуктивным способом образования номинаций в астраханском эргонимиконе является лексико-семантический. Отличительная особенность эргонимов, образованных морфологическим способом, – создание сложных слов. С помощью специфических способов словообразования номинаторы создают необычные, оригинальные эргонимы. В целом эргонимия Астрахани развивается в русле общих тенденций изменения языка: языковая игра, американизация, диалогичность.

Библиографический список

1. Гугунава Д.В. Функционирование иноязычных словоэлементов в современной речи // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – С. 72–76.
2. Емельянова А.М. Отражение менталитета русских в лингвистическом пространстве полиэтничного города (на примере названий вывесок г. Уфы) // Историческая демография русских Башкортостана: доклады научно-практической конференции. – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2002. – С. 98–101.
3. Емельянова А.М., Яковлева Е.А. Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г. Уфы) // Вестник Башкирского университета: научный журнал. – 2006. – № 3. – С. 90–94.
4. Михайлюкова Н.В. Тексты городских вывесок в аспекте лингвистического описания (на материале языка г. Владивостока) // Вестник ЧГПУ. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 9. – С. 222–231.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988.
6. Романова Т.П. К вопросу о типологии названий торговых предприятий губернского города // Ономастика Поволжья: материалы VII конф. по ономастике Поволжья. – М., 1997. – С. 181–188.
7. Черенкова Б.В. Вывеска как средство репрезентации лингвокультуры современного города // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2. – С. 72–74.

Гвоздева Елена Викторовна*кандидат филологических наук, доцент
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
gvozdeva_15@mail.ru***Журавлева Надежда Сергеевна***Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Piter333@bk.ru*

ИЗУЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ДИАЛЕКТНУЮ ЛЕКСИКУ, НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Преподавание русского языка как иностранного ставит, наряду с задачей развития речевых навыков, задачу формирования лингвострановедческой и лингвокультурологической компетентностей. В статье предлагается к рассмотрению такой способ расширения лексического запаса и погружения в естественную языковую и культурную среду, как чтение художественных произведений, содержащих диалектную лексику. Авторы обосновывают целесообразность введения в лексический материал диалектизмов при обучении иностранцев русскому языку. Знакомство с этими словами представляет большой интерес и имеет практическую ценность: они содержат богатую информацию как об истории языка, местности, так и современных реалиях, в которых обучаются иностранцы. Студентам становится проще адаптироваться в языковой среде. Полученную на занятии информацию они могут использовать в повседневном общении. В статье освещается опыт изучения художественных произведений, содержащих диалектизмы, на примере творчества колгоспного писателя Е.В. Честнякова. Авторами разработана система предтекстовых и послетекстовых упражнений, позволяющая решить основные задачи учебного процесса в этом направлении.

Ключевые слова: *костромские говоры, диалектная лексика, Е.В. Честняков, русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, лингвострановедческая компетентность, лингвокультурологическая компетентность, естественная языковая среда.*

Современные ученые и педагоги однозначно признают необходимость формирования коммуникативных навыков в тесной связи языка и культуры. Культура любого народа – великое национальное достояние и интеллектуальный фундамент общества. Изучая русский язык, иностранные студенты получают сведения о грамматической структуре языка, знакомятся с лексикой, необходимой для дальнейшего приобретения профессиональных навыков, учатся общаться на неродном языке, а также приобщаются к культурным ценностям русского народа. Этот процесс будет долгим и малорезультативным без целенаправленной, планомерной работы, осуществляемой преподавателем. Благодаря деятельности педагога молодым людям становится доступна такого рода информация, которая раскрывает национальную ментальность, систему ценностей, нравственных приоритетов и определяемые ими модели поведения, поощряемые в российском обществе. Обучение в этом случае строится как процесс формирования толерантности к культуре страны изучаемого языка.

Методика русского языка как иностранного (далее РКИ), наряду с задачей обучения языку и развития речевых навыков, ставит задачу формирования лингвострановедческой и лингвокультурологической компетентностей. На занятиях РКИ преподаватели рассказывают о национальных обычаях, традициях России. Эта информация при условии сформированности умения пользоваться ею помогает иностранным гражданам более точно понимать речь носителей языка и добиваться полноценной коммуникации.

Есть много способов, при помощи которых можно развить интерес к изучаемому языку через историю и культуру страны. По мнению М.М. Кондратенко, «на основании анализа диалектных данных можно заключить, что национальная идентичность – сложное понятие, состоящее из многих компонентов. Одним из этих компонентов является представление национального мировосприятия в языке /диалекте» [10, с. 173]. В статье предлагается к рассмотрению такой способ расширения лексического запаса и погружения в естественную языковую и культурную среду, как чтение художественных произведений, содержащих диалектную лексику.

Отношение к диалектной лексике как материалу для занятий РКИ неоднозначно. Признавая, что диалектные формы не обязательны для активного усвоения материала, авторы хотели бы отметить, что данная лексика напрямую связана с идеалами, жизнью, бытом народа и содержит важную страноведческую информацию. Е.С. Рудыкина справедливо замечает: «Разбор диалектного языкового материала на занятии со студентами продвинутого этапа обучения позволяет представить обучающимся Россию через ее часть – край, округ, город, район... получить представление о территориальных разновидностях русского языка, о богатстве и выразительности народной речи» [12, с. 40]. Однако в учебниках по РКИ лексике такого рода внимание практически не уделяется. Решение этой важной проблемы поможет повысить уровень знаний изучаемого языка и подготовит студентов-филологов к восприятию материала по профильным дисциплинам.

плинам, а также будет способствовать повышению авторитета русского языка в современном мире.

Без сомнения, языковой материал должен тщательно отбираться. Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым мы признаем: прежде всего должна быть усвоена обязательная лексика, включенная в минимум каждого (элементарного, базового, первого сертификационного и т. д.) языкового уровня. Однако чем глубже знания студентов, чем свободнее они изъясняются на неродном языке, тем больше возможностей у преподавателя для расширения словарного запаса своих учащихся, в том числе за счет страноведческого материала. Сначала этот материал может подаваться в адаптированной форме, а далее – без каких-либо ограничений со стороны лексического наполнения языкового выражения [2, с. 124]. По мнению авторов, на продвинутом этапе обучения (второй сертификационный уровень) преподаватель имеет возможность использовать в обучении тексты, содержащие диалектизмы. Знакомство с этими словами представляет большой интерес в плане лингвокультурологии и имеет практическую ценность: они содержат богатую информацию об истории языка, местности, в которой используются, особенностях менталитета русских людей, их духовных ценностях, о современных реалиях, в которых обучаются иностранцы. Благодаря знанию диалектной и просторечной лексики студентам проще адаптироваться в языковой среде, а полученную на занятии информацию они могут использовать в повседневном общении.

В качестве учебного текста авторы хотели бы предложить сказку «Чудесное яблоко» самобытного писателя, художника, педагога и мыслителя, всю жизнь прожившего в Кологривском районе Костромской области, Е.В. Честнякова. Имя Е.В. Честнякова стало широко известно сравнительно недавно, только в 1968 году. Но сегодня творчество художника и сказочника вызывает все больший интерес. Е.В. Честняков очень серьезно и бережно относился к народному слову, так как он считал, что «язык вырабатывается великим творчеством народа» и «стремится к музыкальности, легкости, красоте» [15]. В своих сказках ему удалось сохранить народную речь жителей одного из регионов европейской части России, а именно – междуречья Костромы и Унжи, местности, в которой живет история наших предков. Если убрать из сказок Е. Честнякова диалектные слова и заменить их общеупотребительными, например: *ондрец* – телега, *подсоблять* – помогать, *до выгреба* – до последнего, мы потеряем колорит произведения, утратим связь между прошлым и будущим народного языка.

Ефим Васильевич Честняков почти всю жизнь прожил в деревне, однако это не помешало ему получить хорошее образование, стать известным

художником, скульптором, писателем. Он отлично владел и литературным языком, и родным диалектом. Как отмечает Н.С. Ганцовская, исследователь творчества Ефима Васильевича, «писательский успех складывался из многих составляющих, но, пожалуй, главная из них – свободное и многоплановое владение местными народными разговорными средствами, из которых на первом месте стоят лексические и фразеологические ресурсы поунженских говоров. Они и придают поэтичность, романтическую привлекательность текстам произведений Е.В. Честнякова» [6, с. 100]. Сказка «Чудесное яблоко» точно и полно отражает жизненный уклад родной деревни писателя – Шаблово, особенности живой разговорной речи крестьян поунженских деревень, является уникальным источником языкового материала для решения поставленных выше методических задач. Мы считаем, что полезно и важно познакомить с творчеством Е.В. Честнякова иностранных учащихся, так как изучение его произведений приблизит их к пониманию особенностей мировоззрения и духовности русского народа.

Работа над текстом может быть начата с прогнозирования содержания сказки по названию.

Обилие в сказке слов говоров Русского Севера определяет содержание первого этапа изучения произведения. Предтекстовая работа включает прежде всего презентацию новой лексики. Целесообразно сразу остановиться на графическом облике слов и их звучании. Следует также обратить внимание на происхождение и структурные особенности слова, а затем рассмотреть слово в широком культурно-историческом контексте.

Предъявление слова должно происходить в предложении, которое помогает точнее понять смысл. Контекст в этом случае выступает как в качестве иллюстрации, так и в качестве дефиниции. В дефиниции может приводиться литературный перевод всего контекста, в который помещено описываемое слово. Иллюстративный материал служит, таким образом, семантизации слова, объясняет условия его функционирования.

Андрец и ондрец, *а, м.* Телега с высокими решетчатыми бортиками для перевозки снопов, сена. Теперь – грузовая машина и бортиками или прицепная тележка. *Телега – одно, а у андреца-то еще доски по краям наколочены, чтобы сено не сваливалось. Чухл. (Ножкино). Сено-то раньше на андрецах возили. Буйск. (Елегино)* [4, с. 3]. Ср. с примерами из текста. *Сам подсобляет, и лошадь старается – ни с места ондрец. Приехал и подъезжает близко под яблоню, чтобы упало прямо в ондрец.*

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) слово *ондрец* имеет географические пометы: Волг., Север., Костром., Яросл. [14, т. 23, с. 215]. Для существительного *ондрец* можно использовать один из основных способов семантизации слова на

начальном этапе обучения – наглядность. Как известно, Е.В. Честняков обладал и художественным талантом. Еще в 1914 году была напечатана книга сказок, иллюстрированная рисунками автора. Сам он говорил, что «картины его, в обычном понимании этого слова, картинами как бы и не являются. Их надо рассматривать одновременно с “глинянками” и “словесностью”» [13, с. 159]. Это был его единый неделимый мир. В качестве иллюстративного материала может быть использована репродукция картины «Щедрое яблоко», написанной автором сказки. Картина выставлена в Костромском областном музее изобразительного искусства. На занятии преподаватель может воспользоваться электронным каталогом или извлечь репродукцию с других сайтов [9].

В хорошо подготовленных группах для объяснения значения слов возможно использование их деривационных связей. Часто значение диалектизма становится понятным на фоне гнезда слов со словом литературного языка, так как учащимся известна корневая морфема. Например: *парнеки – парни, девоньки – девочки, колоколо – колокол, дупластый – дуплистый – дупло, слыхивать – слышать, завсегда – всегда*. Значения слов *подсоблять, больно, ежели* можно объяснить подбором литературных синонимов. Наречия *давеча, до выгреба* и глаголы *брякать, почать* – толкованием значений слов (см. ниже). Для определения значений диалектных слов мы использовали академический «Словарь русских народных говоров» [14] и словари костромской диалектной лексики, «Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» [4], «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» [3].

Особое место в кругу диалектных словарей занимает «Словарь русских народных говоров» (далее СРНГ) [14]. Это сводный диалектный словарь, издаваемый Российской академией наук. Словарь уникален по охвату лексикографического материала. В нем собрано более 200 тысяч лексических, семантических и фразеологических диалектизмов, обнаруженных в говорах России. СРНГ обобщает материалы, отраженные в ранее опубликованных и рукописных диалектных словарях, а также сведения, извлеченные из наблюдений за живой народной речью, из фольклорных и литературных произведений. СРНГ даёт семантическое описание и этимологическую характеристику словам, показывает изменение их значений на протяжении двух веков. Он может быть использован для синхронного и диахронного изучения лексики русского языка.

«Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» [4] и «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» [3] – относительно недавние лексикографические труды, посвященные костром-

ским говорам и созданные на костромской земле. Именно из них авторам статьи удалось почерпнуть ценную информацию, необходимую для правильного толкования слов, отсутствующих в СРНГ. Сосредоточив внимание на лексике определенного региона, лексиколог и лексикограф Н.С. Ганцовская смогла представить ее более полно по составу и структурно-семантическим компонентам по сравнению со словарями, охватывающими диалектизмы более обширных территорий. В качестве иллюстративного материала в словарях используются сведения краеведов конца XIX – начала XX вв., а также полевые записи, сделанные в конце XX – начале XXI вв. Особую роль в освоении словарного богатства костромских говоров Н.С. Ганцовская отводит изучению хрестоматий, а также рукописных материалов, принадлежащих местным знатокам народного слова. «В настоящее время лексику русских говоров, особенно протяженных территорий, целесообразно изучать в конкретных условиях её функционирования, используя обширные контексты, где она в совокупности с фонетическими и грамматическими средствами может наиболее адекватным образом продемонстрировать свои структурно-семантические и ареальные качества. Это изучение должно способствовать более точному выявлению её состава и основных имманентных черт в культурном пространстве национального языка на фоне литературного языка и других, внелитературных, образований и даст материал для сравнения с говорами ближайших и более удалённых территорий с целью определения их общих и отличительных черт, выявления позитивных и негативных изоглоссов, и, наконец, с целью изучения локальных черт литературной формы русского языка, пришедших в стандартную, «надтерриториальную» форму национального языка из севернорусских говоров» [5, с. 135].

Знакомство иностранцев со словарными статьями, по мнению авторов, может происходить не в полном объеме. Задача РКИ – добиться понимания значения слова, и диалектные словари, наряду с переводными, становятся лишь инструментом в достижении обозначенной цели. Далее мы приводим слова, толкование которых было найдено только в вышеназванных словарях.

Брякать, аю, аешь, *несов.*; брякнуть, ну, нешь, *сов.*; 4. Говорить пустое. *Устали брякать-то?* Костром. [14, т. 3, с. 221]. Студентам можно сообщить, что рассматриваемый глагол относится к числу многозначных, но в контексте произведения актуализируется именно это значение, ср.: *Дедушко не поверил, ушел домой, запряг лошадь, никому не сказал и домашним – разбрыкают-де все раньше времени, соберется народ*. В тексте произведения употреблен префиксальный дериват, имеющий значение «разболтать всем, выдать секрет». Обучающиеся, анализируя словообразовательную

структуру производящего и производного, определяют, какой компонент значения появляется в слове благодаря приставке *раз-*.

Глагол *починать* в СРНГ имеет одно значение. Ср.: Починать, *несов.*, почать, *сов.* Начинать. *Они как почнут бежать.* Перм., Север., Печор., Сев-Двин., Арх., Беломор., Новг., Пск., Твер., Смол., Курск., Ворон., Рост., Дон., Тамб., Ряз., Тул., Калуж., Моск., Влад., Ярос., Волог., Костром. [14, т. 31, с. 13]. Однако в «Словаре говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» глагол полисемичен. Развитое на базе основного значение свойственно лишь костромским говорам. Ср.: Починать = резать. *Караван были ржаные. Починать целый караван не полагалось* [4, с. 312]. Именно в таком региональном значении используется глагол в сказке Е.В. Честнякова. Ср.: *Почали (яблоко). Стали пробовать: сладкое, душистое, рассыпчатое.*

Давеча, *нареч.* Недавно. *Давеча говорили и уж забыл.* Яросл., Костром., Нижегород., Казан., Саратов., Дон., Курск., Орл., Тамб., Тул., Калуж., Моск., Новг., Волог., Перм. [14, т. 7, с. 260]. Ср. в тексте. – *Да что это? Ровно кто засмеялся, давеча послышалось мне, – говорит дедушка.*

До выгреба (диал.) До конца, полностью. *Впрягайтесь сами все, до выгреба, сколь вас найдется в избе.* [3, с. 27]. Данное наречие найдено только в «Словаре народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» [3] и принадлежит поунженским говорам.

После презентации необходимо включить слово в уже существующую у студентов систему слов, добиться того, чтобы лексема перестала быть пустым звукобуквенным комплексом. Л.Ф. Крапивник разделяет лексические упражнения на подготовительные и речевые (коммуникативные) [11]. Подготовительные упражнения решают обозначенную выше задачу, начинаются с распознавания слова в тексте, умения найти его формы. Студенты могут заполнить пробелы в предложениях нужными по смыслу словами или самостоятельно составить предложения, используя изученную лексику.

При работе над новой лексикой «довольно часто остаётся без внимания словообразовательная структура слова, которая могла бы дать представление о многих закономерных процессах словообразования и грамматики» [8, с. 15]. Благодаря словообразованию постоянно обогащается лексическая система языка, одновременно происходит классификация слов по типам корневых и аффиксальных морфем. «Учет этой классифицирующей функции словообразования может способствовать ускоренному и вместе с тем углубленному и упорядоченному освоению русской лексической системы иностранными учащимися, а также привитию им навыков определения значения нового, неизвестного слова через соотнесенность с его формально-грамматическими элементами» [1, с. 51].

Предложенные ниже упражнения, по мнению авторов, способствуют системному, сознательному усвоению лексики, предполагающему понимание не только содержания, но и формы.

Задание 1. Определите, какое значение придают прилагательным *большущее* (яблоко), *дуластая* (осина) суффиксы *-уц-* и *-аст-*. Скажите, от каких слов эти прилагательные образованы.

От данных ниже слов образуйте при помощи суффиксов *-уц-* или *-юц-* прилагательные, характерные для разговорного стиля речи, и подберите к ним подходящие по смыслу существительные: *дорогой, здоровый, длинный, бедный, сильный, вкусный.*

От приведенных ниже существительных при помощи суффикса *-аст-* образуйте прилагательные и составьте с ними словосочетания: *глаза, уши, руки, язык, голова, щека, скула, вихор, шип, сучок, вихры.*

Задание 2. Определите значение глаголов *похваливать* и *не слыхивать* в следующем предложении: *Вся деревня наелась, похваливают: такого-де дива не слыхивали.*

Преподаватель может обратить внимание студентов на отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым в данном предложении. Н.С. Ганцовская отмечает: «Е.В. Честняков не признает согласование по форме, а не по значению между сказуемым и подлежащим, характерные для современного литературного языка в отличие от древнерусского и говоров» [7, с. 477].

Текст предоставляет богатые возможности для отработки сложного грамматического материала, например глаголов движения, видовых соотношений, однако в рамках статьи авторы хотели бы сосредоточить внимание на способах подачи и закрепления лексического материала.

Далее может следовать беседа по смысловым аспектам сказки. Здесь снова необходимо обратить внимание на название произведения – «Чудесное яблоко». Почему именно яблоко? Яблоко для жителей северных районов было редким плодом, поэтому наделялось целым рядом целебных свойств. В сказке Ефима Васильевича яблоко прекрасно и огромно. Почему возник такой гиперболизированный образ? Комментарий преподавателя должен пояснить студентам, что писатель переживал по поводу нелегкого положения крестьян. Огромное яблоко – это мечта о сытой и здоровой жизни. Некоторые исследователи видят в яблоке библейский символ: плод на дереве познания добра и зла [9].

На следующий вопрос можно предложить обучающимся ответить самостоятельно. Почему яблоко растет в лесу? Почему дедушко не отправился к яблоне, выращенной в собственном саду? Ответ очевиден: неожиданно найти дикое яблоко намного приятнее. Яблоня в лесу – это щедрый дар природы, божий дар. Р.Е. Обухов в докладе «Антиуто-

пии пророческого искусства Ефима Честнякова» заметил, что щедрость божьего яблока беспредельна. Ущербна людская щедрость, а божьим яблоком дед делится с людьми в доступной ему окружающей вселенной «до Христова дня» [9]. В этой связи временной период «до Христова дня» тоже можно определять по-разному. Не только с осени до весны, до Пасхи, но и в библейском понимании – до воскресения Христова.

Подводя итог, преподаватель может задать еще несколько вопросов учащимся. Почему вся семья пришла в лес? Чей вклад в общее дело оказался решающим? От чего зависит исход общего дела? Р.Е. Обухов видит в сцене единения глубокий символический смысл: реализация божьей благодати (поехал ондрец) на земле зависит от этого единения [9].

Завершающий этап работы – активизация изученной лексики и продуцирование собственного высказывания с опорой на прочитанный текст. Обучающиеся рассказывают эту сказку от лица дедушки, от лица его жены или детей, от лица жителя деревни.

В заключение хотелось бы отметить, что сказки Е.В. Честнякова представляют не только литературную и культурную ценность, но и ценность в познании местных особенностей русского языка. Большинство исследователей сходятся во мнении: «Творчество Ефима Честнякова – это неисчерпаемый источник духовной и народной мудрости, сокровищница русской крестьянской культуры» [15, с. 9]. Сказки помогают привить любовь к русскому языку и стране изучаемого языка. Чтение неадаптированного текста позволяет сохранить самобытный язык великого мастера слова Е.В. Честнякова, дает возможность прикоснуться к тому пласту лексики, который можно назвать «живой стариной, сохранившейся на территории давнего заселения неопределенно долго и хранящей в себе глубокую древность...» [5, с. 136].

Библиографический список

1. *Баско Н.В.* Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) // *Язык, сознание, коммуникация*: сб. науч. статей, посвященный памяти Г.И. Рожковой / ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог, 1998. – Вып. 6. – С. 51–59.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз.,

1983. – 269 с.

3. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово: Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 224 с.

4. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова: Изд-во «ТЕР-РА», 2015. – 512 с.

5. *Ганцовская Н.С.* Диалектные тексты как хранилище лексического богатства языка (на материале хрестоматий костромских говоров) // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. – № 1. – 2016. – С. 135–139.

6. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* К вопросу о специфике авторских областных словарей (обновленный проект создания «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова») // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. – № 6. – 2015. – С. 100–103.

7. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* Е.В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка // *Громовские чтения: сб. материалов и исследований междунар. науч. конф.* – Кострома: КГУ, 2016. – Вып. 3: Живое народное слово и костромской край. – С. 465–477.

8. *Гвоздева Е.В.* Гнездовой принцип изучения лексики при обучении русскому языку как иностранному // *Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология*. – 2015. – № 3. – С. 14–19.

9. Ефим Честняков: не профанировать русскую душу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/368/> (дата обращения: 18.03.2017).

10. *Кондратенко М.М.* Диалект и этническая идентичность // *Громовские чтения: сб. материалов и исследований междунар. науч. конф.* – Вып. 3: Живое народное слово и костромской край. – Кострома: КГУ, 2016. – С. 165–174.

11. *Крапивник Л.Ф.* Трудности обучения иностранных студентов-филологов языку специальности // *Русский язык в межкультурном пространстве*. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 423–426.

12. *Рудыкина Е.С.* Диалектная лексика донских говоров на уроках РКИ // *Русский язык за рубежом*. – 2011. – № 1. – С. 40–46.

13. *Серов И.А.* Не признан при жизни. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 252 с.

14. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.

15. *Честняков Е.В.* Русь уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.

Журавлева Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
n.juravleva@mail.ru

Красильщик Елена Александровна

кандидат филологических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
helenkr@yandex.ru

Попутникова Людмила Андреевна

кандидат исторических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
popytnikova@rambler.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ (на примере веб-текстов инженерной направленности)

Данная статья посвящена изучению грамматических трансформаций при переводе веб-текстов инженерной направленности с германских языков на русский язык. Научно-технический прогресс и развитие торговли между странами не только на уровне продажи высокотехнологичных машин и оборудования, но и на уровне обмена технологиями производства делает как никогда актуальной проблему адекватного технического перевода, в частности, веб-сайтов инженерных и производственных компаний. Стилистика подобного рода текстов предъявляет определенные требования к точности переводимой информации, однако дословный перевод и «калькирование» грамматических конструкций не всегда адекватны в силу межъязыковых и этимологических различий. Данное исследование обеспечивает детальный подход в рассмотрении разных видов грамматических трансформаций, учитывая особенности стиля технических текстов на германских и русском языках. Подобные исследования способствуют улучшению качества перевода интернет-сайтов инженерной направленности, пополнению словарей, а также могут использоваться в качестве материала в методике преподавания германских языков.

Ключевые слова: переводческие трансформации, грамматические трансформации, виды грамматических трансформаций, теория и практика перевода, перевод технической литературы, перевод веб-сайтов, германские языки.

В эпоху развития интернет-технологий в распоряжении современного инженера имеется множество программных возможностей для перевода необходимой информации: от электронных словарей до онлайн-переводчиков веб-сайтов. Современные системы машинного перевода умеют переводить веб-сайты целиком, полностью сохраняя их структуру и внешний вид. Требуется всего лишь вставить адрес сайта (url) или отдельной его страницы в переводчик. Перевод страниц сайта будет выполнен автоматически, и в большинстве случаев всего за несколько секунд. Однако кажущаяся легкость не дает искомого результата: электронный переводчик часто выдает набор слов. Ведь в каждом языке есть свои особенности: грамматические обороты, усилительные конструкции, слова с переносным значением и т. д. Практика использования систем машинного перевода показала, что тексты, включающие сложные предложения, конструкции с разнотипной синтаксической связью, специальные термины переводятся очень плохо. Грамотный переводчик должен учитывать еще и все особенности языков, с которого (исходный язык, далее ИЯ) и на который (переводящий язык, далее ПЯ) осуществляется перевод (в данной статье ИЯ – германские языки, ПЯ – русский язык). Это очень сложная задача, и на сегодняшний день систем машинного перевода, учитывающих все эти факторы, не существует. Поэтому пока идеального

результата от автоматического перевода добиться невозможно.

Другой проблемой практики технических переводов является то, что даже обученные специалисты не всегда справляются с поставленной задачей в силу ряда причин, одной из которых является незнание адекватных переводческих трансформаций. Сама тема «переводческие трансформации» не нова в лингвистике. Ею в разное время и в разном объеме занималось множество исследователей. Теоретико-методологическую основу в области лингвистической теории перевода составляют труды русских исследователей: А.В. Федорова, Л.С. Бархударова, Я.И. Рецкер, Р.К. Миньяр-Белоручева, Т.Р. Левицкой, А.Д. Швейцер и др.[2; 6–8; 10; 11]. Так, А.В. Федоров отмечает, что задачи теории перевода – «выявлять закономерности в соотношении между подлинником и переводом; обобщать выводы из наблюдений над отдельными частными случаями перевода; опосредованно способствовать переводческой практике, которая могла бы черпать в ней доводы и доказательства в пользу определенного решения конкретных задач» [10, с. 81].

Необходимо отметить, что теория обобщает и систематизирует факты, накопленные переводческим опытом. Но выработка правил перевода возможна только в ограниченных пределах, в относительно стандартных случаях. Конкретные же переводческие решения зависят от конкретных случаев. В этом плане отдельного рассмотрения

с точки зрения теории и практики заслуживает выделенный нами объект исследования – веб-тексты инженерной направленности. В качестве площадки для сбора эмпирического материала послужил интернет-сайт производственных компаний Allround Vegetable Processing и Allround Storage [1]. Данные компании специализируются на производстве машин, оборудования и систем для уборки, обработки и хранения сельскохозяйственной продукции. Сайт известного высокотехнологичного нидерландско-индийского производителя выбран нами не случайно. Во-первых, представленные на нем тексты полностью соответствуют стилистике объекта нашего исследования. Во-вторых, сайт является многоязычным, над его созданием трудились высококвалифицированные переводческие компании с последующей редакцией носителями языка. Это, несомненно, делает его ценным с точки зрения лингвопереводческого анализа и позволяет отследить применяемые переводческие трансформации на уровне нескольких языков. Таким образом, предметом нашего исследования являются особенности применения и функционирования грамматических трансформаций при переводе технических веб-текстов с германских языков.

Задачи исследования:

1. На основе теоретического анализа определить основные виды грамматических трансформаций, которые используются при переводе с германских языков на русский.
2. Провести лингвопереводческий анализ текстового материала технического веб-сайта, пояснить особенности применения выявленных грамматических трансформаций.
3. Выявить статистику переводческих трансформаций с учетом стилистических особенностей анализируемых текстов и грамматического строя ИЯ и ПЯ.
4. Сделать методические рекомендации для обучения студентов английскому и немецкому языкам в вузах инженерно-технического профиля.

Цель любого перевода – наиболее точно передать содержание ИЯ на ПЯ. В этой связи многими лингвистами поднимается вопрос об «эквивалентности» и «адекватности» перевода. Эквивалентность подразумевает такое отношение между исходным и конечным текстами или их сегментами, при котором сохраняется определенный инвариант. При переводе научной и технической литературы, характеризующейся определенной четкостью, последовательностью и логичностью изложения материала, данный критерий представляется чрезвычайно важным. Но нельзя также не отметить, что «эквивалентность» – достаточно относительное понятие. Так, В.Н. Комиссаров различает несколько уровней эквивалентности перевода, который зависит от цели коммуникации, способа описания ситуации, синтаксических структур и словесных

знаков [3, с. 109]. В соответствии со значениями терминов «эквивалентность» и «адекватность» адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод может и не быть адекватным [9, с. 62].

По нашему убеждению, достижение адекватности – основная задача переводчика. Для этого необходимо умение применять различные переводческие трансформации с целью точной передачи информации ИЯ, при этом соблюдая соответствующие нормы ПЯ. Проблемой определения понятия «переводческие трансформации», а также их классификации занимался широкий круг исследователей: А.В. Федорова, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Л.С. Бархударов, Р.К. Миньяр-Белоручев, Т.Р. Левицкая, В.Н. Комиссаров и др. [2; 3; 6–8; 10; 11]. Основываясь на анализе работ данных авторов, мы принимаем, что «переводческая трансформация» – это комплекс взаимосвязанных изменений в тексте ПЯ с целью достижения адекватности перевода при точном и последовательном изложении информации текста ИЯ. Видовое многообразие переводческих трансформаций можно условно свести к трем классам: лексические, грамматические и комплексные (лексико-грамматические) трансформации [3; 6–8].

Относительно объекта нашего исследования необходимо отметить, что применение лексических трансформаций при переводе технических веб-сайтов всецело зависит от словарного запаса и знания специалистом предмета перевода, уровня технических словарей, а также мастерства их использования. Учитывая скорость научно-технического прогресса, развитие умения применения лексических трансформаций – процесс постоянный, и он не ограничивается рамками обучения специалистов в вузе. Обучение же грамматическим трансформациям при переводе спецтекстов вполне реально и, на наш взгляд, необходимо в процессе высшего профессионального образования. В данном исследовании мы сконцентрировали свое внимание именно на этом аспекте переводческих умений будущих специалистов.

С целью определить точки соприкосновения лингвистической теории с практикой обучения иностранным языкам в вузе, а именно обозначенным выше переводческим трансформационным навыкам, требуется выявить классификацию грамматических трансформаций при переводе с ИЯ на ПЯ. Такая классификация может осуществляться на разных основаниях. Учитывая языковые универсалии английского, немецкого и русского языков, мы, вслед за Л.К. Латышевым, взяли за основание уровни языка. Языковые уровни – это подсистемы общей системы языка, каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и категорий языка, а также правил, регулирующих их использование. [5, с. 84]. Таким

образом, мы выделяем следующие уровни грамматических трансформаций: морфологический (преобразования на уровне частей речи и словоформ) и синтаксический (замена одного типа синтаксической конструкции другим).

Для дальнейшей классификации грамматических трансформаций по видам внутри выделенных уровней мы считаем релевантным способ их образования. Так, по словам Л.С. Бархударова, все виды переводческих преобразований можно свести к четырём элементарным способам (типам), а именно:

1. Замена – наиболее распространенный и многообразный вид переводческой трансформации. К грамматическим заменам относятся следующие типы: замена форм слова, замена частей речи, замена членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении.

2. Перестановка – это изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, которые могут подвергаться перестановке, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста.

3. Добавление – этот тип переводческой трансформации основан на восстановлении при переводе опущенных в ИЯ «уместных слов».

4. Опускание – явление, прямо противоположное добавлению. Под опусканием имеется в виду исключение тех или иных «избыточных» слов при переводе [2, с. 24].

Таким образом, суммируя оба классификационных подхода, мы выделяем систему видов грамматических переводческих трансформаций, которая представлена в таблице 1.

В рамках данной статьи мы сконцентрируем свое внимание на грамматических особенностях перевода с немецкого на русский язык.

Технические тексты имеют свои *стилистические особенности*. На основе проанализированных нами материалов сайтов мы можем отметить следующие характерные грамматические отличия немецкоязычных текстов инженерной направленности:

- пассивные, безличные и неопределенно-личные конструкции (описание действий и процессов);
- большое количество сложноподчиненных предложений с придаточными определительными (описание предметов и явлений);

- употребление бессоюзных инфинитивных оборотов (перечисление действий);

- отступление от твердого порядка слов (инверсия) с целью логического выделения;

- безглагольные конструкции (расшифровка содержания схем, рисунков, чертежей);

- словосложение, многосоставные существительные (образование сложных терминов с атрибутивной связью компонентов);

- употребление аббревиатуры, сокращений общепринятых устойчивых понятий и выражений.

Кроме всего перечисленного в стилистику технических веб-текстов добавляется еще и компьютерная составляющая. Как правило, информация, представленная на сайтах инженерных компаний, визуализирована: присутствует множество фотографий, рисунков, схем, диаграмм и прочей невербальной информации. Содержание же текста зачастую призвано расшифровать, описать графическую информацию. С этим связано элиминирование глагольных форм, что в принципе недопустимо для нормативного немецкого языка. Стандартный технический текст со множеством распространенных левосторонних определений – большая редкость на сайте, поскольку здесь важно минимизировать объем вербальной информации и повысить ее наглядность. Ключевые слова представлены в основном сложносоставными существительными и инфинитивами.

Знание стилистических особенностей немецкоязычной технической веб-информации очень важно при переводе на русский язык, но недостаточно. Перевод – это сложный и комплексный процесс преобразований в языке. Чтобы он был полноценным, необходимо знание и других аспектов переводческой деятельности, в частности основных приемов грамматических трансформаций.

Таблица 1

Виды грамматических переводческих трансформаций

Способ	Морфологический уровень	Синтаксический уровень
Замены	Замена одной часть речи (глагола, существительного, прилагательного, наречия и пр.) / формы слова (время, залог, число, падеж и пр.) на другую.	Замена синтаксической конструкции (трансформация придаточных предложений в причастные или деепричастные обороты, замена видов придаточных предложений, инфинитивных конструкций и т. п.)
Перестановки	Перестановка компонентов слова (изменение порядка частей многосоставных слов)	Перестановка в синтаксических конструкциях (изменение порядка слов, оборотов в предложении)
Добавления	Добавление (несколько слов или частей слова вместо одного)	Добавление синтаксических конструкций (два/несколько предложений вместо одного, добавление синтаксических оборотов и т. п.)
Опускания	Опускание (одно слово / часть слова вместо нескольких)	Опускание синтаксических конструкций (упрощение структуры сложных предложений, одно предложения вместо нескольких, элиминирование синтаксических оборотов и т. п.)

Сопоставительный анализ технических веб-текстов по видам грамматических трансформаций

Вид грамматической трансформации	Пример на немецком (ИЯ)	Перевод на русский (ПЯ)	Пояснение
1. Замена синтаксической конструкции	Die Lagerautomatisierung wird zusammen mit a-Lab entwickelt, einem Unternehmen aus Finnland, das auf Mess- und Regeltechnik, Datenerfassung und drahtlose Überwachungssysteme spezialisiert ist.	Автоматизация хранилища разрабатывается совместно с финской компанией a-Lab, специализирующейся на измерении и технологии контроля, сборе данных и беспроводных системах мониторинга.	Трансформация придаточных предложений в причастные или деепричастные обороты, замена видов придаточных предложений, инфинитивных конструкций и т. п.
	Neben all der harten Arbeit, die auf dem Feld geleistet wird...	Наряду со всей тяжелой работой, проделанной на поле...	
2. Перестановка (изменение порядка слов)	Die Lagerautomatisierung wird zusammen mit a-Lab entwickelt, einem Unternehmen aus Finnland, das auf Mess- und Regeltechnik, Datenerfassung und drahtlose Überwachungssysteme spezialisiert ist.	Автоматизация хранилища разрабатывается совместно с финской компанией a-Lab, специализирующейся на измерении и технологии контроля, сборе данных и беспроводных системах мониторинга.	Обособленное приложение в немецком языке, стоящее после определяемого слова, переводится в виде левостороннего определения
3. Добавление синтаксических конструкций (два предложения вместо одного, добавление синтаксических оборотов)	Die Geschichte von Allround Storage beginnt 1980 mit QTP, einem Unternehmen mit Fokus auf die Lieferung von Ausrüstung für die Lagerung von Kartoffeln, Gemüse und Samen.	История компании Allround Storage начинается в 1980 году с компании QTP, специализирующейся на поставке оборудования для хранения картофеля, овощей и семян.	Добавление обособленного причастного оборота в русском языке
4. Опускание (одно предложения вместо нескольких, элиминирование синтаксических оборотов)	... sind in der Lage, Produkte länger in Indien zu lagern	...могут хранить свои продукты дольше в Индии	Замена обособленного инфинитивного оборота составным глагольным сказуемым
	Mit einem Lager ist der Benutzer fähig, von diesen höheren Preisen zu profitieren.	С помощью хранилищ пользователь может получить выгоду на этих более высоких ценах.	
	Eine Lagereinrichtung ermöglicht es diesen Fabriken, rund um die Uhr zu arbeiten.	Хранилище позволяет таким фабрикам работать круглосуточно.	
5. Замена на уровне слова	mit Fokus auf... ein Unternehmen aus Finnland weltweit in der indischen Landwirtschaft ein Hit ... sind in der Lage, Produkte länger in Indien zu lagern	специализирующейся на... финская компания по всему миру сельского хозяйства Индии пользуется популярностью могут хранить свои продукты дольше в Индии	Замена одной части речи на другую
	Zu Beginn des neuen Jahrtausends verlagerte sich der Schwerpunkt nach Südeuropa.	В начале нового тысячелетия акцент смещается на южную Европу.	
6. Перестановка (изменение порядка частей многосоставных слов)	Temperatur-, Feuchtigkeits- und CO ₂ -Level Die Produktqualität Lagerbedingungen Gewichtsverlust der Trocknungszyklus Die Kartoffellagerung	Уровень температуры, влажности и CO ₂ Качество продукции Условия хранения Потеря веса Цикл сушки Хранение картофеля	В ИЯ в сложных существительных определяющее слово стоит перед определяемым. В ПЯ определение, выраженное существительным, стоит, как правило, после главного слова.

Вид грамматической трансформации	Пример на немецком (ИЯ)	Перевод на русский (РЯ)	Пояснение
7. Добавление (несколько слов или частей слова вместо одного)	Das Lagersystem Die Lagerautomatisierung Mess- und Regeltechnik Datenerfassung Überwachungssysteme Industriekartoffelpflanzen die Loselager Marktpreisentwicklungen	Система хранения Автоматизация хранилища Измерение и технология контроля Сбор данных Системы мониторинга Промышленные картофельные заводы Хранение насыпью Изменения на рынке цен	Словосочетание в русском вместо многосоставного существительного в немецком языке
	Profitieren funktioniert	Получить прибыль Выступает в роли	Словосочетание в русском вместо глагола в немецком
	nach einer <i>Weile</i>	По прохождении определенного периода времени	Замена существительного в немецком на словосочетание в русском ввиду отсутствия дословного перевода
	von Allround Storage Erfahrung in der Entwicklung QTP	<i>Компанией</i> Allround Storage Опыт работы В стадии развития компания QTP	Добавление поясняющего слова
8. Опущение (одно слово / часть слова вместо нескольких)	Der wichtigste Teil des Lagersystems <i>ist</i> die Computerautomatisierung. langfristig Lagereinrichtung Keimbildung rund um die Uhr	Наиболее важная часть системы хранения – компьютерная автоматизация. Длительный Хранилище Прорастание круглосуточно	Опущения глагола-связки в русском языке. Двусоставное слово переводится односоставным синонимом Фразеологизм в немецком не имеет дословного перевода в русском



Рис. 1. Соотношение грамматических трансформаций в техническом веб-тексте на синтаксическом уровне



Рис. 2. Соотношение грамматических трансформаций в техническом веб-тексте на морфологическом уровне

Несовпадение морфологических единиц и синтаксических конструкций при переводе с ИЯ на ПЯ – весьма частое явление в переводческой деятельности. К примеру, перевод терминов на русский язык описательным способом при помощи словосочетаний, перевод немецких глаголов отглагольными существительными как более выраженная номинативность русского языка, замена придаточных предложений причастными оборотами и другие переводческие преобразования.

Проведем межъязыковой сопоставительный анализ текстового материала технического веб-сайта на материале электронных страниц Allround Vegetable Processing и Allround Storage и рассмотрим по отдельности каждый вид переводческих трансформаций с учетом всех способов грамматических преобразований (таблица 2). Объем проанализированного нами материала составляет 14 653 печатных знака [1].

Количественный подсчет каждого вида трансформаций перевода инженерно-технического текста (14 653 печатных знака) позволяет вывести определенную статистику (рис. 1, 2).

На основании проведенного лингвопереводческого анализа и статистических данных можно сделать следующие выводы.

На морфологическом уровне выявлено существенно больше грамматических трансформаций, их ассортимент значительно шире. При переводе инженерных веб-сайтов наиболее продуктивным видом лингвистических трансформаций предложений являются перестановки в порядке слов внутри синтаксических конструкций. Данный вид трансформаций целесообразно целенаправленно изучать на занятиях по иностранному языку в теме «Erweitertes Attribut», так как большинство переводческих приемов в данном случае связано с пе-

реносом атрибутивных конструкций. На уровне слова продуктивным видом грамматических видоизменений являются добавления поясняющих слов при переводе сложносоставных существительных и терминов, не имеющих эквивалентов в русском языке. Отдельного внимания в этой связи заслуживает изучение на занятиях по немецкому языку темы «Zusammengesetzte Substantive».

Библиографический список

1. Allround Vegetable Processing. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allroundvp.de/> (дата обращения: 14.11.2016).
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 190 с.
3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 167 с.
4. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
5. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: книга для учителя школ. – М.: Просвещение, 1988. – 159 с.
6. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа, 1973. – 136 с.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
9. Романова С.П. Пособие по переводу с английского на русский. – М., 2006. – 172 с.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

МОДЕЛЬ ДАТИВА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Целью статьи является анализ особенностей актуализации французского предлога à как предлога датива в некоторых фразеологизмах. Семантика предлога à как маркера датива исследуется с позиции грамматики описания пространства и когнитивного моделирования. Под грамматикой описания пространства понимается сценарий, в котором предлог выступает реляционным элементом между «фоном» и «фигурой». Когнитивное же моделирование основывается на представлении о схематизированном ментальном образе, воспроизводимом в каждом контекстуальном значении предлога. Уточняется методика репрезентации когнитивной модели посредством введения понятия «денотативный сегмент». Денотативный сегмент как определение используется в данной работе не по отношению к знаку, а как характеристика образной репрезентации когнитивной модели. Денотативные сегменты не являются компонентами когнитивной модели, но репрезентируют когнитивную модель как образ, как идею, они являются частками выстраиваемого образа. Денотативные сегменты когнитивной модели включают в себя конфигурации, распадающиеся на отдельные значения. В статье проанализированы 18 примеров с фразеологизмами, в которых употребляется предлог à. Фразеологизмы с предлогом à рассматриваются как особый тип конфигурации когнитивной модели предлога, соотносящегося с семантикой «глубинного» датива. Анализ языкового материала позволяет прийти к заключению о том, что типы отношений между предметами при связующем функторе à имплицитно идею функционального единства предметов при векторной направленности одного предмета к другому. Такой тип отношений находится в полном соответствии с идеей «глубинного датива». Это также позволяет верифицировать гипотезу о когнитивной модели актуализирующего датив предлога.

Ключевые слова: датив, предлог, когнитивная модель, единство.

Среди целого ряда фундаментальных лингвистических трудов по проблеме падежей особое место занимает концепция Ч. Филлмора [7]. Выполненная в русле генеративной лингвистики, ее научная значимость предопределила дальнейшие перспективы развития падежной теории, направленной на языковую конкретизацию падежа, его семантическую обоснованность и системность. Эти аспекты отразились и в современных исследованиях общего и частного языкознания, углубленных достижениями в области когнитивной лингвистики и грамматики описания пространства. С позиции современного подхода под падежом принято понимать когнитивную основу, получающую свое выражение через конкретные языковые единицы, преимущественно морфемы, семантика которых определяется как семантика отношений. В этом смысле падежное значение представляется неотделимым от семантики предлога [2; 3].

Специальные работы были посвящены дативу как падежной категории на материале различных языков [10; 11]. Применительно к французскому языку в комплексном исследовании М. Ерслунда была выявлена когнитивная основа датива через функционирование предлога à [9]. Целью настоящей статьи является анализ особенностей актуализации французского предлога à как предлога датива в некоторых фразеологизмах.

Значение предлога, актуализируемое в каждом конкретном случае его проявления, зависит не только от значений окружающих его актантных элементов, представляемых в грамматике описания пространства как «фон» и «фигура» [4, с. 156–157]. Актуализация значения также обусловлена

тем общим семантическим началом, которое узнается и отождествляется при каждой контекстуальной реализации языковой единицы. Не представляется возможным принять традиционные термины «прототип» или «инвариант», употребляемые в исследованиях многозначности языковой единицы. Эти понятия отражают лишь основное, общее или универсальное значение. То начало, о котором идет речь в настоящей работе, представляет не значение как таковое, а лишь схематизированный ментальный образ, определяющий смысловое развитие предлога на протяжении всего времени его существования. Это начало должно способствовать описанию и исторического значения предлога, и его современных употреблений, и вероятностному предсказанию значений, которые могут возникнуть в будущем. Это начало, вслед за Е.Г. Беляевской и В. Эвансом, мы называем когнитивной моделью [1, с. 5; 8, с. 527], функция которой становится как репрезентативно-описательной, так и прогностической.

С точки зрения описательных возможностей когнитивной модели Е. Г. Беляевской была разработана и методика, включающая три этапа описания, а именно: 1) установление этимологически исходного первого прямого номинативного значения, на основании которого происходит формирование когнитивной модели, 2) учет всех значений многозначного слова, 3) верификация когнитивной модели, подразумевающая анализ каждого лексико-семантического варианта [1, с. 7].

Поскольку когнитивная модель связана с представлением экстралингвистических знаний, то отмечается принципиальная невозможность ее полного постижения и исчерпывающей репре-

зентации. Не представляется возможным анализ каждого контекстуального вариантного значения языковой единицы, ибо оно в очередной коммуникативной ситуации, в очередную минуту уникально, хотя и актуализирует в том или ином аспекте и проявлении уже сложившийся в представлении носителей языка образ, стоящий за данной языковой единицей. Научное описание, способствующее лишь приближению к этому образу, справедливо определяемому как модель, перспективно при применении кластерного способа. Контекстуальные особенности, обусловленные восприятием наблюдаемого объекта и наблюдаемых межпредметных отношений – сценариев – могут быть классифицированы в целях научного описания в группы. Эти классифицируемые группы определяются нами как денотативные сегменты, каждый из которых распадается, в свою очередь, на конфигурации и на отдельные значения.

В современных исследованиях, выполненных в рамках когнитивного направления, в частности, лингвокогнитивного моделирования, термин «денотативный сегмент» был применен в аспекте знакового представления объема лексико-семантических групп [5, с. 6]. Такое понимание денотативного сегмента представляется не совсем точным, поскольку оказывается направленным в большей степени на объяснение природы знака, нежели признаков обозначаемого знаком предмета. В нашем понимании термин «денотативный» позволяет акцентировать именно предметную область, в данном случае выявить максимально возможные типы предметных отношений, допускающих для своего обозначения лишь одну знаковую единицу. Термин «сегмент», в отличие от «области», «сферы» подчеркивает некоторую регламентированность этих отношений, закономерность образа, сложившегося в сознании носителей языка. Описание образа невозможно через образ же, наоборот, образ репрезентируется через описание его составляющих. Денотативные сегменты, не являясь компонентами когнитивной модели, репрезентируют, однако, когнитивную модель как образ, как идею. Сегмент – это участок не создаваемого, но выстраиваемого образа, это участок ментальной схемы, выстраиваемой не фигуративно-образно, а логически последовательно через «узлы доступа».

Когнитивную модель французского предлога *à* в определенном соответствии с семантикой маркируемого им падежа можно определить как 'функциональное единство предметов при векторной направленности одного предмета к другому и создаваемом совмещении этих предметов в точке диспозиции второго из них'. Подобная интерпретация позволяет выделить сегменты и конфигурации как участки выстраиваемого ее образа. Употребление предлога *à* во фразеологизмах также представляет собой один из видов конфигура-

ций, подтверждающих общую идею когнитивной структуры предлога.

Отмечается, что в рамках настоящего исследования не учитывается терминологическая и фактическая разница в видах фразеологизмов, таких как фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения и т.д. [6, с. 22]. Под фразеологизмом в самом общем смысле нами понимается устойчивое словосочетание, несущее независимый от значений составляющих его слов внутренний образный смысл.

Представляется, что в основе образности как таковой лежит идея сопоставления предметов или событий. Подобное сопоставление характеризуется особыми возможностями реляции «фона» и «фигуры», иными словами «локализуемого объекта» и «релятума». Сопоставление предметов реализуется на основании визуальных, слуховых, чувственных и т.д. характеристик, в результате чего возникает метафорическое осмысление сравниваемого предмета, способствующее образованию образного фразеологизма с участием предлога *à*.

В практической части исследования приводятся конкретные примеры с описанием возможных образов, возникающих в результате сопоставления. Пример:

(1) *De sorte que les courtisans, un instant emportés vers le premier, s'arrêtèrent comme le flot à la pile de l'arche <...>* (Dumas).

Остановка, определяемая такой степенью неподвижности, что сравнивается со столбом, дает фразовую конструкцию, переводимую на русский язык: *замереть как вкопанный*.

Подобные конструкции, соотносимые с образом, чаще всего соответствуют в русском языке творительному падежу. Примеры:

(2) *Cette sentinelle de la tour <...> n'eût pas davantage pu entendre, tant elle était faite à voix basse, la conversation de ces ombres noires* (Dumas).

(3) *Habiter à deux, c'est différent* (Cohen).

(4) *<...> son épouse avait griffonné au crayon quelques phrases rassurantes <...>* (Duquesne).

(5) *Elle était jolie cette bouteille: jaune, verte avec un liséré rose, pleine de fleurs et de mots écrits à la main* (Cohen).

(6) *Simon était parti à pied, avec cent francs en poche* (Cohen).

(7) *Ces dispositions furent à peines faites, que nous nous éloignâmes au galop* (Dumas).

Говорить тихим голосом (2), жить вдвоем (3), писать карандашом (4) или рукой (5), ходить пешком (6), удаляться галопом (7) представляют типичные случаи аблатива. Представляется, что таким образом локализуемый объект повторяет движения по контуру релятума. Релятум становится буквальным фоном, определяющим действие концептуально подчиненного ему предмета.

(8) <...> *ouvrant le confessionnal fermé au loquet seulement, il se glissa dans la boîte oblongue* <...> (Dumas).

Ситуация, связанная с описанием двери, закрытой на щеколду (8), концептуализирует щеколду как активный элемент с ярко выраженным фоновым характером, определяющий неподвижность локализуемого объекта при новом типе функционального единства предметов. Этим самым создается образ действия, соотносимого с закрытием двери щеколдой (буквальный перевод).

Такой же образ действия представлен и в следующем предложении:

(9) *Elle commandera un Coca-Cola qu'elle boira à la bouteille, elle ne boit que dans des verres casher* (Cohen).

В русской языковой картине мира для обозначения данного образа подошло бы словосочетание «пить из бутылки», с точки зрения французской языковой картины мира характерно обозначение «пить бутылкой»*, или «по бутылке»*, с учетом того факта, что вода повторяет контуры бутылки.

Осмысление события в рамках сопоставления с новым (*nouveau*), с трудом, работой (*peine*), с голодом (*jeun*) образует устойчивые словосочетания при предлоге *à* с соответствующими значениями 'снова', 'едва', 'натощак'. Примеры:

(10) *Elle le dévorait à nouveau* (Cohen).

(11) *Pour M. Blumenfeld, il n'était pas question de s'arrêter, sa grande oeuvre commençait à peine* (Cohen).

(12) *Henri est rentré à jeun avec de longues raies bleues et rouges sur les épaules...* (Dumas).

В предложении (13) слово *pic*, ассоциируемое с неким максимумом, вершиной, в комбинации с предлогом *à* формирует идею того, что случается вовремя, кстати, в нужный, подходящий момент, по аналогии с ситуацией, связанной с нахождением у потока:

(13) *Une proposition qui tombait à pic* (Duquesne 2000).

Формируемый в примере (14) фразеологический образ связан с сильным дождем, что в русской языковой картине мира соответствует словосочетанию «лить как из ведра»:

(14) *C'était en avril et il pleuvait à torrents* (Duquesne).

Слово *sauvette*, условно понимаемое как спасение, в сочетании с предлогом *à* дает восприятие чего-то такого, что близко к спасению, декодируя ту ситуацию, при которой можно что-либо сделать без ущерба себе, без риска быть замеченным, то есть на скорую руку, тайком:

(15) *Les cloches ne sonnèrent ni pour la fête, ni pour le baptême qu'Aline administra elle-même, à la sauvette* (Duquesne).

Sourdine (15) как отдельно неупотребляемое слово с общим смыслом приглушенности в комби-

нации с предлогом *à* концептуализирует идею связи с этой приглушенностью и дает образ действия втихомолку:

(16) *Mais pourquoi revenir ainsi à la sourdine dans la bonne capitale de notre ami Hérode?* (Dumas).

Понимание с полуслова также ассоциируется с определенным образом действия. Пример:

(17) <...> *il me fallait quelqu'un qui pût entrer dans toutes mes vues, seconder tous mes désirs, comprendre, dans l'occasion, à demi-mot, obéir sur un signe et sur un geste* (Dumas).

Ряд фразеологизмов с созданием образа, вытекающего из функционального единства, представлен в следующем абзаце:

(18) *Je m'en vante; mais je ne mets pas ainsi ma bravoure à l'épreuve, tudiable! Adieu, Henri, appelle tes capitaines des gardes, tes suisses, tes portiers, et laisse-moi gagner au large. Voilà, sur ma parole, un plaisant maître qui veut commander à la peur; j'ai peur, moi* (Dumas).

A l'épreuve – то, что оказывается близко к доказательству, то, что доказательно, интерпретируется как непоколебимо. «По широкому», «широко» в русском фразеологизме соотносится с жизнью «на широкую ногу». «Управлять по страху» означает управлять и командовать таким образом, чтобы держать в людей в страхе.

Таким образом, актуализация предлога *à* во фразеологизмах создает особый вид конфигурации когнитивной модели языковой единицы. Восприятие образных отношений между предметами, обозначаемыми словами, которые образуют фразеологизм, имплицитно функциональное единство этих предметов. Подобная интерпретация выявленных отношений находится в полном соответствии с семантической идеей французского датива и позволяет верифицировать гипотезу о когнитивной модели актуализирующего его предлога. Отражение идеи функционального единства предметов во фразеологизмах выявляет особенности, присущие той или иной национальной языковой картине мира.

Библиографический список

1. Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №1. – С. 5–14.
2. Дурст-Андерсен П.В. Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs. неконтакт» // Языки пространств. Логический анализ языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 135–151.
3. Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. – 376 с.
4. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Языки пространств. Логический анализ языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.

5. *Кольцова О.В.* Лингвокогнитивный анализ лексико-семантических групп (на материале ЛСГ «возвышенности» в русском и немецком языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011. – 23 с.

6. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

7. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Зарубежная лингвистика: в 3 т. Т. III. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 127–258.

8. *Evans V.* Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // *Cognitive Linguistics*. – Berlin: New York: Walter de Gruyter, 2006. – № 17. – P. 491–534.

9. *Herslund M.* Le datif en français. – Louvan-Paris: Editions Peeters, 1988. – 364 p.

10. *Melis L.* La préposition en français. – Paris: Ophrys, 2003. – 150 p.

11. The dative: V. 1. Descriptive studies. / William van Belle, Willy van Langendonck (eds). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins B. V, 1996. – 455 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ, СИМВОЛИЗИРУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ (на материале произведения В. Яна «Чингисхан»)

Рассматриваемая в исследовании тема относится к лингвокультурному аспекту языкознания. Объектом изучения служит исторический роман В. Яна «Чингисхан». В тексте романа выделяются языковые единицы (лингвокультуремы), которые символизируют исламскую культуру в её многообразии. К лингвокультуремам относятся афоризмы, интертекстемы, тюркские и арабские заимствования, экзотизмы, восточные топонимы и антропонимы. Подобные единицы используются в описании разных сторон жизни людей: бытовой, религиозной, общественной. В смысловом взаимодействии они создают общую картину исламской культуры средневековой Азии.

В статье осуществляется дискурсивный анализ языковых единиц, выявляется их культурно-национальная специфика, поясняются некоторые лингвистические термины, раскрывается смысл иноязычных лексем, представленных в тексте романа в виде экзотизмов. В статье художественное произведение рассматривается в его этнокультурном своеобразии.

Ключевые слова: диалог культур, исламская культура, афоризм, интертекстема, лингвокультурема, национально-культурная специфика, экзотизм.

Большинство художественных произведений русской литературы включает в себя элементы культур разных народов. Взаимодействие художественных элементов, принадлежащих к разным культурам, является ярким примером диалога культур.

Русская литература на протяжении многих веков демонстрирует синтез различных культур, в том числе представляя некоторые элементы мусульманских традиций и обычаев.

В эпоху Екатерины II, присоединившей Крым к России, на русский язык был переведен Коран. Стихотворцы Российской империи славили победы над турками, и первым из них был Гавриил Романович Державин, гордившийся происхождением от золотоордынского мурзы Багрима и проведший детство в татарской Казани. Он трогательно писал: «Татарски песни из-под спуда как луч, потомству сообщу...» [2, с. 109]. Исламские мотивы стали проникать в творчество российских поэтов еще до Пушкина, для которого мусульманская культура стала одним из источников вдохновения [3, с. 3].

Проблему взаимосвязи русской литературы с традициями исламской культуры подробно рассматривает в своей монографии «Код исламской культуры в творчестве русских писателей» Г.Г. Исаев. Учёный уточняет определение понятия *диалог культур* в художественном произведении, называя его *художественным диалогом*. Исследователь подчёркивает взаимодействие русской литературы с исламской культурой, подробно анализирует произведения русских писателей с XV по XX век. Автор монографии выделяет следующие виды межкультурного диалога:

- диалог голосов героя;
- диалог смыслов;
- диалог времён;
- диалог героев и автора.

«Нас, в первую очередь, интересует диалог культур, когда герои выступают как выразители определенных национально-культурных миров, определенных пластов культуры. Точно также тексты художественных произведений рассматриваются как реплики межкультурного диалога» [4, с. 5].

Межкультурные диалогические пласты задаются писателем самыми разными языковыми средствами, прежде всего, культурно-маркированными единицами языка.

В роли культурно-маркированных языковых средств выступают различные интертекстемы, которые служат эпиграфами к главам романа. Данные языковые единицы являются афоризмами и крылатыми выражениями восточного происхождения (арабского, персидского). *Афоризм* (от греч. *aphorismos*) – законченная мысль, выраженная в предельно краткой, лаконичной форме. Это интеллектуальное достояние нации и человечества в целом. В русском языке слово «афоризм» появляется с XVIII века, в словарях его начинают отмечать с 1789 года [5, с. 156].

Афоризмы и паремии как лингвокультурные тексты вызывают в сознании носителей языка определённый комплекс сведений, который указывает на логическую конструкцию выражения, а также обуславливает границы его употребления, стилистику. Совокупность этих сведений составляет культурно-исторический фон афоризма и паремии [1, с. 16].

В романе В. Яна «Чингисхан» очень ярко отражается взаимодействие разных культур. В тексте произведения мы находим языковые единицы с национально-культурной спецификой, свидетельствующие о тесной взаимосвязи жизни народа с исламским миром.

Например: «Служба царям имеет две стороны: одна – надежда на хлеб, другая – страх за свою жизнь (Саади, XIII век)»; «Горопитесь обрадовать

добрым словом встречного: быть может, больше не придётся встретиться (Восточная пословица)»; «Не говори, что силён, – нарвёшься на более сильного. Не говори, что хитёр, – нарвёшься на более хитрого (Киргизская пословица)»; «После вторжения монголов мир пришёл в беспорядок, как волосы эфиопа. Люди стали подобны волкам (Саади, XIII век)».

Большинство интертекстем представлены в виде сложных синтаксических конструкций. Чаще всего это бессоюзные сложные предложения, которые имеют две семантически и интонационно разделённые части. Каждое из предложений несёт глубокую смысловую нагрузку, передающуюся различными способами: глаголами повелительного наклонения («торопитесь», «не говори» и др.), качественными прилагательными («сильный», «хитрый»), субстантивированным прилагательным («встречный»), сравнительными оборотами («подобны волкам», «как волосы эфиопа»), этнонимами («монголы», «эфиоп»).

Интертекстемы также представлены цитатами из Корана. Например, слова посла Ибн-Кефредж-Богра, проявляющего своё недовольство: «В священной книге сказано: посла не душат, посредника не убивают!» [10, с. 161]. Через лингвокультуру, репрезентируемую цитатой из Корана, В. Ян показывает своё негативное отношение к убийству монгольского посла людьми хорезм-шаха. В романе присутствуют контексты, взятые из хадисов. Например: «Достоверный хадис пророка – да будет благословенно его имя и прославлено! – говорит: «Кто будет убит при защите своей жизни и имущества, тот – мученик, тот джахид». Далее за цитатой следует сноски, поясняющая смысл непонятных слов: «Хадис – предания о жизни и словах пророка Магомета, не вошедшие в Коран» [10, с. 176]. Лингвокультура определяет особенность мусульманского менталитета, а именно значение и ценность частной собственности для жителя такого теократического средневекового государства, как государство Хорезмшахов.

Языковыми средствами репрезентации особенностей исламской культуры в романе служат также экзотизмы: *мембер* ('кафедра в мечети, с которой имам читает свою пятничную проповедь'), *иблис* ('шайтан, дьявол'), *шейх-уль-ислам* ('высший духовный сан в мусульманском духовенстве'), *диван-арз* ('государственный совет'), *уста* ('мастер'), *векиль* ('секретарь'), *кебаб* ('блюдо из мелко рубленого мяса, пожаренного на вертеле'), *имам* ('мусульманский священник'), *хаким* ('верховный судья') и др.

Экзотизмы, демонстрирующие исламскую культуру в романе, семантически разноплановы. Условно их можно разделить на следующие тематические группы:

1) религиозные понятия: *Аллах, сунниты, шииты, медресе, Благородная книга, Иса* и др.;

2) мифологические существа: *иблис, шайтан, яджуджи и маджуджи* и др.;

3) человек (наименования по должностной и профессиональной принадлежности): *шейх-уль-ислам, уста, векиль, имам, хаким, улем, хазрет, шейх, шагирд, караван-баши, халиф, достарханджи, кадда* и др.;

4) наименования кушаний: *кебаб, кумыс, айран* и др.;

5) понятия, касающиеся обычаев, традиций и законов: *диван-арз, хенна* и др.;

6) одежда: *чекмень, халат, тюрбан, балахон* и др.;

7) архитектурные номинации: *медресе, мембер, мечеть* и др.

Наиболее частотными в тексте являются лексемы тематической группы «Человек». Например: «Кто сможет узнать теперь в обожженном солнцем черном дервише того юношу, которого проклял сам верховный имам?» [10, с. 25]; «Ты что за человек? Если ты дервиш-бессребреник, то зачем тащишь за собой верблюда? Пойдем к хакиму, он прочтет тебе твой смертный приговор». *Хаким* – 'правитель округа'. Первоначальное значение: 'ученый, законвед' [10, с. 25]. Лексема *дервиш* является текстовой доминантой, так как употребляется писателем на протяжении всего романа, поскольку дервиш Хаджи-Рахим является протагонистом произведения. Экзотизм *имам* ('настоятель мусульманской мечети') также многократно используется автором произведения, потому что должность имама была одной из наиболее важных в административной системе государства Хорезмшахов. Автор использует данные номинации для обозначения должностных лиц шариатского государства, погружая читателя в атмосферу восточного Средневековья.

Следует обратить внимание на следующий пример, который включает в себя лингвокультуры разных тематических групп. «*Достарханджи* разостлал вышитый шелками платок, расставил подносы с лепешками, изюмом, сушеной дыней. Он налил в чаши *кумыс* и роздал молодым *бекам*, которые сопровождали в походе *хорезм-шаха*, участь военному делу. Быстроходные верблюды с провизией опустили на колени. *Достарханджи* распорядился, доставая вместе со слугами золотые кувшины, блюда и самые изысканные кушанья, чтобы подкрепить истощенные походом силы *хорезм-шаха*» [10, с. 113–114].

Достарханджи – редкое должностное наименование. Значение данного слова не объясняется автором. Оно произошло от лексемы *достархан*, что в переводе обозначает 'стол, застолье'. Соответственно *достарханджи* – человек, руководящий застольем, подачей еды на стол. Подобные аффиксы, вероятно, имеют семантику профессиональной принадлежности.

Национально-маркированные лексемы нередко в тексте романа выступают в форме сложных

слов (*караван-баши*, *хорезм-шах*, *Туркан-хатун*, *Кара-кончар*, *бек-джигит*, *шейх-уль-ислам*), заимствованных из тюркских языков. Подобные экзотизмы имеют двойную семантику, так как каждый из корней сложного слова имеет полноценное лексическое значение: «Все четыреста пятьдесят купцов и монгольский *караван-баши* Усун исчезли бесследно в подвале крепости...» [10, с. 159]. Корень «баш» в переводе обозначает «голова», следовательно, выстраивается значение лексемы «караван-баши» – «глава, руководитель каравана».

Антропонимы также функционируют в тексте в виде сложных слов: «Меня тяжело ранили... разбойники *Кара-Кончара*...» [10, с. 12]. *Кара-Кончар* – прозвище разбойника. Автор поясняет значение антропонима в сноске: «Кара-Кончар – черный меч» [10, с. 12]. «Высочайший указ о передаче наследования любимейшему твоему младшему сыну *Кутб ад-Дину Озлаг-шаху*. Временно, до совершеннолетия его, правительницей Хорезма и опекушкой молодого наследника будет его бабушка, твоя мать, *шахиня Туркан-Хатун*» [10, с. 77]. Лексемы *Кутб ад-Дин Озлаг-шах*, *Туркан-хатун* являются меморативами, т.е. тотемными именами, принадлежащими знаменитым историческим личностям, где первая часть сложного слова (*Озлаг*, *Туркан*) является собственно антропонимом, вторая же часть (*шах*, *хатун*) имеет значение должностной принадлежности ('правитель', 'жена правителя'). В тексте художественного произведения такие номинации представлены в том виде, в котором они используются в языке-источнике. Это подчёркивает национально-культурную маркированность рассматриваемых языковых единиц. Однако некоторые лексемы ассимилировались и приобрели в художественном тексте характерные для русского языка аффиксы. Например, слово *шахиня* имеет суффикс -ин-, обозначающий в русском языке женщину, обладающую определённым титулом (княгиня, графиня и др.). Таким образом, автор часто использует созвучные русскому языку формы аффиксов для того, чтобы некоторые лингвокультуры были доступны для понимания читателя.

Употребляя наименования местных блюд, автор раскрывает элементы национального быта мусульманской страны: «Пошли твоего слугу на базар, и он принесет тебе целую корзину и жареного *кебаба*, и вареной лапши, и меду, и сладких дынь». *Кебаб* – блюдо из мелкорубленного мяса, поджаренного на вертелах [10, с. 32]. Заметим, что в романе В. Яна лексемы, именующие кушанья, также многообразны и частотны. Это говорит о том, что в исламской культуре кухня имеет огромное эстетическое значение, становится частью народного искусства. Также в произведении особое внимание привлекает описание традиций гостеприимства: накрытие достархана, особый уход за гостем. Это подчёркивает высокое положение гостя в ислам-

ской культуре. Источником таких традиций служит, прежде всего, религия, в своих рассказах (хадисах) пророк Мухаммад часто говорил: «Кто верит в Аллаха и в Судный День, пусть привечает гостей!» [8, с. 85]. Кроме того, он подчеркивал, что угощение гостей и прекрасное отношение к ним служат причиной быстрого наступления изобилия и благоденствия в доме. А те, кто, несмотря на большие возможности, отказывается встречать и приглашать к себе гостей, оказываются в немилости: «У того, кто не желает встречать гостей, ничего хорошего нет!» [8, с. 85].

В. Ян часто использует в своём романе коранизмы (религиозные термины и наименования из Корана). Например: «Они появились на нашей границе так внезапно, точно страшные *яджуджи* и *маджуджи*, выброшенные из огненного чрева земли лукавым *Иблисом*» [10, с. 134]. Заметим, что указанные лексемы имеют негативное лексическое значение. *Иблис* – дух зла, коварства и тьмы, упоминается в Коране. *Яджуджи* и *маджуджи* – кораническое наименование библейских народов Гог и Магог, наводивших страх и ужас на населявшие Закавказские земли племена. Используя рассматриваемые лингвокультуры, В. Ян сравнивает вражескую сторону с «тёмными силами». Подобные мифологические сравнения являются характерной национальной чертой художественной литературы Востока. Коранические экзотизмы демонстрируют частотность употребления религиозной терминологии в повседневной речи людей того времени. Следовательно, функционирование подобных языковых единиц в речи определяет взаимосвязь жизни рядового мусульманина с религией, так как общественная система строилась на основе законов шариата.

Таким образом, Василий Ян в романе «Чингисхан» использует национально-маркированные языковые единицы, репрезентирующие исламскую культуру, для передачи исторической реальности (адекватности) рассматриваемого периода, для знакомства с бытом, традициями и обычаями средневекового Востока. Исламская лексика, представленная в художественном тексте, воссоздает колорит эпохи, характеризует культурно-языковую ситуацию изображаемых событий. В историческом романе В. Яна «Чингисхан» мы наблюдаем диалог культур через употребление автором национально-маркированных языковых единиц, являющихся строительным элементом для создания художественной картины средневекового исламского мира со своими культурными особенностями.

Библиографический список

1. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 1997. – 18 с.

2. *Державин Г.Р.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 465 с.

3. *Ермаков И.* Ислам в русской литературе // Фонд культур народов Востока «Лотос», 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/Article/_Ermakov_IsLit.php (дата обращения: 20.03.2017)

4. *Исаев Г.Г.* Код исламской культуры в творчестве русских писателей. – Астрахань: Астраханский университет, 2009. – 261 с.

5. *Летова А.Д.* Лингвокультурологический концепт «Английская национальная личность» в сопоставительно-контрастивном описании афористики:

диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – М., 2004. – 200 с.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: «А Темп», 2006. – 944 с.

7. Русско-турецкий. Турецко-русский словарь / под ред. Д.П. Лукашевич. – М., 2006.

8. Сахих аль Бухари: Мухтасар / сост. Имам Аль Бухари. – Элиста: Джангар, 2013. – 1296 с.

9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986.

10. *Ян В.Г.* Чингисхан: Роман. – СПб.: Лениздат, 2013. – 448 с.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ: КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Целью настоящей статьи является исследование проблем фактической реализации принципа независимости судебной власти и поиск путей их преодоления. Проводя анализ действующего законодательства, теоретических разработок ученых и статистических данных, автор приходит к выводу о том, что независимость судебной ветви власти может быть обеспечена путем принятия мер, гарантирующих: 1) внешнюю (институциональную) независимость, которая предполагает автономное от других ветвей власти функционирование судебной системы; 2) внутреннюю независимость, состоящую из двух элементов: внутрикорпорационной независимости судей (независимость от влияния руководителей судов, органов судейского сообщества при осуществлении правосудия) и индивидуальной (субъективной) независимости судей, которая связана со стремлением к постоянному повышению профессионального мастерства, нетерпимостью к проявлениям неэтичного поведения, формированием устойчивых психологических установок служения праву.

Ключевые слова: суд, судья, судебная власть, независимость, институциональная независимость судей, внутрикорпоративная независимость судей, индивидуальная (субъективная) независимость судей.

Независимость судебной власти в демократическом обществе – одна из основополагающих гарантий действия принципа верховенства права, справедливой защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечения правопорядка и уважения к закону. На конституционном уровне институциональная независимость судебной власти впервые была урегулирована в США после принятия Конституции 1787 года. В России начало отделения судебной власти от законодательной и исполнительной связано с принятием судебных уставов Александра II [23].

Независимость – один из важнейших принципов, определяющих правовой статус судей в России. Он гарантируется и декларируется в нормах ст. 120–122 Основного Закона Российской Федерации, а также международных актах, ратифицированных большинством развитых стран мира (Международном Пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) Европейской хартии о статусе судей (1998 г.), Основных принципах независимости судебных органов (1985 г.)), являясь необходимым условием развития правового демократического общества.

Неудивительно, что исследованию вопросов независимости судей посвящены работы Е.В. Васильковского, В.М. Горшенева, М.А. Гурвича, Н.А. Чечиной, М.С. Шакарян, а также Т.Е. Абовой, А.А. Богомолова, С.Ф. Афанасьева, Т.А. Григорьевой, Г.А. Жилина, В.М. Лебедева, Р.М. Нигматдинова, И.А. Приходько, М.А. Плюхиной, Ю.И. Стецовского, В.В. Яркова и других известных ученых. Однако при всем богатстве теоретических разработок во время практической реализации принципа независимости судебной власти фиксируются многочисленные случаи его нарушений, о чем свидетельствуют публикации в научных журналах

и средствах массовой информации [10, с. 181; 14, с. 576].

Изучению данной проблемы в России, в частности, посвящено исследование Института проблем правоприменения. В результате опроса служителей Фемиды, участников судебных процессов, экспертов, анализа статистических данных рассмотрения судебных дел и иных документов, социологами было выделено четыре основных фактора, которые ограничивают независимость судей: 1) влияние председателей судов, существенно превышающих те полномочия, которые отведены им нормами законодательства; 2) непрозрачная и многоступенчатая система назначения судей, которая создает неадекватный кадровый отбор и содержит возможности для широкого влияния различных органов исполнительной власти на судейское сообщество; 3) влияние прокуратуры (стороны обвинения) и позиции вышестоящих судов, которые ограничивают возможности судей по вынесению оправдательных приговоров и нарушают принцип равенства сторон в судебном процессе; 4) перегруженность судей первой инстанции судов общей юрисдикции, которая способствует распространению формального подхода к правосудию [9, с.3].

Профессор А.А. Кондрашев среди факторов, негативно влияющих на возможность реализации принципа независимости судей, выделяет: 1) несовершенный порядок отбора и назначения судей на должность; 2) сложную процедуру привлечения судей к юридической ответственности; 3) избыточные гарантии материальной и социальной обеспеченности носителей судебной власти; 4) зависимость судей от исполнительной власти и гипертрофированную роль председателей судов, что создает жесткую вертикаль судебной бюрократии и девальвирует понятие равенства носителей судебной власти [10, с. 182–183].

О.В. Макарова отмечает негативное влияние внешних факторов (например, посягательства на независимость судебной власти со стороны других ветвей государственной власти) и внутренних факторов (воздействие организационно-управленческого характера, существующее в самой судебной системе) [13, с. 95].

В этой связи Н.С. Гаспарян отмечает два вида «зависимости» судов: 1) зависимость изнутри (зависимость судей от председателя суда, от кассационной инстанции и др.); 2) зависимость извне (зависимость судей от прокурора, от оперативных структур, от специальных служб). В работе автор убедительно подтверждает позицию цифрами. Так, согласно приведенным статистическим данным, эффективность кассационного обжалования судебных решений прокуратурой в 2010 году в Алтайском крае составила 88,5%, в Тамбовской области – 91%, в Хабаровском крае – 92,3%. Такая статистика деятельности кассационных инстанций, по мнению автора, создает мощнейшую зависимость судей от позиции прокуроров при принятии решений [5].

С.И. Афанасьева считает, что на независимости судей крайне негативно сказывается любое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия, а также проблемы реализации установленной законом ответственности за неуважение к суду [2, с. 15].

А.А. Царев среди аспектов, влияющих на независимость органов судебной власти, выделяет институциональный (самостоятельность судебных органов и их особое финансирование за счет бюджетных средств) и содержательный (независимость судей при отправлении правосудия и их подчинение только закону). К факторам, негативно влияющим на осуществление правосудия, ученый относит политическую, корпоративную или иную ангажированность в процессе отбора и назначения носителей судебной власти на должность; недостаточный социальный контроль за судебной властью; сложный механизм привлечения судей к юридической ответственности, открывающий шлюзы для злоупотреблений властью; излишнюю корпоративность судейского сообщества, при которой участие представителей общественности в квалификационных коллегиях судей становится иллюзорным и носит декларативный характер. При этом А.А. Царев отмечает, что никакие гарантии независимости не будут работать, если носитель судебной власти не обладает высокими моральными и нравственными качествами и принципиальностью [24, с. 20–21].

В.А. Солдатов при анализе содержательной стороны принципа независимости судебной власти выделяет ряд основных факторов: идеологический, материальный, административный (организационный) и технический. Данные факторы, по его мнению, имеют одинаково большое значение для

практического воплощения принципа независимости судей, а идеологический фактор – фундаментальное. В этой связи ученый отмечает, что основным показателем независимости судов выступает соответствие выносимых судебных решений обстоятельствам дела. При этом ученый обращает особое внимание на высокий уровень сложности многих дел и большие объемы работы судей, что неизбежно влияет на качественный уровень выносимых ими решений. По мнению В.А. Солдатова, «качество» решений суда можно оценить по такому критерию, как общественное мнение, а разрешение проблем, связанных с осуществлением судопроизводства, автор видит путем достижения действительной независимости суда, на который будет возложена только единственная функция – осуществление правосудия [20, с. 41–45].

На наш взгляд, большинство проблем судостроительства и судопроизводства можно разрешить на законодательном уровне в ходе судебных реформ, за исключением проблемы осознания каждым конкретным судьей себя как непримиримого врага беззакония, носителя принципов чести, достоинства, справедливости и стража, стоящего на защите конституционных прав, свобод и интересов человека и гражданина, юридических лиц. Общества и государства. Это та самая внутренняя составляющая субъективной независимости судей (судейское самосознание), связанная со стремлением к постоянному повышению профессионального мастерства, нетерпимостью к проявлениям неэтичного поведения, формированием устойчивых психологических установок служения праву, которая, с одной стороны, напрямую зависит от отдельно взятого судьи, а с другой – непосредственно влияет на качество и эффективность осуществления правосудия, обеспечивает доверие граждан к судебной власти в целом.

Однако, к сожалению, в последние годы в печати все чаще можно встретить сообщения о злоупотреблениях властью в судейской среде [5; 12, с. 75]. Анализируя данную проблему, Д.А. Медведев, выступая на VII Всероссийском съезде судей, отметил: «Казалось бы, закон предоставляет все возможности – и процессуальные, и материальные – суду для того, чтобы он был независим. Если исходить из писаного права, из того, что есть у нас в законах, такой проблемы не должно быть в принципе. Но почему в этом случае судья, который является де-юре независимым, де-факто независимым подчас не является, и почему его личный выбор происходит зачастую не в сторону принятия объективного решения при рассмотрении дела?» [4].

Не смотря на то, что мы не поддерживаем обвинения в адрес судейского корпуса, следует все же признать, что отдельные негативные явления, которые признают органы судейского сообщества и сами судьи, все же имеют место. Так, анализ ре-

зультатов деятельности квалификационных коллегий судей (ККС) в ряде областей России за 2016 год показал следующее. В квалификационную коллегию судей Липецкой области поступило 228 жалоб в отношении судей и руководителей судов. Из них 166 жалоб (72,8%) были возвращены заявителям в связи с тем, что в них в основном выражалось несогласие граждан с судебными актами по процессуальным основаниям, не входящим в компетенцию ККС, в 62 жалобах содержались сведения о совершении судьями дисциплинарных проступков (грубое или систематическое нарушение процессуальных и иных правовых норм, волокита, неэтичное поведение (грубость) судьи в отношении участников процесса и иных граждан). По результатам проведенных проверок 4 жалобы были признаны обоснованными, что повлекло за собой принятие мер реагирования в отношении судей со стороны коллективов соответствующих судов [17].

В квалификационную коллегию судей Саратовской области в 2016 году поступило 928 жалоб и обращений граждан, 5 представлений должностных лиц о привлечении судей к дисциплинарной ответственности. Коллегия рассмотрела 417 обращений, направила для проверки председателям соответствующих или вышестоящих судов 301 жалобу и обращение, возвратила без рассмотрения 204 жалобы и обращения, 4 жалобы были отозваны заявителями, 2 – направлены по принадлежности. По результатам рассмотрения указанных материалов на 4 судей было наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения, на 1 судью – в виде замечания [8].

В Квалификационную коллегию судей Белгородской области в 2016 году поступило 506 жалоб и обращений на действия судей. При этом только за четвертый квартал 2016 года было принято 180 обращений, которые содержали сведения о совершении судьями дисциплинарного проступка: в 170 случаях жаловались на грубое или систематическое нарушение процессуальных и иных правовых норм (94% обращений поданы в отношении судей общей юрисдикции); в 4 – на волокиту (75% – судьи общей юрисдикции, 25% – мировые судьи); в 4 – на неэтичное поведение (грубость) судьи в процессе, в 2 – на недостойное поведение в быту.

Из поступивших и направленных для проведения проверок в суды жалоб и обращений граждан были признаны обоснованными 31. Все они касались нарушений судьями процессуальных сроков вручения и изготовления судебных актов. В остальных случаях доводы жалоб о процессуальных нарушениях, профессиональной непригодности судей сводились к несогласию обратившегося лица с решением или приговором суда, либо иным судебным актом, оценивать законность и обоснованность которых квалификационная коллегия судей не вправе [1; 21].

Квалификационной коллегией судей Ростовской области в 2016 году было вынесено 3 решения о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в виде замечания [18].

Таким образом, мы делаем промежуточный вывод о том, что на независимость судей влияют не только внешние обстоятельства, но и внутренние субъективные (личностные) характеристики носителей судебной власти, позволяющие либо не позволяющие им противостоять возможному давлению со стороны отдельных физических и юридических лиц, которые могут повлиять на законность и объективность принимаемых решений. Речь идет о внутренней (индивидуальной) независимости судей [3].

В этой связи В.В. Ершов справедливо подчеркнул, что ни государственно-правовыми способами, ни общественными мерами нельзя обеспечить независимость кого бы то ни было. Независимость судьи является характеристикой уровня его самосознания, которое проявляется как внутренне присущее ему свойство личности, формируемое в процессе воспитания. Внешними мерами воздействия можно лишь увеличить или поддержать это свойство личности, но нельзя заставить обрести независимость при изначальном ее отсутствии. В то же время организационно-правовыми мерами можно способствовать независимости судьи, гарантируя ему защиту от давления извне [19, с. 456].

Таким образом, напрашивается еще один вывод: сделать судей независимыми нельзя, зато можно принять ряд реалистичных мер, которые постепенно будут работать в направлении повышения независимости судей и роли судейского сообщества. Институт проблем правоприменения, действующий в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге, к таким мерам относит следующие: 1) проведение реформы института председателей судов общей юрисдикции; 2) изменение системы назначения судей; 3) ограничение возможности стороны обвинения (прокуратуры) оказывать давление на судей; 4) снижение нагрузки на судей [9, с. 3–4].

По мнению Т.Н. Нешатаевой, реализация независимости судебной власти «без имитации» возможна путем обеспечения государством внешних гарантий (способа назначения на должность, несменяемости, исполняемости судебных решений) и внутренних гарантий (равенством судей внутри судебной системы; свободой от ненадлежащего внешнего влияния; надлежащим финансированием судебной власти) [16].

Г.Т. Ермошин среди правовых гарантий, которыми обеспечивается независимость лиц, наделенных судебскими полномочиями, выделяет следующие: 1) процессуальные гарантии (соблюдение процедуры осуществления правосудия, запрет под угрозой ответственности чьего бы то ни было

вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; неподотчетность судей любым органам и должностным лицам при осуществлении правосудия и др.); 2) организационно-правовые гарантии (соблюдение порядка отбора на должность судьи и прохождения государственной службы; юридическая ответственность судей и т.д.); 3) социально-правовые гарантии судьи и членов его семьи (неприкосновенность; право на особое материальное и социальное обеспечение и др.) [6, с. 92; 7, с. 11–12].

Е.А. Мишина считает, что на пути к истинной независимости судебной ветви власти важную роль играют традиции уважения к судьям; установление простых конституционных рамок функционирования судебной системы; восприятие социумом судей как творцов права [15, с. 119–120].

Известные адвокаты М. Барщевский, А. Клишас, С. Пашин и М. Федотов предложили 10 наиболее радикальных шагов на пути к независимости судей:

1) утвердить процедуру избрания на должность (и отстранения от должности) председателей судов всех уровней, кроме Верховного Суда, Советом Федерации по представлению председателя Верховного Суда РФ;

2) создать специальную структуру по обеспечению независимости судей от любых форм внешнего давления – коррупционного, административного, криминального и предотвращению коррупционных проявлений внутри самого судебного сообщества;

3) «переформатировать» систему апелляционных и кассационных судов для судов общей юрисдикции должна по межтерриториальному принципу;

4) сократить полномочия председателей судов всех уровней и всести их к организационно-хозяйственным;

5) начать работу по подготовке нового Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, которые, по мнению авторов нововведений, утратили свою системность, логичность и справедливость;

6) усилить контроль за следствием путем возврата ряда надзорных функций прокуратуре, введения института следственных судей, обеспечения адвокатам реальной возможности для защиты обвиняемых;

7) расширить количество дел, рассматриваемых судом присяжных и ввести новые формы судопроизводства с участием представителей общества;

8) «зубрять» из суда всякого рода «специалистов», которые преимущественно «решают» вопросы клиента, позволив осуществлять представительство сторон по гражданским делам только лицами, имеющими специальный допуск к участию в отправлении правосудия;

9) «скорректировать» процессуальное законодательство, обязывающее стороны к раскрытию

информации до начала процесса, как это принято в зарубежных странах;

10) поднять размер госпошлины с тем, чтобы многие споры решались миром, в том числе для развития института медиации [22].

Подводя итоги исследования, приходим к выводу, что независимость судебной власти может быть обеспечена путем принятия мер, гарантирующих: 1) внешнюю (институциональную) независимость, которая предполагает автономное от других ветвей власти функционирование судебной системы; 2) внутреннюю независимость, состоящую из двух элементов: внутрикорпорационной независимости судей (независимость от влияния руководителей судов, органов судебного сообщества при осуществлении правосудия) и индивидуальной (субъективной) независимости судей, которая связана со стремлением к постоянному повышению профессионального мастерства, нетерпимостью к проявлениям неэтичного поведения, формированием устойчивых психологических установок служения праву.

На наш взгляд, продолжение исследования независимости судебной ветви власти и преодоления проблем ее фактической реализации в данном русле является перспективным с учетом современных проблем судостроительства и судопроизводства России. В первую очередь это касается разработки и внедрения в практику квалификационных органов судебного сообщества специальных тестов, позволяющих определять не только достаточность знаний, свидетельствующих о готовности претендента на занятие вакантной должности судьи, но и выявлять его соответствие высоким морально-этическим стандартам профессии, стрессоустойчивость и способность противостоять любым попыткам давления при осуществлении правосудия.

Библиографический список

1. Анализ обращений на действия судей, поступивших в Квалификационную коллегию судей в 4 квартале 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bel.vkks.ru/publication/42634/> (дата обращения: 23.03.2017).

2. *Афанасьева С.И.* Конституционно-правовые гарантии принципа независимости судей в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 28 с.

3. *Баязитов А.А., Мезяев А.Б.* Независимость международных судебных органов: социальные механизмы // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 1 (114). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-mezhdunarodnyh-sudebnyh-organov-sotsialnye-mehanizmy> (дата обращения: 23.03.2017).

4. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на VII Всероссийском съезде судей 02.12.2008. [Электронный ресурс]. – Ре-

- жим доступа: <http://www.vsrfr.ru/catalog.php?c1=%CD%EE%E2%EE%F1%F2%E8%20%E8%20%F1%EE%E1%FB%F2%E8%FF&c2=%CD%EE%E2%EE%F1%F2%E8&c3=2008&id=5559> (дата обращения: 23.03.2017).
5. *Гаспарян Н.С.* Почему российский суд независим. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://advokat7777.ru/publ/advokat_gasparjan_nver_sarkisovich_pochemu_rossijskij_sud_zavisim_problemy_nezavisimosti_sudej/1-1-0-27 (дата обращения: 23.03.2017).
6. *Ермошин Г.Т.* Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 92.
7. *Ермошин Г.Т., Петухов Н.А.* Независимость судьи Российской Федерации: современные проблемы обеспечения // Российская юстиция. – 2013. – №3. – С. 11–15.
8. Итоги работы квалификационной коллегии судей Саратовской области за 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sar.vkks.ru/category/1962/> (дата обращения: 23.03.2017).
9. Как обеспечить независимость судей в России / Волков В.В., Панеях Э.Л., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. – СПб., ИПП ЕУ: Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», 2012. – 28 с.
10. *Кондрашев А.А.* Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике / Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8 (57). – С. 181–187.
11. *Кудешкина О.* Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <http://2005.novayagazeta.ru/pomer/2005/18n/n18n-s42.shtml> (дата обращения: 23.03.2017).
12. *Макарова З.В.* Независима ли независимая судебная власть? // Уголовное право. – 2001. – № 3. – С. 75.
13. *Макарова О.В.* Независимость судей в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2010. – №1 (157). – С. 95–104.
14. *Митрюхина Л.С.* Гарантии независимости судей // Молодой ученый. – 2016. – № 4. – С. 576–578.
15. *Мишина Е.А.* Из американского опыта обеспечения личной независимости судей // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2010. – № 4. – С. 119–133.
16. *Нешатаева Т.Н.* Независимый суд: от международного стандарта к реализации без имитаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/_upimg/B77CCC3C4DA52A6DC0C8887E55F2C006_z-2_Neshataeva.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
17. Обзор результатов деятельности квалификационной коллегии судей Липецкой области за 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lip.vkks.ru/publication/41439/>.
18. Пресс-релиз первого заседания квалификационной коллегии судей Ростовской области за 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ros.vkks.ru/category/3206/> (дата обращения: 23.03.2017).
19. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / под ред. В.В. Ершова. – М.: Юристъ, 2006. – 493 с.
20. *Солдатов В.А.* Реализация принципа независимости при осуществлении правосудия арбитражными судами: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 204 с.
21. Статистические данные о работе Квалификационной коллегии судей Белгородской области за 9 месяцев 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bel.vkks.ru/publication/39547/> (дата обращения: 23.03.2017).
22. Суд идет. Сам идет / Российская газета – Федеральный выпуск №6623 (52) от 12.03.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/03/13/sud.html> (дата обращения: 23.03.2017).
23. Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по велению императора Александра Александровича – СПб.: Государственная типография, 1883. – 766 с.
24. *Царев А.А.* Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 36 с.

Артюшина Ольга Николаевна
Костромской государственный университет
PeOIN@yandex.ru

Прохорова Марина Владимировна
Костромской государственный университет
M89159092166@gmail.com

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

На основе изучения и анализа правовых основ суррогатного материнства в Российской Федерации и некоторых других зарубежных странах в статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с применением данного института на практике. Семья, как известно, играет основополагающую роль в становлении и развитии личности, и к тому же осуществляет репродуктивную функцию, которая формирует демографические показатели государства. К сожалению, на сегодняшний день случаи бесплодия семей являются весьма распространенными, поэтому механизм суррогатного материнства нашел достаточно широкое применение. Однако в правовом регулировании института суррогатного материнства прослеживается ряд правовых пробелов, что затрудняет применение данного института и порождает разногласия в судебной практике. В данной статье будет рассмотрена проблема отказа суррогатной матери от передачи ребенка, а также предпринята попытка решения некоторых правовых вопросов совершенствования законодательства в сфере исполнения обязанностей суррогатной матери по договору о суррогатном материнстве.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, генетические родители, вспомогательные репродуктивные технологии.

Суррогатное материнство – институт, появившийся в России сравнительно недавно. Так, первая суррогатная программа была реализована в 1995 году в центре ЭКО при Санкт-Петербургском институте акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта РАМН [8]. Отметим, что в ст. 55 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под суррогатным материнством понимается вынашивание и рождение ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [14].

Использование механизма суррогатного материнства, безусловно, является выходом для семей, которые желают ребенка, но по физиологическим причинам не могут его иметь. Кроме того, на территории Российской Федерации (далее – РФ) имеет место проблема низкой рождаемости. Для наглядности отметим, что, согласно статистическим данным, в 2015 году коэффициент рождаемости был равен 13,3 промилле, смертности – 13,0 промилле, естественного прироста населения – 0,3 промилле (на 1000 человек) [5]. Как известно, если данный коэффициент меньше единицы, то в стране наблюдается демографический спад. Возможно, применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) в какой-то мере способно решить данную проблему.

Однако исследователи науки семейного права отмечают недостаточность правового регулирования данного института, связанную с его непродолжительным существованием. Это порождает ряд проблем, возникающих при применении ВРТ

и последствий их применения. Так, одной из проблем, имеющей место, является отказ суррогатной матери от передачи ребенка.

Ч. 4 ст. 51 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), закрепляет, что лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) [9].

П. 5 ст.16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», устанавливает, что при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка [13].

Итак, супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона (в соответствии с договором) записываются родителями ребенка только с согласия женщины, его выносившей. По логике следует, что, не дав такого согласия, женщина может не передавать ребенка супругам, и имеет право быть записана матерью ребенка сама. Примечательно, что данной позиции придерживается и Конституционный суд РФ. Так, А.В. Герасимов и А.Ю. Афанасьева отмечают, что определением Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями п. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации и п. 5 ст. 16 Федерального за-

кона «Об актах гражданского состояния» семейной паре было отказано в рассмотрении жалобы на нарушение нормами СК РФ их конституционных прав, касающихся воспитания детей. Супруги прибегли к процедуре суррогатного материнства, однако после родов суррогатная мать зарегистрировала ребенка в органе ЗАГС как собственного, поэтому генетические родители обратились в суд. Конституционный Суд РФ счел, что п. 4 ст. 51 СК РФ соответствует Конституции и в удовлетворении иска генетическим родителям было отказано [2, с. 31].

Проблема отказа суррогатной матери от передачи ребенка имеет два аспекта: моральный и правовой.

Рассматривая моральный аспект проблемы, наука семейного права выделяет две основные противоположные позиции, а именно:

1) Особое психофизическое состояние суррогатной матери, проявившееся при рождении ребенка, дает ей право отказаться от передачи данного ребенка. Так, некоторые авторы отмечают, что факт вынашивания и рождения наиболее социально и эмоционально значимы, чем генетическое происхождение [1, с. 183].

2) Право на ребенка должно оставаться за родителями, прибегнувшими к услугам суррогатной матери, и та обязана его им передать. Е.Р. Сухарева рассматривает довольно интересную точку зрения о том, что установление в данном случае приоритета суррогатной матери нарушает ст. 38 Конституции РФ, согласно которой подлежат защите семья, материнство и детство (предполагается, что речь в данной статье идет о генетическом родстве членов семьи) [12].

Соглашаясь со второй позицией, дополнительно считаем нужным привести еще несколько доказательств в её обоснование. Во-первых, стоит отметить, что ребенок появился на свет по волеизъявлению не суррогатной матери, а лиц, пользующихся ее услугами. Во-вторых, неправильно оправдывать отказ передать ребенка состоянием, проявившимся у суррогатной матери на протяжении вынашивания и в момент рождения ребенка. Согласно Федеральному Закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», одним из требований к суррогатной матери является наличие собственного не менее одного здорового ребенка [14]. Следовательно, женщина должна понимать последствия беременности, родов, возможного возникновения привязанности к ребенку, так как испытывала эти чувства ранее. Значит, если женщина заключила договор, то, подразумевается, что она предвидела эти последствия и была к ним готова, следовательно, обязана передать ребенка генетическим родителям.

Кроме того, интересный момент, который может быть отнесен как к моральному, так и правовому аспекту, отмечает в своей работе В.А. Цветков, который указывает, что при отказе суррогатной

матери от передачи ребенка остается неурегулированным вопрос отцовства. По п. 2 ст. 48 СК в соответствии с презумпцией отцовства отцом ребенка считается муж его матери. Ни в каких нормативно-правовых актах не упоминается о правах и обязанностях мужа суррогатной матери в случае отказа от передачи ребенка [15, с. 48]. В моральном плане ребенок рискует быть непринятым мужем суррогатной матери, в семье может сложиться неблагоприятная для ребенка атмосфера. Кроме того, при отказе суррогатной матери от передачи ребенка могут быть нарушены и имущественные права этого ребенка (например, при расторжении брака муж суррогатной матери не обязан выплачивать алименты на содержание ребенка). В семье же генетических родителей оба супруга дали согласие на применение ВРТ и желают появления ребенка, при его появлении и согласии суррогатной матери будут записаны его родителями, и это обеспечит защиту имущественных прав ребенка. Если же к ВТР прибегает незамужняя женщина, то отсутствует риск в том, что у её супруга по отношению к ребенку возникнут неприязненные чувства.

Правовой аспект проблемы заключается том, что существует правовая незащищенность генетических родителей, отсутствие у них права требовать передачи ребенка суррогатной матерью. Для того чтобы детальнее изучить данный аспект, обратимся к законодательству зарубежных стран.

Т.В. Сорокина отмечает, что институт суррогатного материнства хорошо известен ряду западных зарубежных стран [11, с. 214]. В отдельных странах суррогатное материнство разрешено, в других – разрешено только на некоммерческой основе, а в третьих – полностью запрещено.

Для сравнения, прежде всего, интересна первая группа стран. Суррогатное материнство разрешено в таких странах, как США (некоторые из штатов), Украина, Казахстан.

О.В. Миллер отмечает, что программа суррогатного материнства в США легализована в 8 из 50 штатов, кроме того в 1998 году был разработан Единообразный закон «О статусе детей, зачатых нетрадиционным путем». В нем провозглашено, что дети являются высшей ценностью и приоритетом правовой охраны независимо от их зачатия и рождения [7, с. 195]. По мнению автора, данный закон – одно из достоинств нормативно-правовой базы США. Согласно данному закону, при решении вопроса об отказе суррогатной матери от передачи ребенка учитываются интересы ребенка, то есть приоритет отдается ребенку, а не суррогатной матери или генетическим родителям, что представляется нам правильным.

Семейный кодекс Украины, а именно п. 2 ст. 123 предусматривает, что при переносе в организм другой женщины эмбриона человека, зачатого супругами (мужчиной и женщиной) в результа-

те применения ВРТ, родителями ребенка являются супруги [10].

В Кодексе Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» данному институту посвящена глава 9 – «Суррогатное материнство и применение вспомогательных репродуктивных методов и технологий». П. 1 ст. 59 гласит, что родителями ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий, на основании договора суррогатного материнства признаются супруги (заказчики) [6].

Интересна и вторая группа стран, разрешающая суррогатное материнство лишь на некоммерческой основе. В число таких стран входят, например, Великобритания, Канада, Израиль. Согласимся с Е.Р. Сухаревой, которая считает данную законодательную позицию неправильной, поскольку «трудно предположить желание женщины безвозмездно вынашивать чужого ребенка» [12]. Кроме того, стоит отметить, что безвозмездность суррогатного материнства вовсе может исключить обязанность суррогатной матери передать ребенка генетическим родителям. Если сейчас данную проблему можно рассматривать как законодательно не урегулированную, то из безвозмездного характера отношений и вовсе не будет следовать обязанность суррогатной матери исполнить обязательство.

К третьей группе стран, запрещающих суррогатное материнство, относятся, например, Франция, Германия, Норвегия, Швеция, некоторые штаты США. Думается, что запрет суррогатного материнства может повлечь применение ВРТ медицинскими учреждениями в обход закона, с нарушением прав и законных интересов граждан. Следовательно, логичнее законодательно разрешить суррогатное материнство, подробно регламентировав механизм его применения.

Е.Б. Гнеушева отмечает, что позиция Европейского суда по правам человека относительно рассматриваемого вопроса остается неясной. Так, в решениях он акцентирует внимание на отсутствие европейского консенсуса, который является дополнительным критерием широты свободы усмотрения, предоставляемой государству-ответчику» [3, с. 288]. То есть вопрос отдается на разрешение страны-правоприменителя в соответствии с ее законодательством. А.В. Герасимов и А.Ю. Афанасьева отмечают, что правоприменительная практика зарубежных стран показывает, что право отцовства и материнства признается в пользу генетических родителей [2, с. 31]. Сложно предположить, с чем связана сложившаяся судебная практика зарубежных стран и позиция Европейского суда. На наш взгляд, данный вопрос рассматривается Европейским судом больше в моральном аспекте, и возможность его самостоятельного урегулирования странами связывается с национальными особенностями, обычаями и традициями

в отношении семьи, сложившимися в данном государстве.

Большинство учёных науки семейного права видят решением проблемы закрепление обязанности суррогатной матери передать ребенка генетическим родителям в договоре суррогатного материнства.

Так, Е.Б. Гнеушева предлагает включить обязанность суррогатной матери передать ребенка, а родителей-заказчиков – его принять в договор суррогатного материнства как обязательного пункта (наравне с такими пунктами, как размер вознаграждения за услуги суррогатной матери; определение медицинского учреждения, где будет проведено искусственное оплодотворение и т.д.) [3, с. 288]. Такая точка зрения представляется правильной, но возникает вопрос – во всех ли случаях суррогатная мать обязана выполнить данное требование, не стоит ли указать какие-либо исключения. В связи с этим интересно мнение других авторов, которые считают, что надо предоставить суду право принимать решение об оставлении ребенка у суррогатной матери в двух исключительных случаях – отказа генетических родителей принять ребенка, либо в случае бесплодия, возникшего у суррогатной матери после родов [2, с. 31]. На наш взгляд, не совсем ясно, зачем указан первый случай – исключение, ведь при отказе генетических родителей принять ребенка и желании суррогатной матери оставить его, спора о ребенке не возникнет, следовательно, суду не придется воспользоваться таким правом. Что касается второго случая – исключения, то, думается, что данное исключение необходимо применять лишь в том случае, когда у родителей-заказчиков уже имеются собственные дети.

Отдельные авторы предлагают сформулировать понятие договора суррогатного материнства и закрепить его в СК РФ [9] и Гражданском Кодексе РФ [4] (далее – ГК РФ), указав, в частности, в определении договора на обязанность суррогатной матери передать ребенка генетическим родителям. По их мнению, договор о суррогатном материнстве – это соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать) обязуется по заданию другой стороны (супругов-заказчиков) после искусственного оплодотворения пройти процедуру имплантации эмбриона, выносить, родить и передать ребенка супругам-заказчикам, а супруги-заказчики обязуются оплатить за указанные услуги установленную плату, если она предусмотрена данным договором. Кроме того, необходимым является закрепить в ГК РФ самостоятельный вид договора о суррогатном материнстве. Так же предлагается предусмотреть санкции в виде возмещения расходов с недобросовестной стороны, компенсации морального вреда и других материальных выплат [2, с. 32].

Представляется верным закрепление обязанности суррогатной матери передать ребенка не-

посредственно в формулировке договора суррогатного материнства. Но предложенная выше формулировка имеет определенные недостатки. Так, ранее нами было указано, что суррогатное материнство на некоммерческой основе имеет ряд минусов, поэтому необходимо исключить из предложенного определения оговорку о том, что плата должна быть предусмотрена договором. Тем самым, договор суррогатного материнства будет заключаться лишь на возмездной основе. Закрепление же данного вида договора в ГК РФ представляется правильным, так как это обеспечит возможность применения санкций, предусмотренных ГК РФ. Считаем, что применение санкций для недобросовестной стороны обеспечит ответственное выполнение обязанностей по договору как суррогатной матери, так и генетических родителей. Кроме того, исключение, при котором допускается отказ суррогатной матери от передачи ребенка, целесообразно закрепить не как право суда, а как обязанность, предусмотренную законом. Зная, что спорное правоотношение подпадает под случай – исключение, стороны смогут на основании этого решить вопрос об оставлении ребенка у суррогатной матери самостоятельно, не обращаясь в судебные органы.

Итак, исходя из вышесказанного, предложенное нами определение может быть сформулировано следующим образом:

Договор о суррогатном материнстве – это соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать) обязуется по заданию другой стороны (супругов-заказчиков) за установленную плату после искусственного оплодотворения пройти процедуру имплантации эмбриона, выносить, родить и передать ребенка супругам-заказчикам, а при невыполнении обязанности – претерпеть гражданско-правовые санкции, если неисполнение не обусловлено возникновением бесплодия суррогатной матери, возникшим вследствие родов при условии, что у родителей-заказчиков уже имеются собственные дети.

Таким образом, представляется необходимым усовершенствовать правовую базу, регулирующую институт суррогатного материнства, что позволит упорядочить практику по применению механизма защиты участников правоотношений.

Библиографический список

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. – М.: Норма, 2010. – 183 с.
2. Герасимов А.В., Афанасьева А.Ю. Проблемы суррогатного материнства по российскому законодательству // Вестник Краснодарского университета МВД России. Государство и право. Юридические науки. – 2014. – № 4 (26). – С. 30–32.

3. Гнеушева Е.Б. Некоторые проблемы правового регулирования искусственных методов репродукции // Вестник Бурятского государственного университета. Государство и право. Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 285–289.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 №51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – № 238–239. – 08.12.1994.

5. Демография. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

6. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (ред. от 09.04.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748#pos=1;-217 (дата обращения: 08.12.2016).

7. Миллер О.В. Суррогатное материнство: особенности нормативно-правового регулирования в РФ и США // Инновационная наука / Государство и право. Юридические науки. – 2015. – № 6-2. – С. 194–195.

8. Свитнев К.Н. Суррогатное материнство в России и в мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.surrogacy.ru/surrogacy_history.php. (дата обращения: 08.12.2016).

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. – 27.01.1996. – № 17.

10. Семейный Кодекс Украины (ред. от 19.10.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeksy/semeyniy-kodeks> (дата обращения: 08.12.2016).

11. Сорокина Т.В. Суррогатное материнство: понятие и критерии его определения // Вестник Волгоградского государственного университета / Государство и право. Юридические науки. – 2010. – № 2–13. – С. 214–217.

12. Сухарева Е.Р. Совершенствование правового регулирования суррогатного материнства в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rf> (дата обращения: 08.12.2016).

13. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства. – 24.11.1997. – № 47.

14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 3.07.2016) // Российская газета. – 23.11.2011. – № 263.

15. Цветков В.А. Правовое регулирование суррогатного материнства // Вестник Омской Юридической академии. Государство и право. Юридические науки. – 2012. – № 2(19). – С. 47–50.

ПРОБЛЕМА НАРОДОВЛАСТИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена функционированию и развитию института народовластия в государствах переходного периода. Автором обосновывается тезис о том, что воздействие политических отношений на развитие и реализацию народовластия при формировании государственности переходного периода обусловлено неустойчивостью демократических традиций государственного управления, отсутствием политического консенсуса по основным задачам государства. Указаны основные свойства государств переходного периода, влияющие на формирование государственности. Определены направления нейтрализации негативных факторов социального, экономического, политического и правового характера на эффективность народовластия.

Ключевые слова: государство, народовластие, государственность, переходный период, политическая система, избирательная система, экономическая система, реформаторская деятельность.

Н а постсоветском пространстве в настоящее время происходит процесс формирования государственности, для которого характерны демократизация общественных отношений, уход от моноидеологии и руководящей роли одной политической партии, внедрение политического, экономического и идеологического многообразия, разделение властей, формирование гражданского общества, значительное расслоение населения по материальным доходам. Происходят существенные изменения в организации и функционировании государственного механизма. В первую очередь это связано с жесткой конфронтацией различных ветвей государственной власти, изменением рычагов влияния государства на экономические процессы, частой сменой политической элиты, резким расслоением социальных слоев общества.

Вопросам народовластия посвящены труды таких ученых, как А. Безуглова, Н. Бухарин, Л. Григорян, Р. Коток, В. Кабышев, Э. Кузьмина, Я. Магазинер, Б. Манелис, И. Трайнин, В. Чепранов, В. Шевцов. В первую очередь в них рассматриваются проблемы развития постсоветских государств, связанные с процессом глобализации, жесткой конфронтацией политических сил. В то же время мало внимания уделяется становлению государственности переходного периода.

Анализируя указанные вопросы, прежде всего, следует подчеркнуть, что государственные институты и правовая система существенно влияют на становление и развитие основных форм волеизъявления народа. На наш взгляд, в этом аспекте важное значение имеет характер политического режима в государстве, наличие демократических традиций, форма правления, уровень зрелости гражданского общества, взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти на основе конституционного принципа разделения властей, правовая культура, обеспечение законности, особенно в сфере конституционно-правовых отношений, реализация на практике конституционной ответственности.

Поэтому сегодня нет оснований считать, что закрепление в Луганской Народной Республике на конституционном уровне положения о том, что Республика является демократической, будет свидетельствовать об автоматическом увеличении потенциала ее народа. Это далеко не так. Соответственно, нужно предпринять целый ряд мер для того, чтобы реализация таких форм непосредственной демократии как выборы, референдумы, всенародные обсуждения проходили в рамках законности, и чтобы воля народа была заложена в основу государственных решений.

Кроме того, существует необходимость рассмотрения специфики переходного периода государства и права с точки зрения процесса реализации народовластия. Так, одной из особенностей государств переходного периода является органическое сочетание в их структуре элементов новизны и преемственности нового и старого, разные темпы развития политических и экономических процессов и преобразований.

Практика существования постсоветских государств свидетельствует о том, что в них интенсивнее происходит развитие политико-правовых отношений: формируются десятки политических партий, фондов, ассоциаций; внедряется идеологическое и политическое многообразие; активно обновляется избирательное законодательство. Изменяется и функциональная направленность государства, поскольку идет процесс демонтажа прежней государственной машины, и прежде всего силовых, контролирующих и надзорных структур; существенно меняется внутренняя и внешняя политика государства; внедряются новые политические ценности и приоритеты; законодательство, особенно в сфере избирательных и других политических прав граждан, сориентировано на международные стандарты. Экономические преобразования, напротив, идут медленнее, чем в политической сфере и политической инфраструктуре, что является негативным фактором для общества и государства и составляет трудность в установ-

лении институтов народовластия. Другой особенностью является наличие небольшого числа ресурсов, имеющих в распоряжении властных структур: административно-принудительного, силового – и, частично, – информационного, а что касается «силового» ресурса, то его возможности не безграничны. В этой связи Ш.М. де Талейран когда-то справедливо отметил: «Штыки хороши во всех случаях, кроме одного: на них невозможно сидеть» [5, с. 25]. А это означает, что поля для социального маневрирования в государствах переходного периода фактически нет. А, следовательно, на все сферы жизнедеятельности общества, будет влиять «клептократия», хотя она как форма власти нежизнеспособна и временна [7, с. 89–90].

Приоритетность экономических ресурсов проявляется в том, что они, во-первых, составляют материальную субстанцию всех других ресурсов. Во-вторых, через экономические ресурсы формируются источники существования и поддержания политической власти. В-третьих, важнейшим критерием обеспечения политической власти экономическими ресурсами является свободное их использование в том объеме, который отвечает собственным интересам и целям политической власти [8, с. 95–96]. И, к сожалению, эти интересы и цели власти непременно будут в «бедных» государствах расходиться с интересами большинства общества (народа), потому что экономических ресурсов мало и с каждым днем становится все меньше. Их не хватает даже на обеспечение достижения своих политических целей властной элитой [3, с. 24].

В этой связи среди научного сообщества существуют различные взгляды на роль государства в общественных преобразованиях в переходные периоды. Мы считаем, что в такой период развития общества существенно повышается роль государства. Причем оно решает довольно сложные и разносторонние проблемы не только относительно реформирования политических и экономических структур, но и поддерживает необходимость изменений в духовной жизни общества, в сфере международных, этнических, этических, идеологических и других отношений, в формировании правовой базы организации и функционировании органов государственной власти и местного самоуправления, в определении идеологии государства.

Третьей особенностью государств переходного периода является существенное повышение роли народа как первоисточника власти, ибо именно он имеет право решать концептуальные вопросы развития государства и общества, своего бытия. В частности, согласно ст. 2 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР, источником власти в Луганской Народной Республике является ее народ [1]. Вместе с этим понятно, что институты непосредственного народовластия не заработают без

материальной и организационной поддержки государственных институтов, качественного избирательного законодательства. Такова диалектика взаимосвязи институтов в механизме народовластия.

Как известно, в переходный период существует несколько подходов к определению оптимального воздействия государственных институтов на социальные процессы. Например, государство может быть тоталитарным, тотально коррумпированным, либеральным, социально-демократическим. Если государство рассматривать как всеобъемлющий феномен, и оно вмешивается во все сферы общественной жизни, прежде всего, с помощью всеобъемлющего правового регулирования и тотального контроля в отношении структур гражданского общества, человека и гражданина, то это государство тоталитарное, оно не может обеспечивать оптимальное функционирование институтов представительной и непосредственной демократии. Если же государство тотально коррумпировано, то усилия органов государственной власти в нем направлены на реальное обеспечение прав и свобод значительного числа населения, недопущения ни реприватизации, ни национализации собственности, которая была приватизирована в свое время незаконно за бесценок. Для этого разрабатывается идеологическое обоснование.

Третий подход ассоциируется с формированием и функционированием либерального государства в переходный период, который базируется на том, что задачи и функции государства сведены исключительно к «обеспечению общества только самым необходимым» [10, с. 181]. Этот подход на Западе в политико-идеологическом аспекте является самым распространенным и считается перспективным при переходе от плановой, централизованной экономики к рыночной, децентрализованной, от социализма к капитализму. Современная практика проведения либеральных реформ в Украине, России и других постсоветских странах свидетельствует о том, что внедрение либеральных идей на постсоветском пространстве нанесло немало ущерба экономической сфере, привело к резкому падению жизненного уровня большинства населения. В соответствии с главным постулатом либерализма, государству в сфере экономики отводится роль только «ночного сторожа».

Четвертый подход к определению роли и места государства в переходный период от социализма к капитализму ассоциируется с функционированием социально-демократического государства, характерной чертой которого является высокий уровень его ответственности перед населением. На постсоветском пространстве происходит осознание политической элитой необходимости активизации социальной деятельности государства. В конституциях закрепляется положение о социальном государстве. Таковым является государство,

«стремящееся и способное осуществить политику, направленную на обеспечение гражданских прав для всех членов общества, обеспечение условий для достойной жизни людей, а также создать условия для свободного и всестороннего развития личности и обеспечить реализацию воплощенных в законной форме интересов каждого гражданина с интересами всего общества» [4, с. 19]. Социальное государство берет на себя обязательства обеспечивать социальную справедливость, благополучие своих граждан, их социальную защищенность. Цель такого государства – создавать условия для обеспечения граждан работой, перераспределять доходы через государственный бюджет, обеспечивать людей прожиточным минимумом и содействовать увеличению числа мелких и средних собственников, заботиться об образовании, семье, медицинском обслуживании, постоянно улучшать социальное обеспечение и тому подобное. Социальное государство служит обществу и пытается исключить или свести к минимуму социальное отличие, и на этой основе достичь социального мира в обществе. Объектом социальных устремлений государства является человек, его разносторонние потребности и интересы, социальный комфорт и социальное самочувствие. Высшая цель социального государства – создание условий по обеспечению достойной жизни и свободного развития человека, то есть его материальная обеспеченность на уровне стандартов современного развитого общества, доступ к ценностям культуры, гарантированность личной безопасности. В рамках этой цели реализуется государственная поддержка слабозащищенных в социальном плане групп населения.

Исходя из вышеизложенного в научной литературе, разрабатывают возможную оптимальную модель роли государства и права в переходный период или «идеального типа перехода к демократии» [9, с. 36]. По замыслу ее авторов, эта модель должна сочетать в себе на различных стадиях ее реализации одновременно черты и либерализма, и социал-демократизма. Считаем, что на сегодняшнем этапе развития это наиболее взвешенный подход. Всего мы выделяем четыре стадии этой модели: 1) либерализация политической жизни; 2) демонтаж отживших институтов – составляющих частей прежней политической системы; 3) демократизация общественно-политической жизни страны; 4) принятие мер по «ресоциализации» граждан, то есть до положительного восприятия ими новых ценностей и политической системы, которая заново создается [9, с. 40]. Считаем, что эта модель сориентирована, прежде всего, на политическую сферу жизни общества, ее переход из авторитарного к демократическому состоянию.

В рамках этой модели с точки зрения становления и развития институтов народовластия выделим следующие составляющие:

- а) становление качественного законодательства по организации и функционированию органов государственной власти и местного самоуправления;
- б) обновление избирательного законодательства;
- в) внедрение политического и идеологического многообразия, многопартийности;
- г) становление дееспособного гражданского общества;
- д) обеспечение стабильности конституционного строя, его дальнейшей демократизации;
- е) обеспечение конституционной законности;
- е) создание условий для развития различных форм собственности и их равной защиты со стороны государства;
- ж) ориентация правовой системы на защиту прав и свобод человека и гражданина [6].

По большому счету, этап, на котором сегодня находится Луганская Народная Республика, не «вписывается» по своим содержательным характеристикам ни в классическую либеральную, ни в социал-демократическую или иную модель государства переходного периода. В сущности идеальной, классической модели и не может быть. Но важным является демократический вектор развития Республики и общества, ориентация на общечеловеческие ценности с учетом отечественного опыта, недопущение тоталитарных методов функционирования государственной власти.

В данном ракурсе особую значимость приобретает принятие Основного Закона ЛНР, так как именно Конституция является базовым элементом и одновременно вершиной правовой системы Республики, фундаментом ее развития. На ее основе происходит эволюция всех институтов народовластия. Согласно ст. 2 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР, «Источником власти в Луганской Народной Республике является ее народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением воли народа являются референдум и свободные выборы» [1].

Среди главных направлений нейтрализации негативных факторов, оказывающих влияние на эффективность осуществления народовластия, необходимо выделить следующие: создание оптимальной социальной инфраструктуры; разработка новых механизмов реализации социальной политики, обеспечивающих более рациональное использование финансовых и материальных ресурсов; формирование необходимой экономической и ресурсной базы для обеспечения социальных потребностей и интересов граждан; внедрение эффективных правовых институтов, способных в полной мере обеспечить взаимодействие всех звеньев политической системы и их координацию на различных уровнях системы государственного управления. Все это способствует реализации ос-

новых принципов народовластия, а также обеспечению государственной деятельности по преодолению разнообразных кризисных явлений, прежде всего, в гуманитарной сфере.

Таким образом, в настоящее время в Луганской Народной Республике наблюдается ситуация, при которой для органов государственной власти основными задачами их деятельности являются: 1) сохранение в условиях военной экспансии, экономической и политической блокады со стороны киевской власти своей государственности; 2) обеспечение (гарантирование) основных прав и свобод человека (права на жизнь, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, право на оплачиваемый труд и т.п.); 3) обеспечение полноценного функционирования основных институтов народовластия Республики. Для разрешения этих задач необходимо создание целого ряда правовых механизмов и институтов, которые позволили бы гражданину более эффективно участвовать в управлении государством.

Следует также отметить определенные недостатки действующего республиканского законодательства, затрагивающего в той или иной мере вопросы народовластия, а именно то, что значительное количество потенциальных и необходимых сфер правового регулирования вообще не закреплены в каких-либо нормативных актах. В некоторой степени это объясняется существующей неупорядоченностью системы нормативных правовых актов в ЛНР, ведь перед Республикой до сих пор стоит задача создания эффективной системы законодательства, установление единых общеобязательных требований к разработке правового материала, повышения качества нормотворческой деятельности, стабилизация и систематизация законодательства и как следствие – обеспечение надлежащих условий для реализации прав и свобод человека и гражданина, их эффективная защита.

В связи с этим основными путями укрепления народовластия в Луганской Народной Республике должны стать установление действенного, полноценного социального партнерства между Республикой и её населением, стремление к стабильности и взаимной поддержке, дифференциации и институционализации политической структуры,

обеспечению формирования институтов участия граждан в политической жизни, разработке эффективного законодательного механизма реализации гражданами своих прав.

Библиографический список

1. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения: 15.03.2017).
2. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики: Закон от 18.05.2014 № 1-І. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения: 15.03.2017).
3. *Левченко А.И.* Государство переходного типа // Юрист правовед. – 2014. – № 2 (63). – С. 20–25.
4. *Скрипнюк О.* Соціальна, правова держава в Україні: проблеми теорії і практики. – К., 2000. – С. 19.
5. *Соснін О.* Про комунікативну парадигму суспільно-політичного розвитку України // Віче. – 2013. – № 10. – С. 25.
6. Специфика переходного этапа развития государства с точки зрения проблем народовластия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kalugatechnadzor.ru/diskussii-i-obsuzhdenija/1616-specifika-perehodnogo-jetapa-razvitija-gosudarstva> (дата обращения: 15.03.2017).
7. *Ставицкая Е.В.* Бюрократия? Нет, украинская «клептократия» // Пятое Харьковские политологические чтения «Ресурсы политической власти». – Харьков, 1997. – С. 89–90.
8. *Халин В.П.* Приоритетность экономических ресурсов политической власти // Пятое Харьковские политологические чтения «Ресурсы политической власти». – Харьков, 1997. – С. 95–96.
9. *Харитонов О.Г.* Генезис демократии. Попытка реконструкции логики транзитологических моделей // Космополис. Альманах. – М., 1997. – С. 36–69.
10. Astund. The Role of the State in the Transition to Capitalist // Moore Y. (ed.). Legacies of the Collapse of Marxism. – L., 1994. – P. 181.

КОРРУПЦИЯ КАК ТЕНЕВОЙ РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

В статье предпринята попытка выявить социально-экономические «корни» коррупции, определить, почему коррупция в государствах переходного типа является активным теневым регулятором общественных отношений. В частности, речь идет о закономерности и неизбежности существования этого явления в государствах переходного типа, что связано с особенностями реализации в них экономического цикла, взаимоотношения экономики и политики, и господством последней во всех сферах жизнедеятельности общества. Выпадение из экономического цикла основной его составной части – производства материальных и духовных благ или нахождение его в «ущербном» состоянии автоматически ведет к повышению роли в этом процессе такой составной части как распределение его носителей в лице чиновников различных уровней, усиление коррупционных тенденций в обществе. В таких условиях государство переходного типа ограничено в выборе средств, методов и сфер правового регулирования, как внутри государства, так и на международной арене, особенно в области реализации своей социальной политики.

Ключевые слова: коррупция, государство переходного типа, власть, общество, производство, экономическая свобода, политическая свобода, национальная идея, консолидация.

Государство, не исполняющее активно свою основную социальную функцию (только во время войны эта функция временно перестает быть основной и постоянно действующей), не организующее производство материальных благ и не стремящееся к сглаживанию глубоких социальных противоречий, не гарантирующее человеку право на труд, неприкосновенность личности, жилище и других абсолютных прав, и свобод, не есть государство в полном смысле этого слова. Оно может претендовать только на статус государствовидного образования. Государствовидное образование имеет почти такие же внешние признаки, как и государство: атрибуты государства (флаг, герб, гимн и т.д.), министерства и ведомства, всевозможных чиновников и т.п. Оно может даже быть признано мировым сообществом в качестве субъекта международного права («ad honores» – ради уважения). Но все это – только внешняя форма, у которой нет соответствующего содержания. Например, являясь (де-юре) субъектами международного права, (де-факто) в основном они являются объектами международно-правовых отношений. Их суверенитет ограничен как внутренне, так и на международной арене. Они правоспособны, но с их дееспособностью не все в порядке. Причины такого состояния множество, но есть и главные – отсутствие прочной, эффективной экономической базы для реализации основных функций государства как внутри страны, так и за ее пределами (в этом смысле показателен пример Греции, которая, утратив свою экономику, сегодня полностью зависит от европейских кредиторов).

Как известно, экономика представляет собой систему общественных отношений по производству, распределению, обмену и потреблению благ. Выпадение любого из вышеназванных элементов свидетельствует об ущербе, неполноценности социальных процессов, происходящих в обществе.

Несомненным фактом для всех государств переходного типа является то, что в этой объективно-логической связке отсутствует такая составляющая, как производство материальных благ. В современной Украине существовало только жалкое подобие производства, даже в сравнении с ее не самым лучшим социалистическим прошлым, а «майдан» и война на Донбассе окончательно его «похоронили».

Приведем лишь несколько маленьких, но красноречивых примеров по этому поводу. Так, за годы независимости Украина утратила около 80% своего экономического потенциала, а после печальных событий 2014–2016 гг. эта цифра еще значительно увеличилась. Для сравнения – во время Великой Отечественной войны Советский Союз потерял 40% своего экономического потенциала. На Луганском тепловозостроительном заводе в «застойные» годы работало около 50000 рабочих и инженеров, и он выпускал 95% всех тепловозов, производимых в СССР. В 2010 году на этом предприятии трудилось уже менее 5000 работников. Сейчас завод начинает медленно восстанавливаться.

Исходя из вышесказанного, а также из известной аксиомы права – «право должно быть наиболее адекватной формой закрепления экономических отношений (прежде всего, отношений собственности) и отношений власти, которые стоят с ними рядом», – можно сделать вывод о том, что неэффективная экономика (без производства) обречена на порождение таких же неэффективных государства и права и неэффективного регулирования общественных отношений (и в этом «causa causalis» (причина причин) всех последующих катаклизмов, прямо влияющих на не эффективное правовое регулирование общественных отношений в государствах переходного типа). Неэффективное право – это *единственно возможная* (несмотря на все крики и лозунги о «конфетке» – европейском государстве и безвизовом режиме) форма существо-

вания неполноценной экономики государств переходного типа. К этому следует также добавить еще одну аксиому права: в национальном праве (любого исторического периода) в прямой или завуалированной форме *системообразующей*, а значит, и господствующей составляющей является право собственности. При этом в сфере экономики главным объектом собственности должен выступать *производящий труд человека*. А производства и труда, его объекта, предмета и работника в государствах переходного типа нет или они существуют в очень ограниченном, усеченном и неполноценном виде (инженеры и рабочие стали «коробейниками» – заводы и фабрики пошли «под нож»). Основная масса поступлений в бюджет государства идет из непроизводственной сферы. В этой связи надо вспомнить еще одну азбучную истину – вещи, *деньги*, ценные бумаги и другие объекты экономического оборота имеют ценность не сами по себе, а как носители или знаки, символы определенной стоимости, воплощенного в них труда. При этом обмен трудовой деятельностью, результатами труда (вещами, деньгами и т.д.) должен и может осуществляться только *между равноправными собственниками*.

Экономика как производство товаров и услуг имеет объективное содержание. Это содержание определено, с одной стороны, характером потребностей населения, а с другой – уровнем развития производительных сил. Но тут нужна и эффективная регулирующая функция права. И она должна заключаться не только в том, что все собственники должны быть *свободны юридически*, то есть самостоятельно решать, что производить, в каком количестве, по какой цене продавать. Гораздо важнее обеспечить создание и эффективное функционирование *широкого* класса собственников (они должны сначала появиться), тогда как сейчас они составляют 1–2% населения, остальная часть населения не только не обладает собственностью, но является бедной и даже нищей его частью. То есть речь идет вначале о создании *экономической свободы* для всех граждан страны или их большинства, а только потом о ее юридической фиксации – правовой свободе (об этом мы более подробно и неоднократно писали ранее). Однако фиксировать экономическую свободу, переводя ее в плоскость юридической свободы, можно только виртуально и только с помощью такого же права в государствах, которые появились на постсоветском пространстве, и им подобных африканских, азиатских и южноамериканских.

Мифы о «свободе» вообще и о юридической свободе в частности при отсутствии экономической свободы, так же как и потуги построить *демократическое* общество в странах СНГ, сегодня уже не вызывают интереса не только у широкой общественности, но даже и у ученых, поскольку являются ушербными и откровенно лживыми.

Демократия, складывающаяся в период слома тоталитарной государственности в Украине и других странах СНГ, нежизнеспособна, и в конце концов обречена на гибель под действием деструктивных сил (как справа, так и слева), которые вырвались на волю (как внешних, так и внутренних).

Если говорить об *«усредненной демократии»*, то для большинства людей ее просто нет. Она существует только для небольшой части нашего населения, которое считает себя «национальной элитой» и прячет за общепризнанными интересами непосредственно свои корыстные интересы (т.е. речь идет о небольшом круге собственников). О тех людях, которые уверовали в известную формулу Деньги-Власть-Деньги, и которые по ней живут.

Любое «расширение» демократии «для народа» в таких условиях оборачивается *формальным* увеличением их прав и возможностей. Однако, по образному выражению политика и публициста М. Веллера, демократия нищих просто невозможна [3, с. 14–17]. Тем более она невозможна в условиях так называемых рыночных отношений.

Современный «рынок» не только «выбил» из сферы материального производства наиболее умных, энергичных и предприимчивых в так называемый бизнес, псевдополитику, криминал и эмиграцию, окончательно разрушил отечественное производство, завалив прилавки дешевой и некачественной китайской продукцией, но и сформировал бессовестную, аморальную психологию потребительства и материального успеха, уничтожив традиционные моральные ценности предыдущих поколений [1, с. 5].

В результате сложилась корпоративно-бюрократическая, коррумпированная государственность; политическая «элита» страны реально игнорировала человека, ради которого должны были проводиться эти же самые реформы; политическая воля и профессионализм у верховной власти отсутствовали; принцип равенства перед законом не соблюдался [5, с. 62].

Сейчас уже всем понятно, что *«приватизация» и другие схемы разграбления социалистической собственности чиновниками всех уровней является тяжчайшим преступлением против собственного народа, за которое они должны понести наказание*. Именно безнаказанность чиновничества всех мастей не только дискредитировала идеи демократии и верховенства закона в глазах населения, но и породила неудержимую коррупцию, аполитичность и недоверие к власти. Но отсюда следует и другой вывод – идея о возможности одновременного существования *«усредненной»* (для бедных и богатых) демократии с треском провалилась. *Демократия может быть только демократией для большинства или меньшинства общества*. Исторически доказано, что демократия для имущих – это диктатура (в скрытой или открытой форме) для

большинства. Убирать своего оппонента (лишних людей) можно не только оружием, а даже очень успешно – при помощи нищеты, болезней, безысходности. То есть *популярные сегодня разговоры об «управляемой демократии», «демократии для всего общества» – это откровенная ложь, словоблудие или слабоумие.*

В государствах переходного типа возможна демократия только для богатых (для меньшинства общества). И даже разговоры на эту тему имеют свои пределы и ресурсы – идеологические, моральные, электоральные и временные. Тайное всегда становится явным. В частности, Р.М. Абызов приводит данные относительно распределения доходов разных слоев населения РФ в 2010 году:

- в крайней нищете живут 13,4% населения;
- в нищете – 27,8% населения;
- в бедности – 38,8% населения;
- «богатые среди бедных» – 10,9% населения;
- со средним достатком – 7,3% населения;
- к состоятельным относятся 1,1% населения;
- богатые составляют 0,7% населения.

Согласно этим данным, нищие и бедные составляют 80% населения современной России. А богатых, как и прежде, в крепостнической России, в брежневском СССР, так и сегодня насчитывается 1,5–2% населения страны. В Украине наблюдается такая же картина, лишь число нищих и бедных значительно больше.

Доминирующими составляющими в странах переходного типа является распределение и потребление материальных благ, что закономерно выводит на первое место в этой цепочке не непосредственного производителя благ (работника), а лиц, их распределяющих, – чиновников разных уровней, и, следовательно, коррупция будет постоянным спутником всех экономических и неэкономических процессов, которые происходят в нашем обществе. Отсутствует в этой цепочке и такая составляющая, как обмен. Обмен, как уже говорилось, возможен только между равноправными собственниками. Массового собственника у нас нет, и в ближайшее время не будет, а «свободная» продажа земли окончательно расколется украинское общество на бедное подавляющее большинство и ничтожное богатое меньшинство.

К этому надо добавить, что без внутренней стабильности и единства общества невозможно нормальное функционирование и развитие экономики, а наличие неэффективной экономики не является действенной предпосылкой к его консолидации. Кстати, его консолидация (солидаризация) как раз и могла быть хоть в какой-то мере *национальной идеей*, более или менее жизнеспособной до событий 2014 г. (до 2014 г. Украина по уровню жизни занимала предпоследнее место в Европе, сегодня она занимает последнее место). К большому сожалению, украинское руководство, пришедшее к вла-

сти путем государственного переворота, выбрало иной способ «консолидации» страны, через поиски внешнего и внутреннего врага. Из экономического цикла выпадают две его важнейшие составляющие части – *производство и обмен.*

А потребление в бедных странах находится даже не на уровне воспроизводства рабочей силы – она не нужна, поскольку нет производства в таких масштабах. Не нужны и малозащищенные социальные слои, в том числе и пенсионеры (содержать их бедному государству не под силу), и, значит, их медицинское обслуживание будет постоянно находиться на таком же низком уровне.

Если нет основной составляющей экономического цикла – производства, то автоматически отпадает необходимость и в работнике (квалифицированном или менее подготовленном), и, разумеется, во всех социальных атрибутах, обеспечивающих его воспроизводство, – детских садах, оздоровительных профилакториях, медицинском обслуживании, пенсионном обеспечении и т.п. Да и с отношениями собственности у нас имеются серьезные проблемы. Как известно, собственность является важнейшим обязательным условием любого общественного производства, его организации. Непосредственное и первоочередное проявление экономических отношений в правовой форме в любом социуме осуществляется через правоотношения собственности. Однако их характер и глубина оцениваются не по юридическим (формальным) отношениям собственности, а по фактическому (реальному, действительному) присвоению средств и условий производства и его продуктов той или иной социальной группой и в разных объемах и пропорциях. Как раз отношения собственности, их состояние и уровень развития, измеряемый *пределами реального владения, использования и распоряжения объектами собственности*, прямо и непосредственно указывают на состояние экономической, политической и правовой систем, *эффективность* их взаимодействия, функционирования и поступательного движения вперед. Степень развития рассматриваемых отношений определяет и разные социально-экономические и политико-правовые формы их реализации и место человека в них. А человек (рядовой гражданин) и в советские времена, когда общесоюзная собственность, по сути, уже была только формально общенародной, а реально принадлежала директорско-председательскому корпусу и партийно-советскому аппарату, а тем более сегодня, вследствие *преступной* приватизации, остается и в ближайшем будущем останется вне собственности. А «демократизация» всех сторон жизни, по словам профессора Франса А.М. Альтинга фон Гейзау, сводится в государствах переходного типа к ничем не ограниченной борьбе между теми, кто держит в руках власть и представляет «приватизированные» интересы, и теми, кто

власть утратил [2, с. 6]. Представители «номенклатурного капитализма», они же дети «номенклатурного социализма», прорываясь к пирогу общественной собственности или пытаясь вернуть утраченное, пренебрегая правом или возведя в закон сугубо произвольные устремления на пути к ее перераспределению, коррумпируются [6, с. 30–31]. При этом закономерным становится только усиление коррупции с приходом «новой» власти, независимо от ее цвета. И, как результат, теряется даже та относительная слаженность, которая свойственна или должна быть присуща такой организации высшего порядка, как государство. Но одно является несомненно положительным моментом в этой цепи. Это то, что такие государства действительно являются *переходными*: посредством коррупции, незаконного присвоения национального достояния незначительная часть населения резко обогащается и осуществляет «переход» к буржуазному обществу, каким оно было на ранних этапах своего развития. В данном печальном факте есть еще одно рациональное зерно: выделение особого переходного типа государства указывает на то, что данное государство (в том числе и Украина) не принадлежит в настоящее время ни к одному из основных типов и что его существование исторически кратковременно, поскольку оно неизбежно перерождается в государство основного типа или вообще исчезает с мировой политической арены. Государства переходного типа также недолговечны по причине отсутствия у них серьезной социальной базы. Государства, заботящиеся главным образом об интересах меньшинства общества, как правило, разрушаются в результате внешней агрессии или изменений под воздействием внутренних факторов, в частности, в результате социальной революции.

Современный чиновник (представитель бюрократического аппарата) получает свою долю *путем распределения и перераспределения материальных благ, полученных вне производства*. Банки, которые растут, как грибы, магазины и развлекательные центры – красноречивое тому подтверждение. И в этой ситуации не может быть и речи о возрастании числа собственников, *а только о возможности их ротации, о перераспределении собственности между ними, для чего и организуются, кстати, ими же, различные революции и контрреволюции* («революция» 2014 г. в Украине является красноречивым этому подтверждением). Маленькая группа людей забыла или не хочет вспоминать, что бывшая социалистическая собственность принадлежала не какому-то аморфному, обезличенному «народу», а каждому члену общества, который имел фамилию, имя, отчество, адрес и т.п. И представители этой группы имеют право на равную со всеми часть общественного «пирога».

В государствах, где нет производства, как уже было сказано, основной функцией является рас-

пределение и перераспределение благ (в первую очередь материальных), которые постоянно сокращаются или очень медленно возрастают. И, понятно, они «прилипают» к рукам тех, кто их перераспределяет прямо или опосредованно, – прежде всего, чиновников от различных администраций, инспекций, полиций, милиций, судов, прокуратур и т.п.

Отсюда следуют неутешительные выводы.

Во-первых, если недавний «гегемон» вместе с крестьянством и интеллигентской «прослойкой» не являются сегодня основной «дойной коровой», то зачем их качественно защищать в суде, охранять, и беречь от преступных посягательств. То есть не нужен такой правопорядок (правапорядок для немущих масс), а можно обойтись усеченной его формой – видимостью защиты «рядового» гражданина Украины и сконцентрировать свое внимание на формировании и защите правопорядка для 2% населения страны.

Во-вторых, такое состояние дел долго сохраняться не сможет, конфликтогенность в обществе перешла возможные пределы. Косметические реформы всех украинских правительств с треском проваливались, они заканчивались всегда всё более высоким уровнем коррупции в стране. *И эти реформы в принципе неосуществимы, потому что начинать нужно с себя, а делать это никому не хочется (независимо от того, какого «цвета» команда в государствах переходного типа находится у руля власти)*.

В-третьих, только слепой не видит, что за нас серьезно взялись известные страны, и не потому, что мы им очень нужны или их волнует, как мы боремся у себя с коррупцией. Однако *нестабильность* в Украине стала их весьма раздражать из-за неконтролируемости газовых и нефтяных потоков, проходящих по нашей территории. То есть западные государства считают, что мы *посягаем таким образом на их национальную безопасность*. А это уже действительно опасно для Украины. Ливия, Египет, Сирия – яркие иллюстрации сказанному. Несмотря на всем известную риторику, интересы и намерения Запада и Востока в основном совпадают относительно Украины.

И наконец, для чего в отнюдь не богатой стране существует очень мощный (по крайней мере, количественно) полицейско-фискальный силовой блок, если он не обеспечивает охрану работника (последнего, по сути, нет)? Ответ прост: «силовики» участвуют в распределении и перераспределении материальных благ. А «перераспределять» в полунешней стране – значит отбирать силой последнее. Да и полуголодное большинство общества в такой ситуации в свою очередь всегда будет стремиться забрать материальные блага у его меньшинства, руководствуясь лозунгом «Греть награбленное!» (кстати, этот лозунг, как и в «революционных» со-

бытиях 1917 г., так и в июле 2014 г., был очень популярен среди обитателей «майдана»).

Таким образом, объективные закономерности соотношения права, экономики и политики выражаются в государствах переходного типа в том, что способ производства, экономика в конечном итоге определяют его исторический тип, сущность, содержание и функциональную направленность действия государства. При этом оно ограничено в выборе средств и методов, сфер правового регулирования как внутри государства, так и на международной арене. А, следовательно, коррупция будет по-прежнему оставаться теневым регулятором общественных отношений в государствах переходного типа, несмотря на все громкие заявления о борьбе с ней, которые исходят из властных кабинетов, и наличие различных «действенных» средств и программ, направленных на ее преодоление.

Библиографический список

1. *Абызов Р.М.* Теоретико-прикладные проблемы формирования гражданского общества в России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – Барнаул, 2011. – С. 3–8.
2. *Альтинг фон Гейзау А.М.* Восстание гражданского общества // Русская мысль. – 1996. – 19–25 сент.
3. *Веллер М.* Россия и рецепты. Избранное. – М.: АСТ, 2008. – С. 14–17.
4. *Долгова А.И.* В тени коррупции // Литературная газета. – 2008. – № 2.
5. *Федоркин Н.С.* Становление гражданского общества в современной России: состояние, проблемы, факторы роста // Социология. – 2004. – № 1. – С. 60–62.
6. *Шигаева Т.* Рынок – стабильность экономики // ЭКО. – 1996. – № 1. – С. 30–31.

Смирнов Сергей Владимирович
кандидат политических наук, доцент
Костромской государственной университет
sergey-1977-04@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Автор анализирует процесс формирования и организации информационно-аналитической деятельности органов местного самоуправления. В статье сделаны выводы о том, что информационная и аналитическая деятельность являются самостоятельными функциями управления, они в различные периоды времени занимали неодинаковое место в компетенции местной власти. Первоначально функция социально-политического анализа была основной. Со временем потребность в ней отпала и на первый план вышла функция информирования населения о работе городской администрации.

Ключевые слова: информация, анализ, функции, местное самоуправление, администрация города.

В современных исследованиях информационно-аналитической деятельности органов власти основное внимание уделяется формированию информационного общества и электронного правительства. Затрагиваются вопросы создания внутренней технической системы накопления и передачи информации, вопросы аналитической обработки этой информации остаются на периферии внимания исследователей. Целью статьи является анализ формирования и трансформации информационно-аналитической деятельности в администрации города Костромы. Город Кострома является городским округом, административным центром региона и крупнейшим по своему значению муниципальным образованием в Костромской области. Необходимые кадровые и материальные ресурсы позволяли руководителям города выделять информационно-аналитическую деятельность в обособленную и организационно оформленную функцию управления.

В данной статье мы рассматриваем вопросы организационно-правового обеспечения таких направлений деятельности, как социально-политический анализ, прогноз и информирование населения о деятельности органов местного самоуправления. Мы считаем необходимым, во-первых, изучить, какие из этих направлений работы были для глав администрации города Костромы приоритетными (вопросы первого уровня), а какие направления оказались второстепенными (вопросы второго уровня); во-вторых, определить место информационно-аналитической функции в системе полномочий администрации города; в-третьих, проанализировать особенности структурно-функционального построения информационно-аналитической деятельности в администрации города Костромы.

Первый избранный в 1995 г. мэр Костромы Б.К. Коробов большое внимание в своей деятельности уделял организации информационно-аналитической работы. Так, в 1997 г. были разработаны меры по совершенствованию информирования населения о деятельности администрации города [7]. Одной из важных проблем было названо распро-

странение слухов и домыслов, фактов дезинформации. Информирование населения признали важнейшим приоритетным направлением деятельности администрации, а конечной целью объявили создание единой системы информационной и разъяснительной работы с населением города.

Наряду с традиционными формами информационной работы (направление информационных материалов в СМИ, сотрудничество с общественными организациями, личные встречи руководителей города с населением, телефоны доверия, горячие линии) предполагалось использование и нетрадиционных на тот момент форм разъяснительной работы: социальных плакатов, листовок по вопросам городского хозяйства, надписей на упаковочных материалах товаров. В рамках установления обратной связи с населением предполагался обмен информации с органами территориального самоуправления, использования результатов социологических опросов населения, анализ писем и устных обращений граждан. Кроме того, планировалось периодическое проведение информационно-рекламных кампаний по наиболее важным проблемам реализации городских программ с привлечением к этой работе ученых-социологов и журналистов, регулярный выпуск информационных и аналитических изданий (вкладышей в газеты, приложений, аналитических сборников, справочников, вестников). Организация систематического информирования населения должна была стать формой отчета администрации перед жителями города.

Осуществлять такую работу стало Аналитическое управление, положение о котором было утверждено в марте 1997 г. [11]. Аналитическое управление находилось в непосредственном подчинении главе самоуправления города. В структуре управления создали два отдела: отдел системного анализа и отдел информации [9].

В функционал отдела системного анализа вошли такие виды деятельности, как изучение и анализ состояния управленческой деятельности в структурных подразделениях администрации и разра-

ботка на основе этого анализа рекомендаций по составлению управленческого инструментария и программ-коррекции, выявление отношения населения к решениям органов городского самоуправления и к политической и социально-психологической ситуации в городе, проведение исследований общественного мнения по основным социально-экономическим проблемам городского развития, подготовка докладов, аналитических записок, рекомендаций, предложений для главы города.

Функции отдела информации определены достаточно стандартно и включили в себя традиционные виды работы: распространение информации о работе главы самоуправления и администрации, формирование у горожан чёткого и целостного представления о путях решения проблем городской жизни, взаимодействие со СМИ, оперативная реакция на выступления в печати, на радио и телевидении по проблемам, касающимся деятельности городских властей. Наряду с информационными функциями в функционал отдела информации входила и работа аналитического характера: сотрудники отдела анализировали публикации, теле- и радиопередачи о работе Думы, администрации города, давали оценку их достоверности, знакомили с ними главу самоуправления, отслеживали критические публикации о работе органов городского самоуправления и осуществляли контроль за своевременными и качественными ответами по существу поднимаемых в них вопросов.

В преддверии очередного цикла выборов, прежде всего, назначенных на декабрь 1999 г. выборов главы города, постановлением администрации города Костромы от 16 декабря 1998 г. № 4656 на аналитическое управление были возложены дополнительные функции по контролю за деятельностью администрации города. В частности, отдел системного анализа переименовали в отдел системного анализа и контроля, он стал осуществлять контрольные функции за исполнением постановлений, распоряжений, поручений и резолюций главы самоуправления, за сроками и качеством их исполнения. Кроме того, отдельно стоит отметить, что за отделом системного анализа и контроля закрепили новую функцию по «принятию участия в подготовке и проведении выборных кампаний в органы государственной власти и местного самоуправления в рамках своей компетенции», которого в положении от 1997 года не было.

Внимания заслуживает отчёт аналитического управления о проделанной работе за 1998 г. и первое полугодие 1999 г., утверждённый постановлением администрации города [6]. За этот период подготовлены 54 аналитические и информационные записки для главы самоуправления, выпущено 52 сборника нормативно-правовых документов администрации, проведено 6 социологических исследований, на основе анализа критических пу-

бликаций в местных средствах массовой информации были приняты меры по 97 из 112 публикаций такого рода, проведено 182 прямых эфира с руководителями города, 16 сеансов прямой связи с населением в газете «Костромские ведомости», проведено 12 пресс-конференций для журналистов. Отмечено, что в связи с передачей управлению новых функций значительно усилен контроль за исполнением постановлений и распоряжений главы самоуправления. По итогам отчёта деятельность аналитического управления признали успешной и возложили на него дополнительные функции по организации и укреплению связей с общественными объединениями и политическими партиями.

Аналитическое управление стало в руках Б.К. Коробова важным инструментом воздействия на весь ход выборов в городе. Если в 1995 г. за Б.К. Коробова проголосовали 37,58% избирателей, то в декабре 1999 г. его успех был более очевиден – он получил 51,32% голосов жителей города.

На декабрь 2000 г. назначили выборы губернатора и депутатов Костромской областной Думы. Мэр города Б.К. Коробов своих губернаторских амбиций не скрывал. Поэтому в марте 2000 г. он осуществил кардинальные структурные изменения в информационно-аналитическом блоке городской администрации. Вместо единого Аналитического управления, подчинённого непосредственно главе самоуправления города и аккумулировавшего для него всю аналитическую информацию, создали три самостоятельных структурных подразделения: собственно Аналитическое управление, и два новых – Управление информации и Управление по работе с инициативами и обращениями граждан. Все управления перевели на второй уровень подчинения – их деятельность координировал заместитель главы администрации по развитию местного самоуправления.

Функционал Аналитического управления остался в целом неизменным – разработка рекомендаций и предложений по развитию местного самоуправления, изучение и анализ состояния управленческой деятельности в структурных подразделениях администрации города, контроль за исполнением постановлений и распоряжений главы самоуправления и осуществление контрольных проверок, изучение и анализ общественного мнения, а также деятельности общественных объединений, религиозных конфессий и культурно-национальных автономий, координация работы по политологическому, социологическому и методическому обеспечению проведения городских референдумов, выборов в государственные и местные органы власти.

Управление информации возглавил пресс-секретарь главы города, в функционал вошли вопросы освещения в средствах массовой информации и на встречах с общественностью деятельности

главы города, обеспечение подготовки материалов и информационное освещение в печати, по радио, телевидению деятельности главы самоуправления и администрации, мониторинг местных СМИ, подготовка аналитических обзоров, сообщений и публикаций в местных СМИ, контроль и проверка исполнения поручений главы самоуправления.

Управление по работе с инициативами и обращениями граждан было призвано рассматривать обращения граждан, развивать территориальное общественное самоуправления, готовить материалы для аналитического и административно-правового управлений администрации о работе с населением города и с территориальным общественным самоуправлением.

Дробление единой информационно-аналитической функции между тремя конкурирующими административными структурами, перевод их с первого уровня подчинения (непосредственно главе самоуправления) на второй уровень (заместителю главы администрации по развитию местного самоуправления) сыграло свою роль в поражении Б.К. Коробова на губернаторских выборах в декабре 2000 г.

После губернаторских выборов созданные в 2000 г. управления вновь объединили в единое Информационно-аналитическое управление, подчинённое непосредственно главе самоуправления [8]. В структуру Управления вошли отдел аналитической работы, отдел информации, отдел по работе с населением, отдел по работе с органами территориального общественного самоуправления, методический кабинет муниципальной работы, а в июне 2003 г. создали отдел по работе с религиозными конфессиями, политическими партиями и общественными организациями.

В задачи Управления вошли анализ общественно-политической и социально-экономической обстановки в городе, выработка на этой основе прогнозов и предложений по ее стабилизации и снижению социальной напряженности, анализ поступающей информации, формирование правдивого облика органов власти города, показ ее позитивной деятельности по развитию городского хозяйства и защите интересов населения, осуществление деловых связей со СМИ, исследование состояния и тенденций деятельности общественных объединений и обеспечение эффективного взаимодействия с ними администрации города, обеспечение реализации конституционного права граждан на обращения в орган городского самоуправления, анализ и контроль управленческой деятельности в структурных подразделениях администрации города.

Глава самоуправления Б.К. Коробов досрочно завершил свою управленческую деятельность в августе 2003 г., а в декабре 2003 г. главой самоуправления города Костромы жители избрали И.В. Пе-

реверзеву, которая до этого являлась депутатом Костромской областной Думы.

Она упразднила Информационно-аналитическое управление, а вопросы информационного обеспечения деятельности администрации города возложила на созданное Управление по связям с общественностью и средствами массовой информации. В его структуре сформировали два отдела: отдел по работе со средствами массовой информации (Пресс-служба) и отдел по работе с общественными организациями. Координацию деятельности Управления стал осуществлять заместитель главы администрации города [3].

Целями деятельности нового Управления были заявлены обеспечение функционирования городской системы социальной информации, разъяснение населению принимаемых решений и практических действий органов местного самоуправления, взаимодействие со средствами массовой информации и общественными организациями, развитие территориального общественного самоуправления.

Сбор социальной информации и анализ общественного мнения предполагался исключительно через изучение материалов и публикаций СМИ, про проведение социологических опросов как силами самой администрации, так и с привлечением сторонних специалистов и организаций речи уже не шло. В положении об Управлении закрепили единственную аналитическую функцию – регулярный анализ критических замечаний и предложений, высказанных в публикациях СМИ в адрес администрации города и ее структурных подразделений, доведение их до сведения главы самоуправления и её заместителей. Новым веянием можно считать работу по взаимодействию с отделом информационных ресурсов (распространение информации о деятельности администрации через WEB-сервер администрации города).

Согласно постановлению главы города от 20 апреля 2007 г. № 847, Управление переподчинено непосредственно главе города И.В. Переверзевой, а к двум уже существующим отделам добавили отдел информационного обеспечения. Задачи и функции Управления в целом не изменились [10].

Таким образом, глава города И.В. Переверзева основной упор в деятельности своей администрации сделала на работу со средствами массовой информации, с помощью которых формировалось общественное мнение. В деятельности Управления аналитическая функция стала вторичной по отношению к функции информационной.

С приходом в Костромскую область губернатора И.Н. Слюняева в период 2007–2012 гг. в городе Костроме произошёл переход от модели с выборным главой города к системе назначаемого по контракту и на конкурсной основе главы местной администрации.

На заседании Думы города Костромы 24 февраля 2011 года первым назначенным депутатами главой администрации стал А.В. Шадричев. В ходе своего выступления перед депутатами он наметил направления своей работы, одним из которых была организация обратной связи с населением через форум, электронную приёмную и непосредственное общение с населением [1].

Глава администрации города оказался сильным руководителем и провёл широкомасштабную структурную перестройку городской администрации. В частности, он осуществил сокращение численности муниципальных служащих с 385 до 270 человек [2].

В структуре администрации создали Отдел по связям с общественностью и средствами массовой информации, непосредственно подчинённый главе администрации города [4]. В сферу деятельности отдела включили функции информирования жителей о социально-экономическом и культурном развитии города, освещения деятельности главы администрации в средствах массовой информации, его взаимодействие со СМИ, информационное обеспечение деятельности главы города Костромы и администрации, взаимодействия главы администрации с политическими партиями и общественными организациями, с территориальным общественным самоуправлением. В сфере организации территориального общественного самоуправления отдел осуществлял регистрацию уставов, рассматривал предложения об установлении границ, оказывал методическую помощь инициативным группам граждан в проведении собраний и конференций.

Деятельность администрации под руководством А.В. Шадричева не была долгой. В декабре 2011 г. прошли выборы депутатов Государственной Думы РФ. В городе Костроме за политическую партию «Единая Россия» проголосовали 25,28% избирателей, а за КПРФ – 29,85%, что восприняли как поражение действующей власти. В такой ситуации губернатор области И.Н. Слюняев подверг критике деятельность администрации города, глава администрации А.В. Шадричев подал в отставку, которую 16 февраля 2012 г. приняла Дума города Костромы.

В 2012 г. депутаты по конкурсу назначили нового главу администрации. Им стал их коллега, депутат Виктор Емец, который сформировал свою структуру администрации, утверждённую решением Думы города Костромы 13 сентября 2012 г. [12]. Отдел по связям с общественностью и средствами массовой информации переименовали в отдел по работе со средствами массовой информации, из него вывели работу с общественными организациями и территориальным общественным самоуправлением. Отдел остался в непосредственном подчинении главы администрации.

Управление организационной работы, документационного обеспечения и кадровой работы переименовали в Управление организационной работы, документационного обеспечения и связей с общественностью с непосредственным подчинением руководителю аппарата администрации. В Управлении сформировали два отдела: отдел по организационной работе и документообороту и отдел по связям с общественностью. За отделом по связям с общественностью закрепили две функции – обеспечение взаимодействия главы администрации с политическими партиями и общественными организациями, организацию территориального общественного самоуправления в городе Костроме [5]. Значение этих двух направлений работы для администрации В. Емца оказалось настолько незначительным, что планировали создать сектор, однако городская Дума в своём вышеупомянутом решении от 13 сентября 2012 г. порекомендовала создать в структуре администрации всё-таки не сектор по связям с общественностью, а именно отдел.

Деятельность органов местного самоуправления имеет, прежде всего оперативный характер, поэтому возможности для управленческого творчества и экспериментов ограничены. Функция социально-экономического анализа и прогноза в силу требований бюджетного законодательства является обязательной и осуществляет её Управление экономики, но данная функция имеет прикладной и узкоспециализированный характер, не ставит своей целью исследовать и учитывать субъективные мнения и представления населения о проблемах города. Функция информирования населения нормативно закреплена в Конституции РФ и также является обязательной для исполнения органами власти. Функция социально-политического анализа и прогноза для органов местного самоуправления является факультативной, необязательной, поэтому представилась возможность отказаться от неё.

Любая управленческая структура формируется не только исходя из объективных предпосылок и закономерностей управления, но и с учётом личных качеств и предпочтений конкретного руководителя. В 1990-е годы социальная обстановка была нестабильной и подвижной, у органов местного самоуправления ощущалась потребность в анализе складывающейся ситуации на управляемой территории. Деятельность яркого и харизматического первого главы города Б.К. Коробова находит тому подтверждение. И.В. Переверзева стала главой города во многом неожиданно для себя и для других, поэтому в управленческой элите так и не стала своей. В условиях жёсткого противостояния с областной властью её главными целями являлись формирование нужного ей мнения населения города о деятельности администрации и информационная борьба с оппонентами. При губернаторе И.Н. Слю-

няеве город фактически перешёл под внешнее управление областных властей и необходимость в реализации функции социально-политического анализа и прогноза пропала сама собой, а отмена прямых выборов главы города способствовала её окончательной деградации в системе муниципального управления.

Библиографический список

1. Андреева И. Городом теперь управляют в тандеме // Костромские ведомости. – 2011. – 1–7 марта. – С. 3.

2. Андреева И. О стодневке, пленённых автобусах и горячей воде // Костромские ведомости. – 2011. – 14–20 июня. – С. 3.

3. Постановление Администрации города Костромы от 12 августа 2004 г. № 2394 «Об Управлении по связям с общественностью и средствами массовой информации Администрации города Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

4. Постановление Администрации города Костромы от 1 июля 2011 г. № 1585 «Об утверждении Положения об Отделе по связям с общественностью и средствами массовой информации Администрации города Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

5. Постановление Администрации города Костромы от 13 ноября 2012 г. № 2409 «Об утверждении Положения об Управлении организационной работы, документационного обеспечения и связей с общественностью Администрации города Костромы и положений об отделах Управления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

6. Постановление Администрации города Костромы от 16 ноября 1999 г. № 4145 «Об отчете аналитического управления главы самоуправления г. Костромы о проделанной работе за 1998 год и 1 полугодие 1999 года» [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

7. Постановление Администрации города Костромы от 17 апреля 1997 г. № 1246 «О мерах по улучшению информирования населения о деятельности Администрации города Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

8. Постановление Администрации города Костромы от 20 февраля 2001 г. № 581 «Об образовании информационно-аналитического Управления при главе самоуправления г. Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

9. Постановление Администрации города Костромы от 24 октября 1997 г. № 3430 «Об отделах аналитического управления Главы самоуправления г. Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

10. Постановление Главы города Костромы от 20 апреля 2007 г. № 847 «Об утверждении положения об Управлении по связям с общественностью и средствами массовой информации Администрации города Костромы, положений об отделах, структуры, Структурной и штатной численности Управления по связям с общественностью и средствами массовой информации Администрации города Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

11. Постановление Главы самоуправления города Костромы от 28 марта 1997 г. № 986 «Об аналитическом управлении Главы самоуправления г. Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

12. Решение Думы города Костромы от 13 сентября 2012 г. № 135 «Об утверждении структуры Администрации города Костромы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2017).

Артюшина Ольга Николаевна
Костромской государственный университет
PeOIN@yandex.ru

Лёвин Егор Игоревич
Костромской государственный университет
Levinegor96@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕСТНОГО РЕФЕРЕНДУМА КАК ФОРМЫ НАРОДОВЛАСТИЯ

На основе изучения и анализа теоретической базы и практики применения населением права на местное самоуправление, в статье рассматривается одна из основных форм народовластия, закрепленная в Законе – местный референдум. К сожалению, данная форма народовластия остается не востребованной. Из анализа практики видно, что применяется она, в основном, статично и лишь по вопросам преобразования муниципальных образований и самообложения граждан. Более того, большая часть местных референдумов проводится по инициативе органов местного самоуправления, а не граждан. В работе приводятся и анализируются причины данных проблемных вопросов, в том числе выявлены некоторые пробелы в законодательстве, которые касаются вопросов для вынесения на местный референдум.

Ключевые слова: местное самоуправление, местный референдум, вопросы, выносимые на референдум, граждане, население.

В мировой практике, как отмечает М.В. Баглай, референдум – это осуществляемое путем тайного голосования утверждение (или не утверждение) гражданами проекта какого-либо документа или решения, согласие (или несогласие) с теми или иными действиями парламента, главы государства или правительства [2, с. 418]. Как отмечают В.А. Толстик и Н.А. Трусов, референдум является базовым началом демократии, непосредственным выражением воли народа и именно референдум, как никакой другой институт непосредственного волеизъявления, реализует идею участия народа в осуществлении власти и управления [12, с. 9].

К настоящему времени сложилась определенная практика проведения референдумов в мире. Данная практика неоднородна по своему составу. В одних государствах, как правило, наиболее развитых, применение референдума явление весьма обычное. В других эта процедура выступает явлением разовым. По уровню проведения референдумов наукой выделяются три их вида: общенациональный, региональный и местный. Лидером по проведению общегосударственных референдумов является Швейцария. Первый общегосударственный референдум состоялся в Швейцарии 25 мая 1802 года и был связан с принятием второй Конституции. С 1848 года граждане этой страны на федеральном уровне принимали решения по 543 вопросам. Лидирующее же положение по числу региональных референдумов занимает США, где с 1904 по 2006 год референдумы в отдельных штатах проводились свыше 2,2 тыс. раз [16, с. 70].

Для современной российской правовой действительности институт референдумов не является новым, поскольку он нашёл свое отражение ещё в Конституции СССР 1936 года как всенародный опрос [5]. Следующий этап развития института связан с Конституцией СССР 1977 года [6]. В дан-

ном документе были установлены уже две формы выражения народовластия: всенародное обсуждение и всенародное голосование – референдум. Данные положения содержались и в ст. 5 Конституции РСФСР 1978 года [7]. В соответствии с этими нормами на референдум могли выноситься наиболее важные вопросы, затрагивающие интересы населения.

Ч. 2 ст. 130 Конституции России (Далее – КРФ) закреплено, что местное самоуправление осуществляется гражданами путём референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления [8]. Данное право гарантировано для жителей конкретных муниципальных образований по наиболее важным вопросам государственной и местной жизни на всей территории России.

Согласно статистике, составленной на основе выборочного опроса граждан, выяснилось, что 59% опрошенных никогда не принимали участие в местном референдуме, 31% опрошенных никогда не слышали о проведении местного референдума на территории их проживания, лишь 10% опрошенных заявили о своём активном участии в местном референдуме [15, с. 27]. Исходя из анализа статистических данных, можно говорить о недоверии большинства опрошенных к рассматриваемому институту, недостаточной информированности граждан в целом о проведении местного референдума и его значении. Лишь десятая часть опрошенных активно пользуется этой формой народовластия.

Анализ статистики проведения местных референдумов показывает, что за прошедшие 10 лет в России прошло чуть более 400 местных референдумов: в 2004 году – 24, в 2005 – 74, в 2006 – 4, в 2007 – 18, в 2008 – 17, в 2009 – 1, в 2010 – 13, в 2011 – 4, в 2012 – 165, в 2013 – 31, в 2014 – 56, в 2015 – 59 [11]. Такое количество является крайне малым для России. При анализе вопросов, выносимых на местный референдум, мы выяснили,

что почти все они поднимают проблему территориального преобразования или проблему о введении самообложения граждан. При этом часть референдумов организовывалась, но не проводилась. Так, если провести анализ вопросов референдумов 2015 года, то из 59 проведенных местных референдумов 9 проводились по вопросу преобразования муниципального образования (при этом из 1277 возможных участников референдума проголосовало 1053) и 50 – по вопросам введения системы самообложения граждан. Как видно из анализа практики, участие населения в осуществлении местной власти путем референдума ограничивается очень узким кругом вопросов.

Для выяснения причин выявленных проблем обратимся к действующему законодательству, регламентирующему порядок организации и проведения местного референдума в России. Согласно ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации, высшим непосредственным выражением власти народа является референдум. Согласно ст. 22 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (Далее – ФЗ № 131) [14], местный референдум рассматривается как форма решения населением определенных вопросов местного значения. В соответствии с этой же нормой жители соответствующего муниципального образования, на всей территории которого проводится референдум, вправе принять участие в референдуме.

Понятия местных референдумов, закрепленные в законодательстве субъектов РФ, схожи с определением, данным в ФЗ № 131. Например, в соответствии с Кодексом о референдумах в Костромской области [4], местный референдум – это форма непосредственного волеизъявления граждан Российской Федерации, место жительства которых расположено на территории Костромской области, по важным вопросам государственного и местного значения, осуществляемого через законодательно установленную процедуру тайного голосования. Из данного определения мы понимаем, что нераскрытыми и затруднительными с точки зрения их конкретики и формы реализации становятся три спорных вопроса. Первый вопрос связан с формулировкой «важные вопросы». Если есть такие вопросы, значит, есть и «наименее важные вопросы». Но тогда не ясен критерий такого разграничения. Ответ на этот вопрос затруднителен, подлежит субъективной оценке в каждом конкретном случае. На наш взгляд, такая неточная формулировка подлежит исключению из Закона.

Второй вопрос связан с непредусмотренной законом возможностью вынесения на референдум вопросов, пусть и наиболее значимых, но сугубо государственного и местного значения. Государство – политическая форма образования общества в целом. Вопросы, выносимые на референдум,

пусть и не имеющие общегосударственного значения, но имеющие насущное значение для населения, тоже должны включаться в предмет круга вопросов, выносимых на местный референдум. Было бы целесообразно включить в законодательство формулировку: «вопросы государственного, местного и общественного значения».

Третий вопрос связан с наличием противоречий в законодательстве. В соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Далее – ФЗ № 67) [13], местный референдум проводится по наиболее важным вопросам местного значения. А в соответствии с ч. 1 ст. 22 ФЗ № 131, местный референдум проводится в целях решения населением всех вопросов местного значения. Как видно, в ФЗ № 131 нет разделения на вопросы «наиболее важные» и «наименее важные». Данное положение может ввести в заблуждение при применении норм специального закона на практике, заставляя правоприменителя в отдельных случаях разбираться в важности выносимых на местный референдум вопросов. Кроме того, толкование и использование указанных норм становится затруднительным и для самого населения.

Следующая проблема связана с изменениями и дополнениями законодательства, направленными на усложнение порядка проведения местных референдумов. В настоящее время для того, чтобы гражданам самостоятельно инициировать местный референдум, необходимы значительные организационные и финансовые затраты. Так, И.В. Гранкин указывает на то, что не достаточно просто определиться с вопросом, который может быть вынесен на референдум. На начальном этапе организации референдума стоят иные серьезные препятствия [3, с. 45]. Для того чтобы местный референдум состоялся, нужно собрать достаточное количество подписей местных жителей определенного муниципального образования, число которых в разных субъектах РФ определяется по-разному, но их не должно быть более пяти процентов. Согласимся, что данный факт может создать условия для того, чтобы государственная власть могла запретить проведение местных референдумов в крупных городах [3, с. 47]. К тому же срок сбора подписей в поддержку проведения местного референдума ограничен законодателем – установлен верхний предел в двадцать дней, чему вряд ли можно найти объективные причины установления такого срока вообще.

Ещё одна проблема применения связана с самим участием населения в осуществлении местного самоуправления через рассматриваемую форму прямой демократии. Именно народ является источником инициирования референдума, является основным его участником. Тем не менее, население

настроено скептически: присутствует слабая мотивация к самоорганизации у большинства населения для решения общегородских задач на территории конкретного муниципального образования. У населения проявляется недоверие к местной власти, нет правовой осведомленности со стороны органов местного самоуправления об участии в местном самоуправлении. Причинами этого можно назвать отсутствие мотивации к организации референдума у населения, недоверие местной власти в способности решения местных проблем, расчёт на помощь со стороны государства даже при решении вопросов сугубо местного значения, также сами органы местного самоуправления не заинтересованы к привлечению населения в решении вопросов местного значения.

Местное самоуправление – это самостоятельное решение вопросов местного значения самим населением. Но в связи с недооценкой значимости местных референдумов, а также из-за отсутствия работы по повышению информированности, активности населения эти вопросы на практике решают органы местного самоуправления. Реальное участие населения в осуществлении местного самоуправления проявляется лишь при избрании депутатов представительных органов муниципальных образований.

Одной из главных проблем местного самоуправления как формы народовластия видится нежелание, пассивность граждан в осуществлении местного самоуправления. Решение данной проблемы усматривается в возвращении политической конкуренции, упрощении самой процедуры реализации и организации права граждан на местный референдум [1, с.156].

Одной из основных причин сложившейся ситуации является недостаточная осведомленность граждан о возможности решения многих насущных проблем местного значения через референдум. По результатам общероссийской статистическо-исследования, проведенной ВЦИОМ по вопросу «в каких общественных мероприятиях вы могли бы принять участие для решения местных проблем?», 40% опрошенных ответили, что ни в каких, 28% – участие в выборах местных органов власти, 25% – собрание жильцов, собственников, 13% – коллективное обращение граждан к властям и органам местного самоуправления, 12% – участие в референдуме по вопросам местного значения, 6% затруднились ответить [10].

Исходя из приведённых данных видно, что участие населения в референдуме является самой невостребованной формой участия опрошенного населения для решения местных проблем.

Согласно статистике-исследованию, проведенной ВЦИОМ по вопросу «что такое, на ваш взгляд, местное самоуправление?», среди 1600 опрошенных 44% ответили, что местное самоуправление –

это продолжение государственной власти на местах, и предназначено оно для исполнения распоряжений государственной власти, 38% охарактеризовали местное самоуправление как форму осуществления народом своей власти, самостоятельное решение населением вопросов местного значения, 18% затруднились ответить на этот вопрос [10].

Таким образом, большинство опрошенных не знают сущности местного самоуправления, а тем более не владеют какой-либо объективной информацией о такой форме народовластия как референдум.

Необходимо повышать правовое образование граждан и правовую культуру через информирование населения. Так, по утверждению М.С. Шайхуллина, при опросе граждан о том, что они знают о местном референдуме, в ответах граждан часто употреблялись формулировки: «может быть», «наверное», «скорее всего» [15, с. 30], что может говорить о недостаточной правовой осведомленности граждан. При этом развитие правового воспитания не только даст необходимую информацию о формах реализации местного самоуправления, но и позволяет формировать у личности определенные правовые потребности и интересы.

Правовое образование в России стремится к идеальной цели – повышение уровня правовой культуры и правового сознания населения страны, и, как следствие, укрепление законности и правопорядка на её территории.

Отметим, что органы местного самоуправления не заинтересованы в расширении участия граждан в решении вопросов местного значения. Как отмечает М.С. Шайхуллин, муниципальная демократия в настоящее время развивается так, что с позицией населения в процессе управления на местном уровне и решения злободневных вопросов не слишком считаются [15, с. 27]. Результатом закрытости деятельности органов на местах является отстраненность органов местного самоуправления от населения [1, с. 157]. Необходимо расширять участие граждан в разрешении различных проблем местного уровня, именно тогда население увидит не только наличие проблемы как таковой, но и ознакомится с возможными путями их решения, одним из которых является местный референдум. Налаживание отношений органов местного самоуправления с населением на основе принципа гласности, развитие форм непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения позволит повысить активность населения муниципального образования по участию в решении местных проблем через формы непосредственного волеизъявления [1, с. 157].

Основной работы органов местной власти должна являться инициатива населения. В ч. 2 ст. 1 ФЗ № 131 указывается, что местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления

народом своей власти. Местное самоуправление не рассматривается как деятельность обособленных от населения различных органов. Поэтому создание необходимых условий для участия граждан в решении местными органами власти проблем населения – главная цель, к которой следует идти.

По нашему мнению, требуется создание определенных условий: нормативно-правовые акты по непосредственным формам участия жителей в местном самоуправлении должны полностью соответствовать требованиям законодательства, должны отсутствовать размытые формулировки и нормы поверхностного характера. Эти акты должны быть доступны для всех граждан соответствующей территории. Должно быть организовано постоянное наличие определенных структур по всем сферам общественной жизни и, главное, их материально-техническое обеспечение. Гражданам должна поступать полная информация об осуществляемой деятельности органами власти и условия участия в этом населения. До тех пор пока готовность части населения к участию не перейдет на уровень действий, сложно говорить о существовании местного самоуправления в муниципальных образованиях и государстве в целом [1, с. 158].

Анализ института местного референдума в России на сегодняшний день позволяет сказать, что при широкой нормативной базе, регулирующий порядок организации и проведения местных референдумов, практическое использование данного института затруднено. Связано это, в первую очередь, с установлением самим же законом излишне усложненной процедуры инициирования референдума, с наличием в правовом регулировании института дефектов, коллизий, нежеланием местных властей идти на уступки и инициировать проведение местного референдума.

Нужно отметить, что данное положение дел не соответствует видению муниципального строительства современной России руководством страны. Так, 23 октября 2013 года на совещании мэров различных российских городов, посвященном вопросам внутренней политики и актуальным принципам эффективного управления, Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что прямые формы общения населения с властью, в том числе и местные референдумы, следует проводить по любым актуальным вопросам, которые возникают на повестке дня [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что для современной России возможности применения местного референдума как формы народовластия остаются не раскрытыми и не реализованными. При этом не реализованным остается как возможность практического применения данного института для решения местных насущных проблем, так и использование местного референдума как инструмента управления для решения муниципальных и государственных задач.

Библиографический список

1. *Артюшина О.Н.* Активность населения как фактор, влияющий на исполнение законодательства о местном самоуправлении // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 6. – С. 156–158.
2. *Баглай М.В.* Конституционное право России. – М.: Норма. – 2007. – 418 с.
3. *Гранкин И.В.* Законодательное обеспечение прямой демократии на муниципальном уровне // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 45.
4. Кодекс о референдумах в Костромской области. Закон Костромской области от 31 марта 1999 г. № 58-ЗКО. (ред. от 24.04.2017 г.). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Конституция СССР от 5 декабря 1936 // Известия ВЦИК. – 1936. – 6 декабря. – Режим доступа СПС «Гарант», раздел «История».
6. Конституция СССР от 7 октября 1977 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – 8 октября. – Режим доступа СПС «Гарант», раздел «История».
7. Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1978. – 13 апреля 1978. – Режим доступа СПС «Гарант», раздел «История».
8. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 21.01.2009. – № 7.
9. *Путин В.В.* Из выступления на семинаре-совещании мэров российских городов. – 23.10.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>
10. Статистические данные, размещенные на официальном сайте ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/>
11. Статистические данные, размещенные на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.vybury.izbirkom.ru/>
12. *Толстик В.А. Трусов Н.А.* Референдум в России: основы, опыт, критика // Вестник Нижегородской академии МВД. – 2013. – № 24. – С. 9.
13. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. – 15.06.2002. – № 2974.
14. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 8.10.2003. – № 202.
15. *Шайхуллин М.С.* К вопросу о необходимости усиления гарантий непосредственного осуществления населением местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 10. – С. 27–31.
16. *Шкуренко О.* Народ отвечает // Коммерсантъ Власть. – 2007. – С. 70.

Широков Дмитрий Михайлович
прокуратура Костромской области
investigator44@mail.ru

Широков Андрей Михайлович
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
ashirokov44@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ С ПОЗИЦИЙ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье высказывается мнение, что прокурор, осуществляя в соответствии с уголовно-процессуальным законом уголовное преследование, должен использовать накопленные криминалистикой знания для эффективно-го достижения целей и задач своей деятельности, обеспечения неотвратимости наказания как одного из основных принципов уголовного судопроизводства. Авторы полагают, что в своей деятельности прокурор не должен лишь формально аккумулировать поступающую к нему информацию по уголовному делу. Изучению им материалов дела, взаимодействию со следователем, последующему поддержанию государственного обвинения, должна сопутствовать взвешенная системная и аналитическая работа, основанная на практическом применении научно-обоснованных криминалистических рекомендаций. Вместе с тем, разработка частных криминалистических методик осуществляется и базируется на общей теории криминалистики, в которой прокурор фактически не фигурирует. Знания криминалистики подчиняются той специфике деятельности, которую ежедневно осуществляет прокурор. Авторы приходят к выводу, что целям эффективного применения криминалистических знаний могло бы служить расширение предмета криминалистики, но лишь в той части, в которой прокурор, являясь полноправным субъектом уголовного преследования, отражается в нем как субъект применения данных знаний в специфике своей деятельности.

Ключевые слова: криминалистические рекомендации, прокурорская деятельность, уголовное преследование, предмет криминалистики.

Разработку теоретически обоснованных криминалистических рекомендаций по повышению эффективности прокурорской деятельности необходимо производить на четко сформированном и структурно определенном фундаменте научных знаний. При этом, не определяя понятий, подлежащих использованию и применению в рамках решения как теоретических, так и практических задач, невозможно достичь и должным образом реализовать поставленные цели, обусловленные необходимостью улучшения результативности работы прокурора. Отсутствие понимания основных терминов при этом, вероятно, приведет к искажению результатов исследования и невозможности практической реализации выработанных криминалистических рекомендаций и методик.

В этой связи основным представляется вопрос о предмете криминалистики с позиций прокурорской деятельности.

Правоохранительная система, её структура и субъектный состав органов, осуществляющих уголовное преследование, различны, могут формироваться, расширяться и дополняться, либо с течением времени, напротив, упраздняться. В этой динамично развивающейся системе криминалистика должна обеспечивать субъектов данной деятельности необходимой методологией осуществления их полномочий. Ее прикладной характер следует рассматривать с точки зрения повышения эффективности деятельности субъектов, осуществляющих уголовное преследование, к которым законом отнесен и прокурор. Безусловно, начало такого

«взаимодействия» практики и науки должно следовать из определения предмета криминалистики.

Согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет прокурор, а также следователь и дознаватель. При этом той же статьёй за прокурором законодательно закреплена обязанность наряду со следователем и дознавателем принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления [4, с. 16].

При зарождении науки криминалистики учеными формировался понятийный аппарат с учетом практики раскрытия преступлений и расследования уголовных дел дознавателями и следователями. Так, Р.С. Белкин указал, что становление криминалистики, как области научного знания, неразрывно связано с развитием уголовно-процессуальной науки [1, с. 3].

А.А. Эйсман в своем труде «Криминалистика в системе юридических и естественных наук» указал, что «формирование самостоятельных специфических знаний, составляющих предмет криминалистики, нетрудно проследить исторически. Первоначально эти знания, касающиеся приемов собирания, обнаружения и исследования доказательств, выходящие за пределы собственно процессуальной теории, фигурируют в трудах процессуалистов... Лишь постепенно, возрастая по объему, накапливаясь и приобретая внутреннее единство, эти сведения оформляются в самостоятельную науку – криминалистику» [5, с. 27].

Серьезная работа по определению основных понятий, используемых наукой криминалистикой, была проведена Р.С. Белкиным при подготовке курса криминалистики [1, с. 1–2]. В работе предмет криминалистики был подвергнут глубокому анализу, подлежали сравнению и анализу мнения других выдающихся ученых, работы которых также касались данной области знаний. Среди них Г.Ю. Манне, И.Н. Якимов, Ганс Гросс, С.Н. Трегубов, Е.У. Зицер, Б.М. Шавер, М.С. Строгович, М.А. Чельцов, А.И. Винберг, П.И. Тарасов-Родионов, Ю.М. Кубицкий, С.П. Митричев, А.Н. Васильев и многие другие.

Как пояснял Р.С. Белкин, в формулировке предмета науки разъясняется, что такое отражаемый объект и в каком аспекте он отражается. С этих позиций следует подходить к формулированию предмета любой частной науки, в том числе и предмета криминалистики как специфической области научного знания [1, с. 54].

Б.М. Кедров, исследуя данные вопросы, указал: «Очевидно, что любая наука вообще, если только это подлинная наука, а не скопище фактов, не свалка эмпирического материала, изучает и явления и сущность своего предмета, следовательно имеет дело с фактами, и с законами, причем открытие законов соответствующих явлений составляет важнейшую задачу всякой науки [3, с. 119].

Из сказанного видно, что предмет любой науки и в том числе криминалистики должен отражать в себе ту объективную действительность, которую данная наука изучает.

Как указано выше, специфика криминалистики, как науки связана, в том числе, с процессом ее зарождения, являвшимся, по сути, процессом накопления знаний практики – приемов и методов обнаружения, изъятия и оценки доказательств.

Так, Р.С. Белкин в названном труде указал, что «криминалистика возникла и развивается как наука, способствующая раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Поэтому закономерности, составляющие предмет криминалистики лежат в сфере судебного исследования, то есть деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства [1, с. 62].

На наш взгляд, в приведенный перечень необходимо включить и прокурора.

Прокурор, осуществляя в соответствии с уголовно-процессуальным законом уголовное преследование, должен напрямую использовать накопленные наукой криминалистикой знания для своевременного достижения целей и задач данной деятельности, обеспечения неотвратимости наказания, как одного из основных принципов уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, прокурор в целях тщательной проверки материалов уголовного дела, оценки эф-

фективности проводимого комплекса следственных действий, должен оценить следственную работу не только с позиций формального соответствия предъявляемым уголовно-процессуальным требованиям, но и с учетом имеющихся криминалистических методик, направленных на достижение положительного результата расследования. Ввиду указанного, прокурор не в меньшей, а то и большей степени должен владеть методикой расследования преступлений.

Несомненно, деятельность прокурора должна быть обеспечена и криминалистическими методиками непосредственного осуществления его профессиональных обязанностей. Так, в ходе уголовного судопроизводства прокурор должен иметь предложенные криминалистикой способы тщательной проверки материалов уголовного дела на стадии его возбуждения и последующего утверждения обвинительного заключения, оценки законности следственных действий и результатов расследования в совокупности, грамотно использовать методы налаживания взаимодействия со следственными подразделениями, уметь аргументированно отстаивать избранную позицию в суде, решая проблемы противодействия установлению истины по делу и многое другое. В этом случае на помощь прокурору придут частные криминалистические методики осуществления его профессиональной деятельности.

Осуществляя профессиональную деятельность в сфере досудебного производства, а также на судебных стадиях, прокурор должен проверить не только соответствие хода и результатов расследования требованиям закона, но и выяснить эффективно ли проводилось расследование, достигнуты ли его цели и задачи, а впоследствии мотивированно предъявить полученные доказательства суду, обосновать свои выводы о виновности лица и предложить председательствующему формулировки решений по вопросам, указанным в пунктах 1–6 ч. 1, ст. 299 УПК РФ. Без использования криминалистических знаний решение этих вопросов в полной мере результативным являться не будет.

В своей деятельности прокурор не должен лишь формально аккумулировать поступающую к нему информацию по уголовному делу. Изучению им материалов дела, взаимодействию со следователем, последующему поддержанию государственного обвинения, должна сопутствовать взвешенная системная и аналитическая работа, основанная на практическом применении научно-обоснованных криминалистических рекомендаций.

Вместе с тем, разработка частных криминалистических методик осуществляется и базируется на общей теории криминалистики, прокурор в которой фактически не фигурирует. Знания криминалистики подчиняются и адаптируются той специфике деятельности, которую ежедневно осуществляет

прокурор. Считаем, что целям эффективного применения криминалистических знаний могло бы служить расширение предмета криминалистики, но лишь в той части, в которой прокурор, являясь полноправным субъектом уголовного преследования, отражается в нем как субъект применения данных знаний в специфике своей деятельности.

Предложенное Р.С. Белкиным понятие криминалистики – науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств судебного исследования и предотвращения преступлений [1, с. 83], считаем необходимым дополнить таким важным аспектом осуществления уголовного преследования, осуществляемого прокурором, как государственное обвинение.

Важно понимать, что государственное обвинение не равно судебному исследованию. Государственное обвинение – понятие, наполненное собственным смыслом, оно должно осуществляться не только в строгом соответствии с законом, но тактически и методологически должно быть обеспечено наукой криминалистикой.

Криминалистическими знаниями должна охватываться также и деятельность прокурора, направленная на оценку полноты деятельности органов расследования и других криминалистических характеристик по материалам процессуальных проверок, уголовным делам, сроки расследования по которым приостановлены, уголовным делам, по которым органами расследования принято решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а также уголовным делам, поступившим для утверждения обвинительного заключения либо акта при решении вопроса о том, готов ли прокурор осуществлять государственное обвинение в суде при наличии конкретного перечня собранных по уголовному делу доказательств.

И если досудебную деятельность прокурора возможно уместить в приведенном понятии, то деятельность по осуществлению государственного обвинения шире по объему и подлежит отдельно изложению и включению в предмет изучения криминалистики.

В работе «Криминалистика в деятельности прокурора: вопросы теории и практики» Н.А. Данилова и М.А. Григорьева верно указывают на то, что авторы при разработке прокурорам криминалистических методик, как правило, используют в качестве своеобразной матрицы структуру частных методик расследования отдельных видов престу-

плений. То есть по сути происходит ее механическое копирование, сопровождающееся определенной терминологической рассогласованностью, а иногда и редакционной неряшливостью. Иными словами, авторы работы называют научную деятельность в данной части «подгонкой» понятий, используемых в специфике деятельности прокурора, к понятиям, разработанным и используемым общей теорией криминалистики [2, с. 3–8].

В целях нивелирования возможных ошибок при формировании криминалистических научных знаний, адресованных прокурору, необходимо четко разработать и сформировать базу, и на фундаменте общей теории криминалистики, уточненной и дополненной перечисленными тезисами, продолжать активную работу по формированию частных методик, служащих повышению эффективности прокурорской деятельности.

В настоящее время имеется тенденция к снижению количества прокурорских работников, имеющих стаж следственной работы. Отсутствие опыта расследования уголовных дел лишает сотрудника прокуратуры в полной мере возможности апробации знаний науки криминалистики и зачастую выводит данные знания за рамки их фактического использования в ежедневной деятельности.

Таким образом, разработка криминалистических методик непосредственно для прокуроров будет работать на подготовку соответствующих кадров, формирование их нацеленности на использование криминалистических знаний в повседневной деятельности, и, как следствие, повышение эффективности их работы.

Основой для этого будет служить верное понимание предмета криминалистики с позиций прокурорской деятельности, с учетом полноправного определения прокурора как субъекта применения криминалистических знаний.

Библиографический список

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3 т. – М.: Юрист, 2001.
2. Григорьева М.А., Данилова Н.А. Криминалистика в деятельности прокурора: вопросы теории и практики // Российский следователь. – М.: Юрист. – 2014. – № 6. – С. 3–8.
3. Кедров Б.М. История и социология. – М.: Наука, 1964.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2017. – 287 с.
5. Эйсман А.А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук // Сборник научных работ Литовского НИИСЭ. – Вильнюс, 1963. – № 1. – С. 27–29.

ГРАНТЫ – ПУТИ РАЗВИТИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Гранты являются не до конца изученным правовым явлением, потенциал которого в целях решения наиболее значимых социальных задач используется еще недостаточно широко. Меры грантовой поддержки для отечественной системы права являются относительно новым явлением, существование которого не насчитывает и трех десятков лет, в то время как в европейских странах и США такая форма поддержки в современном ее понимании существует уже более ста лет, достаточно прочно укоренилась в финансировании социальных, научных, образовательных и культурных проектов, продемонстрировала определенные преимущества по сравнению с бюджетным финансированием. Такое положение дел дает автору возможность предложить собственное видение некоторых вопросов, касающихся использования в правоприменительной практике зарубежного опыта грантовой деятельности. В статье сформулированы отдельные предложения по применению российскими грантодателями апробированного в зарубежных странах порядка проведения экспертизы (рецензирования) грантовых заявок, предоставления потенциальным грантополучателям свободного доступа к итогам рецензирования (экспертизы) грантового проекта, а также с причинами отклонения грантовых заявок.

Ключевые слова: грант, меры грантовой поддержки, грантовая деятельность, государственная поддержка, грантодатель, грантополучатель, правовое регулирование грантовой деятельности.

В российском праве понятие «грант» появилось сравнительно недавно, примерно в середине 90-х годов XX в., до этого времени ни в дореволюционной, ни в советской России не существовало сколько-нибудь похожего правового института. С учетом тоталитарного принципа построения советского государства и обобществления собственности о создании негосударственных и/или иных благотворительных фондов, осуществляющих предоставление мер грантовой поддержки, тогда не могло идти и речи.

В постсоветской России широко известным понятие «грант» стало вследствие деятельности американского института «Открытое общество» (Open Society Institute, OSI), более известного у нас под названием Международный научный фонд Джорджа Сороса, которым в 1993–1996 годах для проведения исследований в области естественных наук российским ученым было выделено около 130 млн. долларов.

Однако данный фонд не был единственным. В 90-е годы XX в., когда российское государство находилось в состоянии глубокого экономического и социального кризиса, различные международные и иностранные организации в форме грантов осуществляли финансирование отдельных направлений в социальной сфере, науке и культуре, направляли денежные средства на благотворительные цели.

Широкое распространение такой деятельности повлекло необходимость ее законодательного упорядочения.

Таким образом, гранты первоначально «de facto», а затем и «de jure» вошли в правовую действительность российского государства, привнеся за собой основные характеристики данного правового явления: безвозмездность и безвозвратность, целевое использование на общественно полезные цели, предоставление по итогам конкурса, в основе которого заложено рецензирование (экспертиза) грантового проекта, а также отчет о целевом использовании.

В своем становлении в российском правовом пространстве гранты прошли несколько этапов.

Особенностями их правового регулирования на начальном этапе являлось то, что в качестве грантодателей могли выступать исключительно иностранные благотворительные организации. Правовое закрепление таких грантов было осуществлено в совместном письме Госналогслужбы и Минфина России от 11.06.93 № ЮУ-4-06/88Н, 04-06-01 «О порядке налогообложения грантов, получаемых от иностранных благотворительных организаций» [3].

На следующем этапе, который отмечается принятием Федерального закона от 21.06.96 № 83 – ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О подоходном налоге с физических лиц”», был расширен действующий круг грантодателей. В их число вошли иные некоммерческие, а также международные организации и организации, включенные в специальный перечень, утверждаемый Министерством науки и технологий РФ [6].

С введением в действие с 01.01.2001 г. части второй Налогового кодекса РФ и принятия Постановления Правительства РФ от 05.03.2001 № 165 «Об утверждении перечня международных и иностранных организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению» [4] начался современный этап правового регулирования грантовой деятельности в Российской Федерации, который, сохраняя основные общие подходы к грантам, и сейчас находится в постоянном развитии. Законодательное урегулирование отдельных направлений грантовой поддержки и механизмов ее предоставления осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

В настоящее время в качестве грантодателей выступают государственные и муниципальные органы, а также юридические и физические лица,

международные организации, получившие право на предоставление грантов на территории России в порядке, установленном Правительством РФ. Достаточно широким является и перечень целей, на которые предоставляются гранты.

С точки зрения теории права существо гранта как современного, облеченного в правовую форму инструмента взаимодействия государства и общества, состоит в том, что он «вовлекает в процесс взаимодействия» широкий круг участников общественных отношений, включая частных лиц, государство и его органы. Степень и объем участия в данном процессе каждый субъект определяет для себя самостоятельно. Единственным условием установления взаимоотношений является социальная направленность (значимость) и общественная полезность такой деятельности.

Развитие мер грантовой поддержки способствует привлечению внебюджетных и частных источников в финансирование социально-значимых проектов. Тем самым гранты выполняют своеобразную функцию выравнивания диспропорций бюджетного финансирования, а также способствуют развитию в России давно апробированного за рубежом явления, такого, как социальная ответственность крупного бизнеса.

Учитывая, что гранты для отечественного правоприменения являются заимствованным явлением, представляется важным хотя бы схематично обозначить исторический аспект их становления и развития в зарубежных странах, а также основные критерии применения с тем, чтобы постичь правовую природу данного уникального по своей сути социального явления, которое оказало и продолжает оказывать влияние на развитие общественных отношений в постсоветской России, все активнее вовлекая ее мировое «грантовое пространство». Использование опыта зарубежных стран, безусловно, призвано сыграть здесь определенную положительную роль.

В отличие от России в странах Европы гранты насчитывают более чем вековую историю своего существования. Однако сама история появления грантов продолжает оставаться до конца не изученной ввиду двух обстоятельств. Первое – размытость понятия грант, даже в современном его понимании; второе – тесная связь грантов с меценатством, из которого они выделились в самостоятельную форму финансовой (материальной) поддержки.

Считается, что родоначальником грантовой системы финансирования является Великобритания, где созданное в 1660 г. Лондонское королевское общество осуществляло поддержку науки путем предоставления денежных средств на разные исследования [10].

Изучение исторического материала дает основание полагать, что одними из первых появились исследовательские научные гранты, а начальным

этапом выделения грантов в самостоятельную форму поддержки послужило использование научными обществами и академиями наук европейских стран процедуры рецензирования при оценке научных трудов, содержащих описание экспериментальных исследований. Начало ее применения относится к XVII в.

В середине XIX в. европейские академии наук начали осуществлять переход от награждения за выдающиеся заслуги к денежному поощрению ученых, что было еще одним шагом на пути становления грантов.

В это же время доступ к образованию получили представители широких слоев населения, в результате чего в научное сообщество вошли люди, не имеющие средств для проведения серьезных научных исследований. Тогда и появились меценаты, которые были готовы жертвовать денежные средства на науку взамен на общественное признание. Это обстоятельство приблизило появление грантов в современном их понимании.

В Европе первый исследовательский грант был учрежден во Франции в 1907 г. Роландом Бонапартом, предоставившим французской академии наук 100 тысяч франков на научные исследования. Будучи членом одной из самых известных во Франции семей, он не нуждался в прославлении своего имени, основным его требованием было разделение предоставленной денежной суммы для распределения между талантливыми исследователями из разных сфер науки. Учрежденные гранты могли быть присуждены любому ученому, подавшему заявку на участие в конкурсе, вне зависимости от его известности и достигнутых ранее результатов [5].

Однако активное использование практики грантового финансирования произошло именно в США, где уже в начале XX в. были созданы частные фонды, такие как Институт науки Карнеги (Carnegie Institution for Science, 1902г.); Фонд Рассела Сейджа (the Russel Sage Foundation, 1907г.); Фонд Рокфеллера (Rockefeller Foundation, 1913г.); Фонд Форда (Ford Foundation, 1936г.).

Эти и другие благотворительные фонды, созданные на денежные средства частных лиц, оказали неоценимую помощь в поддержке мирных процессов и становлении мирового порядка после Первой мировой войны.

В современном мире практически нет ни одного государства, в котором бы не существовало форм грантовой поддержки. Так, в большинстве европейских стран уже давно отказались от бюджетного финансирования организаций культуры, наиболее распространенной формой их государственного финансирования являются гранты, а условия их предоставления в каждой стране свои.

В Швеции, например, учреждения культуры могут рассчитывать на договорной грант (его размер определяется заключаемым на год соглашении-

ем между государственными органами и учреждениями культуры), грант, выплачиваемый по итогам труда в соответствии с лимитами субсидирования или на «базисный (формульный)» грант [7].

Особую роль здесь играют индивидуальные гранты, призванные поддержать «экономическую безопасность» творческой деятельности. К ним относятся гранты в форме гарантированного дохода, присуждаемые выдающимся писателям; бессрочные почетные гранты, выдающиеся деятелям культуры; гранты, дающие авторам право на получение дохода за пользование их произведениями в публичных библиотеках; пятилетние гранты молодым писателям. Для шведской грантовой системы характерна упрощенная процедура предоставления и полная свобода реципиентов (организаций или индивидуальных получателей) в их использовании [7].

В некоторых странах Европы правительство предоставляет гранты на условиях встречного финансирования. Впервые этот механизм стали применять в Великобритании, а затем и в континентальной Европе. Так, в Великобритании с 1988 г. действует специальная программа, согласно которой организации культуры имеют возможность получить грант в размере от 5 до 250 тыс. фунтов стерлингов при условии встречного финансирования проекта в соотношении один к двум [7].

В Финляндии не облагаются подоходным налогом государственные гранты, предоставляемые писателям и иным деятелям культуры. С целью смягчения бремени налогов на работников творческих профессий, имеющих нерегулярные заработки, в большинстве стран разрешено при налогообложении распределять полученный авторский гонорар на несколько последующих лет (в Финляндии, например, на 3 года, во Франции – на 5 лет) [7].

Для частных грантодателей также действуют налоговые стимулы – традиционно не облагаются налогом вклады благотворительных организаций в сферу культуры.

В Швейцарии насчитывается около 13 тыс. благотворительных фондов, большинство из них принадлежит частным лицам (95% фондов федерального уровня и 84,4% фондов кантонального уровня). Достаточно распространенной здесь является особая индивидуальная форма грантов, направленная на покрытие расходов на получение ученой степени, выполнение и поддержку определенного исследования, поддержку исследователей-женщин. Особенностью данной формы финансирования является безвозмездность. В то же время достаточно активно применяется смешанная форма финансовой поддержки научных исследований и перспективных научных разработок. Она включает в себя как безвозмездные формы финансирования с конкурсами грантов, так и формы, где прибыль от проекта идет на погашение выделенного фондом финансирования [9].

Наряду с проведением конкурсов на соискание грантов, некоторые иностранные фонды (например, Фонд Мотта (Caries Stewart Mott foundation США) используют также внеконкурсные механизмы распределения грантовых средств, предоставляемых в культурных, образовательных, научных и иных целях, так называемый подход «open-door» (открытых дверей). Такой подход построен на совпадении поступающих грантовых заявок с основными направлениями деятельности фонда [8].

В Европе в число грантодателей входят также наднациональные общеевропейские советы и фонды. Большая роль в финансировании научной деятельности принадлежит Европейскому исследовательскому совету (European Research Council, ERC), который оказывает поддержку молодым ученым государств-членов Евросоюза. Особое внимание уделяется инновационным идеям, главный критерий отбора грантовых заявок – перспективность исследования [2].

Следует отметить, что зарубежный опыт неоднократно применялся российским законодателем и не только посредством воспроизведения основных признаков грантов.

Так, на основании Указа Президента РФ от 27.04.1992 № 426 «О неотложных мерах по сохранению научно-технического потенциала Российской Федерации» был создан первый отечественный научный фонд – Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ).

При разработке модели данного фонда использовался зарубежный опыт, в частности, изучалась деятельность таких научных фондов как NSF (Национальный научный фонд – National Science Foundation – США), DFG (Немецкое научно-исследовательское общество – Deutsche Forschungsgemeinschaft – ФРГ), в результате чего было позаимствовано такое существенное условие в процедуре предоставления гранта как проведение рецензирования при оценке грантовых заявок.

Указанный Фонд, поддерживая фундаментальные исследования, относящиеся к естественным и техническим областям знаний, а также науки о человеке и обществе, осуществляет свою деятельность на протяжении двадцати пяти лет и за это время продемонстрировал определенные достоинства грантового финансирования науки – одной из немногих сфер жизнедеятельности общества, для развития которой губителен уравнилительный административный подход финансирования научных исследований.

Несомненно, ввиду объективных причин условия грантовой деятельности за рубежом не сопоставимы с условиями, которые наличествуют в нашей стране.

Тем не менее, интересным и заслуживающим внимания является зарубежный опыт в сфере рецензирования (экспертизы) грантовых заявок. Данная составляющая процесса предоставления грантов не имеет у нас единообразного правового закрепления,

что влечет за собой долю «усмотрения» грантодатель, а, значит, допускает необъективность при распределении грантового финансирования.

В качестве примера можно рассмотреть подходы к оценке эффективности научных исследовательских проектов, которые применяет Национальный научный фонд (ННФ) в США.

Экспертиза в указанном Фонде является максимально открытой. Это выражается в том, что соискатель гранта имеет доступ ко всем документам, касающимся его заявки. Данное правило распространяется и на тех соискателей, чьи заявки получили одобрение. Заявитель имеет право знать мотивы отказа. Авторы отклоненной заявки могут затребовать дополнительную информацию и кроме той, которая содержится в направленном им сообщении Фонда [1].

Соискатель гранта имеет право назвать экспертов, наиболее компетентных, на его взгляд, в вопросах, затронутых в его исследовании, а также указать имена экспертов, участие которых в экспертизе проекта он считает не желательным (объяснение причин Фонд не требует). Высказанные пожелания учитываются Фондом, что дает возможность минимизировать риски субъективизма, существующие в любом научном сообществе на почве личных отношений и приверженности к тем или иным научным позициям (мнениям), принадлежности к определенным научным школам и др.

Соискатель может требовать пересмотра решения, если сочтет мотивы отказа неубедительными, а получив повторный отказ, вправе апеллировать к более высоким инстанциям Фонда, со ссылкой на нарушения, как процедуры принятия решения, так и по существу вопроса. Выяснив причины отказа, соискатель может также переделать заявку – такая процедура допустима в случае, если идея продуктивна, но форма подачи или другие параметры, имеющие формальное измерение, не удовлетворяют требованиям Фонда. После чего заявка может быть вновь подана на рассмотрение. В таком случае Фонд рассматривает её как новую заявку. По имеющимся данным, примерно половина повторных заявок впоследствии получает положительную оценку Фонда [1].

Приведенный пример касается получения научных исследовательских грантов, однако, учитывая унифицированный характер мер грантовой поддержки, такой опыт можно рассматривать применительно к остальным видам грантов, имея в виду, в первую очередь, государственные гранты.

В заключение следует отметить, что более чем за двадцатилетний период существования в российском праве гранты доказали свою жизнеспособность и эффективность в разрешении проблем социальной направленности. Благодаря вовлечению внебюджетных источников финансирования, они занимают особое место среди мер государственной поддержки, имеют мощный правостимулирующий

потенциал, способствуют развитию социальной активности участников общественных отношений.

Библиографический список

1. *Еременко Г.А.* Новая модель государственного финансирования инициативных научных исследований // Наука. Инновации. Образование. – 2007. – Вып. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rier.ru/almanac-science-innovations-education/88000006/> (дата обращения: 28.07.2016).
2. *Конюшкина Ю.А.* Финансирование научной деятельности как гарантия реализации конституционного права на свободу научного творчества // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 3. – С. 9–11.
3. Письмо Госналогслужбы РФ и Минфина РФ от 11 июня 1993 г. NN ЮУ-4-06/88Н, 04-06-01 «О порядке налогообложения грантов, получаемых от иностранных благотворительных организаций» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств РФ. – 1993. – № 9.
4. Постановление Правительства РФ от 05.03.2001 № 165 (ред. от 19.11.2003) «Об утверждении перечня международных и иностранных организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению» / Документ утратил силу с 1 января 2009 года в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 28.06.2008 № 485 // Собр. законодательства РФ. – 12.03.2001. – № 11. – Ст. 1038.
5. *Стрельцова Е.А.* Исследовательские гранты в поле современной науки (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 63–64.
6. Федеральный закон от 21.06.1996 № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц» / Документ утратил силу с 1 января 2001 года в связи с принятием Федерального закона РФ от 05.08.2000 № 118-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 24.06.1996. – № 26. – Ст. 3035.
7. Финансирование культуры в европейских странах: обзор подходов и методов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/finansirovanie-kultury-v-evropeyskih-stranah-obzor-podhodov-i-metodov> (дата обращения: 05.06.2016).
8. Фонд Чарльза Стюарта Мотта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://.mott.org/> (дата обращения: 24.07.2016).
9. Фонды Швейцарии: поддержка университетских научных исследований / публ. подгот. А.Ю. Кругловым // Вестник Герценовского университета. – 2009. – № 8. – С. 44–47.
10. *Фридлянов В.Н.* Грантовая политика в области науки // Образование и образованный человек в XX веке. – 2013. – № 1. – С. 17–20.

Мамедова Нармина Атешевна
Костромской государственный университет
narmina_tamedova@iCloud.com

Голубев Валерий Вячеславович
кандидат психологических наук, доцент
Костромской государственный университет
w.w.golubev@gmail.com

ПОРЯДОК ПРИОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

На основании анализа правовых и теоретических положений в статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся существующего в Российской Федерации порядка приобретения статуса адвоката. Устанавливается, что названный порядок служит своеобразным фильтром, призванным ограничить доступ к адвокатуре лицам, не обладающим достаточным уровнем теоретических знаний и практических навыков и, как следствие, не способным в последующем оказывать доверителям квалифицированную юридическую помощь. Статистические данные при этом показывают, что на данный момент процедура подготовки соискателей на приобретение статуса адвоката не справляется с решением поставленной задачи в полной мере, следовательно, не является достаточно эффективной. С целью выявления оптимальных путей ее совершенствования в статье приводится сравнительный анализ отечественного законодательства об адвокатуре с актуальным законодательством Франции, Китайской Народной Республики, Японии, Республики Армения и Республики Молдова. Авторами подчеркивается принципиальное отличие российского опыта от зарубежного, предусматривающего обязательное прохождение соискателями профессиональной стажировки. Приводятся доводы в пользу целесообразности внесения в законодательство Российской Федерации изменений, устанавливающих прохождение обязательной стажировки претендентами на получение статуса адвоката.

Ключевые слова: адвокатура, правовой статус адвоката, допуск к адвокатской практике в зарубежных странах, квалификационный экзамен, порядок приобретения статуса адвоката, стажировка претендентов на приобретение статуса адвоката.

В связи с непрерывным реформированием действующего законодательства, усложнением правовой системы у населения, в большинстве своем не обладающего достаточным уровнем специальных знаний и навыков для эффективного использования правовых средств, возникает объективная потребность в обращении к профессионалам за оказанием квалифицированной юридической помощи, право на получение которой закреплено за каждым в ст. 48 Конституции Российской Федерации. Это обуславливает важное общегосударственное значение данного права, а также его значительную роль в системе гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Общеизвестно, что одним из основных субъектов оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации является адвокатура. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации», «адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность». Необходимо понимать, что названный в данной правовой норме порядок приобретения статуса адвоката выступает одной из важных гарантий обеспечения квалифицированности оказываемой адвокатом юридической помощи. Это обусловлено тем, что рассматриваемый порядок выступает своеобразным фильтром, призванным ограничить доступ к адвокатуре лицам, не облада-

ющим достаточным уровнем теоретических знаний и практических навыков и, как следствие, не способным в последующем оказывать доверителям юридическую помощь, соответствующую высоким профессиональным и этическим стандартам.

В соответствии с нормами современного российского законодательства статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные законом. Кроме того, лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными в установленном законодательством Российской Федерации порядке, а также лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления, не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности. Помимо этого, лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно успешно сдать квалификационный экзамен [13].

Важность рассматриваемой процедуры обуславливает необходимость её постоянного совершенствования. Так, например, 1 сентября 2016 года вступили в силу разработанные Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации изменения в Положение «О порядке сдачи

квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката». Данные изменения были внесены с целью унификации требований к проведению квалификационного экзамена во всех адвокатских палатах Российской Федерации [15]. Кроме того, по мнению вице-президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации С.И. Володиной, новые единые стандарты призваны определить, обладают ли соискатели статуса адвоката необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками действий в различных правовых ситуациях [3]. Представляется, что вышеупомянутые изменения должны также в полной мере обеспечить равный доступ к профессии адвоката соискателям статуса во всех регионах Российской Федерации посредством упорядочивания существующей ранее системы приема квалификационного экзамена. Тем не менее, важно рассмотреть вопрос о достаточности изменений.

По данным Федеральной палаты адвокатов за период с апреля 2013 г. по апрель 2015 г. за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей квалификационными комиссиями адвокатских палат к дисциплинарной ответственности было привлечено 5340 адвокатов. Из них статус адвоката был отменен у 722 адвокатов [9]. Анализ приведенных статистических данных показывает актуальность проблемы качества оказываемой адвокатами юридической помощи. Думается, что подобная ситуация обусловлена в том числе недостаточной профессиональной подготовкой адвокатов. Так, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей в период с апреля 2011 года по апрель 2013 года к дисциплинарной ответственности был привлечен 5341 адвокат [10]. Отсутствие тенденции к снижению количества адвокатов, привлекаемых к дисциплинарной ответственности, наглядно демонстрирует недостаточность принимаемых мер по повышению их профессиональной квалификации.

Для выработки эффективных предложений по совершенствованию процедуры профессиональной подготовки претендентов на получение статуса адвоката необходимо объективно установить, насколько оптимально данный вопрос регулируется современным российским законодательством посредством обращения к опыту зарубежных стран.

В связи с развитием двусторонних отношений адвокатских палат Франции и России, которые подтверждаются в том числе подписанием в 2015 году договоров о взаимном сотрудничестве, о развитии совместных образовательных программ, о стажировках французских адвокатов в России и российских адвокатов во Франции, изучение положительного опыта Франции представляется достаточно уместным. В этой стране предусмотрены довольно жесткие условия доступа к адвокатской профес-

сии. Теоретическая и практическая подготовка претендентов на получение статуса адвоката, помимо наличия степени магистра права [5, с. 11], предполагает обучение в течение 18 месяцев в региональных центрах профессиональной подготовки адвокатов и сдачу выпускных экзаменов [12, с. 294]. При этом для прохождения обучения претендент должен также выдержать вступительные экзамены в центре профессиональной подготовки. Период обучения состоит из трех этапов, включающих в себя изучение базовых дисциплин, индивидуальную работу с кандидатом и прохождение стажировки у одного из адвокатов [8].

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации отмечает, что знаковым событием последних лет стало развитие сотрудничества с азиатскими партнерами (КНР, Япония) [2]. Одним из главных направлений взаимодействия выступает международный научный обмен; анализ и обобщение зарубежной практики регулирования адвокатской деятельности, что является предпосылкой в том числе и для изучения процедуры приобретения статуса адвоката в указанных странах. Кроме того, обращение к опыту Японии также обусловлено подписанием в 2014 году «Меморандума о взаимопонимании между Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Японской Федерацией адвокатских ассоциаций», предусматривающего постоянный профессиональный обмен между адвокатурами России и Японии [1]. В Японии порядок приобретения статуса адвоката включает в себя сдачу квалификационного экзамена и обязательное прохождение кандидатом восемнадцатимесячного курса обучения под руководством практикующих юристов в Научно-исследовательском институте при Верховном суде, по итогам которого данным лицом также сдается экзамен [6].

В соответствии с законом Китайской Народной Республики, для получения лицензии на адвокатскую деятельность претендент должен сдать унифицированный квалификационный государственный экзамен на судебные профессии. После чего кандидат, успешно сдавший квалификационный экзамен, проходит годовую стажировку в адвокатском образовании и лишь по ее окончании получает удостоверение адвоката [7].

Обращение к законодательству некоторых стран СНГ позволит наиболее полно изучить рассматриваемый вопрос. Адвокатские корпорации государств-участников Содружества имеют много общего не только в истории, но и в современном правовом регулировании. Как отмечает Президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Ю.С. Пилипенко, перед адвокатурами данных стран «стоят общие проблемы, и решать их надо общими усилиями, обмениваясь опытом и развивая профессиональные связи» [14].

Процедура приобретения статуса адвоката в Республике Армения предусматривает прохождение обязательного обучения в школе адвокатов, включающее в себя теоретические и практическое обучение. После окончания обучения слушатель школы адвокатов сдает единый экзамен на получение лицензии адвокатской деятельности [4].

Исходя из анализа законодательства Республики Молдова, лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, обязано пройти стажировку по профессиональной подготовке продолжительностью 18 месяцев, на протяжении которых оно имеет статус адвоката-стажера. При этом допуск к профессиональной стажировке осуществляется на основании экзамена. По завершении стажировки адвокат-стажер сдает квалификационный экзамен [11].

Из вышесказанного видно, что в зарубежном законодательстве, как и в отечественном, предусмотрена обязательная сдача соискателем статуса адвоката квалификационного экзамена. Однако, в отличие от российского опыта, зарубежный опыт предусматривает обязательное прохождение претендентом на приобретение статуса адвоката еще и профессиональной стажировки. Подобная практика позволяет соискателям статуса адвоката совместно с руководителем стажировки определить, обладают ли первые необходимыми для осуществления адвокатской деятельности нравственными характеристиками, выявить наличие пробелов в теоретической подготовке, которые можно восполнить непосредственно в процессе прохождения стажировки; способствует выработке необходимых моральных качеств и полному осознанию будущей профессии.

Соответственно, обязательная профессиональная стажировка, предусмотренная законодательством зарубежных стран, обеспечивает более высокий уровень подготовки претендентов на получение статуса адвоката, так как позволяет им приобрести практические навыки работы в узкой специальной области, которая в последующем должна стать их профессиональной деятельностью. Думается, что аналогичный объем практических навыков нельзя получить в рамках осуществления профессиональных обязанностей в иных должностях, требующих наличия высшего юридического образования. Предусмотренное современным российским законодательством требование к наличию у претендента на приобретение статуса адвоката стажа работы по юридической специальности не менее двух лет нельзя считать достаточным и в полной мере обеспечивающим должный уровень профессиональной подготовки будущих адвокатов.

Думается, что нельзя считать в должной мере обеспечивающим квалифицированность оказываемой адвокатами юридической помощи и положение Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающее, что претендент на приобретение статуса адвоката должен иметь высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности [13]. Необходимо понимать, что, исходя из буквального толкования данной нормы, законодатель, допуская подобную альтернативу, открывает доступ в адвокатуру в том числе лицам, не имеющим базового юридического образования, но получившим ученую степень по юридической специальности. Думается, что уровень знаний в области права у лиц, получивших высшее юридическое образование и лиц, имеющих исключительно ученую степень в данной области нельзя считать равнозначным. Это обусловлено тем фактом, что соискатель ученой степени должен продемонстрировать углубленные знания избранной им темы в узкой области, ограниченной несколькими отраслями права, в то время как лицо, успешно освоившее программу высшего юридического образования, обладает теоретическими знаниями, охватывающими все области права, умеет решать профессиональные задачи, а также владеет широким кругом профессиональных компетенций. В связи с этим кажется логичным, что для осуществления в Российской Федерации адвокатской деятельности с соблюдением высоких профессиональных стандартов необходимость получения соискателем статуса адвоката высшего юридического образования должна быть безальтернативной.

Представляется, что в целом исключение из законодательной нормы рассмотренного выше положения, а также установление в ней обязательной стажировки претендентов на получение статуса адвоката позволит в последующем наиболее эффективным образом обеспечить квалифицированность оказываемой адвокатом юридической помощи и, как следствие, соблюдение конституционного права граждан на её получение. В связи с этим, необходимо изложить ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» в следующей редакции: «Статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе. Указанное лицо также должно пройти обязательную стажировку в адвокатском образовании в срок не менее 6 месяцев, а также иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в срок от одного года до двух лет».

Библиографический список

1. «Меморандум о взаимопонимании между Японской федерацией адвокатских образований

и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации» от 24.10.2014 // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2014. – № 4 (47). – С. 27.

2. Взаимодействие и партнерство // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fparf.ru> (дата обращения: 14.08.2016).

3. День адвокатских знаний // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fparf.ru> (дата обращения: 12.10.2016).

4. Закон Республики Армения от 13.01.2005 № ЗР-29 «Об адвокатуре» // Официальные ведомости Республики Армения. – 2005. – № 6 (378) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.spinform.ru> (дата обращения 14.05.2016).

5. Крысанова Е.Г. Французская адвокатура: реформы законодательства // Адвокатская палата. – 2012. – № 10. – С. 11–13.

6. Логинова А.М. Адвокатская деятельность в Японии: некоторые аспекты организации // Адвокатская газета. – 2007. – № 1. – С. 13.

7. Магута П. Адвокатура поднебесной // Адвокатская газета. – 2010. – № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 03.06.2016).

8. Морозов Н.В. Основы правового положения адвоката по законодательству Франции // Адвокатская практика. – 2006. – № 18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/j2469.html> (дата обращения: 14.01.2017).

9. Отчет «О деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за

период с апреля 2013 года по апрель 2015 года // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fparf.ru> (дата обращения: 14.08.2016).

10. Отчет «О деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за период с апреля 2011 года по апрель 2013 года» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fparf.ru> (дата обращения: 14.08.2016).

11. Парламент Республики Молдова от 19.07.2002 № 1260-XV «Закон об адвокатуре» // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. – 2002. – № 126–127 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru> (дата обращения 14.05.2016).

12. Терела Е.А. Правовые основы, как причина устойчивости института адвокатуры во Франции // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 294-296.

13. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – С. 2102.

14. Хартия дружественных адвокатур // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fparf.ru> (дата обращения: 14.08.2016).

15. Экзаменационные вопросы // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fparf.ru> (дата обращения: 12.10.2016).

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ФАКТА В РАМКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается вопрос о необходимости расширения теории юридических фактов, возможности и целесообразности введения понятия «процессуальный факт», его значения для правовой теории и практики. Автор останавливается на научных определениях понятия юридический факт, подчеркивает, что проблематика теории юридических фактов в современный период является одной из приоритетных областей исследования.

Ключевые слова: юридический факт, процессуальный факт, правосудие, действие, бездействие, событие, целесообразность.

Правосудие является сложным процессом, который представляет огромный интерес и, безусловно, обнаруживает важнейшие свойства существующей системы. Основываясь на сущности правоотношений, следует отметить, что судебный процесс обслуживается не отдельными нормами права, как это существует в рамках правоотношений в материально-правовых отраслях, а каждый раз включает всю отрасль права, с помощью которой судом осуществляется целый ряд фактических обстоятельств – юридических фактов.

Основная цель судебного процесса состоит не столько в его нормативном оформлении, сколько в установлении юридических фактов по определенному делу, учитывая которые суд выносит законное решение.

В первую очередь, необходимо определиться со значением таких понятий как «факт», «юридический факт», «процессуальный факт».

Для детального осознания сущности факта и его категорий, а также связи с юридическим фактом необходимо обратиться к методологии, которая представлена в научных трудах различных теоретиков и практиков. Рассматривая дуализм (двуединство) факта и нормы, стоит обратить внимание на следующую трактовку: для нормативной сферы важно, что каждый факт означает существование (экзистенцию), вовлеченность в бытие; он имеет экзистенциальный статус. Фактом, по сути, является:

- а) нечто совершенное или совершающееся;
- б) то, что существует в противоположность тому, чего не существует;
- в) то, что является актуальным, в противоположность тому, что представляется абстрактным;
- г) то, что существует вне связи с ценностями, привлекательностью или непривлекательностью для субъектов [2, с. 54–56].

Фактически делается вывод о том, что если правовая норма является установленным правилом для поведения – субъективной категорией, то факт представляется независимым от восприятия со стороны субъекта, абсолютно объективным, совершенным фрагментом реальности.

Правовая норма, включая и табу, может изменяться или упраздняться, но факт всегда будет оставаться фактом.

Юридический факт в своем толковании соответствует содержанию такого понятия как «обыденный факт» (совершенный аспект реальности). Тем не менее, несмотря на сказанное, он имеет свои существенные свойства и особенности [4, с. 19–24].

В научной юридической литературе существуют разные определения понятия «юридический факт». Особое значение представляют идеи, предложенные Н.М. Коркуновым и Г.Ф. Шершеневичем. В качестве юридического факта Н.М. Коркунов понимал события и действия, которые не представляют собой ничего противного требованиям юридических норм и которым независимо от намеренности их совершения присвоено определенное юридическое значение, заключающееся или в установлении новых прав и обязанностей, или в изменении и прекращении уже существующих [1, с. 58].

Г.Ф. Шершеневич конкретизировал анализируемое понятие: «...всякое обстоятельство, влекущее за собою по закону те или иные юридические последствия... Юридические факты, возникают по воле лиц, являясь выражением их воли, – и тогда они называются юридическими действиями, или же помимо их воли, – и тогда носят название юридических событий» [5, с. 75].

Рассматривая указанное выше определение, следует сделать вывод о том, что любое фактическое обстоятельство (по сути, обыденный факт) является юридическим фактом лишь тогда, когда оно подпадает под действие правовой нормы, предусматривающей для конкретной абстрактной модели обстоятельства возникновения последствий. Следует отметить, что не наступившее обстоятельство нельзя рассматривать как юридический факт – оно становится фактом только с момента действительного наступления.

Формирование имеющих отношение к определенному делу юридических фактов позволяет успешно рассмотреть и разрешить находящееся в производстве суда дело. Без юридических фактов невозможно выполнить задачу, направленную

на правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела в целях защиты прав, свобод и законных интересов. Кроме того, станет невозможным обеспечения справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок и соблюдение принципа презумпции невиновности, в соответствии с которым обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном уголовным законом порядке.

Большое значение юридические факты играют в доказывании позиции всех сторон процесса. По своему содержанию вся стадия, в рамках которой происходит рассмотрение дела, состоит в сборе судом необходимых сведений касательно юридических фактов, на которые делают отсылку участвующие стороны. На последующей стадии суд делает оценку данных сведений, основываясь на доказательствах сторон, что позволяет достичь поставленной задачи – справедливого решения.

В процессуальном законодательстве нашей страны выделены целые главы и разделы, которые посвящены порядку представления доказательств о юридических фактах. Можно привести следующие примеры: гл. 6 ГПК РФ, гл. 7 АПК РФ, раздел III, гл. 10 и 11 УПК РФ.

Необходимо отметить, что в случае не установления судом юридического факта, на который делает отсылку сторона, появляется важное основание для прекращения производства по делу и для отказа в удовлетворении заявления (искового заявления). Объективное установление юридических фактов, которые имеют отношение к делу, в полной мере способствует рассмотрению и разрешению определенного дела, но также делает возможным эффективное и правильное отправление правосудия [6, с. 86].

Необходимость в формулировке и введении понятия «процессуальный факт» объясняется принципиальным различием в гражданском и гражданско-процессуальном праве и отношениях недопустимости причисления событий к процессуальным фактам [3, с. 176]. Отраженная позиция представляется довольно сомнительной. Осуществление действий (бездействия) представляется безусловным правом участников процесса. Основываясь на сущности современных процессуальных отношений, следует отметить, что реализация сторонами принадлежащих им процессуальных прав представляется единственным основанием, которое необходимо для возбуждения производства по делу, его рассмотрения и дальнейшего разрешения. Субъект, право которого было нарушено, вправе обратиться в суд для защиты своего права или не воспользоваться данным правом. Лицо, принимающее участие в производстве по делу, имеет право заявить соответствующее ходатайство о ведении дела в суде с помощью представителя или вести

его непосредственно. Истец имеет право в любой момент до фактического вынесения решения отказаться от своего иска, изменить основание иска или его предмет, увеличить либо уменьшить размер заявленных требований, либо не совершать обозначенных процессуальных действий.

Все процессуальные действия подчиняются следующей формуле:

1) закреплённая законом модель обстоятельства (действие, бездействие);

2) наступление обстоятельства, закреплённого законом (подача иска, заявление соответствующего ходатайства, отказ, изменение иска);

3) наступление соответствующего юридического последствия.

В итоге следует отметить, что к процессуальным обстоятельствам можно применить понятие «юридический факт». Введение дополнительного понятия «процессуальный факт» в современных условиях является необоснованным.

Относительно позиции, говорящей о недопустимости отнесения события к процессуальным фактам, следует сделать пояснение: согласно ст. 220 ГПК РФ, суд прекращает производство, если в результате смерти гражданина, который является одной из сторон, спорное правовое отношение не допускает возможности правопреемства. В соответствии со ст. 215 ГПК РФ, производство по делу будет приостановлено, если спорное правоотношение будет допускать правопреемство. Смерть (не зависящее от воли сторон событие), согласно законодательству, несет определённые юридические последствия:

1) прекращение;

2) приостановление дела.

Таким образом, указанное ранее мнение является абсолютно несостоятельным.

Учитывая все изложенное, следует сказать о том, что искусственное расширение современной теории юридических фактов не представляется целесообразным, так как понятие «юридический факт» полностью удовлетворяет существующие потребности теории и практики.

Библиографический список

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 547 с.
2. Миннебаев Р.Х. К вопросу о понятии юридических фактов // Юридический мир. – 2011. – № 3. – С. 54–56.
3. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификация, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010.
4. Тарасов Н.Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки

и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 19–24.

5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Издание Бр. Башмаковых,

1911. – 173 с.

6. Якушев П.А. Юридические акты и поступки как основания правоотношений. – Владимир: ВГПУ, 2003. – 228 с.

УДК 340.1

Цыпленков Евгений Александрович

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород
tsyplyonkov@mail.ru*

Шиндяпин Аркадий Витальевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород
tsyplyonkov@mail.ru*

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ

Юридические факты представляют огромный интерес для современной науки, что говорит о значимости данного явления и отдельных аспектов его понимания и толкования. Сложившееся представление о юридических фактах как фактах реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий, не дает представления об их подлинном назначении и роли в правовом регулировании. В данной статье юридический факт определяется автором в качестве образа конкретного обстоятельства существующей действительности. Появление или отсутствие данного образа связано с определенными юридическими последствиями, в том числе с возникновением, изменением и прекращением правовых отношений.

Ключевые слова: юридический факт, юридическое познание, состязательность, доказывать, образ, обстоятельство реальной действительности.

В современной научной литературе делается вывод о том, что обстоятельства, которые затрагивают в определенной степени общественные отношения, можно подразделить на юридически значимые, порождающие определенные юридические последствия, и юридически безразличные – не порождающие правовых последствия. Первые условно называют «юридическими фактами». Теория права считает юридическими фактами определенные жизненные обстоятельства, ввиду которых происходит наступление различных юридических последствий [1, с. 4].

Необходимо отметить, что определения юридических фактов, которые встречаются в цивилистике, воспроизводят дефиниции, предлагаемые в рамках общей теории права. Возникновение последствий является возможным только в том случае, если присутствуют цепочки, состоящие из определенных звеньев:

1) закрепление в содержании нормы права особой правовой модели, определенного обстоятельства, в результате наступления которого будут возникать конкретные последствия;

2) наступление определенного жизненного обстоятельства, отличающегося от абстрактного его прототипа наличием множества признаков частного характера;

3) реализация правовой нормы, под действием которой находится определенное обстоятельство.

Большое значение имеет проведение детального раздела между важнейшими юридическими категориями и описание основного содержания следующих понятий:

- а) идеальная правовая модель обстоятельства;
- б) реальное жизненное обстоятельство;
- в) юридический факт [5, с. 68–69].

В современных условиях данные понятия отождествляются.

Правовая модель обстоятельства, которую можно было бы назвать идеальной, представляет собой абстрактное обстоятельство, закрепленное в гипотезе правовой нормы или ряда норм, с которым правовая норма связывает наступление конкретных последствий. Правовая норма не может закреплять в гипотезе определенное указание на обстоятельство, так как предусматривает лишь общие правила и устанавливает идеальную модель обстоятельства, которое возможно произойдет в будущем [6, с. 52–56].

Нормы права являются ценностно-ориентационной категорией. Они выполняют прагматическую функцию, направленную на регулирование общественных отношений. В правовых нормах должны содержаться модели, которые являются необходимыми для осуществления функции регулятора отношений, они должны находиться в противоречии с данными отношениями. Кроме того, они призваны не отражать современную действительность, а менять ее в соответствии с целями и волей законодателя. Совпадение правовой нормы и фактического поведения людей констатирует отмирание ввиду ненужности.

Право можно представить как систему иерархически подчиненных моделей, где в формате общих правовых предписаний происходит создание конкретных правовых типов общественных отношений.

Правовая норма, в качестве регулятора общественных отношений, содержит следующие аспекты:

1) особенности фактических отношений, которые уже существуют;

2) факторы объективной действительности, которые включают: цели и задачи, оказывающие воздействие на регулируемые отношения;

3) необходимость развития и движения отношения согласно определенной нормативной модели [3, с. 50–56].

Стартовой для правоприменительного процесса является юридически значимая ситуация – основание и конечный объект социально-правового организующего воздействия, входящая в сферу регулирования через юридический факт.

Юридическое познание и доказывание представляют собой регулируемый правовыми нормами процесс, который ставит задачей установление действительных прав и обязанностей для правильного применения закона.

Познание и доказывание юридических фактов – это одна из актуальных проблем современной юридической науки. Представление о юридических фактах как о фактах действительности, с которыми правовые нормы связывают юридические последствия (возникновение и изменение правоотношений), не дает полного представления о подлинном их назначении и значении в правовом регулировании [7, с. 127].

Юристы понимают под «фактом» реальность и сведения о данной категории, которые применяются в рамках доказывания, а также средства доказывания. Под понятие «факт» может подходить различный круг феноменов, обладающих двумя общими признаками:

1) «факт» связывается с понятием «единичное»;

2) представление о факте связывается с уверенностью в действительном существовании содержания имеющегося представления.

В данном случае можно установить наличие противоречия, возникающего между онтологическим и гносеологическим толкованием термина «факт». В онтологическом отношении следует понимать факт как событие, определенное явление, предмет в человеческом мировидении и мироощущении.

Философия определяет факт в качестве отражения явления или отдельного отношения. В ретроспективном познании данное понятие не отождествляется с определенным событием, так как факт не является просто событием, существующим вне субъекта, но данным событием, которое отражается в сознании у субъекта, поэтому для него оно представляется фактом [6, с. 87].

Таким образом, можно констатировать отход от традиционного разграничения между объективным и субъективным в рамках структуры факта.

Процесс, связанный с формированием факта, можно охарактеризовать как:

1) подготовку субъекта к получению определенной информации, к определению целей, к наблюдению, к созданию условий, необходимых для исследования реальности, прединтерпретации, которая способна отразить весь процесс, направленный на формирование субъекта познания в качестве специалиста в определенной области, процесс усвоения опыта предыдущих поколений.

2) получение эмпирических данных в случае применения определенных методов познания.

3) обработку (интерпретацию) данных, которые получены. Данная деятельность состоит из выявления и обобщения содержания данных, их выражения специальным языком.

Конечная цель юридического познания состоит в собирании фактов и их последующем обобщении с выведением оснований для решения вопросов.

С учетом всей конкретности прав и обязанностей, их осуществление, собственно, как и правых норм и общих правоотношений, обеспечивается с помощью юридических фактов. Если обратиться к субъективному праву и обязанностям, то следует сказать о том, что, несмотря на то, что их модели находят свою реализацию в материальной жизни и в фактических отношениях, последние правовыми не становятся.

Содержанием юридических фактов становятся явления прошлого и обстоятельства, связанные с настоящим. В правоприменении юридические факты формируются на основании различных социальных обстоятельств, которые называются доказательственными фактами. Данные факторы представляют собой информацию, отражающую определенные следы. Субъекты в рамках доказывания доказывают истину фактами. При этом они используют источники доказательств [8, с. 141].

Доказывание юридических фактов связано с системой мировоззренческих идей, которые, в свою очередь, заложены в праве. В данном плане факты являются и эмпирическими образами конкретных ситуаций реальности и простейшими, обобщенными определениями правовых ситуаций.

Субъективная составляющая факта представляется не только толкованием проинтерпретированных и полученных эмпирических данных в масштабах существующей парадигмы, но и содержит отсылки к основным априорным гносеологическим положениям. Именно данные положения определяют возможность толкования и правила отбора и обобщения материала эмпирического характера.

Факт – это элемент в сфере мыслительной деятельности, своеобразная идея. Аргумент является суждением стороны, основанным на доказательственном факте. Собираение и расположение различных фактов в аргументы требует связи между данными явлениями. Связь, возникающая между фактами, представляет собой конструкцию словесного и умственного характера [2, с. 29].

Далее следует сказать о том, что факт является диалектическим единством субъективного и объективного. В факте информация, полученная из определённого источника, объединяется с субъективной позицией получателя данной информации. Субъективный момент, имеющий связь с личностью субъекта, находит воплощение в определенных фактах. Факт создается путем интерпретации субъектом определенных данных.

В содержании фактического знания вместе с информацией об объектах всегда присутствует конкретный слой знания, который относится к априорным положениям, предшествующим процессу познания и происходящим из рационального опыта освоения и несущим юридико-технический, прагматический характер. В факте присутствует субъективная компонента – идеология, психология, традиция.

Содержание факта является отражением не действительного объекта нашей реальности, а абстрактного объекта, искусственно созданного для выполнения определенной задачи.

Как вывод, факт – это событие, которое устанавливается в результате юрисдикционного процесса и принимается, допускается полномочным органом как результат целенаправленной деятельности, либо произошедшего в реальности. В юридическом правоприменительном процессе происходит формирование юридических фактов.

Ключевой момент процесса преобразования ряда сведений, касающихся фактических обстоятельств дела в юридических фактах – юридическая оценка (квалификация). Квалификация – это организующая составляющая, она управляет процессом сбора доказательственной базы. Содержание данного явления представляет собой установление и юридическое закрепление тождества фактически значимых признаков фактического обстоятельства с признаками юридической модели, отраженной в норме права. При осуществлении квалификации, установленный надлежащим органом образ фактического обстоятельства будет признаваться юридическим фактом и официально получает данное качество. Ошибка, которая может быть допущена в юридической оценке, будет означать приписывание фактам несвойственного для них значения, что приводит к принятию незаконного решения.

Юридический факт – это не привычное знание естественнонаучного типа. Объективно и од-

нозначно, оно отражает реальное событие, но в большей степени является проекцией сложной юридической деятельности, которая несет на себе печать и личности юриста, а также особенности меняющейся ситуации в масштабах отечественной юриспруденции. Следовательно, юридический факт определяется в качестве образа конкретного обстоятельства существующей действительности, принимаемого за истинное. Появление или отсутствие данного образа связано с определенными юридическими последствиями, в том числе с возникновением, изменением и прекращением правовых отношений.

Установление юридических фактов приводит в действие диспозицию и санкцию правовой нормы, иные предписания правового характера, определяет границы возможного и должного поведения всех сторон правоотношений. Связь между юридическими фактами и юридическими последствиями не характеризуется наличием причинно-следственной связи. В данном случае подразумевается связь, которая основана на приказе правовой нормы. Исчезает норма, следовательно, прерывается связь между фактами и последствиями юридического характера.

Библиографический список

1. Александров А.С., Кухта А.А. Судебные факты // Российский судья. – 2007. – № 8. – С. 4.
2. Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. – Владимир: ВГПУ, 2006. – 227 с.
3. Боруленков Ю.П. Юридический факт, как образ обстоятельства реальной действительности // Юридический мир. – 2013. – № 10. – С. 50–56.
4. Боруленков Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правопознания // Юридический мир. – 2009. – № 12. – С. 52–56.
5. Зинченко С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 152 с.
6. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.: Канон, 2009. – 559 с.
7. Новицкий В.А. Теория доказательственного права: Монография: В 2 т. Т. 2. – М.: ЗАО «Пресса», 2005. – 304 с.
8. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. – 257 с.

Арутюнян Аветик Гамлетович

кандидат юридических наук

*Арцахский государственный университет, г. Степанакерт, Республика Арцах
avetiq.hh@gmail.com*

Петикян Сирануш Гарниковна

кандидат юридических наук

*Нижегородский институт управления
Российская академия народного хозяйства государственной службы
при Президенте Российской Федерации
spg86@mail.ru*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (РЕСПУБЛИКИ АРЦАХ) И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В статье представлено описание монографии «Аксиологические особенности Конституции Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах) и проблемы дальнейшего развития конституционализма» и приведен ряд важных выводов, содержащихся в книге.

Ключевые слова: Конституция, аксиология, конституционализм, принципы, республика, конституционные решения, конституционное правосудие.

В настоящее время в правовой системе Нагорно-Карабахской Республики (далее по тексту – НКР), в частности в конституционной плоскости, существуют проблемы относительно осмысления роли и функции 10-летней Конституции [1], исследования содержания Конституции, аксиологического и гносеологического анализа, что подтверждается принятым Президентом НКР Указом от 21 марта 2016 г. «О создании профессиональной комиссии по конституционным преобразованиям при Президенте НКР» [5].

Результатом работы Комиссии стал проект новой Конституции, который был вынесен на всенародное голосование 20 февраля 2017 г. [6]. По итогам референдума новая Конституция Республики Арцах была принята 87,6% голосов избирателей. Руководствуясь ч. 1 ст. 166 новой Конституции Республики Арцах, отметим, что с 10 марта 2017 года на территории Республики действуют положения глав 1–3 и 12 новой Конституции [2].

Следует отметить, что указанные в монографии предложения по совершенствованию положений действующей Конституции НКР учтены при подготовке проекта новой Конституции НКР, в связи с чем выбранная тема исследования характеризуется как актуальная и представляет теоретический и практический интерес.

Отмечая основные тезисы монографии, заметим, что в первой главе изучены существующие в научной литературе определения понятия «ценность», «конституционная аксиология». Предлагаются следующие определения:

– *ценности* – это те существующие в обществе значимые явления, которые имеют для человека незаменимое и фундаментальное значение и обретают жизненность в случае закрепления в правовой системе и проявления со стороны человека ответственного отношения к ним.

– *конституционная аксиология* – научная дисциплина, которая призвана выявлять содержащиеся в Конституции (или в конституционных законах) ценности и устанавливать посредством закрепления в законодательстве механизмы по их реализации в правоприменительной практике, превращению их в неотъемлемую часть образа жизни людей, а также пути утверждения в стране конституционализма через реализацию этих ценностей.

При этом одной из главных миссий конституционной аксиологии является утверждение в стране конституционализма и его дальнейшее развитие.

Уместно упомянуть утверждение М. Преснякова [7, с. 14] о том, что ценность – прежде всего идеал, который показывает не «как делать», а «к чему стремиться». Закрепленные в Конституции нормы-принципы и нормы-цели составляют те столпы и ориентиры, которые представляют собой ценность. Опираясь на них, государство должно определённо проектировать концепцию своего дальнейшего развития. Именно в данном контексте придаётся важность роли конституционной аксиологии. А последняя может достичь своей конечной цели лишь тогда, когда конституционные ценности сознательно воспринимаются и последовательно реализуются как со стороны представителей органов государственной власти, так и со стороны граждан.

Заметим, что основы аксиологического восприятия Конституции НКР были заложены ещё накануне принятия Основного закона, когда со стороны автора монографии было представлено предложение председателю Национального собрания НКР провести перед принятием Конституции НКР разъяснительные, агитационные работы в наиболее густонаселённых пунктах Республики с целью комментирования и пояснения важных положений Основного закона страны посредством непосредственных встреч и общения с населением. Глав-

ный смысл осуществления подобной программы заключался в том, чтобы Основной закон был принят со стороны граждан осознанно и осмысленно.

Поскольку каждая страна руководствуется своей доктриной конституционной аксиологии, перед раскрытием ценностной системы Конституции НКР необходимо учесть, что большая часть тех ценностей, которые закреплены в Конституции НКР, укоренилась в стране и народе ещё в годы формирования НКР, в частности, в Декларации «О провозглашении НКР», принятой 2 сентября 1991 года [3], в Декларации «О государственной независимости НКР», принятой 6 января 1992 года [4], а также в принятых после этого конституционных законах и, пройдя 15-летний «испытательный срок», они нашли «пристанище» в Конституции НКР, что свидетельствует не только об их необходимости и жизнеспособности, но и о том, что эти ценности не заимствованы из международных документов, конституций других стран, и в течение лет стали неотделимой частью образа жизни людей.

В монографии были проведены сравнительные параллели с конституционно-правовыми регулированиями непризнанных государств, что позволило выявить ряд аксиологических особенностей Конституции НКР, в частности:

1. Несмотря на непризнанность, Республика Арцах не уступает по своей ценностной системе не только непризнанным государствам, но и странам, являющимся полноправными субъектами международного права.

2. НКР на конституционном уровне выразила готовность и в добровольном порядке взяла на себя обязательства по соблюдению международных договоров и норм международного права, несмотря на то, что пока не признана на международном уровне. Примечательно, что ряд важнейших положений международных документов закреплён в законодательстве НКР, а в последний период Республика Арцах присоединилась к ряду международных документов и добровольно признала их юрисдикцию на территории НКР.

3. Республика Арцах – единственная на постсоветском пространстве из непризнанных стран республика, которая провозгласила себя также как социальное государство, где гарантируется право на жизнь и однозначно отменена смертная казнь.

4. Республика Арцах отличается от других непризнанных республик также тем, что основные права и свободы человека провозглашены в Конституции как высшая ценность (аналогичное положение можно встретить в Конституции Приднестровской Молдавской Республики). Примечательно, что согласно ст. 3 новой Конституции Республики Арцах, «в Республике Арцах человек – высшая ценность» [2].

5. Несмотря на то обстоятельство, что из рассматриваемых непризнанных государств первой

провозгласила независимость и приняла Конституцию Приднестровская Молдавская Республика, тем не менее, аксиологической нагруженностью выделяется Конституция Республики Арцах, а осуществляемые на её основе демократические процессы в стране, в особенности выборы и референдумы различных уровней, удостоверяются высокими оценками международных наблюдателей и считаются образцовыми, то есть конституционные ценности в НКР носят не декларативный характер, а являются живой реальностью.

Кроме сказанного, отметим, что Конституции большинства упомянутых стран были приняты в первые годы их провозглашения, закрепив такие конституционные ценности, которые не были закреплены в каком-либо правовом документе. В Республике Арцах подошли к вопросу в ином ракурсе: конституционные ценности вначале были закреплены в декларациях, законах, которые в течение лет доказали свою жизнеспособность и лишь после этого нашли отражение в Конституции НКР.

Обобщая анализируемые в монографии различные научные материалы, автор приходит к выводу, что Нагорно-Карабахская Республика не только не может существовать в составе Азербайджана, но и исповедуемые ими системы ценностей являются антиподами при подчёркнутом преимуществе Республики Арцах, строящей демократическое и правовое государство.

Анализируя вопрос закреплённости в конституционной и законодательной плоскостях принципа верховенства права, предлагается идея о том, с опорой на конституционную культуру государства необходимо разработать концепцию верховенства права в правовой жизни Республики Арцах, учитывая современные достижения конституционной науки, которые в состоянии содействовать полноценной реализации данной ценности и на основании этого строить общественную жизнь на основе верховенства права.

С целью формирования однозначного подхода и представления относительно верховенства права и с учётом того, что последнее не закреплено в Основном законе НКР, предлагается текстуально закрепить в Конституции НКР верховенство права и установить механизмы его реализации.

Подытоживая рассуждения относительно верховенства права с позиций конституционной аксиологии, мы приходим к выводу о том, что конституционная ценность – это данное Богом естественное право в границах государства, что предполагает также соответствие законов его содержанию, ограниченность пределов усмотрения индивида и органов публичной власти, что содействует обеспечению сбалансированности и соразмерного развития каждого звена цепи «личность – общество – государство».

В процессе правотворческой и правоприменительной деятельности часто возникает необходимость чётко разделять право и закон. В монографии представлены критерии, на основании которых последние различаются друг от друга. В качестве таких критериев были выбраны источник права/закона, воля, заложенная в основу формирования, возможность ограничения, их взаимосвязанность, наличие правового элемента в праве/законе, воля, выраженная посредством права/закона, а также круг тех субъектов, на которые распространяется право/закон.

Рассматривая народовластие как фундаментальный принцип организации современных государств, в работе обосновывается, что упомянутый принцип был закреплён в основополагающих документах и законах со дня формирования Нагорно-Карабахской Республики, результатом чего является проведение ряда общегосударственных референдумов и выборов.

Но учитывая существующие на практике проблемы, связанные с реализацией данного принципа, в работе предлагается внести определённые изменения в соответствующие статьи Конституции Республики Арцах, в частности, признать субъектом конституционных, законодательных и иных имеющих важное значение для государства референдумов народ, с требованием наличия минимум 10% подписей от общего числа лиц, имеющих право голосования на референдуме, а к субъектам законодательного референдума отнести также Президента, учитывая то обстоятельство, что он наделён правом законодательной инициативы в законодательном органе. Данное предложение учтено при разработке новой Конституции Республики Арцах [2].

Анализируя вопрос о системах управления НКР, в работе выражается мнение, что с 1994 года и до принятия Конституции НКР страна выбрала президентскую модель правления, за которой последовала нынешняя полупрезидентская форма правления, которая не лишена недостатков.

Изучив осуществление принципа разделения властей в конституционных решениях НКР, мы приходим к выводу, что в условиях дуализма исполнительной власти, равно как и нечёткости ме-

ханизма сдержек и противовесов между ветвями власти, полупрезидентская модель правления не столь оправдана. Учитывая нежизнеспособность модели парламентского правления в Республике Арцах и множество вопросов, порождаемых полупрезидентской моделью, также принимая во внимание факт неурегулированности карабахско-азербайджанского конфликта и необходимость иметь в данном контексте сильную и централизованную власть, мы полагаем, что в Республике Арцах предпочтение должно отдаваться президентской форме правления, что и получило свое закрепление в гл. 4 новой Конституции Республики Арцах.

Библиографический список

1. Конституция Нагорно-Карабахской Республики от 10 декабря 2006 г. // Официальные ведомости НКР. – 15.12.20016. – №32 (41).
2. Конституция Республики Арцах от 20 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nankr.am/ru/1977> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Декларация «О провозглашении Нагорно-Карабахской Республики» от 2 сентября 1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.nkr.am/ru/nkr/nkr1> (дата обращения: 07.03.2017).
4. Декларации «О государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики» от 6 января 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.nkr.am/ru/nkr/nkr2> (дата обращения: 07.03.2017).
5. Указ Президента НКР «О создании профессиональной комиссии по конституционным преобразованиям при Президенте НКР» от 21 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.nkr.am/ru/news/archive/page36/3123/> (дата обращения: 07.03.2017).
6. Указ Президента НКР «О проведении референдума по проекту Конституции Республики Арцах» от 19.01.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.nkr.am/ru/news/lawsOrders/3456/> (дата обращения: 07.03.2017).
7. Пресняков М. Конституционная аксиология: к вопросу о сущности конституционных ценностей // Современное право. – 2009. – № 10. – С. 14.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aleksandr I. Chernykh

*Russian State University for the Humanities, Moscow
alex-clever.91@mail.ru*

Concepts “boni” and “amicitia” as categories of elitism within Gallo-Roman aristocracy of the 5th century A.D.

This article analyses the terms “boni” and “amicitia” in the context of Late Roman regional aristocracy and its vision about elitism. The factors such as Barbarian Invasion or Christianisation of the Roman Empire played an important part there. However, during some political events, the authority of Western Roman emperors was constantly decreasing. Thus, the background for centripetal tendencies within Western Roman Empire was created. In light of this local nobles’ power significantly increased. They pretended to take the role of leaders in their regional communities. Meantime, a social specific of the Late Antiquity society led to blur the boundaries between old upper classes and tend to find the new ones, as the result of political-administrative reforms of the 4th century A.D. as well as to include the barbarian chiefs into Roman political system. In such conditions, the regional aristocracy representatives inevitably had to reflect upon who was truly worthy to occupy the leader’s position and what the criterion was necessary for. The answer to these questions gave the opportunity to build an unspoken hierarchy within not only the Late Antiquity society, but also the Late Antiquity aristocracy. Thus, as a result we can talk about political elite, which has taken the role of unspoken leader in any regional community and the role of the coordinator between them, the political centre (nominally, it was Ravenna) and barbarians, settled in the lands of the Empire. Understanding of Late Antiquity’s elitism criterion allows us to understand the role of elites in history.

Keywords: Western Roman Empire, Roman Gaul, Gallo-Roman aristocracy, Christian Church in Gaul, first barbarian kingdoms, Visigoths, Burgundians, political elite.

Sergey A. Kabatov

*Kostroma State University
kabatov74@mail.ru*

Svetlana A. Kurochkina

*The Povolzhye State Technical University, City of Yoshkar-Ola,
Mari El autonomy, Russia
kurochkina-sveta@bk.ru*

Kostroma Volga region rural population’s fishing equipment (on Vyozihi remainings’ archaeological research materials)

The given article considers two groups of fishery equipment. The first group consists of netting devices: net fragments, floats, sinkers, netmaking tools. The fishermen from what is now Vyozihi remainings could use dragnets and set nets. Their sinkers (ceramic and stone) were attached to the lower part, and floats

(made from silver bark and pine bark) were fixed to the higher part. Wood needles and net patterns survived to the present days in among netmaking tools. The second group joins iron fish hooks (multiple and single). They are connected with an individual way of fishing and were for use in catching a big fish. Both groups of fishery equipment were found in the layers of the 16th and 19th centuries. In addition, two categories of findings connected with fishing in the settlement which is now Vyozihi remainings are also distinguished: wood oars and covers of barrels for salting fish. It is worth to remark that fishing was the main source of income for residents of Vyozihi settlement. Commercial fishing prevailed over individual way of fishing. Possibly, it became commercial in the 16th—18th centuries and was for widespread use. Dozens of people could participate in it.

Keywords: groups of fishery equipment, dragnets and setnets, ceramic and stone sinkers, silver bark and pine bark floats, iron fish hooks, commercial and individual fishing.

Marina V. Kochergina

*Bryansk Institute of Management and Business
kochergina_mv@mail.ru*

Valeriy V. Dzyuban

*Bryansk Institute of Management and Business
bryanskstudzuban@mail.ru*

Spiritual relationships with believers of Chernigov and Mogilev governorates of the Russian Empire with their coreligionists in Bukovina, Moldova and Romania

The article is devoted to little-studied aspects of spiritual and religious activities of Old Believers of Starodub and Vetka surroundings, their contacts and communications with coreligionists in Bukovina, Moldova and Romania. These contacts were connected with the reconstruction of hierarchy of the Russian Orthodox Old Believers’ Church outside of the Russian Empire, with the activities of prominent representatives of the Old Believers’ priesthood and dogmatism, people from Starodub surroundings in the territory of Northern Bukovina, Moldova and Romania in the pre-revolutionary and Soviet period.

Keywords: spiritual contacts, Old Believers, Starodub and Vetka surroundings, Romania, Moldova, Bukovina, priesthood contacts.

Marina V. Kochergina

*Bryansk Institute of Management and Business
kochergina_mv@mail.ru*

Copper plastic art monuments from Starodub and Vetka surroundings Old Believers’ spiritual centres: issues of attribution and peculiarities of being current among the Old Believers

The article deals with issues of attribution and existence of the monuments of copper plastic art in the Old Believers’ medium; what were their major spiritual centres, were Starodub and Vetka surroundings. The research’s topicality is connected with the pres-

ence of these centres in the area of consequences of the accident at Chernobyl nuclear power plant and diffusion of these works of copper plastic art. The collection of these monuments can be found in museum collections of Russia, the Ukraine and Belarus. This complicates the issues of attribution and identification of the monuments. The authors emphasise the need for joint research of scientists from Russia, the Ukraine and Belarus to preserve the artistic heritage of the Russian Orthodox Old Believers of these religious centres.

Keywords: Old Believers, Starodub and Vetka surroundings, copper plastic art monuments, artistic heritage.

Sergey V. Arhipov
*Academy of the Penitentiary Service
of the Russian Federation, City of Tver
justice4@yandex.ru*

**The issue of the land colonisation policy
of Russia in the 19th century:
organisational and legal support**

The article deals with the legal regulation and institutional design of various forms of land use used in the nineteenth century aimed at the implementing of the government programme of colonisation of the outskirts of the Russian Empire. The legal acts enshrining various ways of land management by the persons moving to the vacant lands of the Caucasus, Siberia and the Far East are analysed in the article. What is showed, are the activities of the competent authorities for the preparation and implementation of the activities related to allotment of land of immigrants, which was carried out in different forms: sale, rent, donation. The article considers in detail the conditions under which the allotment of land occurred. The choice of form of tenure used in the process of development of the Russian Empire, depended on the performance of colonisation in general.

Keywords: relocation, migration, colonisation, land-use, Ministry of State Property, Anatoliy Kulomzin, land rent, land grants.

Igor' S. Menshchikov
*Kurgan State University
ygor@bk.ru*

Vyacheslav A. Maksimov
*Kurgan State University
maksimovya4eslav2017@yandex.ru*

**Social deviations in a Russian peasant family in
the second half of the 19th—the early 20th century
(materials of local courts)**

Transformation of modern Russian society is accompanied by changing of social norms. As the consequence of such phenomenon, the cases of the deviant behaviour are observed more and more frequently. We can find similar situation in the Russian history in the age of modernisation. The authors of the article examine the manifestations of deviant behaviour in Russian peasant family in the second half of the 19th—the early 20th century. Drawing on archival documents and the writings of ethnographers and lawyers, the authors ex-

plore the appeal of the representatives of the peasantry in local court against the members of their families. It is established that what was the most common, was poorly treated peasant wives, complaining of drunkenness, extravagance and ill-treatment with husbands. There were husbands complaining about the immoral behaviour of wives who left their families. The authors come to conclusion that the documents of local courts are valuable and interesting sources for studying.

Keywords: social norm, social deviation, Russian Empire local court, peasant everyday life, traditional culture, Russian peasantry, peasant family.

Ivan D. Tanasov
*Penza State University
ivan-tanasov@list.ru*

**Social composition of Penza Mutual Loan
Association in the years of new economical policy**

The aim of the report is to analyse the social composition of Penza Mutual Loan Association (PMLA). The problem under study is the process of social composition changes under the state policy influence and Penza Mutual Loan Association as the organisation meeting the requirements of businessmen in loans. Our aims are also to study the goals of the PMLA creation as they were seen by the state and businessmen; the state policy influence to the changes of the association's clients; the analysis of the PMLA members' quantity by social groups.

Keywords: new economical policy of Soviet Russia, social composition, businessmen, mutual loan association.

Anton V. Karpov
*Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
antonkarpov1993@yandex.ru*

**Social sphere of a post-war provincial town
(in terms of Cherepovets)**

The article is devoted to the research of some social conditions in the life of citizens of provincial town of Cherepovets of the 1940s. The development of social infrastructure is considered in the article, the author directly points at the weak degree of social sphere development. The author analyses the problems of the population: shortage of houses, the absence of water and sewerage, power outages, the lack of roads and public transport, shortage of personnel, food shortage. The situation in the spheres of healthcare and education was a little bit better as about 83% of budget was spent on them. The matter of the fact is that the World War II was not the reason of Cherepovets' weak social sphere development in the second half of the 1940s. The war has just exacerbated the acute problems. In conclusion, the author underlines that in the early post-war period, Cherepovets faced the typical difficulties of that time. A lot of Soviet Union cities faced the same problems. But there were not preconditions for the socio-economic development of Cherepovets.

Keywords: urban daily, health, education, social development, living conditions, provincial town.

Nikita S. Danyuk

*Russian University of the Peoples' Friendship, Moscow
danyuk@isip.su*

“Colour revolutions” as a tool of the U.S. foreign policy for ensuring global dominance in the context of the emerging new world order

The article looks into the U.S. foreign policy strategy aimed at achieving global dominance and describes mechanisms for implementing this strategy, which include instigation of political instability in countries and regions by means of “colour revolution” technologies. The author shows that the U.S. aspiration for global dominance is based on the ideology of “expansion of democracy” in the context of the emerging new world order. The author points out that to achieve its goals, powers that be in Washington use the tool of “colour revolutions” to put economic and political pressure on the Russian Federation, since the current Russian ideology considers the land to be a stabilising and at the same time “detering” factor that keeps the U.S. from achieving global dominance and consequently the establishment of a unipolar world order.

Keywords: United States, Russia, global dominance, “export of democracy”, “color revolution”, U.S. foreign policy, new world order, international relations.

Natal'ya I. Gorlova

*Plekhanov Russian Economic University, Moscow
gorlovanai@yandex.ru*

Olympic movement volunteers in Russia: historiography issue

We present the study of the historical science of the evolution of the Russian national Olympic volunteer movement, the history of its institutional development, sociocultural characteristics and key characteristics is described. The stages of the development of historiography on the problem under consideration have been singled out and characterised, conclusions on the formation of the concept of the history of the development of Olympic volunteering in 2010—2014 have been made. Today, there is the period of institutionalisation of the movement of the volunteers of the Games. On the basis of historiographic analysis, various aspects of the topic were examined, which gave an objective assessment of the formation of the Olympic volunteerism, as well as the activities of the volunteers of the Games themselves. Historiography is represented by numerous modern scientific researches, publications and general collective monographic studies. Most of them are favourably distinguished by a historical excursion of the development of the Institute of Olympic Volunteering, a synthesis of modern unique regional practices for creating favorable conditions for involving citizens in the field of volunteerism, forming an effective system (infrastructure) for supporting and managing volunteer work. These works successfully combine scientific activity and practical work in the field of volunteerism. They made it possible to move on to the question of studying volunteer activity as a social and civil phenomenon, from accumulating

material to its generalising analysis and putting it into practice.

Keywords: volunteers, volunteers, volunteerism, Olympic movement, Olympic games, historiography, volunteer activity.

SCIENCE OF LITERATURE

Anton V. Anashkin

*St. Tikhon's Orthodox University
miles-an@rambler.ru*

Epistolary trace in Byzantine church canonical erotapokriseis of XIIth century (on the material of canonical erotapokriseis by Niketas, metropolitan of Herakleia)

The paper examines a little-studied topic in the Byzantine philology. Genre determination of Byzantine erotapokritical literature is a very important aspect of studying of texts in format of question-and-answers that was widespread in Byzantium and became one of the most preferred ways of organizing and imparting knowledge. Unfortunately, this topic is little-studied. Since genre nature of questions and replies is subtle the very decision of the problem is in the research of their content. A genesis and genre nature of Byzantine church canonical erotapokriseis (ἐρωταποκρίσεις) by Niketas metropolitan of Herakleia (XII c.) is the subject of our research. The text is unexplored as a monument of ecclesiastical thought because of its marginality. Basing upon the analysis of the structure and language of the text the author comes to conclusion that the actual practical («businesslike») correspondence between Niketas metropolitan of Herakleia and an unknown for sure person is the basis of the text.

Keywords: Byzantine erotapokritical literature, Byzantine questions-and-replies, canonical erotapokriseis, church correspondence, Niketas metropolitan of Herakleia.

Andrey V. Golubkov

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
andreygolubkov@mail.ru*

Beside Molière: the French “Ridiculous Précieuses” in the 1650s – 1660s

The article is devoted to the analysis of the important phenomenon of the French 18th century aristocratic culture – to preciosity which is most brightly presented in Molière's play “Les Précieuses ridicules” (1659). Its main characters, Cathos and Magdelon whose prototypes served hostesses of the two most known mid-17th century Parisian salons (Catherine de Vivonne (marquise de Rambouillet) and Madeleine de Scudéry), in the household behaviour drive the gallantry principles, popularised in secular society, to the point of irrationality. Main attention is paid to précieuses' images which were created quite simultaneously with Molière: initially, this female type was perceived in a positive vein, however in late 1658—early 1659, considerable change of public opinion was observed, the criticism of précieuses accrued in the creative work of Antoine Furetière, Jean de La Fontaine, Anne Marie Louise d'Orléans, Claude Le

Petit and other writers. Molière as a result appears the embodiment of this sarcastic direction.

Keywords: Molière, préciosité, gallantry, French aristocratic culture, salons, satire.

Nadezhda F. Lishchenko

*Russian Literature Institute of the Russian Academy of Sciences (Pushkin house), Saint Petersburg
nadezhdalishchenko@yandex.ru*

**Prerevolutionary regional materials
on folkish holidays (in terms of publications
on Yuletide in Pskov governorate)**

The author of the article traces back the characteristics features of the description of calendar holidays found in regional pre-revolutionary sources. The article reviews publications about Yuletide using mostly local periodicals issued in Pskov governorate till 1917 as an example. What were the basic sources, were “Pskov Governorate News” (1838—1917) and “Pskov Diocesan Gazette” (1894—1917). The communal affiliation of the people who collected materials with folk and ethnographic component is determined. The main reasons making the local historians address to folk themes are noted: these are personal curiosity and the metropolitan experience, adopted outside of metropolitan areas. Geographical affiliation of materials is generally determined by the life circumstances of a collector: place of residence and work. The descriptions of the folk calendar festivals in the regional folklore studies of the pre-revolutionary period are not equivalent to each other: from mentioning a few features in the context of the overall narrative to delving into details. Most of the materials are evaluative and presented in the journalistic style. The collectors of materials about folk festive culture were usually aware of the specific nature of the folk holidays, which was a synthesis of the Christian and pagan elements. The article singles out three tendencies in perception of the dual nature of the folk calendar holidays by the pre-revolutionary collectors: the opposition of the church and the pagan; preference to the Christian tradition; the description of archaic wealth. Of particular interest in the Pskov province are the Christmas night gatherings, arranged in Toropets surroundings. The change in the tradition of the Christmas night gatherings can be noticed in the 19th century publications.

Keywords: traditional folkish culture, regional folklore studies, folk calendar holidays, Yuletide, night get-together at Yuletide, collectors, folklore programmes, governorate gazettes, diocesan gazettes.

Anastasiya I. Basenko

*Ivanovo State University
anastasiabasenko@mail.ru*

**«That’s my favourite play...»: the premiere
of the play «Parasha Sibiryachka» written
by Nikolai Polevoi on the theatre stage
and in the literary criticism**

The article deals with the play «Parasha Sibiryachka» written by Nikolai Polevoi in 1840. The premiere of the play on the stage of the Alexandrinsky

Theatre in a benefit performance of Varvara Asenkova with the participation of Vasily Karatygin and Ivan Sosnitsky became an outstanding event in the literary and theatrical life of Russia in the 40-s of the XIX century. The plot contains «a true well-known story» – the story of an ordinary girl Praskovya Lupolova, the daughter of an exile, who had gone on foot from Siberia to Moscow to meet the emperor and pray for forgiveness of her father. The article reveals the genre features of the text, author’s intention and the specificity of the adaptation of original story for the stage made by the playwright. The analysis of the play is built on the criticism – the theatrical reviews by V. Belinsky, F. Bulgarin, R. Zotov and the other reviewers of the journal «The Repertoire of the Russian Theatre», which contain a lot of valuable observations on the actor’s performance of «Parasha Sibiryachka» for understanding the artistic originality of the text.

Keywords: Nikolai Polevoi, history of Russian drama, Russian drama theatre, Parasha Sibiryachka, repertoire, genre, true story, drama, actor, audience.

Yuriy V. Lebedev

*Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru*

At the cradle of Alexander Ostrovsky’s drama

Alexander Ostrovsky’s drama is genetically connected with prose. His plays fall out to cycles of household scenes which possess a set of the conflicts not developed yet, but already going ripen. Itself the process of drama birth in a stream of daily life attracts him in the drama rather than the result. At the beginning of the career, Ostrovsky would enter into creative polemics with Ivan Turgenev, and Turgenev’s drama soon yielded the palm to Ostrovsky’s drama being less distinguished, but more democratic and nationally implanted in Russia. Psychologically complicating characters and heroes, filling the drama with rich epic contents, Ostrovsky comes back to Alexander Pushkin’s tradition rather than following Nikolai Gogol or Ivan Turgenev.

Keywords: natural school feature article genres, Turgenev’s drama Vs Ostrovsky’s drama, genetic links of Ostrovsky’s dramas with prose, Alexander Pushkin’s traditions.

Nataliya G. Koptelova

*Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru*

**Dmitry Filosofov’s review of Moscow Art Theatre
staging «Uncle Vanya» by Anton Chekhov (1901)
in the context of spiritual and aesthetic searches
of the Russian symbolists**

What is in the article, is Dmitry Filosofov’s review of the MAT staging of “Uncle Vanya” shown in St. Petersburg on February 19, 1901. It is proved that this work which is objectively programming many lines of spiritual and aesthetic searches of the Russian symbolism in the field of literature and theatre allows to reconsider partly Dmitry Filosofov’s place in culture of the Fin de siècle. Is shown that the named review in a certain measure prepares the concept of Chekhov’s

creative work developed by Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius lays the ideological foundation of the Russian symbolism, plans milestones of the movement to “new religious consciousness”. It becomes clear that Dmitry Filosofov’s review of the MAT staging of “Uncle Vanya” supports and in many respects catalyses the wave of searches of “the new drama” which has arisen in a bosom of the Russian symbolism more widely – modernism. It is noted that Dmitry Filosofov already outlines the concept of the future theatre, which destroys the ramp, resurrecting the tradition of the festive Dionysus’ action, activating the audience and involving them in the performance (later this concept will be most fully unfolded in the works of Vyacheslav Ivanov). He also precedes a number of provisions of article of Valery Bryusov “The Unnecessary Truth”. After Dmitry Filosofov, Valery Bryusov protests against a reconstruction on the stage of reality, rejects installation on “illusion”, supporting convention of theatrical forms. We claim that in Dmitry Filosofov’s review, the main milestones of the concept of the article of Zinaida Gippius “On Theatre” are planned. It is emphasised that Zinaida Gippius not only leaned on the aesthetic foundation laid by Dmitry Filosofov but also was guided by the principles of his critical method.

Keywords: Dmitry Filosofov, Anton Chekhov, “Uncle Vanya”, Moscow Art Theatre, symbolism.

Oksana N. Ushakova
Kostroma State University
oks19011986@mail.ru

**Music concept in collection of poetry
“Embarcation for Cythera” by Georgy Ivanov
in the lights of Russian classic poetry tradition**

The artistic concept of music developed in verses of the collection of poetry “Embarcation for Cythera” (1937) by Georgy Ivanov, that allows to understand the author’s outlook more deeply, is considered in the article. Its evolution is traced. It is proved that the concept of music in Georgy Ivanov’s collection of poetry originates in creative experience of many Russian poets (Gavril Derzhavin, Vasily Zhukovsky, Mikhail Lermontov, Innokenty Annensky and others). It is shown that what is connected with the concept of music of Georgy Ivanov, is reconsideration of steady images of the Russian classical literature – the sea, the moon, the candle, the boat, the carriage-and-three – built in a certain associative array in “Embarcation for Cythera”. It is emphasised that Georgy Ivanov actively connects the Russian romanticism and symbolism traditions when forming the concept of music. Special attention in the article is paid to poetic dialogue of Georgy Ivanov with Alexander Blok which turns into a lyrical-philosophical dispute on “music” as elements which own the world. A conclusion that “music” in the said Georgy Ivanov’s poetry collection is presented in the different figurative embodiments – in sounds and scratches, song, tune, violin music, ukulele music, jingle-bells, howling winds – is made. The cat-

egory of music of the collection of poetry “Embarcation for Cythera” is a link between life and death, good and evil, lyrical hero’s past and present. It becomes clear that lack of motif of “music” in poems is a symbol itself: it means emptiness, death of the hero’s soul far from the homeland.

Keywords: Georgy Ivanov, poetry, music concept, romanticism, symbolism, function of world view, Russian literature tradition.

Yelena P. Rashchevskaya
Kostroma State University
rashchevskaya@mail.ru

**Daniil Andreyev’s journalistic style
and the traditions of the Russian Silver Age
artistic synthesis**

The genesis of the complex artistic synthesis created by Daniil Andreyev in his book “The Rose of the World” is revealed in linguistic and culturological analysis. At the level of intraliterary synthesis, the author of “The Rose of the World” poetises prose, uses stylistic techniques and elements of the journalistic style of speech, in the external literary synthesis he creates the mythology of his own and provides utopian projects of religious and state reforms. If poeticised and stylised prose, the author’s mythology of Daniil Andreyev’s “Rose of the World” are associated with the Russian Silver Age, then the journalistic style and religious reformist utopia – with the cultural style of the mid-20th century. It is revealed that, in the traditions of the times, Daniil Andreyev uses the journalistic style as the possibility to discuss social problems and to find the ways of their solution through the general idea of Russian religious philosophy: deified human spirit and deified matter. Daniil Andreyev’s artistic synthesis combines the social interests of the realist writers of the 20th century with the experience of the Silver Age Russian modernists.

Keywords: artistic synthesis, realist writers, modernist writers, spiritual sphere polarisation, mythology, myth creative work, poeticised prose, journalistic style, social problems, religious and state reforms, realistic symbolism, signifying creative principle, transparent realism, spirit, spirituality, deified spirit, deified matter.

Andrey S. Morozov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
morozoff111@yandex.ru

**The narrative features of the early works
by Andrei Bitov (collection of short stories
“Pharmaceutical Island” and the novel “He Is Me”)**

The article considers the narrative features of the early works by Andrei Bitov – short stories from the book “Pharmaceutical Island” and the novel “He Is Me”. Already at the initial stage of the creative ways of Andrei Bitov formed a special artistic look. The writer represents inner world of a character in short stories and in the novel. The central subject of the writer’s image is the inner world of man and the nature of its reflection. Andrei Bitov sets the dialogical relationship between the author-narrator and the character to con-

vey the thought process of character. At the same time some of the writer's characters can be considered as his literary alter ego. Although the characters are different from each other as the types, they embody not only their personal experience of the characters, but Andrei Bitov's reflective and life experiences. At a time, when the author builds a special relationship of narrative instances, he frequently uses autocommentary text within the work itself – it allows to find the elements of narrative game in Andrei Bitov's works. What is the problem field of Andrei Bitov's creative work, is an experience of interpretation of reality and man's inner world through writing and through the word.

Keywords: Andrei Bitov, narrative game, author and character, reflection, narrative instances, autocommentary, inner world.

Yaroslava Yu. Muratova

*Gorky World Literature Institute, Moscow
y_muratova@mail.ru*

The myth in the story «Ragnarok. The end of the Gods» by A. S. Byatt: the narrative specifics

The article considers the specific features of form and contents in the work by A. S. Byatt "Ragnarok. The End of the Gods" (2011), in which the writer retells the Scandinavian myth about the end of the world borrowed from the book "The Asgard and the Gods" by the 19th-century German philologist Johann Wilhelm Ernst Wagner. It is not just the "retelling of the retelling" that makes A. S. Byatt's work peculiar, but the story is told by two persons – a "thin child" – A. S. Byatt's childish self and her adult voice. The crosscultural nature of the myth allows for other pretexts to be inserted into the fabric of the story such as some autobiographical details, John Bunyan's "The Pilgrim's Progress", the Bible, Darwin's "The Origin of Species", some elements of Romantic aesthetics of William Wordsworth, Samuel Taylor Coleridge, George Gordon Byron. Subsequently the myth starts functioning as an allegory translating A. S. Byatt's idea about contemporary anthropogenic problems jeopardising our world.

Keywords: A. S. Byatt, Ragnarok, Bunyan, Charles Darwin, myth, retelling, allegory, eschatology, intertext, generic issues.

Igor V. Peshkov

*City of Moscow
ivpeshkov@gmail.com*

The origin of category of authorship and casus of Shakespeare

The problem of origin of authorship is considered from the point of view of phenomenology of Mikhail Bakhtin. In the history, the theoretical side of the problem coincides with the phenomenon of Shakespeare and his epoch: the problem of the origin of authorship in the golden age of English literature and the problem of the author of Shakespearean canon are very closely interwoven. Shakespeare authorship question is the result of the theoretical underestimation of Shakespeare phenomenon in genesis of contemporary authorship.

With a correct theoretical view, the biographical aspect of the problem is not of the first priority: the question does not require an actual answer, but needs its adequate statement. In any decision, we are dealing with the pseudonymous character of the name "William Shakespeare" in connection with the definitely established fact of the participation of several persons in the creation of Shakespeare's works.

Keywords: origin of authorship, Mikhail Bakhtin, Shakespeare, Shakespeare authorship question, golden age of English literature, pseudonym.

Aleksey N. Koptsov

*Moscow Pedagogic State University
alexeykoptsov1991@mail.ru*

The "working" theme in the early prose of Alexander Serafimovich

The article discusses the problems and artistic peculiarities of short stories by Alexander Serafimovich, dedicated to the "working" theme. The image work in the literature many times was studied by philologists, it was studied only the social aspect of the problem: not much attention was paid to the portrait of the hero, its psychology and the psychology of storytelling. The author of the article analyses the early production stories by Alexander Serafimovich from the perspective of the physiological genre of the essay, notes the naturalistic style of the stories, makes the assumption that the writer continue the tradition of Russian literature of the mid-19th century and at the same time an art experiment that is testing Western naturalism of the end of the century on the basis of Russian realistic art.

Keywords: Alexander Serafimovich, story, essay, physiological essay, democratic literature, realism in literature, naturalism in literature, industrial theme, working class, proletariat.

SCIENCE OF LANGUAGE

Yelena G. Knyazeva

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
helen_27@mail.ru*

Cognitive linguistic mechanisms of a speech act

The article discusses cognitive linguistic mechanisms of a speech act. It highlights the importance of pragmatic cognitive aspects in the process of communication. While investigating into the mechanisms of a speech act, the author analyses dominant parameters of the content. The process of communication is considered to be a poly-pragmatic group of linguistic means combined into a multidimensional system to make a positive or negative impact on the addressee. The article shows the communicative language culture paradigm as a speech act model with its variability, form of linguistic etiquette and communicative message strategy, including the evasion. When considering the process of communication, the author describes the factors relevant to the addresser and the addressee language behaviour.

Keywords: speech communication, linguistic cognitive mechanisms, linguistic means, addresser, ad-

dressee, communicative adaptation, linguistic world picture, conceptual world picture.

Aleksandra V. Zvyagintseva
Moscow Pedagogic State University
sashulik82@list.ru

Conceptual sphere of the text and levels of its realisation

The article is devoted to the study of the information structure of the text. The text is a product of speech-thinking activity, in which some piece of reality is reflected. From the point of view of cognitive science, the article touches upon linguistic and extralinguistic factors that predetermine the production of the text and its perception. The researchers study the text as a human culture phenomenon. Thus, the utterance can be considered to be a mentally-linguistic model of knowledge of the world and the language. All this is expressed in the conceptual sphere of the text. The article analyses the following levels of the presentation of the conceptual sphere of the text: lexical, syntactical and intonational. The article focuses on the fact, that not only lexical and syntactic levels of the text can be considered to be a means of objectification of some fragments of reality. Intonation also fulfils this function.

Keywords: text, conceptual sphere of the text, concept, associative field of the word, intonation, prominence category.

Irina V. Odintsova
Lomonosov Moscow State University
odintsova.irina@gmail.com

On the problem of correlation of the notions “text” and “discourse” in linguistics and linguodidactics

This article analyses the correlation of concepts of “text” and “discourse” in linguistics. Academic text in foreign language teaching practice is seen as a “tool” or an “instrument” of the formation of foreign language discourse. It is proved that the goal of learning a foreign language should be considered the formation of academic discourse, the mastery of a foreign language is a discursive process, and the result is the creation by the student of secondary discourse and of “secondary”, own, text.

Keywords: discourse, text, studies, student, lingual didactics.

Oksana A. Yevtushenko
Volgograd State Technical University
ksenja22@yahoo.com

Specifics of cooperative communicative strategy in the administrative discourse

The article reveals the essence and significance of communicative strategies within the administrative discourse. The author considers such strategies as liquefaction, maintenance of hierarchical relations, violation of hierarchical relations within this discourse. The author focuses on strategies for maintaining hier-

archical relations that prevail in the modern world of management communications. As to the main types of these strategies, the author refers to veiling, manipulation, cooperation, persuasion and impersonalisation. A conclusion is drawn about the overwhelming majority of cooperative strategies elected by the boss which is connected with the cooperative and convincing nature of modern administrative communication. What is noted, is the importance of studying these strategies in order to optimise administrative communication in general.

Keywords: communicative strategy, manipulation, discredits, administrative discourse, maintaining of hierarchical relations strategy, persuasion, cooperation.

Kseniya S. Kryukova
Kostroma State University
krukovaksenia@gmail.com

Functioning of transformed proverbs in the Internet space: the genre aspect

Intensification of linguistic processes in the Internet space makes an undeniable contribution to the development of the modern Russian language. Language is subject to all sorts of transformations at all levels, Russian proverbs in the Internet space are not only played, but also reinterpreted and used in modified form. The transformation takes place in the proverbs of different genres of online communication (informative, decision-making, communication, presentation, aesthetic, recreational). However, the proverbial changes occur in these genres with different degrees of intensity, which indicates the various functions of the different genres and propensity of participants to create transformed proverbs in identified areas of Internet communication. Which are the most active in transforming the proverbs, are lyricists communicative and informative genres, and more broadly transforms of proverbs are presented in interpersonal dialogue of participants of Internet communication. The reason for this activity is the desire of participants to communicate online to make their own network image original and memorable. The texts of informative genres, this phenomenon appears as a means to attract viewers' attention, the result of the “struggle for the reader” and is observed mainly in the headers of certain materials and articles. Using proverbs transformations has its own specific genre in the policy: due to the fact that advertising texts are designed to create a positive image of the promoted product, not all the proverbs are used as a means of expression, but only those that contain a positive connotation. In the texts of other genres of online communication, proverb transforms are represented with lesser frequency.

Keywords: occasional phraseology, Russian proverbs, occasional transformations, Internet communication.

Oleg R. Rostov
 Ivanovo State Polytechnical University
 olegrost@gmail.com
Pavel M. Tamayev
 Ivanovo State University
 ptamaiev@mail.ru

**Live word as a expression of the folkish identity
 in observations and in the treatment
 of Vladimir Dahl: key concepts of patriotism
 and organisation of Russian life**

The relationship lexicographical and literary practice of Vladimir Dahl is noted by linguists and literary critics. In this article, on the material of “Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language”, works of Vladimir Dahl from the collection “Soldiers’ Leisure Activities” (but mainly the essay “What Is the Fatherland?”) analyses the semantics nominations of the fatherland, motherland, native land. We also attract also material articles of the 1830s to the 1840s (“On the Russian Proverb”, “One and a Half Words of the Current Russian Language”, “The Pendent Article “One and a Half Words of the Current Russian Language””). The patriotic idea of which semantics of nominations are studied are key not only for the understanding of ideas and axiology of Dahl’s “clubbing all good” as “a folk book”. They “cross-link” the people’s enlightening (upbringing) concept that is implemented in conjunction Vladimir Dahl’s works. The special treatment of Dahl concerning the patriotic concepts reflected in the interpretation of their nominations in the Explanatory Dictionary and in the essay, based on the total ancient semantics of the word “land”. It suggests, in particular that the army is a form of the organisation of Russian folk life in general; we consider conceptual-semantic lexemes people (troops), fatherland (hometown, birthplace), lord (tsar) to be the links of the same chain.

Keywords: strata of Russian ethnocultural and ethnolinguistic consciousness, elitist Vs folkish (“simple”) culture, fatherland, Russian (native) land, land – people & army, army – people, form of organisation of people’s everyday life.

Yuliya A. Vasil’eva
 Astrakhan State University
 gis_00@mail.ru

**Ergonymicon of the City of Astrakhan:
 lexical-semantic
 and word-formation characteristics**

The maintenance of “ergonym” concept and a successful ergonym creation way are revealed in the article. Structural-semantic and word-formation characteristics of names of the commercial enterprises of the city of Astrakhan, regularity of their emergence and functioning in linguistic space of a modern Russian city are given by the author. The main ways of formation of Astrakhan ergonyms, considered among the most productive ways, are defined. A conclusion that Astrakhan ergonymy develops in line with the general tendencies of the Russian language change with such characteristic features, as pun, americanisation, diatopism, is made.

Keywords: onomastics, ergonym, structural-semantic and word-formation characteristics, toponyms, characteristic words, words with obscure semantics, nominator, ergonymy.

Yelena V. Gvozdeva
 Plekhanov Russian Economic University
 gvozdeva_15@mail.ru
Nadezhda S. Zhuravlyova
 Plekhanov Russian Economic University
 piter333@bk.ru

**The study of literary texts containing the dialect
 lexis in the class of Russian as a foreign language**

Teaching Russian as a foreign language puts, along with the development of language skills, the task of forming lingual-cross-cultural and lingual-culturological competencies. The article suggests to consider the method of expansion of the linguistic inventory and immersion in the natural language and cultural environment as reading of artistic literature containing dialect lexis. The authors explain the advisability of introduction of dealitisms in teaching foreigners the Russian language. The knowledge of these words is of great interest and has practical value: they contain a rich of information about the history of the language, territory and modern realities in which the foreign students are being studied. It is easier for students to get adapted in the language environment. The information they get during the classes can be used by them in everyday communication. The article highlights the experience of studying literature that contains dialectisms using the works of the writer Jefim Ćestnjakov from Kologriv surroundings as example. The authors have developed a system of before-the-text and after-the-text exercises that helps to solve the main tasks of the educational process in this field.

Keywords: Kostroma patois, dialect lexis, Jefim Ćestnjakov, Russian language as foreign, communicative competency, lingual-cross-cultural competency, lingual-culturological competency, natural language environment.

Natalia N. Zhuravleva
 Kostroma State Agricultural Academy
 n.juravleva@mail.ru
Yelena A. Krasilshchik
 Kostroma State Agricultural Academy
 helenkr@yandex.ru
Liudmila A. Poputnikova
 Kostroma State Agricultural Academy
 poputnikova@rambler.ru

**Grammatical transformations in translation
 from Germanic languages into Russian
 (on the examples of mechanical engineering
 web texts)**

The article is devoted to the analysis of grammatical transformations in translation of mechanical engineering web texts from Germanic languages into Russian. Scientific and technological progress and development of sales not only at the level of selling highly technological machines and equipment but also at the level of technology exchange, actualise the problem of adequate technical translation, the translation

of web sites of engineering and manufacturing companies in particular. Stylistic of the texts under study demands fidelity of the translated information, however, literal or loan translation of grammatical structures is not always strongly adequate due to interlingual and etymological differences. The suggested research provides a detailed study of different types of grammatical transformations, considering stylistic peculiarities of technical style of Germanic languages and Russian. Such a study contributes to improving the quality of engineering web site translation, adding dictionaries and also can be used as illustrative material in teaching Germanic languages methodology.

Keywords: translation transformations, grammatical transformations, kinds of grammatical transformations, translation theory and practice, translating technical texts, web sites translation, Germanic languages.

Aleksey B. Chernyshyov

*Municipal public scientific-experimental fund
«The Verbal Environment», City of Rybinsk, Yaroslavl Region
alexeich_78@mail.ru*

Dative model in the French language set phrases

The objective of the article is analysis of actualisation of French preposition à as a preposition representing Dative in some phraseological units. A theoretical value of the paper is to show fundamental role of the preposition in generating a sense and imagery of the phraseological unit. The researched material includes classical and modern French literature. Topicality of the topic is proved by using fundamental researches devoted to problems of preposition-and-case interaction. Semantics of the preposition à is investigated from the point of view of spatial grammar and cognitive modelling. Spatial grammar implies a scene, where a preposition stands for relator between the “figure” and “the background”. As for cognitive modelling, it is based on understanding of schematic mental pattern reproduced in each contextual meaning of the preposition. The method of representation of the cognitive model is specified by introduction of concept “denotative segment”. The denotative segment as a term is used in this paper not as a representative sign, but as a characteristic of imagery representation of the cognitive model. The denotative segments are not components of the cognitive model, they represent it as pattern, as an idea, they are engaged in constructing the pattern. The denotative segments of the cognitive model include configurations splitting into single meanings. 18 examples with phraseological units containing the preposition à were analysed in the article. These phraseological units are regarded as a special type of the configuration of the cognitive model of the preposition corresponding to semantics of the “deep” Dative. The analysis of the material entails a conclusion that the types of relations between the objects, where à is a relator, imply the idea of functional unity of objects under a vector direction of one object to another. This type of relations fully corresponds to the idea of the “deep” Dative. It also enables to verify a

hypothesis of the cognitive model of the preposition, which actualises the Dative.

Keywords: Dative, preposition, cognitive model, unity.

Zemfira T. Azizova

*Kostroma State University
zema-abdul@mail.ru*

Linguoculture, symbolising the peculiarities of Islamic culture in the Russian historical novel (based on the works of Vasily Yan “Genghis Khan”)

What is discussed in the study topic, is related to the lexical and cultural aspect of linguistics. The object is a historical novel “Genghis Khan” by Vasily Yan. The text of the novel stands out language units (linguoculture), which symbolise the Islamic culture from different angles. Among the linguo-cultural ones, are aphorisms, intertexts, sketchings, exoticism, toponyms, and anthroponyms. These units are used in describing the various aspects of human life: household, religious, social aspects. In semantic interaction, they provide an overall picture of the Islamic culture of medieval Asia. The article provides a discursive analysis of linguistic units and reveals their cultural and national specificity which are indicated by some linguistic terms; we also reveal the importance of foreign-language lexemes presented in the text of the novel in the form of exoticism. The research is topical, as it is an integral part of the linguistic analysis of literary text. In the article, the work of art is seen in its national and cultural identity.

Keywords: dialogue of cultures, Islamic culture, aphorism, intertextuality, linguo-culture, national-cultural specificity, exoticism.

JURAL SCIENCES

Tat'yana S. Kovalenko

*Kostroma State University
kovalenkots@mail.ru*

Judicial independence: stumbling blocks and ways to overcome them

The purpose of this article is to study the problems of actual implementation of the principle of independence of the judiciary and to find ways to overcome them. The current legislation, theoretical developments of scientists and statistical data allows us to draw the following conclusions: 1) external (institutional) independence presupposes the functioning of the judiciary autonomous from other branches of power Systems; 2) internal independence consists of two elements: the internal corporate independence of judges (independence from the influence of court leaders, the judiciary in the administration of justice) and the individual (subjective) independence of judges. It is associated with a desire for continuous improvement of professional skills, intolerance of manifestations of unethical behaviour, the formation of sustainable psychological attitudes to the service of law.

Keywords: court, judge, judicial power, independence, judges' institutional independence, judges' internal corporate independence, judges' individual (subjective) independence.

Ol'ga N. Artyushina

*Kostroma State University
peoln@yandex.ru*

Marina V. Prokhorova

*Kostroma State University
m89159092166@gmail.com*

Certain surrogacy issues in Russia

Basing on the studies and analysing the legal fundamentals of surrogacy in the Russian Federation and some other foreign countries, the article deals with the problematic issues related to the application of this institution in practice. The family, as we know, plays a fundamental role in the formation and development of personality, and also carries out the reproductive function, which forms the demographics of the state. Unfortunately, today, infertility cases families are common, therefore the mechanism of surrogacy has found a wide application. However, in the legal regulation of the institution of surrogacy can be traced to a number of legal gaps, which complicates the use of this institution and gives rise to differences in jurisprudence. In this article, we will consider the problem of refusal of a surrogate mother from yielding the child, and we will make an attempt to address some of the legal issues of legislation improvement in the sphere of the duties of a surrogate mother in the surrogacy agreement.

Keywords: surrogate motherhood, surrogacy agreement, the genetic parents, assisted reproductive technologies.

Viktor A. Glazkov

*Didorenko Lugansk Internal Affairs Academy
naukalavd@mail.ru*

The problem of democracy in the conditions of formation of the statehood of the so-called Lugansk People's Republic

This article deals with the functioning and development of the institution of democracy in the countries of transition. The author substantiates the thesis that there is an impact of political relations on the development and implementation of democracy in the formation of a statehood transition period due to the instability of the democratic traditions of governance, lack of political consensus on the main tasks of the state. The main properties of the states of the transition period consists in influence of the formation of statehood. The directions of the neutralisation of the negative factors of social, economic, political and legal issues on the efficiency of democracy are named in the article.

Keywords: state, democracy, statehood, transition period, political system, electoral system, economic system reform efforts.

Aleksandr I. Levchenkov

*Didorenko Lugansk Internal Affairs Academy
naukalavd@mail.ru*

Corruption as a shade regulator of social relations in transition-type states

This article attempts to identify the socio-economic "roots" of corruption, to determine why corruption in the countries in transition is an active shadow regulator of social relations. In particular, we are talking

about the laws and the inevitability of the existence of this phenomenon in the countries in transition, which in turn is connected with the peculiarities of the implementation of their economic cycle, economic and political relationships, and the dominance of the latter in all spheres of society. Dropping out of the economic cycle its main component – the production of material and spiritual wealth, or find it in the "flawed" state automatically leads to an increase in the role in this process is a part of the distribution and its media in the face of government officials at various levels, and therefore the strengthening of corruption trends in society. In such circumstances, transitional state is limited in the choice of means, methods and spheres of legal regulation, both within the State and in the international arena, especially in the implementation of its social policy.

Keywords: corruption, transition-type state, government, society, industry, economic freedom, political freedom, national idea, consolidation.

Sergey V. Smirnov

*Kostroma State University
sergey-1977-04@yandex.ru*

Information and analytical activities of local government: political and legal research

The author analyses the process of formation of information and analytical activities of local self-government bodies. The author of the article concludes that information and analytical activities are independent functions, occupy a different place in the activity of local authorities in different periods of time. Initially, the function of socio-political analysis was the main one. Over time, the need for it has disappeared and the function of informing citizens about the activities of the city administration came to the fore.

Keywords: information, analytical activity, function, local government, public administration.

Ol'ga N. Artyushina

*Kostroma State University
peoln@yandex.ru*

Yegor I. Lyovin

*Kostroma State University
levinegor96@mail.ru*

Certain issues of using a local referendum as a sovereignty-of-the-people form

On the basis of studying and analysis of theoretical bases and practices of applied law on local self-government, the article discusses one of the major forms of democracy, which is enshrined in law – a local referendum. Unfortunately, this form of democracy remains unclaimed. From the analysis of practice, we can see that it mainly applies static and is only of the questions of municipalities and of self-taxation of citizens. Moreover, most of the local referendums are held because of the initiative of local governments, rather than citizens. The article reports and analyses the causes of these problematic issues, which include some identified gaps in the legislation which deal with issues for submission to local referendum.

Keywords: local self-government, local referendum, issues submitted to referendum, citizens, public.

Dmitriy M. Shirokov

*Public prosecutor's office in Kostroma Region
investigator44@mail.ru*

Andrey M. Shirokov

*Saint Petersburg Jural Institute (branch) of Academy
of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
ashirokov44@mail.ru*

On the subject of criminalistics from the standpoint of prosecutorial activity

The article expresses the opinion that the prosecutor, in accordance with the criminal procedure law criminal prosecution, should use the knowledge accumulated by criminology to effectively achieve the goals and objectives of its activities, to ensure the inevitability of punishment as one of the basic principles of criminal justice. The authors believe that in their activities the prosecutor should not only formally accumulate information that comes to it in the criminal case. The study of the materials of the case, the interaction with the investigator, the subsequent maintenance of public prosecution, should be accompanied by a balanced system and analytical work based on the practical application of scientifically grounded forensic recommendations. At the same time, the development of private forensic methods is carried out and is based on the general theory of criminalistics, in which the prosecutor does not actually figure. Knowledge of criminology is subject to and adapt to the specific nature of the activity that the prosecutor performs on a daily basis. The authors come to the conclusion that the goal of effective application of criminalistic knowledge could be the expansion of the subject of criminalistics, but only insofar as the prosecutor, being a full-fledged subject of criminal prosecution, is reflected as the subject of applying this knowledge in the specifics of its activities.

Keywords: forensic recommendations, prosecutorial activities, criminal prosecution, the subject of forensic science.

Dmitriy I. Provalinskiy

*Krasnoyarsk State Agrarian University
dmi38288850@yandex.ru*

Grants – development pathways: Russian and foreign experience

The relevance of the article is due to the fact that grants are not a fully studied legal phenomenon, the potential of which for solving the most significant social problems is still not widely used. Measures of grant support for the Russian system of law are a relatively new phenomenon, the existence of which does not last for three decades, while in European countries and the United States, such a form of support, in its modern

sense, has existed for more than a hundred years, is firmly entrenched in financing, social, scientific, educational and cultural projects, has shown certain advantages in comparison with budgetary financing. This state of affairs gives the author an opportunity to propose his own vision of some issues related to the use in practice of foreign experience of grant activities. In particular, the article formulates separate proposals on the application by Russian grantors of approved procedures for reviewing grant applications, granting grantees free access to the results of the review of the grant project, as well as the reasons for the rejection of grant applications.

Keywords: grant, grant support measures, grant activities, government support, grantor, grantee, grant activities legal regulation.

Narmina A. Atesheva

*Kostroma State University
narmina_mamedova@icloud.com*

Valeriy V. Golubev

*Kostroma State University
w.w.golubev@gmail.com*

The procedure of acquiring lawyer's status: experience of Russia and foreign countries

On the basis of the analysis of legal and theoretical regulation, certain issues concerning the lawyer status acquisition order, which exists in the Russian Federation, are considered in the article. It is established that the named order serves as a peculiar filter designed to limit access to legal profession to persons who have insufficient level of theoretical knowledge and practical skills and, as a result, are not capable to give the qualified legal aid to principals in the subsequent. At the same time, statistical data show that at the moment, the procedure of training applicants on lawyer's status acquisition does not cope with the solution of the objective fully, and is therefore inefficient. For the purpose of identification of optimum ways of its improvement, the comparative analysis of the Russian legislation on legal profession and the current legislation of France, the People's Republic of China, Japan, the Republic of Armenia and the Republic of Moldova is provided in article. Fundamental difference of the Russian experience from the foreign one, providing obligatory passing by applicants of a professional training, is emphasised by the authors. Arguments in favour of expediency of introducing into the legislation of the Russian Federation the amendments establishing passing of an obligatory training by lawyer status obtaining applicants, are adduced.

Keywords: advocacy, legal status of admission to practice in foreign countries, qualifying examination procedure for obtaining lawyer's status, internship of applicants for obtaining lawyer's status.

Yevgeniy A. Tsyplyonkov

*Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation, City of Nizhny Novgorod
tsyplyonkov@mail.ru*

Issue of understanding a jural and a jurisdictional fact within the framework of Russian judicial power: problematic aspects and opportunity

The article discusses the need to expand the theory of jural facts, feasibility and advisability of introducing the concept of “procedural fact,” its significance for legal theory and practice. It should be noted that the problematic of the legal facts theory in the modern period is a priority area for research.

Keywords: jural fact, jurisdictional fact, judicial power, action, inaction, event, expedience.

Yevgeniy A. Tsyplyonkov

*Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation, City of Nizhny Novgorod
tsyplyonkov@mail.ru*

Arkadiy V. Shindyapin

*Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation, City of Nizhny Novgorod
tsyplyonkov@mail.ru*

Jural facts: their content's and interpretation's topical aspects

Jural facts are of tremendous interest for modern science which is an evidence of this phenomenon's significance and of the significance of separate aspects of understanding and interpreting it. The idea that has emerged (that jural facts are actual reality's facts being connected with jural repercussions, according to legal norms) does not give idea on their true purpose and

role in legal regulation. A jural fact is defined by the author herein as an image of a concrete circumstance of actual. Emergence or absence of the said image is due to certain legal effect, including establishing, amendment and termination of relations or break-off.

Keywords: jural fact, jural cognition, competitiveness, proving, image, actual reality's circumstance.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Avetik G. Arutyunyan

*Artsakh State University, City of Stepanakert,
the Republic of Artsakh (Nagorno-Karabakh Republic)
avetiq.hh@gmail.com*

Siranush G. Petikyan

*Nizhny Novgorod Management Institute of the Russian Academy
of National Economy and Civil Service under the President
of the Russian Federation
spg86@mail.ru*

Axiological peculiarities of the Constitution of the Nagorno-Karabakh Republic (the Republic of Artsakh) and challenges of further constitutionalism development

The description of the monograph “Axiological peculiarities of the Constitution of the Nagorno-Karabakh Republic (Republic of Artsakh) and challenges of further constitutionalism development” is presented in the article, and a number of important conclusions which the book contains is adduced.

Keywords: Constitution, axiology, constitutionalism, principles, republic, constitutional ruling, constitutional public justice.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2017 – Т. 23 – № 2

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 31.05.2017.
Дата выхода в свет 04.07.2017.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 27,8.
Уч.-изд. 28,9 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 187.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна